

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Александра ЛИСИНА
ТЕМНЫЙ ЭЛЬФ.
ВЛАДЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Annotation

Тирриниэль иллс Л'аэртэ — владыка Темного леса и самый могущественный эльф на Лиаре. Вернее, он был таким, пока его не поразил неизлечимый недуг. Единственная его надежда — отрекшийся от престола сын, которого он когда-то собственноручно отлучил от рода. Но шансов на возвращение наследника практически нет. Другие претенденты на престол слабы. В отсутствие сильного владыки Темному лесу грозит катастрофа... Но тут на окраине леса объявляется никому не известный эльф, при виде которого в сердце Тирриниэля вновь оживает надежда. Последний маг из правящего рода, прямой потомок Изииара... Вот только юному эльфу трон и даром не нужен. И чтобы его переубедить, владыка Темного леса вынужден пойти на крайние меры.

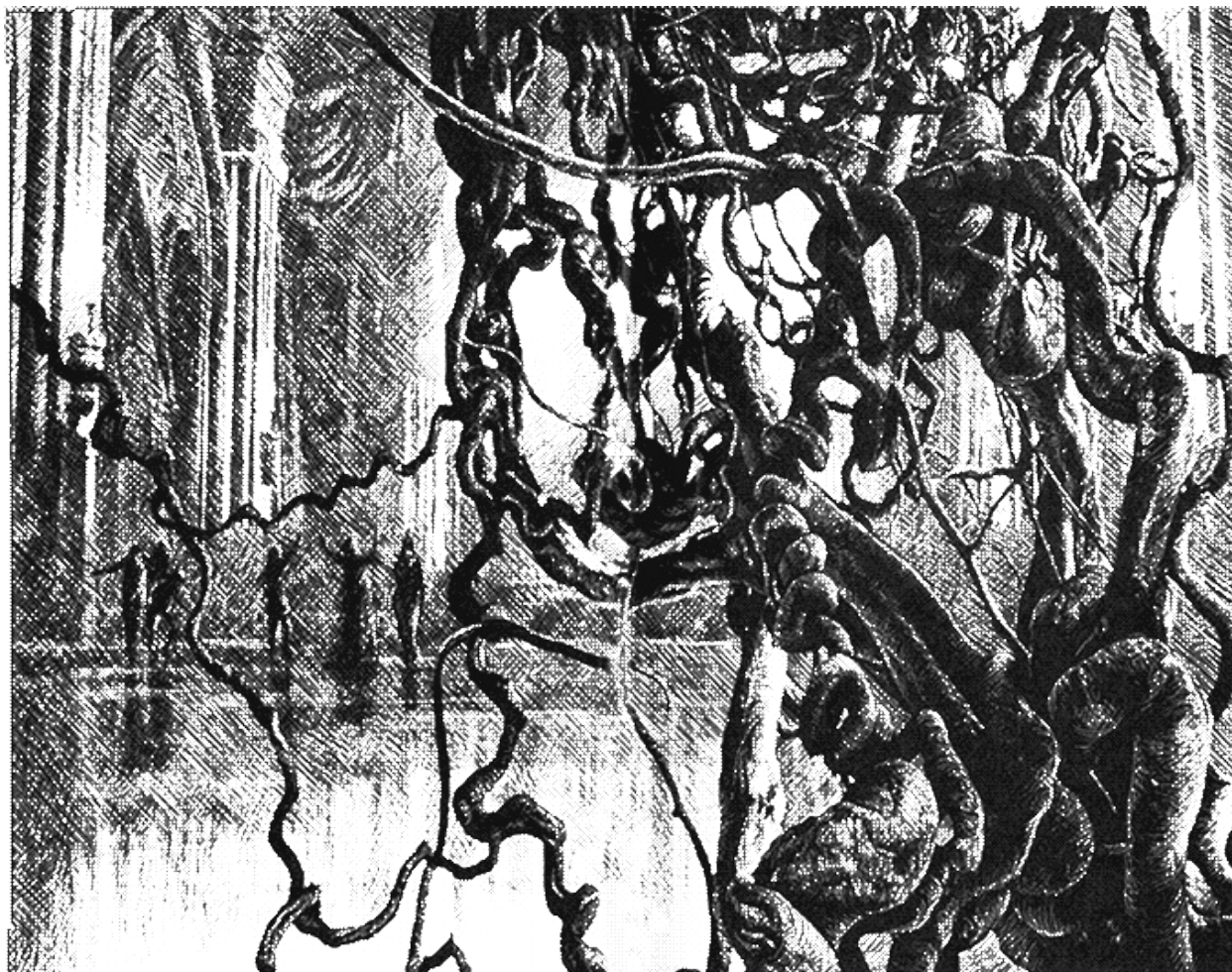

- [Александра Лисина](#)

-
- [ПРОЛОГ](#)
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)

- [ГЛАВА 21](#)
  - [ГЛАВА 22](#)
  - [ГЛАВА 23](#)
  - [ГЛАВА 24](#)
  - [ГЛАВА 25](#)
  - [ГЛАВА 26](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
-

Александра Лисина
ВЛАДЫКА

ПРОЛОГ

Говорят, когда на Лиаре умирает светлый эльф, над Светлым лесом целый месяц висят свинцовые тучи, а солнце слегка тускнеет в знак траура по погибшему. Когда приходит время темного, над местом его гибели неделю плачет небо и рвутся от молний черные тучи. Если погибает гном, безутешно стонет мать-земля, а где-то в глубоких пещерах рассыпается в прах один из сталактитов. И только смертные неслышно приходят в эту жизнь, незаметно живут и чаще всего так же незаметно умирают.

Неизвестно, кто из перворожденных придумал песнь прощания, — древние хроники не сохранили имени смельчака. Никто доподлинно не знал, что за сила таится в ее строках и какую власть она обретает над безумцем, рискнувшим раньше времени призвать Ледяную богиню. Но каждый живущий на Лиаре был уверен: стоило кому-то из эльфов пропеть ее вслух до конца, как незваная гостя непременно забирала его душу. Милосердно давала отпить из своей чаши напиток скорби и манила за собой, будто питала к бессмертным какую-то тайную слабость.

Слова и мелодия были стары, как сама жизнь. Зовущие, мягкие, нежные. Просто красивая песнь для той, чья поступь легче воздуха и чье ласковое прикосновение — последнее утешение для обреченного. Ничто не способно противостоять этой магии. Никому не под силу остановить смерть, если слова песни прозвучали полностью. И лишь одно препятствие сумели поставить ей перворожденные — песнь возрождения, чьи слова напитаны такой же древней эльфийской магией.

Но вот беда: мало осталось на свете владеющих этим знанием и еще меньше — безумцев, готовых поспорить со смертью за уже отлетающую душу, которая твердо вознамерилась уйти.

ГЛАВА 1

Встань, о сраженный под сенью звезды.
Встань и стряхни белой смерти оковы.
Встань, павший воин, со мной и иди
Туда, где рассвет занимается новый.

Ступай лишь вперед, идущий во тьме.
Сумей различить в этом мраке мой шепот.
Поверь, он разгонит все тени на дне
И заглушит их призрачный хохот.

Дорога длинна, но и ей есть предел.
Ты снова устал, но теперь это радость,
Ведь тем, кто не чувствует боли от ран,
Мой зов не подарит покой или благодать.

Ты жив. Это правда, и помни о ней,
Пока ищешь выход из темного плена.
Ты жив. Ты способен вернуться, поверь,
И вновь возродиться из серого тлена.

Спеши на мой голос, пока я сильней
Сомнений твоих, твоей боли и страха.
Спеши, возвращайся, надейся, сумей!
Найди эту дверь из крошечного мрака!

Я жду тебя, павший, на той стороне,
Где солнце ласкает холмы и дороги,
Где ветер шумит в зеленой листве
И где тебя встретят родные пороги...^[1]

В теплый летний вечер на постоялом дворе в самом центре Борревы было слишком многолюдно. Точнее, людей-то здесь как раз не наблюдалось, зато всяких других — не протолкнуться. И с двумя, и с четырьмя ногами; с хвостами, с лапами и даже с длинными ушами.

Возле высокого забора с бледными от волнения лицами стояли пятеро темных эльфов, судорожно сжимая рукояти клинков и тщательно следя, чтобы никто из любопытных не вздумал сунуть сюда свой нос. Рядом с ними находился воевода Лево́й заставы, в чьих темных радужках едва заметно тлела надежда. Внутри этого импровизированного живого ограждения молчаливыми глыбами застыли в неестественных для скакунов позах два громадных мимикра. Карраш тесно прильнул к плечу Таррэна, Ирташ осторожно поддерживал низко склонившуюся Белку, а между ними лежал хранитель, которому жить оставалось совсем немного.

Линнувиэль был невероятно бледен. Изможден, будто намерзши его забрали с королевских каменоломен, где он пробыл не менее пары-тройки десятилетий. Черты красивого лица заострились, зеленые глаза потускнели и теперь напоминали два темных провала в бездну, в которой уже истаивали последние живые искры. Белоснежная рубаша оказалась безжалостно распорота на лоскуты, наглядно демонстрируя причину угасания эльфа, — четыре глубокие отметины на его левом плече выглядели совсем свежими. Почерневшие края ран красноречиво говорили; не жилец. И это было бы совершеннейшей правдой, если бы над умирающим не лилась тихая, чарующая песня, которая могла затронуть даже самые закосневшие души. Древняя, как сама жизнь, до отказа напоенная эльфийской магией, а потому способная противостоять даже почти завершенной песни смерти.

Белка, сидя на земле и положив голову эльфа себе на колени, бережно придерживала руками его заострившийся подбородок. Низко наклонившись, тихо пела для него, заставляя замерших эльфов цепенеть от осознания смысла происходящего и лихорадочно искать ответы на нескончаемую череду вопросов. Она не смотрела по сторонам — прикрыв глаза, Гончая старательно вспоминала знания, переданные ей много лет назад другим магом, чей разум хранил немало бесценных подсказок. А Ирташ исправно вбирал в себя излишки ее силы, чтобы не всполошить всю округу творящимся здесь таинством. Точно так же, как Карраш незаметно вбирал в себя отголоски магии Таррэна, сплошным потоком вливавшейся в изможденное тело хранителя.

— Плохо, — беззвучно обронил в тишину Шранк, и Сартас немедленно к нему повернулся.

— Не получается?

— Не то чтобы... — Воевода покачал головой. — Вашего хранителя укусила самка мимикра... помнишь ту гиену, чей прикус так не понравился Белику? Так вот, они ядовиты, их слюна растворяет даже гномью сталь. А

уж если попала в кровь, да еще и в кровь мага, то пиши пропало. Таррэн пытается обезвредить заразу, но, боюсь, даже его сил может не хватить: прошло слишком много времени. Там все насквозь должно разьесть — сердце, кишки, печень... Удавлю этого молчуна, если выживет! Гордость ему, видите ли, не позволила сказать! Сейчас только родовой перстень удерживает его на грани. Да еще Белик, хотя не могу сказать, насколько его хватит.

— Откуда Белик знает песнь жизни? — пораженно откликнулся Корвин. — Этой магией в полной мере владеют только хранители!

— Сам у него спроси.

— Н-нет, спасибо, — отчетливо содрогнулся темный эльф, и Шранк понимающе усмехнулся. — Обожду до следующей жизни, пожалуй. Скажи лучше, зачем мы тащили Линнувиэля сюда? Почему нужно делать это во дворе, а не в комнате?

— Потому что Карраш не пролезет в окно.

— При чем тут Карраш? — опасливо покосился на мимикра Маликон.

— При том, что в его присутствии любая магия сходит на нет, — спокойно пояснил Шранк.

Перворожденные быстро переглянулись.

— А...

— Все, — устало выдохнула Белка, неожиданно поднимая голову и отстраняясь от хранителя. — Больше слова не помогут: он жив, но резерв почти истощен. Даже с нашей помощью ему не хватит сил на борьбу. Надо что-то иное.

— Он вернется? — напряженно спросил Таррэн, крепко схватив Линнувиэля за изувеченную руку и неотрывно следя за волной магии, благодаря которой все еще мог удерживать собрата по эту сторону реальности.

Гончая отрицательно качнула головой.

— Сам не видишь? У тебя резерв наполовину пуст, я от него руки вообще не убираю, а яд даже не начал выходить. Придется резать по живому.

— Это убьет его.

— Ты знаешь другой выход? Он почти допел песнь смерти, и теперь даже я не сумею его вернуть. По крайней мере — так... — Белка вдруг прикусила губу и быстро покосилась на благоверного.

— Я не могу просить тебя об этом, — прошептал Таррэн, прекрасно зная, о чем она не договорила.

— Если ничего не сделать, он умрет. Линнувиэль слишком стремился

на ту сторону. Он хотел уйти, понимаешь? Иначе не решился бы спеть. Твой собрат недалеко, его еще можно вернуть, но его разум темен и пуст. У него нет семьи, нет возлюбленной и детей, к которым он мог бы тянуться. Нет дома и того, кто ждал бы его там. Нет ничего, что могло бы нам помочь. Конечно, ты можешь попробовать ему приказать, но, боюсь, сейчас он не услышит. И я знаю лишь одно средство, как заставить его забыть о смерти.

— Бел, ты уверен, что это хорошая идея? — обеспокоился Шранк.

— Нет, — тоскливо вздохнула Белка, но тут же встряхнулась. — Ладно, времени в обрез. Корвин, Маликон, держите его за вторую руку. Атталис, Аззар, навалитесь сверху. Таррэн, когда скажу — режь, да поглубже, чтобы яд выходил, иначе мы его не спасем. Когда кровь пойдет чистая, закроешь магией и перебинтуешь. Ирташ постережет периметр и проследит, чтобы твоя магия не утекала в никуда. Готовы?

Эльфы без лишних слов подошли и стремительно заняли положенные места. Сразу четыре пары рук вцепились в хрипло дышащего Линнувиэля и вопросительно повернулись в сторону побледневшей Гончей. Они еще не знали, на что соглашаются, но были готовы на все, чтобы сохранить Линнувиэлю жизнь. Слишком мало хороших магов осталось у темного народа. И еще меньше — хранителей. И за потерю одного владыка с них потом обязательно спросит.

— Хорошо, — сглотнула Гончая. — Попробуем его вытащить. Но, если у меня не получится, не обессудьте.

— Давай, — неожиданно кивнул Сартас. — У него все равно нет шансов. Делай, что задумал, и не оглядывайся — мы не станем мешать. Слово.

— Признание, однако, — невесело улыбнулась Белка.

После чего стянула перчатки и обхватила голову умирающего эльфа руками — так, что левая ладонь легла ему на затылок, а правая коснулась покрытого испариной лба. Затем склонилась к его бескровным губам, на мгновение замерла, будто перед прыжком в холодную воду, и едва слышно выдохнула:

— Ли-иннувиэ-эль...

Перворожденные одновременно вздрогнули.

— Ли-иннувиэ-эль... — пропела она чуть громче.

Ласково, будто звала домой дорогого сердцу мужчину. Настойчиво, трепетно. Звала так, что невозможно не откликнуться, но... Ничего не случилось. Гончая немного осмелела и снова заговорила. Таким мягким вибрирующим голосом, что у перворожденных невольно дернулись руки и

нервно застучали потревоженные сердца.

— Линнувиэль, ты меня слышишь?

Затем — короткая пауза. И снова:

— Линнувиэль, вернись...

С изящных пальчиков Белки сорвалось несколько изумрудных искорок, чувствительно кольнувших прохладную кожу эльфа и на мгновение осветивших рассыпавшуюся под ней полупрозрачную сетку вен. И молодой хранитель наконец дрогнул. Точно так же, как неверяще дрогнули перворожденные, которых тоже зацепило этой странной магией.

Гончая слабо улыбнулась и, найдя нужный тембр, позвала еще раз, но уже требовательнее и настойчивее:

— Линнувиэль, вернись. Ты слышишь?

Тишина.

— Вернись, эльф, еще не время. Ты мне нужен, хранитель.

И снова — гнетущее молчание.

— Услышь меня, остроухий... Возвращайся к свету. Ты помнишь его? Помнишь, как светит солнце? Как шелестит трава поутру и поет ивовая лурска?^[2] Помнишь рассвет над священной рощей? Неужели ты не хочешь встретить его снова? Линнувиэль?

С губ хранителя сорвался короткий вздох, больше похожий на стон, его ресницы затрепетали, пальцы непроизвольно сжались, а ноздри шумно раздулись, старательно ища источник будоражащего разум запаха, от которого быстрее бежала по венам кровь и учащалось сердцебиение. К нему хотелось идти, хотелось стремиться к этому чуду, хотелось дышать им еще и еще, наслаждаясь каждым мгновением.

И он неуверенно качнулся навстречу.

— Я жду тебя, Линнувиэль, — шепнула Белка, почти касаясь его губ.

«Зачем?» — едва слышно откликнулась чужая мысль.

— Потому что я так хочу.

«Кто ты?»

— Приди и узнаешь. Ты же хочешь понять? Чувствуешь, как сильно бьется сердце? Тогда поверь: сейчас не твоё время. Ты должен вернуться.

«Белик?!»

— О да. Ты все еще жив, эльф, и я не пущу тебя на ту сторону. Иди ко мне. Возвращайся...

Она говорила и говорила, крохотными шажками выводя его душу из мрака. Линнувиэль будто просыпался от долгого сна, инстинктивно тянулся к ней и все быстрее шел навстречу самому восхитительному запаху, который только знал в своей жизни, — запаху эльфийского меда, щедро

приправленному ароматом смертельной угрозы.

Корвин замер, тщетно пытаясь вытравить из своей головы этот вкрадчивый голос, от которого начинали потеть ладони и пугливо трепетало в груди сердце. От вида двусмысленно прильнувшей к собрату Гончей его передернуло, но вскоре это прошло, и теперь эльф со все возрастающим беспокойством следил, как жадно дышит молодой хранитель и настойчиво тянется навстречу, ища в пустоте... кого? Или что?

Корвин боялся даже подумать.

У Маликона тоже закаменело лицо. Но отвращения к двуликому пацану, как ни странно, не было, потому что зов ударил и по его истерзанным нервам. Он неожиданно поймал себя на том, что тоже тянется навстречу. Желает подойти, коснуться и выяснить, каким образом у Белика получается разжигать кровь, заставляя ее кипеть, бурлить и вызывать нескромные мысли. Необъяснимые, пугающие, смешанные с растерянностью и каким-то ревнивым беспокойством. Что это? Почему он не может отвести глаз? Что за магия в этом лице, в этом голосе? Что за сила, если после каждого слова сердце сходит с ума и рвется наружу? Мальчишка... обычный человеческий мальчишка. Полукровка, которого в другое время убили бы на месте! Но эти глаза... Торк! Нет сил от них отвернуться!

Аззар и Атталис, которых тоже пробрало до самых печенок, намертво сжали зубы, вцепившись в хранителя клещами. Напряженные, смятенные и полностью растерянные, но с каждым мигмом все сильнее поддающиеся пугающему очарованию Гончей.

— Линнувиэль лерре Л'аэртэ! — вдруг властно произнесла Белка, одновременно отстранившись, и в этот момент эльф широко распахнул глаза.

Он непонимающе моргнул, еще не до конца осознав случившееся. Но почти сразу нашел источник голоса, за которым упорно шел из мрака, и уперся в два бездонных голубых колодца. На мгновение замер, смутно узнавая, но уже не в силах устоять перед магией древних рун. Затрепетал, словно попавший в сеть мотылек, жадно вдохнул медовый аромат. И, едва в глубине глаз Гончей загорелись призывные изумрудные огни, вдруг потерял голову — неожиданно рванулся, выворачивая суставы, разрывая связки и грозя расшвырять собратьев по сторонам.

— Держите! — рявкнул Таррэн, наваливаясь на него с удвоенной силой.

Перворожденные прижали бьющегося в судорогах хранителя к земле, но тот все рвался и рвался на волю. Эльфам пришлось приложить массу

усилий, чтобы удержать его и не позволить коснуться Гончей, но Линнувиэль не собирался сдаваться — ее зов был сильнее боли, страха и даже смерти, потому что противиться этим чарам Ледяная богиня не могла. Ведь именно для этого они когда-то и создавались.

— Он... слишком силен... — выдавил Корвин, изо всех сил наваливаясь на мечущегося хранителя. — Аззар, Агталис...

— Держу! Маликон, еще!

— Сейчас... только бы магией не шарахнул!

— Не должен — он ослаб.

— Ослаб?!

Но тут Белка опомнилась и бережно провела кончиками пальцев по щеке мечущегося по земле хранителя.

— Тихо, Линни, тихо. Все хорошо.

Она снова наклонилась, позволив ненадолго заглянуть себе в душу, и Линнувиэль послушно затих, но при этом неотрывно смотрел в позеленевшие глаза и понимал, что не забудет их до конца своих дней.

— Белик...

— Вот и славно, — печально улыбнулась Белка, и одурманенный эльф открыто улыбнулся в ответ. — Он мой. Таррэн, давай, он больше не будет рваться.

Таррэн без промедления вспорол кожу на изуродованном плече и чуть сдвинулся, когда из раны широким потоком хлынула темная, почти черная кровь. Линнувиэль болезненно дернулся, но тут же снова успокоился, потому что на лоб легла прохладная рука и милосердно забрала его боль. А вместо боли пришли умиротворение и необъяснимый покой, которых он никогда прежде не знал. От аромата эльфийского меда кружилась голова, от звуков чужого голоса неровно стучало сердце и сами собой отступали печали. Все потеряло сейчас значение — и боль, и сомнения, и прежние страхи. Свежая рана на плече. Покрытый кровавыми разводами нож в руке молодого лорда. Даже ошарашенно вззирающие сверху собратья, надежно придавливающие его тело к холодной земле и неотрывно следящие за каждым движением.

Кажется, только сейчас — лежа в луже собственной крови, темный эльф неожиданно понял, для чего жил все это время. К чему стремился, о чем мечтал. Никогда прежде он не чувствовал себя таким поразительно цельным. Не верил, что такое бывает. И вдруг со всей ясностью осознал, почему лорд Торриэль так трепетно бережет своего удивительного мальчишку. Этого странного полукровка, которого порой хотелось удавить. Линнувиэль также понял, что больше никогда не поднимет на него руку.

Позволит творить все, что душе угодно, даже называть себя гадким именем «Линни», лишь бы когда-нибудь, хотя бы раз в жизни, иметь возможность почувствовать то, что открылось ему сейчас.

— Все хорошо, — неслышно вздохнула Гончая, осторожно отстраняясь и отводя от эльфа горящий взгляд. — Я не дам тебе умереть. Веришь?

— Не уходи, — хрипло шепнул эльф, внезапно испугавшись, что это чудо безвозвратно исчезнет.

— Закрой глаза, — велела Белка, и он послушно смежил веки. — Тебя это больше не касается, младший хранитель знаний. Боли нет, а значит, ты снова свободен. Ты жив, Линнувиэль, и сейчас быстро уснешь. Ты ведь сделаешь это, мой ушастый друг?

— Да.

— Не разочаруешь меня? Не помрешь, как собирался?

— Нет. Не стану.

— Хорошо, — смягчившись, шепнула Белка в остроконечное ухо. — А теперь спи, эльф, и помни, что я тоже всего лишь сон. Просто красивый сон, которого ты больше никогда не увидишь.

Линнувиэль слабо улыбнулся и моментально провалился в темноту, а потому не увидел, как поспешно она убрала руку с его лба. Как стремительно отодвинулась, наблюдая за быстро светлеющими потоками крови из очищающейся раны. Не почувствовал, как Таррэн вливает в его тело живительную силу под бдительными взглядами мимикров и слегка ошалевших сородичей, на глазах у которых только что совершили настоящее чудо. Он не видел, как спешно готовятся для него чистые лоскуты. Как умелые руки сноровисто перевязывают рану, смазывают чем-то тягучим и желтым, до боли напоминающим свежесобранный мед. А в скором времени ее края сами собой начинают спаиваться в одно целое... Линнувиэль ничего этого уже не видел. Он спал. Снился ему на удивление странный сон, в котором он стоял на знакомой с детства поляне и с благоговением смотрел на свой родовой ясень. А затем медленно опустился на колени перед старым деревом, на котором впервые за много тысячелетий расцвел маленький белый веток.

Он знал, что так не бывает, но во сне вдруг показалось, что это правильно. Что именно так должно быть. А когда Линнувиэль наконец склонил перед ясенем голову, признавая прежние ошибки, то родовой дракон, обвивший могучий ствол, вдруг приоткрыл тяжелые веки и до самого дна пронзил его душу удивительным взглядом бездонных, удивительных, неправильных, но таких знакомых голубых глаз...

Белка отползла от жадно впитывающего магию эльфа подальше и зябко обхватила себя руками.

— Малыш? — обеспокоенно поднял голову Таррэн.

— Делай, — прошептала Гончая, пряча лицо в коленях. — Пусть будет не напрасно. Пожалуйста, спаси его. Я справлюсь.

— Карраш, присмотри.

Мимикр сместился в сторону, в мгновение ока закрыв хозяйку собой, и застыл, выискивая возможных безумцев, рискнувших потревожить его сокровище. Но таковых вокруг не оказалось — перворожденные благоразумно отвернулись и сделали вид, что вовсе ни при чем. Белка благодарно обвила руками шею Карраша, тихонько вздохнула и снова замерла, страшась витающего вокруг запаха крови и старательно не думая о том, во что может превратиться лежащий неподалеку мужчина, если она хоть на волосок сегодня ошиблась.

— Малыш... — Сильные руки мужа бережно подхватили ее, прижимая к широкой груди. — Линнувиэль выживет. Поспит побольше, пополнит резерв, а когда через пару дней придет в себя, то даже не заметит разницы. Рука будет действовать так же, как раньше. С ним все будет хорошо.

Она только кивнула.

— Тогда я посплю, ладно?

Таррэн обеспокоенно заглянул в ее потускневшие глаза, но не увидел там былой ненависти. Только горечь и тревогу за жизнь одного непутевого эльфа. Да, Гончая сильно изменилась за эти годы. Действительно отпустила прошлое и многое бы отдала, чтобы сохранить жизнь кровному брату своего любимого мужчины.

— Спасибо, малыш, — шепнул эльф, бережно касаясь губами ее виска.

— Да не за что. Похоже, ты был прав...

— В чем именно?

Белка слабо улыбнулась.

— Что вы не все одинаковые.

Таррэн с нежностью посмотрел на свою удивительную пару. Пусть она не привыкла выставлять это напоказ, пусть не любила произносить вслух прописные истины и редко показывала себя, настоящую. Но то, что она сделала сегодня, говорило о ней лучше всяких слов. Любимая, родная, единственная его половинка... Он мог бы любоваться ее точеным профилем вечно. Дышать ею. Наслаждаться близостью, как величайшей драгоценностью и благом, которого он, возможно, не очень-то заслуживал. Но неожиданно Таррэн подметил в ее глазах усталость и, вместо того

чтобы крепко поцеловать, неохотно отстранился.

— Конечно, иди. Я скоро.

Белка, не оборачиваясь, покинула двор в сопровождении верного Карраша. И лишь когда она исчезла за углом дома, Таррэн неслышно вздохнул.

— Так, берите его с двух сторон и готовьтесь поднимать. Корвин, Шранк — вы снизу. Аззар, Маликон, примете наверху. Атталис — на тебе двор. Сартас...

— Я позову Мирену, — кивнул советник владыки, не дожидаясь нового распоряжения.

— Да, ее помощь понадобится. Ирташ, вы с Каррашем стережете здесь и даете знать, если что не так. Местных не пугать, собак с ходу не жрать, посторонних не сразу топтать насмерть, а сперва вежливо интересоваться, какого Торка они тут забыли. Будут излишне шуметь — успокоишь. Не получится — позовешь нас.

Мимикр понятливо рыкнул и с готовностью сдвинулся под нужное окно, всем видом демонстрируя, что с этой стороны в комнату хранителя никто не только не проникнет, но и близко не подойдет. А если надумает упрячиться, то ему же хуже.

— Прекрасно. Тогда на раз-два...

ГЛАВА 2

— Вал? — тихонько позвала Мелисса, склонившись над неподвижным опекуном. — Вал, ты меня слышишь?

Страж едва слышно вздохнул, но не пошевелился. Только ресницы слегка дрогнули в ответ, да чуть громче стукнуло сердце, показывая, что какая-то часть его души все-таки услышала и откликнулась на настойчивый зов. Он по-прежнему был бледен, казался изможденным, ослабленным и каким-то беспомощным, однако глубокая рана на груди затянулась. Теперь там остался белесый рубец, вокруг которого уже исчезала болезненная припухлость. Правая рука тоже постепенно подживала, покрываясь нежной розовой кожей, следы ожога медленно сходили на нет. Лицо перестало быть застывшей маской, его черты смягчились, утратили неестественную остроту и позволяли надеяться, что могучий Страж вскоре оправится от предательского удара. Правда, несмотря на старания хранителей, в себя Вал так и не пришел.

Мелисса с тяжелым вздохом подняла голову.

— Когда он очнется?

— Не могу сказать, — покачал головой Аттарис, проведя изящной ладонью над головой смертного. — Он выживет, это уже не вызывает сомнений: аура чиста и не требует постоянного наблюдения. Раны закроются полностью, разум тоже не пострадал, но момент пробуждения все еще скрыт от меня. Боюсь, магический удар оказался для твоего друга слишком силен, чтобы надеяться на скорое выздоровление, однако опасности для жизни нет.

— Сколько еще ждать?

— Не знаю. День, неделю, месяц... может быть, больше. Будь он одним из нас, я мог бы сказать точнее, но со смертными мы обычно дела не имеем. Магия нашего леса не предназначена для людей, поэтому трудно предположить, как на нем отразятся наши заклятия. Но, как только твой друг очнется, мы сразу почувствуем это.

— Спасибо, — шепнула Мелисса, пряча повлажневшие глаза. — Можно я еще приду?

— Конечно, дитя, — тепло улыбнулся немолодой хранитель. — Ему больше нет нужды пребывать в священной роще, а в чертогах для тебя нет опасности. Приходи, когда пожелаешь.

— Спасибо. — Ее личико немного посветлело, а на губах мелькнула

ть ответной улыбки. После чего Милле поднялась и торопливо вышла из комнаты.

Аттарис проводил ее долгим взглядом и мысленно покачал головой. Поразительная девочка. Удивительно много знает для простой смертной — о лесе, о травах, о магии темных и даже о ранах. Перевязала сегодня руку смертному так ловко и умело, будто каждый день своей недолгой жизни только и делала, что помогала раненым. Знала о целебных корешках, многие из которых вообще нигде, кроме священной рощи, не росли. Умела отличить одну травку от другой, была прекрасно осведомлена о том, что, когда и в какую очередь следует собирать, как заваривать, вымачивать и стирать в сложные порошки, а что нельзя сочетать друг с другом ни в коем случае. Даже спорила, если он вдруг не соглашался, и, как ни странно, ни разу не ошиблась. Да, казалось бы, такого не бывает! Однако Милле не только это знала, но и грамотно использовала свои знания. Причем так, что семисотлетний хранитель просто диву давался. Более того: наблюдая за ней уже который день, все чаще ловил себя на мысли, что хотел бы увидеть ее снова. Радовался ее мимолетным улыбкам, тихонько лелеял в душе установившееся между ними хрупкое доверие. А еще он очень хотел найти предлог, чтобы заглянуть ей прямо в глаза, будто именно в них был скрыт готовый ответ на бесконечное множество вопросов.

— До завтра, Аттарис, — прозвенел снаружи чистый голосок девушки, и хранитель против воли улыбнулся.

— До завтра, Милле.

Он немного помедлил, разрываясь между внезапным порывом догнать ее, чтобы самолично проводить до выхода из чертогов, и желанием убедиться еще в одной своей догадке. Секунду поколебался, попеременно косясь то на дверь, то на своего упрямого подопечного, который упорно не желал приходить в себя. Но затем все-таки отказался от первой мысли. Незачем делать двойную работу — подругу молодого лорда есть кому проводить. Большинство офицеров дворцовой стражи и так каждый раз отчаянно спорят, кто следующим заступит в караул: маленькая Милле уже давно и прочно обосновалась в их мыслях, но немного найдется тех, кто согласится открыто в этом признаться. Да и незачем питать пустые надежды. Юный лорд сразу дал понять, что случится с неразумными сородичами, которые посмеют коснуться его избранницы. Как все потомки Изиара, он был горяч, несомненно ревнив и опасен. А заступать дорогу наследнику трона было бы плохим решением. Особенно тогда, когда владыка Тирриниэль стал стремительно терять свою силу.

Аттарис неслышно вздохнул, окончательно стряхивая с себя

романтические порывы, и снова повернулся к широкому ложу.

— Что с тобой не так? — пробормотал он, склоняясь над неподвижным телом Стража. — В чем дело? Почему у меня не получается?

Рыжеволосый ланниец угрюмо промолчал. Но за прикрытыми веками, будто услышав голос перворожденного, тревожно дернулись глазные яблоки. Так, словно Вал понимал его сомнения, но упорно не желал поддаваться.

Эльф оказался внимательным: заметил, а потому неуловимо нахмурился и склонился ниже, одновременно проводя ладонью над лицом и грудью смертного. Странно, но сканирующее заклятие не выявило признаков возвращения сознания, не сумело коснуться разума человека даже краем, хотя кое-какие отличия в ауре все же нашло — сегодня у смертного она чуть ярче горела алым в области сердца. Точно так же, как случилось вчера и позавчера. Однако сегодняшним утром, до прихода красивой девушки Тира, этого не было. Затем вдруг появилось, как намек на легкую радость от встречи, помноженную на облегчение от мысли, что с ней все в порядке, а теперь снова истаивало, уступая место прежнему серому цвету подозрительности и недоверия. Что это такое? Как расценивать эти изменения?

Торк! Этот смертный реагировал на вмешательство магии так, будто сам обладал даром! Сперва стремительно шел на поправку, набираясь и питываясь чужой силой, но потом как отрезало — он снова стал холоден и безучастен. Порой даже складывалось впечатление, что он сопротивляется усилиям хранителя. Смертельная опасность миновала, и теперь он словно осознанно отстранялся от помощи! Только изредка, рядом с Милле, немного оттаивал и тянулся навстречу, раны затягивались, он исцелялся. Каждый день по капельке, совсем по чуть-чуть, но все же шел за ней к свету. Однако стоило ей уйти, как ланниец снова впадал в небытие, покрываясь почти осязаемой коркой безразличия.

— Кто же ты такой? — непонимающе отодвинулся от ложа хранитель, внимательно всматриваясь в суровое лицо человека. — Маг? Воин? Ведьмак? Аура обычная, амулетов нет, никакой силы от тебя не исходит, а ты все равно сопротивляешься. Не понимаю...

Вал, как и прежде, промолчал.

— Сдвигов нет? — тихо спросил от дверей вкрадчивый голос, и Аттарис, вздрогнув от неожиданности, почтительно склонил голову.

— Иттираэль...

Старший хранитель, зайдя внутрь, небрежно кивнул.

— Так что со смертным? Живой?

— Без изменений.

— Все еще сопротивляется?

— Да. Но в себя не приходил ни разу.

— Плохо. А девчонка?

Аттарис внутренне напрягся, уловив интерес собрата к своей необычной гостье, и заметно встревожился. Не нравилось ему это: Иттираэль редко проявлял интерес к смертным, а о Милле за последнюю неделю спросил уже трижды. И все время таким же делано-отстраненным тоном, который появлялся у старшего хранителя, когда он задумывал нечто сомнительное. Но вставать у него на пути — смертельно опасное занятие. Перечить вслух — еще опаснее, а противостоять в открытую магу его силы мог только полный безумец. Все знали, что старший хранитель лишь немного уступал в силе владыке Тирриниэлю. А нрав имел такой, что даже непосвященным становилось понятно: Изиар мог по праву гордиться таким потомком, пусть старший хранитель и принадлежал к второстепенной ветви рода.

— Приходила сегодня, — осторожно ответил лекарь, чувствуя, что ступает по тонкому льду недомолвок.

Иттираэль внимательно посмотрел на собрата, будто что-то подозревая, и тот напрягся еще больше: тяжелый взгляд почти тысячелетнего мага пронзал насквозь не хуже иного меча. Мог сломать волю, парализовать и морально выпотрошить — быстро, умело и абсолютно безжалостно.

— Ты заметил разницу? Аура изменились? Он хоть как-то отреагировал?

Аттарис склонил голову в жесте уважения, старательно пряча за длинной челкой выражение глаз.

— Взгляни сам.

— Я спрашиваю у тебя, равный! Что с ранами? Ты добрался до его разума?

— На данный момент я не вижу разницы, — бесстрастно ответил Аттарис, с неподдельным удовольствием подметив раздражение в глазах собеседника.

Недоговоренность — это небольшая месть за презрительное «равный». Месть немолодого, но неглупого целителя, которому никогда не подняться выше достигнутого сто лет назад потолка. О нет, никакой лжи — сущая правда, ведь на данный момент отличий в ауре действительно не было. Она стала такой же бледной и размытой, как вчера, позавчера и много-много дней до этого. Никаких всплесков там нет и в помине, хотя

парой минут раньше... но старший ведь не спрашивал конкретно об этом. А значит, у Аттариса было полное право не распространяться об этом незначительном отклонении.

Пусть-ка поломает голову, ллер высокородный сноб!

Иттираэль поджал губы и, на пару мгновений склонившись над смертным, знакомым жестом провел рукой по воздуху, считывая чужую ауру и то, что было скрыто под ней. Но убедился в том, что за последние дни она ничуть не изменилась. После чего выпрямился, ожег смиренно сложившего руки собрата недовольным взглядом и вышел.

Аттарис незаметно перевел дух. Опасно играть в эти игры, не имея на руках достаточного количества козырей: Иттираэль сомнет и не заметит, если почует малейшее неповиновение. Для него имеет значение лишь одно — безоговорочное подчинение древнему роду, к которому вели его собственные корни, и родовому дракону, осеняющему этот мир своими черными крыльями. Все остальное хранителя совершенно не волновало, даже жизни сородичей. Потому-то и приклеилось к нему меткое прозвище — за глаза его называли Нетопырем. Как и все остальные, Иттираэль просто жаждал узнать, откуда взялся юный Тир, сумевший всего в долю мгновения смутить умы эльфийских старейшин и самого владыки Тирриниэля.

Аттарис покосился на ровно дышащего человека и неожиданно порадовался тому, что высокомерный сородич не сумел до него добраться, — глубокий сон надежно ограждал разум рыжего от посягательств. Подобно броне, оберегал уязвимое для магии эльфов сознание. А значит, его упорство к лучшему: чем глубже незнакомый воин погружен в беспмятство, тем дольше молодой наследник может быть спокоен за друга. А Милле может быть уверена: ланнийцу не грозит кончина до тех пор, пока Иттираэль не найдет способ вытянуть из него необходимые сведения.

— Не советую тебе воскресать, — неожиданно посоветовал Аттарис, пристально всматриваясь в спокойное мерцание человеческой ауры. — По крайней мере до тех пор, пока Тир не войдет в полную силу. И будь уверен: Иттираэль не даст тебе ни единого шанса, кем бы ты ни был.

Хранитель в последний раз взглянул на оставшееся безучастным лицо Стража и с досадой поджал губы. Он бы не хотел огорчать будущего повелителя и его избранницу известием о внезапной гибели их смертного друга. А то, что Иттираэль не отступится, пока не выяснит правду, было очевидным: старший хранитель не любил недоговоренностей. Но спрятать человека в Темном лесу невозможно, оградить от внимания мага — тем

более. Остается только поддерживать в нем подобие жизни и надеяться, что он сумеет уцелеть в этом переплетении чужих планов, намерений и интриг.

Аттарис снова поймал себя на мысли, что делает это только ради Милле, и отвернулся, не желая признавать, что в кои-то веки не устоял против женских чар. После чего запахнулся в плащ и вышел, мгновенно затерявшись в лесу. А потому не увидел, как невзрачная аура Стража дрогнула, уплотнилась и подтянула края, будто почуяла угрозу, затем ненадолго расширилась, словно осторожно выясняла обстановку, и, наконец, холодно мигнула.

— Почему вы называете своих хранителей равными? — спросил Тир, прислонившись к замшелому валуну и смахнув со лба выступивший пот.

Владыка Л'эртэ развеял скопившийся в воздухе запах гари и присел рядом.

— Потому что они не относятся к прямым потомкам Изиара. Это второстепенная ветвь, представители которой не утратили силы, но всегда будут слабее, чем прямые наследники. Их немного: всего пять преданных моему роду семей, из которых и делается выбор в пользу хранителей. Нынешних равных ты уже видел — Аттарис, Брегарис, Барронис, Терринис и Лавванис. Окончание «ис», как ты понимаешь, присутствует в их именах не случайно и указывает на близость к правящему дому. «Огнем жизни» они, разумеется, владеют в меньшей мере, чем мы с тобой, но все же достаточно, чтобы иметь неплохой в этом мире вес. Остальные — так, мелкие фокусники, не представляющие для Темного леса особой ценности.

— Почему все так сложно?

— Трудно сказать, — отряхнул ладони правитель. — Наверное потому, что сила Изиара способна в полной мере проявиться максимум в двух магах одного поколения, иначе она просто рассеивается. И это касается всех уцелевших ветвей нашего рода. Без исключения.

— Хочешь сказать, что только по этой причине среди Л'эртэ принято иметь лишь двух наследников мужского пола? — заинтересовался Тир.

— Не только по этой, но в том числе.

— А Иттираэль? Почему в нем столько силы?

— Гм, — задумался Тирриниэль. — Должность старшего хранителя была утверждена еще во времена Изиара, и ее всегда занимали наиболее опытные, сильные и сведущие в нашем искусстве маги. Не удивляйся, что он так силен: в свое время Изиар оставил после себя несколько сыновей, от которых и пошли потом разные ветви рода. По этой же причине окончание имени Иттираэля совпадает с моим, а его «Огонь жизни» лишь немногим

уступает твоему.

— Сравнил! — неприязненно буркнул Тир, сверкнув неуловимо покрасневшими глазами.

— Вижу, Иттираэль тебе не нравится, — усмехнулся владыка, и Тир насупился еще больше. — Зря. Именно его усилиями мне удалось отправить зов и помочь вам найти сюда дорогу. С его же помощью поддерживается защита вокруг всего Темного леса и моих чертогов, а также порядок в священной роще.

— Тогда он опаснее, чем я думал. — В голосе Тира проскользнула задумчивость. — А почему хранителей только семеро? Почему именно так: пятеро равных, младший и старший? Я думал, ваше священное число — девять, а не семь.

— Верно. Но ты забыл посчитать меня и моего сына.

— У тебя два сына, — хмуро поправил юноша, и владыка немедленно помрачнел.

— Было. Но продолжает род только один, как в любой ветви. В том числе и в той, к которой принадлежит Иттираэль. По крайней мере, так было все девять эпох. Кстати, его младший брат наверняка понравился бы тебе больше. Даже жаль, что всего две луны назад я отправил его в Серые пределы.

— Куда? — неподдельно изумился юный маг, невольно отвлекшись от раздумий. — Ты с ума сошел! Темного мага — в Проклятый лес! Его же прибьют еще на подходе!

— Такова цена, потому что я должен увидеть сына.

— Так он сюда и вернулся! Думаешь, он простит тебе прошлое?!

— Нет, — вздохнул Тирриниэль. — Но если он не согласится, то придется положиться на вас с Милле.

Тир моментально подобрался.

— Нет.

— Ты даже не знаешь, о чем пойдет речь, — мягко сказал владыка.

— Нет, — упрямо насупился юный маг. — Как только появится возможность, мы уйдем. Ты не смеешь настаивать! Ты поклялся!

— Я не отказываюсь от своих слов, — осторожно напомнил Тирриниэль, надеясь, что успел достаточно натаскать вспылчивого отпрыска и тот не вспыхнет посреди рощи живым факелом. — Если помнишь, я пообещал учить тебя так, как учил бы собственного сына. Дал слово, что помогу твоему другу и не стану препятствовать, если вы с Милле решите уйти. Но это вовсе не значит, что меня это не огорчает.

Тир на мгновение замер, неожиданно поняв, о чем сказал владыка.

Торриэль должен сюда прийти? И еще зов этот, который младший сын владыки заведомо не смог бы услышать, ведь пределы глушат магию! Для чего тогда вообще был нужен посол в Серые пределы? Только лишь для того, чтобы привести сюда последнего потомка этой проклятой ветви древнего рода? Боги! Как же он раньше не подумал! Неужели речь — о девяти кругах жизни? В таком случае эта встреча станет для них с Милле последним днем.

— Что ты задумал? — сухо и холодно спросил Тир, сверля собеседника зелеными глазами, в которых все быстрее разгоралось бешеное пламя.

Владыка Л'эртэ, пребывавший в глубокой задумчивости и оттого не почувствовавший опасных перемен, только вздохнул.

— Разве я обманул тебя хоть в чем-то? — покачал головой Тирриниэль. — Разве дал повод усомниться? Сделал что-то плохое? Причинил вам вред? Обидел?

— Для этого повод не нужен. Достаточно одного желания.

— Тир...

— Что ты задумал?! — отдельно повторил юный маг, хищно сузив глаза и буквально вломившись в чужой разум, стремясь во что бы то ни стало добраться до правды. — Зачем ты собираешь сюда всех потомков Изияра? Для чего это нужно? Что ты ищешь в нашей крови? Зачем тебе понадобился сын, два с половиной века назад отлученный от рода? И для чего тебе понадобились мы? Оба?!

Но в этот раз повелитель был настороже — вовремя усилил защиту и искусно уклонился от удара. После чего умело выдворил нахрапистого лазутчика из своего разума и несколько самодовольно усмехнулся.

— Не стоит тратить силы, мальчик. Я не совершаю ошибок дважды.

— Боюсь, ты все-таки ошибся. Причем не дважды, а трижды, — процедил Тир, неожиданно став равнодушным, как при первой встрече. После чего стремительным движением поднялся на ноги и быстро направился прочь.

— Тир! — запоздало спохватился владыка, но юный маг даже не обернулся. — Тир, стой!

Нет ответа. Ни гневного слова, ни громкого обвинения, ни-че-го. Только глухое молчание и холод. Снова этот холод подозрительности, от которого уже мурашки по коже бегут. А вместе с ним — и новое потрясение: вместо лучистой ауры перворожденного перед внутренним взором владыки вдруг возникла непонятная хмарь. Просто возникла из ниоткуда, заключила юного эльфа в непроницаемую для чужого взора

сферу и укрыла от посторонних. Причем так быстро и привычно, что царственный эльф не сразу сообразил: именно благодаря ей молодой маг сумел столь долго оставаться неузнанным.

— Тир! Да что на тебя нашло?! Вернись!

— Спасибо, не стоит, — донеслось холодное в ответ. — Кажется, я сыт учебой по горло. Благодарю за науку, но я не люблю играть вслепую.

— Я не обязан отчитываться перед тобой о своих планах! — возмущенно выдохнул Тирриниэль ему в спину.

— Конечно. Ты вообще никому и ничего не обязан. Зачем кому-то доверять и рисковать своим положением? Пытаться что-то сохранить, если можно просто использовать? Удобно, не спорю. Умно, ловко и, как всегда, изящно. Ты же у нас не любишь трудностей? Предпочитаешь сделать все быстро и надежно, не считаясь ни с кем и ни с чем? Да и зачем узнавать мнение кролика перед тем, как бросить его в котел? Жалкая бессловесная тварь... Но я не желаю в этом участвовать. И быть твоим кроликом тоже не хочу.

— Проклятье! — процедил Тирриниэль. — Не считай себя самым умным, мальчик!

— Да что ты? Куда мне с тобой тягаться! — язвительно отозвался Тир, исчезая среди деревьев. — Не приучен, знаешь ли, плести интриги и предавать. Не смог научиться, представь себе! А еще не смог бы целенаправленно собирать вокруг себя кровных родственников, чтобы потом спокойно воспользоваться их силой! Достоин потомка Изииара, не правда ли?!

— Что? — искренне оторопел владыка Л'ээртэ, а потом вспомнил про девять кругов жизни, ради которых его древний прародитель когда-то пошел на сущее безумие, и вдруг спал с лица.

«Неужели Тир считает, что я способен на такое?! — возмутился про себя владыка. — Могу по капле выцеживать жизнь из своих собственных потомков, чтобы прожить на несколько десятилетий больше, чем отпущено? Что ради этого умолял единственного сына вернуться?! Неужели он полагает, что я опустился до Изараэля и решил забрать чужую жизнь в обмен на свою?! Посчитал, что я уподобился проклятому?!»

Побледнев как полотно, эльф покачнулся и в тот же миг почувствовал, как что-то болезненно сжалось в груди. Да так сильно, что в глазах потемнело, а из горла сам собой вырвался странный звук, больше похожий на стон.

Тирриниэль судорожно сглотнул, не в силах справиться с новыми для себя ощущениями. Оглушенный, ошеломленный и сломленный, он замер

посреди белоснежной рощи, тщетно пытаюсь избавиться от нарастающего гула в ушах. Нет, не обида это была и не злость. Не горечь от несправедного обвинения. Не предательство, не боль и даже не ярость. Нет. У него будто душу вырвали. А вместо нее внутри осталась лишь пугающая, стремительно разрастающаяся пустота, в которой глумилась и плескалась, не зная границ, тоска.

Тирриниэль потерянно опустился на колени.

«Что ж, мальчик... может, ты и прав. Может, мне действительно пора уходить. Я не смог убедить тебя в самом простом. Не сумел вызвать даже толики доверия, и ты ненавидишь меня, как прежде. Ты никогда не войдешь в мой род. Не станешь под сенью ясеня и не вдохнешь в него новую жизнь. Мой народ погибнет в неверии и сомнениях, проклиная меня за ошибки. Ненавидя, как ты сейчас. Наверное, это и есть тот знак, после которого нет больше смысла верить. Но тогда ты действительно прав: мне стало незачем жить...»

Вокруг повелителя сомкнулась темнота, отсекая посторонние звуки, мысли, печали. Куда-то пропали прежние чувства, а вместо них пришло безразличие и непонятная, но спасительная апатия. И только тяжкий ком в груди стал гораздо больше, да сердце дало непредвиденный сбой.

«Пора...» — шепнуло подсознание, и свет вокруг венценосного эльфа почти померк.

Но вот рядом раздался странный звук, нарушивший гнетущую тишину. Владыка Л'эртэ поднял остановившийся взгляд и посмотрел в нахмуренное, смутно знакомое лицо, в котором только спустя несколько секунд признал юного эльфа, зачем-то решившего вернуться. Для чего? Неужто померещилось? Но выцветшие от горя глаза не подвели: Тир действительно не ушел. В последний момент все-таки вернулся, а теперь со странным выражением изучал постаревшего владыку. Внимательно оценивал. Сравнивал. Пытался понять и почувствовать, что творится у того на душе. Отчего так изменилось его лицо и почему мучительно искривился красиво очерченный рот.

Тирриниэль даже не сопротивлялся, когда чужая мысль осторожно коснулась его смятенного разума. Просто равнодушно следил, как молодой маг неуверенно ворошит его воспоминания, как читает покорно предоставленные мысли и с досадой кусает губу, понимая свою оплошность. Он только об одном постарался умолчать, одно-единственное постарался скрыть от пытливого взгляда и сделать так, чтобы Тир никогда не узнал, насколько сильно он укоротил жизнь одного старого эльфа, когда рискнул провести свое первое полноценное единение.

Но, кажется, и с этим справился не очень хорошо.

— Извини, — наконец глухо уронил Тир, отводя глаза. — Я не знал, что все так плохо.

Владыка Л'эртэ с холодным безразличием посмотрел на свою последнюю надежду. Вот теперь ему действительно нечего стало скрывать. Он больше ни на что не претендовал. Не надеялся и уже не требовал. Просто ждал со смирением тысячелетнего старца. И реши Тир сейчас покинуть Темный лес, не стал бы его останавливать. Не ответил бы ни на одно обвинение и принял бы его с такой же несвойственной покорностью. Он бы просто умер, не сходя с этого места, и не пожелал бы иного.

Однако Тир не стал ничего говорить. Недолго поколебавшись, он неожиданно обнял родича за плечи, ненавязчиво подтолкнув в сторону печально шумящих ясеней. А затем осторожно усадил, принес откуда-то свежую воду, проследил, как бессильно упали некогда сильные руки, и, наконец, тяжело вздохнул.

— Торкова лысина! Кажется, я перестарался... Эй, эй! Не спи, кому сказал! Если ты помрешь, думаешь, мне станет легче? Открой глаза, остроухий! — Он потряс усталого эльфа за плечи, но тот только вяло мотнул головой и едва не упал, все больше впадая в непонятное оцепенение. — Ну нет, так дело не пойдет! Я тебе что, нанимался сидеть на этом дурацком троне?! А вот Торка лысого! Не выйдет!

Память Тирриниэля снова услужливо раскрылась перед обеспокоенным Тиром, тихонько подсказывая, насколько опасны для готовящегося к Уходу эмоциональные потрясения. Затем скрупулезно подсчитала, сколько этих потрясений пришлось пережить в последнее время сильно сдавшему владыке. Вежливо сообщила, что в последние дни перед Уходом потомки Изииара нередко утрачивают присущую им жестокость. Становятся податливее, будто природа давала им крохотный шанс переосмыслить прошедшие тысячелетия. Затем деликатно кашлянула, умолчав о последнем инциденте, приведшем Тирриниэля на грань, и, наконец, смущенно сообщила, что бессмертный повелитель, оставшийся накануне без магических резервов, способен умереть прямо тут, в роще, на руках своего чересчур вспыльчивого потомка, если тот немедленно что-нибудь не предпримет. Более того, даже если получится вернуть его к жизни, то оставшееся время вряд ли превысит две-три недели полноценной жизни — Уход нельзя отменить. И даже старший хранитель, несколько лет назад создавший крохотный, воткнутый в левое ухо владыки амулет-накопитель, не способен этому помешать.

Тир раздраженно хлопнул ладонью по колену и до боли прикусил губу,

лихорадочно ища выход. Но быстро почувствовал, что у владыки, истощенного морально, магически и физически, просто нет желания сопротивляться, и именно в этом увидел свой единственный шанс.

— Не выйдет! — зло прошептал он, неожиданно решившись. — Не получится сбежать на тот свет раньше времени! Хоть на три недели, но ты у меня оживешь, ясно? Я тебя на это толкнул, я же вытолкну! Вал меня, правда, убьет, когда узнает, но это будет потом. А сейчас тебе придется еще немного пострадать...

Тир рывком разодрал шелковую тунику на груди обмякшего эльфа. Так же безжалостно испортил свою рубаху. Тряхнул буйной головой, отгоняя сомнения, и властно приложил стремительно нагревающуюся ладонь к груди владыки, туда, где едва слышно билось сердце. Тирриниэль не сопротивлялся.

Юный маг сосредоточенно прикрыл глаза, взывая к своей непокорной силе. Почти сразу почувствовал знакомый жар в груди, свирепый огненный вихрь, пронесшийся по венам. Увидел перед внутренним взором пламя «Огня жизни» и направил его вперед — в умирающее, истощенное до предела тело древнего эльфа, который не так давно сделал для него то же самое. Просто отдал, желая всем сердцем жизни своему единственному внуку. И Тир не мог этого забыть.

«Держись, дед. Сейчас тут будет жарко!»

От вспыхнувшего пламени по стволам ближайших ясеней пробежала болезненная судорога. Тонкие ветки жалобно зашелестели и принялись неистово раскачиваться от невидимого ветра. Белоснежные листья мгновенно почернели, сохли и скрутились в дымящиеся трубочки. Трава в радиусе нескольких сотен шагов буквально испарилась. Земля прогрелась до состояния лавы. Камни сперва покраснели от жара, а потом начали медленно плавиться, словно пытаясь слиться с почвой и подземными водами. Стена огня, вырвавшись из груди Тира, всей своей мощью ударила в белоснежные стволы. Пронеслась по ним ураганом, срывая серебристый покров, но не тронула больше ничего. Пощадила. В последний момент обошла стороной, чтобы полыхнуть в небе алой дугой, а затем вернуться успокоенной, покоренной и почти послушной. После чего осторожно втянулась в тело умирающего эльфа и свернулась там теплым клубком.

Священная роща вздохнула и, не обращая внимания на бушующий вокруг нее огонь, ласково взъерошила растрепанную гриву своего непокорного сына прохладным ветерком.

— Здравствуй, мой мальчик... — донеслось до него.

Тир непонимающе поднял голову, но ощущение ласковых материнских

объятий не исчезло. Напротив, стало сильнее, будто мама стояла совсем рядом и с нескрываемой гордостью смотрела на возмужавшего сына. Непонятно, как это произошло, но она все же была здесь и, оглядывая воцарившийся хаос, загадочно улыбалась.

— Мама? — неуверенно позвал Тир, не понимая, как такое стало возможным. — Мама?!

— Ты молодец, малыш... Ты все правильно сделал...

Он слабо улыбнулся, и в этот момент все закончилось: бешено ревящее пламя так же стремительно улеглось и погасло, а мутная пелена перед глазами Тира исчезла. Пораженный до глубины души эльф увидел абсолютно невредимую рощу, в которой последние сгоревшие листочки спешно заменялись новыми, сквозь пепел стремительно пробивался свежий травяной ковер, а на границе безупречно круглой поляны возвышались не тронутые огнем ясени. А потом заметил ошалело оглядывающегося по сторонам повелителя, у которого седая шевелюра прямо на глазах темнела, а на щеках выступил румянец.

— Что ты сделал?! — пораженно прошептал Тирриниэль, неверяще ощупывая свое посвежешее лицо и засиявший яркими искрами изумруд на обруче. — Что это вообще сейчас было?!

Юный маг пожал плечами и уселся на землю, ласково поглаживая руками льнущую к ладоням молодую травку.

— Я же говорил, что в нашем огне заложена не только ненависть. Я не хотел тебя убивать, и магия никого не тронула. Пара недель спокойной жизни у тебя есть, я думаю. Но потом — извини. Я все-таки не бог. Просто вернул то, что ты мне отдал. Считай, что это была обычная благодарность.

— Тир!

— А? — вяло отозвался юноша, неожиданно почувствовав навалившуюся усталость.

Владыка эльфов порывисто обнял юного мага, только что сотворившего настоящее чудо. Без подсказок и помощи Тир как-то сумел обратить свою силу на созидание, а не на разрушение и тем самым перевернул новую страницу в жизни своего рода, дома и всего Темного леса. Ведь никто, нигде и никогда прежде не делал ничего подобного. Даже Тирриниэль не догадывался, что огонь не только может сжигать, но и способен стать чем-то гораздо большим. Что он умеет дарить, а не отнимать. Исцелять, а не ранить. Что он живой, почти разумный.

Два до смерти уставших эльфа мирно сидели друг напротив друга, одновременно гордились тем, что произошло, и отчего-то смущались. Один сконфуженно отводил глаза, в которых еще не угасли последние отголоски

магии. А второй с восторгом изучал талантливую ученика, сумевшего снова поразить его в самое сердце. Как это стало возможно?! Как вышло, что разрушительный огонь сумел вернуть ему жизнь и утраченные силы, о которых Тирриниэль начал забывать? Торк! Он уже давно не чувствовал себя настолько хорошо! А Тир... боги, неужели он именно об этом пытался рассказать, не ведая, как донести глупому сородичу эту простую истину?! А старый дурак так и не понял!

Тирриниэль с несвойственной ему нежностью вспомнил вырвавшееся у Тира рассерженное «дед» и ласково погладил его растрепанную макушку. Мальчик... чудесный, просто невероятный мальчик, оказавшийся в сотни раз мудрее его самого... долгожданный наследник, ради которого владыка действительно был готов на все. Его спасение, его надежда. Единственный внук, который наконец-то решил ему немного довериться.

— Тир, как ты себя чувствуешь?

— Ага, чувствую, — пробормотал юный гений, вдруг опасно покачнувшись и закатив глаза. — Но как-то паршиво. Ты только не говори Милле, ладно?

Тирриниэль вовремя успел подхватить безвольно осевшее тело и, испытав кратковременный приступ паники, с запоздалым облегчением вздохнул: ничего страшного. Просто обморок.

— Темная бездна! — простонал он, когда проникся тем, что сейчас случилось. — Какой дар! Какой невероятный дар! Боги, боги, боги! Ну почему этот мальчик не мой сын? Я больше не совершил бы прежних ошибок!

ГЛАВА 3

Линнувиэль пришел в себя на рассвете. Некоторое время он просто лежал с закрытыми глазами, силясь сообразить, каким образом оказался в постели, если сам ее не разобрал и вообще рухнул в беспамятстве где-то у противоположной стены. Как раз после того как в окно ворвался кто-то злой, шипящий не хуже разъяренного демона, да еще врезал по лбу так, что остальные события слились в череду каких-то совсем уж невероятных вещей.

Он помнил потолок, куда с пронзительным жужжанием взвилась с подоконника потревоженная муха... медленно расползающуюся лужу на дощатом полу... порванную рубаху, под которой чьи-то удивительно сильные пальцы ловко ощупывали рану.

Затем — вспышка боли. Чьи-то голоса — сперва недовольные, а потом встревоженные. Бесконечное звездное небо над головой. Холод... безумный, парализующий волю и разум холод, не позволяющий двинуться с места. Последние слова песни смерти, эхом отдающиеся в вышине. А потом — совсем другие слова: мерные, тягучие, как смола, которые опутывают готовую отлететь душу и упорно тянут обратно. Туда, где тепло. Где ждет его возвращения кто-то, кому он нужен. И куда настойчиво зовет манящий, терпкий запах эльфийского меда, ради которого он все же захотел вернуться.

Линнувиэль вдруг широко распахнул глаза и вскочил с широкого ложа. В голове тут же помутилось, в ушах зазвенело, а в плече вспыхнула боль, заставившая эльфа охнуть и повалиться обратно.

— Тихо, спокойнее. Тебе рано вставать, — с укором произнес мелодичный голос, и на мгновение покрывшийся испариной лоб хранителя легла прохладная ладошка.

Линнувиэль жадно вдохнул запах тонкого запястья, оказавшегося у него прямо перед лицом, и непонимающе замер: оно пахло солнцем, ветром и зеленой листвой. Он снова приподнялся, шаря по сторонам настороженным взором, вдохнул снова и почти с разочарованием понял, что это был совсем не тот запах, который вернул его к жизни.

— Доброе утро, — поприветствовала хранителя присевшая на краешек кровати Мирена. — Лежи, тебе действительно рано подниматься. Рана еще слишком свежа.

Эльфийка осторожно уложила сородича обратно, прикрыла до

середины груди покрывалом и заботливо подоткнула, чтобы не спадало. Загадочно улыбающаяся, поразительно красивая в своем алом платье, но вовсе не ее он хотел сейчас увидеть.

— Где я? — хрипло спросил Линнувиэль, силясь рассмотреть, есть ли в комнате кто-то еще. Ему очень-очень нужно было это выяснить. Но не вышло: Мирена наклонилась слишком близко, снова обдав его тонким, приятным, но совершенно чужим ароматом.

— В своей комнате, конечно. Повязка свежая, не беспокойся. Рана почти закрылась, но тревожить ее пока нельзя, хотя Таррэн нас заверил, что рука будет действовать, как прежде.

— Сколько я?..

Мирена повернулась и внимательно посмотрела на взбудораженного эльфа.

— Сегодня третий день. Ты что-нибудь помнишь из того, что случилось?

— Все, — устало прикрыл веки Линнувиэль, тщетно пытаясь избавиться от видения совсем других глаз, пронзающих его душу до самого дна. — Я помню абсолютно все.

— Почему ты не сказал, что ранен? — вдруг заледенел ее голос. — Почему не воспользовался магией? Зачем тянул столько времени? Ты мог погибнуть!

— Мне нельзя пользоваться магией, миледи.

— Почему? — нахмурилась Мирена.

— Мы не должны привлекать к себе внимания, — равнодушно отвернулся он, уставившись на занимающийся за окном рассвет.

— С ума сошел?! Да кто тебя видит? Кто узнает? Люди? Гномы? Думаешь, им есть дело до кого-то из нас?

— Нет, — устало отозвался Линнувиэль, снова прикрывая глаза. Присутствие леди стало его сильно тяготить. — Просто я слишком тесно связан с владыкой Тирриниэлем и тем зовом, который он отправил своему сыну. Если рядом со мной будет твориться магия, зов станет слышным не только для нас, но и для светлых. А владыка не хотел, чтобы о его состоянии прознали раньше времени. Темный трон не должен опустеть. И преемник должен появиться в чертогах до того, как светлые о нем узнают, поэтому мне было запрещено пользоваться магией в пути за исключением тех случаев, когда этого требовала бы ваша безопасность и безопасность лорда Торриэля.

— Таррэн! Его зовут Таррэн! — прошипела Мирена, резко поднявшись с постели раненого. — Почему ты не сказал хотя бы ему?

Хранитель неопределенно пожал плечами.

— Я маг, миледи, и знаю, когда яд можно обезвредить, а когда не стоит даже пытаться. Та гиена не была обычной. А ее яд был заведомо смертелен, поэтому и не стоило даже пытаться.

— Нет, стоило! Таррэн спас тебе жизнь...

— Это не его заслуга, — тихо отозвался эльф, остро жалея, что не в силах прогнать странную тоску, грызущую нутро не хуже иной гиены.

Он не мог забыть песнь жизни, но не мог и вернуться на двое суток назад, когда эти слова звучали во тьме только для него одного. Когда для него пели, как для самого родного и близкого существа, тем изумительным голосом, от звуков которого хотелось смеяться и плакать одновременно, жить и умирать, кричать и рваться навстречу.

— А чья же тогда? — недовольно поджала губы Мирена.

— Белика... — невольно сорвалось с губ.

— Дурак! — вспыхнула эльфийка и, стремительно развернувшись, выбежала прочь, не забыв при этом хлопнуть дверью.

Линнувиэль тоскливо оглядел пустую комнату и упрямо приподнялся на локтях. В плече немедленно стрельнуло, но, впрочем, не настолько, чтобы он отказался от желания выбраться из постели. Эльф скрипнул зубами и медленно, с усилием, но все же принял вертикальное положение. Некоторое время подождал, пока не пройдет головокружение и не перестанут мелькать разноцветные мушки перед глазами, а затем подтянул кем-то заботливо выстиранные и выглаженные штаны, кое-как натянул их на себя и, покачиваясь от слабости, неуверенно встал.

На какое-то мгновение комната поплыла, звон в ушах стал просто оглушающим, но Линнувиэль не зря считал себя выносливым и упорным — спустя пару минут он упрямо сжал зубы и сделал первый шаг к заветным дверям. Не забыв, правда, ухватиться за стенку. И так, шаркая, как больной старик, но с каждым шагом обретая былую уверенность, понемногу добрался до выхода.

— Ты что тут делаешь?! — несказанно изумился Шранк, когда у него перед носом в коридор вывалился полуодетый, смертельно бледный эльф.

— Линнувиэль?! — донеслось обеспокоенное снизу, и по лестнице торопливо загрохотали сапоги. Слишком громко для его нещадно звенящей головы, о чем последняя и не преминула сообщить. — Ты зачем встал?! Тебе еще рано! Немедленно вернись!

— Линнувиэль! — ахнула из-за спины подбежавшего Корвина Мирена. — Да ты с ума сошел! Зачем поднялся?!

Хранитель измученно прижался лбом к косяку. Торк его знает, как и,

главное, зачем он вообще решил выбраться из постели! Точнее, причину-то он знал, но даже себе не хотел признаваться, что делает глупость лишь с одной целью — увидеть существо, о ком больше не мог не думать, а заодно убедиться, что он не сошел с ума. Что все это действительно было. Что он воочию видел знакомые зеленые отсветы в глазах, слышал самый удивительный в мире голос, к которому хотелось тянуться. Чувствовал недолгое прикосновение и знал в тот момент, что сильно ошибался, считая наглуую Гончую обычным пацаном-полукровкой, способным лишь на гадости и подставы. Нет, что-то в нем было еще, и вот это «что-то» как раз не давало покоя.

— В чем дело? — раздалось возле соседней двери властное, и Линнувиэль, узнав повелителя, тряхнул головой. Там, где Таррэн, наверняка найдется и Белик. А значит, у эльфа появился шанс прямо сейчас успокоить расшатанные нервы. Он торопливо зашарил глазами по сторонам, но, сколько ни пытался, так и не смог найти знакомую фигурку, и это неожиданно встревожило.

Молодой лорд хмуро оглядел собрата.

— Линнувиэль? Ты что тут делаешь? Почему встал? Тебе еще сутки пластом лежать, пока силы не восстановятся хотя бы наполовину.

— Где... Белик? — вместо ответа прошептал Линнувиэль, почти не в силах бороться с нарастающим звоном в пустой голове. — С ним все хорошо? Мой лорд...

Шранк и Таррэн переглянулись, прекрасно зная причину, по которой едва дышащий эльф вдруг выполз из постели и теперь настойчиво озирается, высматривая, вынюхивая и всеми силами выискивая нагловатого сорванца. Кажется, Белка задела его сильнее, чем планировала, иначе не поднялся бы этот лебедь ни свет ни заря и не поперся на ее поиски в столь невменяемом состоянии. Помер бы на полпути, сдулся. А под ее магией еще держался. С трудом, едва соображая, что делает, но все еще стоял на ногах и даже имел наглость перебивать своего лорда. Однако Таррэн слишком хорошо помнил, как оно бывает, поэтому вместо того, чтобы разозлиться, только сочувственно покачал головой.

— Тебе нужно отдохнуть.

— Где... Белик?

— С ним все в порядке, — пробормотала Мирена, подхватывая под руку подрагивающего от слабости сородича. — Он еще отдыхает.

— Третьи сутки кряду?

— Малыш иногда много спит, — напряженно добавил Шранк, чувствуя, что просто так помирающий эльф от них не отстанет. Сам

издохнет, но выяснит, что и как. Ногтями вцепится в доски, зубами прогрызет дорогу, а все равно добьется своего, потому что магия Белки была сильнее. — Еле стоишь уже, ушастый. Еще минута, и нам придется волочь тебя на себе. Так что будь добр — соверши еще один подвиг и вернись в комнату, а то второй раз помощь Белика может и не понадобиться. Ты же не хочешь заставить его надрываться и тащить твою увесистую тушу через всю таверну?

Он угадал: столь дорогое сейчас имя произвело нужный эффект. Не обратив внимания на «ушастого», Линнувиэль вяло мотнул головой и послушно качнулся в сторону комнаты. Но тут его силы все-таки закончились, и эльф благополучно рухнул. Заботливые руки вовремя подхватили, подняли и аккуратно уложили на измятую постель, где измученный эльф потерял-таки сознание.

Таррэн посмотрел, как суетится над ним Мирена, как озабоченно хмурят брови Корвин с Маликоном, как задумчиво глядит в сторону хранителя Сартас, и тяжело вздохнул:

— Только этого нам не хватало.

Шранк мрачно кивнул и уточнил:

— Тогда, может, прибьем его сразу, чтоб не мучился?

Второе пробуждение оказалось для Линнувиэля гораздо приятнее: ласковое солнце настойчиво светило в распахнутое окно, лицо обдувал прохладный ветерок, в хорошо проветренной комнате не поджидало никаких посетителей, в теле поселилась восхитительная легкость, не имеющая ничего общего с недавней позорной слабостью, картины прошлого почти утратили свою значимость, а невнятные мысли больше не тревожили сознание очнувшегося эльфа.

Линнувиэль озадаченно повертел головой и сел, одновременно проверяя, работает ли левая рука. Сперва разогнул и согнул осторожно, а затем — все смелее, с радостным удивлением ощущая, что она снова послушна.

Эльф облегченно выдохнул, стремительно оделся, по привычке уделив внешнему виду максимум внимания, опоясался, обул услужливо поставленные рядом с постелью сапоги. Схватил со стола свои клинки и твердым шагом вышел, мысленно гадая, какими словами одарят его спутники за идею так не вовремя испустить дух. То, что он сглупил, уже понятно — не стоило играть в героя, а следовало сразу спросить знающего человека о яде. Может, тогда и не было бы всего того, на что он по собственной дурости себя обрек.

События последних часов помнились ему смутно. Ничего конкретного, кроме обрывков какой-то песни, бесконечно нарастающей боли в изорванном плече, череды испуганных лиц и... Он вздрогнул, замерев и едва не выронив родовые клинки, когда перед внутренним взором, как сквозь бесконечность, медленно проступили знакомые голубые глаза — огромные, зовущие, манящие. Линнувиэль ошалело потряс головой, и видение исчезло, оставив после себя привкус сожаления и тоски. Причем настолько явной, что эльф поначалу даже растерялся. Но быстро сумел взять себя в руки и, выкинув всякие глупости из головы, спустился в обеденный зал.

— Доброе утро!

— Здравствуй, Линнувиэль, — настороженно отозвался привставший из-за стола Сартас, внимательно ища на лице сородича следы вчерашнего безумия.

— Как себя чувствуешь? — не менее напряженно поинтересовался Корвин.

Аззар и Атталис вопросительно подняли брови, а Маликон лишь приветственно кивнул. Но все смотрели на заметно посвежевшего сородича одинаково остро, внимательно, готовые к тому, что тот опять начнет нести форменный бред.

Линнувиэль вместо этого бодро кивнул:

— Благодарю, неплохо. Рука работает, боли почти нет. Что у нас на завтрак? Пирог, мясо, горячая каша... Ух! Я голоден, как дикая хмера! Скоро на людей бросаться начну.

Симпатичная служанка, как раз пробежавшая мимо, споткнулась и едва не выронила поднос с чистой посудой. После чего испуганно пискнула, кое-как поправила пошатнувшийся ворох мисок и стремяглав упорхнула на кухню, откуда немедленно донесся ее громкий шепот.

Эльф сконфуженно кашлянул, чувствуя, что нечаянно породил еще одну страшную сказку о темных, и поспешил занять пустующее место. После чего с жадностью оглядел накрытый стол и вонзил зубы в первую попавшуюся под руку дичь. Он ел торопливо, почти позабыв о манерах и о том, что уважающему себя перворожденному нужно приступать к еде не сразу, а немного погодя, вести за столом неторопливую беседу, вяло и словно неохотно отщипывая крохотные кусочки. Даже тогда, когда хочется с рычанием наброситься на угощение и поглощать его, пока не опустеет тарелка. Надо хранить достоинство, а не уподобляться смертным, готовым драться за кусок хлеба.

Линнувиэль не сразу обратил внимание, что в столовой воцарилось

тяжелое молчание. Не сразу заметил обращенные в его сторону взгляды, а когда сообразил, что действительно готов рычать от голода, который стал неожиданно зверским, смущенно шевельнул ушами.

— Прощу прощения. Забылся.

Перворожденные снова смолчали, выбитые из колеи поведением собрата, но затем все же кивнули, прощая истощенному магу некоторое пренебрежение правилами этикета.

— Жив, ушастый? — окончательно разрушил вдумчивую атмосферу насмешливый голос воеводы, вошедшего в этот момент в зал с увесистым мешком на плечах.

Линнувиэль, не отрываясь от птичьей ножки, согласно кивнул.

— Надо же... и правда. Вон как за ушами трещит. Скоро кролика перегонишь по хрусту. Капустки не желаешь? А морковки? Говорят, помогает сточить слишком длинные зубы.

— От кролика слышу, — невозмутимо отозвался эльф, сосредоточенно жуя. — А морковку сам грызи, если хочешь. Что же касается зубов, то я знаю более простой способ избавить тебя от неудобства — всего один удар, и на десяток сразу станет меньше. Оказать услугу?

Шранк тихо присвистнул от двери.

— Что-то ты больно наглый сегодня! Никак выспался? Кошмары больше не тревожили?

— Нет.

— Видать, крепко по башке приложило... совсем на себя не похож, — покачал головой Страж и вопросительно взглянул на спустившегося на голос друга. — Таррэн, ты что с ним сделал? Погляди! Жрет, как клювохвост^[3] в брачный период, куски глотает почти не жуя, а уж хамит не хуже нашего Белика!

Темный эльф предупреждающе сузил глаза, молча советуя болтуну заткнуться, но опоздал: хранитель неожиданно нахмурился и оторвался от еды, напрочь позабыв про зажатую в руке кость.

— Белик? — переспросил он, отчего присутствующие дружно напряглись. — А где он, кстати?

— Спит, — ровно ответил Таррэн, незаметно показывая говорливому смертному кулак.

— Так долго?

— С ним иногда бывает. Шранк, ты принес, что я просил?

— Ага, — покладисто кивнул воевода, скидывая мешок. — Одежду сами смотрите — я ж на глаз брал, но думаю, что подойдет. С обувью тоже порядок, а вот пояс по размеру найти не смог — у Бе... нашего малыша

слишком узкая талия. Надо или на заказ шить, или подрезать.

— Ничего, не впервой. Подрежу.

— Тогда держи. — Воевода приподнял увесистый баул и швырнул на второй этаж, где Таррэн ловко его подхватил. — Ты бы перекусил, что ли?

Темный эльф молча покачал головой и развернулся, явно собираясь вернуться в свою комнату.

— Малышу это не понравится, — тихо предостерег его Шранк. — Ты уже четвертые сутки на ногах.

— Вот именно.

— Все равно поешь, — настойчиво повторил воевода, за что темные кинули на него исполненные благодарности взгляды. Они тоже тревожились за своего лорда. — От тебя и так скоро одна тень останется — длинная, тощая и с большими ушами.

Таррэн снова отрицательно качнул головой, и Линнувиэль вдруг нахмурился, только сейчас подметив, что повелитель не просто бледен, а буквально с ног валится от усталости. Черты его лица заострились, будто он тратил бесценную силу куда-то на сторону, не успевая восполнять резервы. Под глазами залегли глубокие тени, губы были упрямо поджаты, но зеленые радужки горели знакомым упорством. Правда, и тревоги в них было немало.

Таррэн отмахнулся от снова раскрывшего рот воеводы, а затем ушел, плотно прикрыв за собой дверь.

— В чем дело? — непонимающе обернулся к Шранку Линнувиэль.

— Хоть ты не лезь, ушастый! — неожиданно огрызнулся Страж. — Если бы не твоя дурость...

Он сплунул и ушел обратно во двор, едва не хлопнув напоследок дверью. Но вовремя вспомнил, что наверху слишком долго не приходит в себя вожак, и сдержался. Нет уж, Белку лучше не трогать, не будить до срока, пока не восстановится. Он прекрасно знал некоторые особенности ее организма. Однако Таррэн не зря тревожился, ни на шаг не отходил от ее постели: за тридцать лет, что она руководила стайей, еще ни разу не было, чтобы периоды сна длились больше трех дней. Никогда, даже если ее раны были очень тяжелы. А тут из-за какого-то остроухого уже четвертые сутки ни намек на пробуждение. Ни-че-гошеньки. Кажется, она перенапряглась, слишком много сил потратив на дрянную эльфийскую песнь, и ушастый повелитель извелся, страхась оставить ее одну даже на миг. Вон до чего дошел — от сна отказался, старательно прислушивается к узам, но они, видно, молчат, иначе не скрипел бы он так зубами. Без конца считал редкие вдохи и выдохи, скрупулезно вымерял паузы между ними и каждый раз с

замиранием ждал: а не окажется ли какой-то из них последним? Так уже было однажды, и тогда он едва успел. А сейчас снова этот ненормальный ритм, заставляющий кусать губы в ожидании самого страшного.

Линнувиэль плавно свел брови к переносице и обернулся к сородичам:

— Сартас, что происходит?

— Со своими делами сперва разберись, — неприветливо буркнул тот. — А потом в чужие лезь.

— Я в порядке, — нетерпеливо бросил хранитель, чувствуя стремительно нарастающее беспокойство. — Что с Беликом?

— Это не наше дело.

— Что случилось с Беликом? — отдельно процедил Линнувиэль, с каждой секундой тревожась все больше. — Корвин! Маликон!

Перворожденные угрюмо промолчали, и вот тогда он окончательно разозлился. Зеленые глаза хранителя хищно сузились и загорелись, сильные пальцы намертво вцепились в стол. Под ними немедленно задымилась столешница, в воздухе ощутимо запахло гарью, а еще через миг по таверне поплыла первая струйка дыма, несущая с собой отчетливый привкус паленой древесины.

Атталис попятился, не отрывая беспокойного взгляда от взбешенного мага, готового в любой миг полыхнуть, как сарай с сухим сеном. Если сорвется, то треть человеческого города окажется в руинах, а от просторной таверны останется лишь глубокая, дочерна выжженная изнутри и покрытая жирной копотью воронка. Хоть хранитель и младший, но силушки у него будет поболее, чем у всех равных, вместе взятых.

Темные отступили, запоздало вспомнив, с кем имеют дело.

— Итак? — зловеще улыбнулся Линнувиэль, сминая пальцами прочное дерево, как простую бумагу. — Я услышу наконец ответ на вопрос?

— Белик спит, — нервно повторил Корвин, опасливо следя за ползущей к его сапогу огненно-зеленой змейкой, и на всякий случай напомнил: — Тебе нельзя пользоваться магией!

— Это уже моя забота. Так почему малыш все еще спит, хотя мне помнится, что время для сна давно уже прошло?

— Мы не знаем. Лорд Торриэль не соизволил объяснить, — попятился Маликон сразу от двух злобно шипящих «змей». — Белик что-то сделал, когда ты умирал, сумел вернуть через песнь и... хватит! Перестань! Я не знаю подробностей! Потом он ушел, и никто не знает, что случилось! Мы с тобой занимались, чтоб не сгорел, как свечка! А Белика Шранк нашел только через полчаса, когда выяснилось, что у него кровь носом пошла! Вот

с тех пор пацан в себя и не приходит, а лорд Торриэль с ним сидит почти безвылазно! Теперь доволен?!

Линнувиэль замер, не замечая, как зеленоватый огонь упорно поднимается по одежде, не причиняя ей вреда, а потом все быстрее расползается по округе, жадно пожирая то, до чего мог дотянуться, — деревянную лавку, стол, глиняные миски, чужие добротные сапоги... Корвин с проклятием отпрянул, стряхивая с себя изумрудные искры. Аззар побледнел, остро жалея, что когда-то насмеялся над молодым магом. Атталис благоразумно отступил к двери, а Сартас прикусил губу, лихорадочно раздумывая, как уgomонить вспльчивого потомка Изиара. В то время как Маликон вдруг подумал, на что же тогда способен молодой лорд, если его дальний родственник в силах уничтожить половину ни в чем не повинной Борревы.

Линнувиэль невидяще уставился в пустоту, а перед его глазами, прямо сквозь бушующий огонь, начали одно за другим возвращаться воспоминания. Сперва медленно и неохотно, а затем все быстрее и четче, выстраиваясь в череду стремительно сменяющихся друг друга картин, в которых он неожиданно увидел правду. Секунду стоял, ошеломленно вглядываясь в прошлое, после чего схватился за голову и быстрее молнии метнулся наверх, оставляя за собой дымный след и запах паленой кожи. В панике проскочил целый пролет, едва не перепрыгнув через перила, шагнул к заветной двери, взялся за ручку...

И едва не упал, с ходу наткнувшись на такие же бешено горящие глаза.

Они почти столкнулись на пороге: Таррэн, почуяв неладное, как раз успел открыть дверь, чтобы ее не коснулось зеленое пламя. Хищно сузил глаза, приготовившись дать отпор нарушителю, даже рыкнул, подражая голосу Траш во время охоты. И чужой огонь неожиданно притих — с силой хозяина Проклятого леса ему было не тягаться. Так они и застыли на долгий миг: люто беснующийся зеленый факел и ровное алое пламя истинного «Огня жизни» напротив.

Это длилось одну бесконечно долгую секунду, за которую у эльфов внизу резко взмокли спины, но потом огонь рядом с ними дрогнул, отступил. Плавно сменил цвет с зеленого на рыжий и угас так же быстро, как появился, оставив после себя некрасивые проплешины на полу, несколько кучек пепла на месте сгоревших скамеек и удушливый запах гари.

— Простите, мой лорд, — опомнился наконец хранитель и запоздало поклонился. — Примите искреннюю благодарность за то, что вы сделали. Простите, что так глупо получилось. Этого больше не повторится.

— Что-то еще? — сухо осведомился Таррэн.

Линнувиэль совсем смешался, не зная, как объяснить.

— Нет. Просто я... беспокоился.

— За Белика?

— Да, мой лорд.

— Плохо, — неожиданно вздохнул Таррэн, отводя глаза. — Я поосторожничал: «Полог забвения»^[4] оказался слишком слаб для тебя. Всего один хороший всплеск, и ты легко его обошел. Но повторить этот фокус будет трудновато без твоего согласия. Ты ведь больше не согласишься?

Хранитель отрицательно качнул головой, со всей ясностью понимая причину своей странной забывчивости и совсем не желая, чтобы ему снова стирали память, как провинившемуся ученику. Но при этом отлично понимая, что его согласия могут и не спросить — прикажут, как водится, и другого выхода не будет. А то и просто сделают, как задумали: для потомков Изиара это вполне в порядке вещей.

— Нет, мой лорд. Я бы этого не хотел.

— Жаль, — снова вздохнул Таррэн. — Хотя, возможно, настанет время, когда ты сам попросишь меня об услуге.

Линнувиэль опустил горящий взгляд, скрывая смятение.

— Простите, мой лорд, но что с Беликом?

— А что со мной не так? — удивленно отозвался знакомый голос из глубины комнаты, и эльфы одновременно подскочили от неожиданности. — Живой, здоровый, есть хочу, как хмера. Таррэн, вы чего не поделили? Лучше закажите мне гуся. Нет, двух. Только больших! Просто огромных! И пирогов, пирогов с яблоками! А еще...

— Малыш! — мигом позабыв обо всем остальном, Таррэн огромным прыжком метнулся обратно, не забыв захлопнуть перед носом мнущегося сородича дверь. — Ты почему так долго?! Что случилось? Опять перестарались с резервами?!

— Что значит долго?

— Четвертые сутки пошли!

— Сколько?! — ахнула Белка, а потом рассмотрела благоверного во всей красе и возмутилась: — Ты что с собой сотворил, изверг?! Почему голодный и сонный?! Опять! Сколько раз тебе говорить, что во сне я не помираю ни с того ни с сего?! Вот до или после — пожалуйста, а во сне я только выздоравливать могу! Ну-ка, марш на кухню, и чтобы я тебя в таком виде больше не видел! Ты что?! А ну, убери свои длинные лапы! Я не одет и вообще...

Живая! И снова ворчит, как положено...

Таррэн, посветлев лицом, стремительно прильнул к ее губам, надежно обрывая возмущенный поток слов. Жадно вдохнул запах ее волос, а потом так же быстро отпрянул. После чего, пользуясь мгновенным замешательством пары и прекрасно зная, чем все это может закончиться, как можно быстрее выскочил за дверь. Тут же отступил в сторону, одновременно оттесняя замешкавшегося хранителя, и только тогда перевел дух — все, теперь не достанет.

Словно в ответ толстая дубовая створка содрогнулась от мощного удара, сухо треснула посередине, а сквозь пробитые доски хищно высунулись острия двух метательных ножей, брошенных следом с поразительной силой.

— Белик, тебе не стыдно? Так позорно промазать! — разочарованно спросил Шранк, неведь каким образом материализовавшийся на лестнице.

— Без тебя знаю, — пробурчали изнутри. — Хотел бы попасть, сделал бы вот так...

Несчастливая дверь снова содрогнулась, и третий нож не просто прошел ее насквозь, а почти вывалился наружу, умудрившись вышибить одну из досок из пазов.

— И вообще, кыш отсюда, пока я не рассердился окончательно. Радуйтесь, что мне стену жалко портить, а то кинул бы свои железки и тремя паникерами в отряде стало бы меньше.

— Тебе гуся с яблоками или с кашей заказывать? — как ни в чем не бывало поинтересовался Таррэн, стряхивая с плеч невесомую пыль.

— С кашей. А пироги с яблоками, и никак не наоборот!

— Ясно. Заказ приняли. Пошли исполнять.

— Стой, я забыл кое-что, — неожиданно передумала Белка, приоткрывая дверь и требовательно втаскивая его обратно. На мгновение прильнула всем телом, жарко выдохнув те крохи магии, что успела накопить во время сна, крепко поцеловала, а потом проворно вытолкала ошеломленного эльфа обратно. — А теперь иди.

Шранк понимающе хмыкнул, правильно расценив тлеющую на груди друга рубаху, но вслух ничего не сказал. Линнувиэль озадаченно поскреб затылок. Таррэн же только вздохнул и, сбив с тлеющей одежды искры, отправился вниз — как и просили, заказывать одного... нет, лучше двух... самых крупных, что есть в округе, гусей. С кашей и с яблоками. А еще — много чего другого, потому что после долгого сна его изменчивая супруга всегда была голодна. Настолько, что и без того шалеющих от всего происходящего эльфов вскоре будет ждать еще одно незабываемое

зрелище, так как двух жалких ошипанных птичек Белке наверняка будет мало. Так, для затравки только, ведь не зря она с Траш более полувека живет душа в душу. А голодная хмера под боком — это, знаете ли, не шутки.

ГЛАВА 4

Темный эльф, закинув руки за голову, задумчиво изучал деревянный потолок, честно собираясь уснуть и стараясь не слишком отвлекаться на то, как довольная жизнью Гончая играет с его волосами. Хвост он послушно распустил, чтобы ей было удобнее, рубаху снял, и теперь смоляные пряди вольготно разметались по постели, позволяя тонким пальчикам ловко перебирать их, временами заплетая и снова расплетая многочисленные косички.

— Таррэн?

— Мм?

— Скажи, а ты не жалеешь? — Белка отодвинула в сторону скомканную простыню и, подобравшись ближе, заглянула в мягко мерцающие изумруды его глаз.

— О чем?

— Ну... — Она неожиданно смутилась. — Что остался со мной, в пределах, и вообще...

Эльф изумленно повернул голову.

— Почему я должен об этом жалеть?

— Э-э-э... просто я... знаешь... — Белка совсем смешалась, отчего ее маленькие ушки ярко вспыхнули, а в голубых глазах заметалась несвойственная ей неуверенность. — Я не умею носить красивые платья, не люблю пышных причесок. Я и волосы-то все время норовлю обрезать покороче, хотя знаю, как тебе нравится, когда они длинные. Я часто ворчу, ругаю ни за что. Люблю оружие и мужские костюмы. У меня нет привычки соблюдать этикет. У меня часто меняется настроение, и, наверное, я не слишком подхожу такому, как ты. Я... Думаю, Мирена смотрелась бы лучше.

— Малыш, ты что? — нахмурился Таррэн. — Кто сказал тебе такую глупость?

— Я наблюдала за ней, сравнивала, много думала, и она... красивая. Правда. Настоящая леди. И я хорошо понимаю, почему ваши мужчины неизменно выбирали себе жен из дома Маллентэ. Эльфийки действительно этого достойны. А я совсем на них не похожа.

Темный эльф покачал головой и требовательно привлек супругу к себе, крепко обнял, с нескрываемым наслаждением вдохнув аромат ее заискрившихся волос, и улыбнулся.

— Глупый ты мой бельчонок. Я люблю тебя всю, вместе с твоим настроением. А если ты имеешь в виду магию, то руны тут совершенно ни при чем. Я не поддаюсь им... гм, почти. По крайней мере, не так, как хотел бы Талларен. Что же касается остального, то, на мой вкус, ты во много раз превосходишь любую эльфийку. Они слишком пресные, что ли? А ты настоящая. Чудесная. И совсем дикая, как твои кошки. А еще знаешь что? — Он бережно заправил за маленькое ухо каштановую прядь, нечаянно выбившуюся из-под вязаной шапочки, и притянул Белку ближе. — Мне все это нравится. Я люблю тебя, малыш. И этого ничто не изменит.

Белка слабо улыбнулась.

— Значит, тебя не смущает мой внешний вид? То, что я большую часть времени веду себя как мальчишка?

— Нет.

— А моя кожа?

— Нет.

— А...

— Меня ничто не смущает, кроме того, что ты сводишь меня с ума, — серьезно посмотрел на нее Таррэн. — Наверное, я должен ненавидеть брата за то, что он сделал, проклинать его даже сейчас, но я... не могу. Да, каждый раз, когда я на тебя смотрю, я вынужден помнить, что это — его заслуга. Знать, для чего ты была создана, какие руны на тебе горят, сколько боли он успел тебе принести, и только это меня огорчает. Но...

— Если бы не он, я бы никогда тебя не узнала, — тихо шепнула Гончая. — Мы бы наверняка не встретились, и ничего бы этого не было. Ни тебя, ни меня, ни Траш с Каррашиком.

Темный эльф бережно провел пальцами по ее губам.

— Да, малыш. Он подарил мне тебя, и только за это я готов его простить. А твоя кожа... клянусь, я ни видел ничего прекраснее. И я люблю запах твоего меда. Я всегда тобой восхищался. И не устану делать это даже через тысячу лет. Никогда, потому что ты — моя пара. Прекрасная, немножко дикая, но самая-самая лучшая. С тобой никто не сравнится, даже эльфийки, и это — чистая правда. А моя жизнь всегда будет принадлежать только тебе. Как, впрочем, и все остальное.

— Особенно уши?

— Все, что захочешь, — улыбнулся Таррэн, настойчиво притягивая к себе ее упругое тело.

— Та-а-ак... — вдруг прищурилась Белка, чувствуя, как начинает пылать его кожа, а в зеленых глазах загорается знакомый огонь. — Кажется,

кому-то давно пора выспаться и хорошенько отдохнуть? Забыл?

— Мм...

— Та-а-аррэн... — с нескрываемым подозрением протянула она, когда его руки скользнули ниже. — Ты меня слышишь? Ты слишком много сил потратил и не отдыхал. Не заставляй меня нервничать.

— Успею, — невнятно буркнул эльф, жадно целуя тонкую шею. — Все равно у нас есть еще целый день в запасе. И одна о-о-очень долгая ночь.

— А резерв? Тебе надо восстанавливать силы!

— Мы оба знаем, где их можно взять.

— Нахал! Я не амулет-накопитель, чтобы ты черпал оттуда, когда тебе вздумается!

— Нет, конечно. Зато ты — бесподобная приманка для эльфов, малыш. Можешь считать, что я снова попался в эту ловушку, — довольно промурлыкал он, безошибочно отыскивая крошечную точку за левым ухом. — Правда, уже успел оценить ее преимущества и хорошо знаю, как оттуда выбраться. Не так ли?

Белка тихо охнула, когда он голодным пересмешником вцепился ей в шею, отчаянно брыкнулась, пискнула, но сразу сдалась, потому что дрянной братец этого коварного искусителя заранее позаботился, чтобы оставить для своей игрушки единственное уязвимое место. То самое, о котором проворный эльф совершенно случайно узнал двадцать лет назад и теперь нагло воспользовался моментом. По ее телу мгновенно пробежала горячая волна, тугие мышцы непроизвольно расслабились, кожа стала еще мягче и нежнее, охотно поддаваясь его настойчивым губам. А аромат меда усилился настолько, что темный эльф непроизвольно заурчал.

— Таррэн, чудовище! — простонала Гончая, не в силах противиться магии своих же рун. — Тебе еще рано... с ног же валишься, упрямец! Ой... ай!.. Боже, ладно! Ладно! Только не трогай ухо! И не смей палить таверну (а заодно и весь город!), не то Мирдаис нам потом это припомнит и всю оставшуюся жизнь будет слать в наш лес негодующие письма! Таррэн!

Эльф тихонько рассмеялся и, послушно загасив огонь, увлек ее за собой.

Леди Мирена-ис уже второй день не находила себе места, теряясь в бесконечных догадках и сомнениях. О том, что случилось с Линнувиэлем, она узнала самой последней, когда самое страшное осталось позади и собраты вернули хранителя в комнату, попросив Мирену за ним присматривать. Эльфийка целую ночь не отходила от него ни на шаг, промакивала бледное лицо влажной тканью, отирала струящийся по его

лицу пот и искренне переживала, когда истощенный хранитель вдруг начинал метаться на постели, стонать сквозь сомкнутые губы и кого-то звать.

— Останься, пожалуйста... — шепотом взмолился он, когда пришло время уходить, и так вцепился в руку эльфийки, что Мирена с трудом высвободилась, а потом еще долго не могла уснуть.

Вскоре ей на смену пришел Атталис, за ним наступила очередь Аззара, Корвина... даже Сартас провел несколько томительных часов в комнате собрата, тревожно вслушиваясь в его прерывистое дыхание и неясное бормотание, в котором без конца проскальзывало имя Белика. Но к вечеру следующего дня Мирена не выдержала — вернулась, хотя ее просили не беспокоиться. Провела у постели ослабевшего хранителя еще одну бесконечно долгую ночь, даже позволила держать себя за руку и называть в бреду чужим именем. А когда Линнувиэль наконец-то открыл глаза, почувствовала такое облегчение, что едва не расплакалась от радости, хотя никогда раньше не позволяла себе такого вопиющего проявления чувств.

Однако то, что случилось потом, поставило гордую эльфийку в полнейший тупик. Нет, не то чтобы ей не нравился Белик или вызывали раздражение его опасные шутки. Но сам факт внимания со стороны молодого лорда просто не мог не броситься в глаза. Так, как смотрел на него Таррэн, не смотрят даже на собственного сына. Так не заботятся о лучшем друге или родном брате. Таким тоном не разговаривают ни с одним близким человеком, за исключением того, чья жизнь гораздо важнее, чем твоя собственная. Да еще его загадочные слова про пару... Но кто мог быть парой Таррэна? Леди Мирена уже который день терялась в догадках.

Но это еще полбеды: лорд на то и есть лорд, что не обязан ни перед кем отчитываться, даже если, утратив способность зачать ребенка и достигнув второго совершеннолетия, неожиданно начал увлекаться... простите, боги... хорошенькими мальчиками. Но Линнувиэль! Вот уж за кем никогда подобного не замечалось! А тут его словно подменили: всего за одни сутки он превратился в одержимого, ведомого лишь одной бредовой идеей, — добраться до Белика. Причем если во сне это было еще простительно, то, когда он ринулся спасать полукровку от неведомой опасности, едва не схлестнувшись с Таррэном, сородичи всерьез обеспокоились.

Мирена, устав от неопределенности, резко поднялась с кресла и, набросив на плечи тонкую кружевную накидку, решительным шагом направилась к двери. Все, хватит. Надо найти Белика и выяснить правду, а то с ума сойти можно от этих догадок. Она бесшумно выглянула за дверь и

быстро огляделась, но длинный, прямой как стрела коридор оказался пуст: трактирщик суетился где-то внизу, в районе кухни, явно собираясь и дальше угождать взыскательным постояльцам. Расторопные служанки тоже куда-то запропастились. Корвин и Атталис разминались на заднем дворе. Маликон и Аззар, как обычно, составили им компанию. Линнувиэль сразу после обеда поднялся к себе, а Сартас недавно ушел в город, зачем-то прихватив человеческого воеводу. Иными словами, второй этаж был абсолютно свободен.

Мирена на цыпочках выбралась из комнаты, неслышной тенью подобралась к комнате, которую занимали Белик и Таррэн, но, добравшись до заветной двери, остановилась. Перевела дух, набралась смелости и осторожно постучала. Ну? Кто откроет? Хоть бы Белик, потому что с ним общий язык найти гораздо проще. Таррэн, конечно, не злой и совсем не похож на отца, но... Боги, а может, не надо было этого делать?

Прошла томительная секунда, вторая, третья. Однако ответа все не было, и Мирена мучительно заколебалась. И что теперь? Войти без разрешения? Вернуться обратно? Она с сомнением оглядела пустующий коридор и все-таки взялась за ручку. Очень медленно отворила дверь, на цыпочках вошла и клятвенно пообещала себе, что только найдет Белика и тут же вернется — подглядывать за Таррэном она вовсе не собиралась. Оказавшись внутри, леди огляделась, но крохотная комнатка, открывшаяся ее глазам, оказалась проходной. И, разумеется, пустой. Одно окно, колченогий табурет под подоконником, невысокий стол, крепко сколоченный стул, длинная циновка, брошенная на пол...

Эльфийка нерешительно прошла вглубь комнаты и замерла перед второй дверью, оказавшейся чуть приоткрытой. Ей снова мучительно захотелось сбежать, но потом любопытство все же победило: одолев столько препятствий, грех было идти на попятный. А потому она, сжав кулачки, все-таки набралась смелости и потянула дверь на себя.

Небольшая уютная спальня ничем не отличалась от той комнаты, в которой поселили ее саму: такое же ограниченное пространство пять на восемь шагов, обилие гладко оструганного дерева, слегка разбавленного миленькими занавесками и грубоватой, но добротной сделанной мебелью. Большой кованый сундук возле открытой двери. Тяжелый, массивный и абсолютно чистый стол, за которым можно и перекусить, и посидеть, и расстелить дорожную карту. Плотные задернутые шторы на единственном окне. Два стула с аккуратно сложенной одеждой, в которой Мирена сразу узнала любимую Таррэном рубаху и его поношенную куртку. Затем увидела рядом брошенную небрежной горкой одежду Белика и, прикусив

губу, неуверенно подняла глаза на широкое ложе, занимавшее большую половину комнаты.

Таррэн спал, бесстыдно разметавшись по постели. Совершенно обнаженный, ошеломляюще красивый. Длинные черные волосы повелителя свободно струились по покрытым старыми шрамами плечам, обычно жесткое лицо выглядело спокойным и расслабленным, на тонких губах блуждала загадочная улыбка, а ее причина...

Мирена вздрогнула, увидев обвивающие его шею тонкие руки, на одной из которых алел удивительно четкий, словно напоенный кровью рисунок, тянущийся от кончиков пальцев до самой шеи и исчезающий под простыней. Полностью разглядеть его не получалось, потому что широкая рубашка (явно мужская и явно не по размеру!) надежно прикрывала гибкое тело. Но этот дивный узор выныривал гораздо ниже, проявляясь на безупречно стройном бедре, по-хозяйски заброшенном на живот эльфа. Затем спускался на колено, голень и изящную лодыжку, где обвивался гибкой змеей подобно законченному заклинанию и при ближайшем рассмотрении складывался во вполне читаемое имя.

Мирена судорожно вздохнула, широко раскрытыми глазами глядя на открывшееся зрелище, в ужасе развернулась и поспешила прочь, но наступила на половицу, что тихо скрипнула под ее ногой, и больше уже ничего не успела: в мгновение ока Белка распахнула глаза, бесшумным зверем слетела с постели, одновременно выдергивая из пристроенных в изголовье ножен свои мечи. Хищным демоном метнулась следом и все в той же оглушительной тишине громадным прыжком настигла нарушительницу.

От внезапного удара в спину эльфийка вскрикнула и упала, но потерять сознание ей не позволили: на нежную кожу беззвучно легла полоса холодного металла, сильные пальцы вцепились в горло. Ее без особого труда развернули, крутанув, как обычную куклу, а затем Мирена в панике зажмурилась, понимая, что увидела совсем не то, что нужно, и ожидая за это самого сурового наказания.

Но тут стальная хватка неожиданно ослабла, а подозрительно знакомый голос ахнул:

— Ты что тут делаешь?!

Эльфийка почувствовала, как железные пальцы разжались, и обессиленно обмякла, не понимая ничего, почти не слыша, но зная только одно — за совершенное преступление ее наверняка убьют. И даже вмешательство Белика ничего не изменит.

— Торкова коленка! Мирена! Да очнись же, глупая! Никто тебя не

тронет! Прости, я подумала, это какой-то воришка пробрался, вот и погорячилась... Мирена! Эй, ты что, в обморок собралась грохнуться? Ну-ка, прекрати! Как я потом Таррэну предъявлю твой хладный труп?! Что скажу? Думаешь, он обрадуется?!

Мирена непонимающе замерла.

Как? Это не его голос!

— Да хватит трястись! — с досадой рыкнула Белка, откладывая мечи в сторону. — Я не зверь, не трону. Просто рефлексы сработали: все же я не зря столько лет в пределах обитаю. Там едва зазеваешься, как тут же пойдешь кому-нибудь на корм... Торк! Как ты вообще додумалась сюда войти?!

Эльфийка наконец рискнула приоткрыть один глаз. Но потом увидела, кто сидит перед ней на корточках, и ошарашенно распахнула оба.

— Ну, пришла в себя, дитя природы? — насмешливо улыбнулась Белка.

Все в той же рубаше, нагло утащенной из запасов предусмотрительного эльфа, с закатанными до локтей рукавами, позволяющими без труда рассмотреть чудный рисунок на ее коже. С тонкой талией, изумительной формы бедрами, на этот раз не скрытыми под мешковатой тканью, с хитро прищуренными голубыми глазами...

Мирена замерла, потому что не рассмотрела, с кем именно делил ложе молодой повелитель, а вот теперь узнала. Неверяще охнула. Прижала руки к лицу и даже головой помотала, чтобы избавиться от наваждения. Но Белка никуда не исчезла. Только понимающе усмехнулась и знакомым жестом провела по волосам, снимая вязаную шапочку, а заодно позволяя тяжелым прядям упасть на спину и закрыть ее почти до лопаток.

— Раньше я их обрезала, чтобы не мешались. Но Таррэну нравится, когда они длинные, так что пришлось оставить, — смущенно пояснила Гончая. — Правда, отправляться с вами в таком виде было не с руки, поэтому пришлось изобретать предлог, под которым это богатство удалось припрятать.

— Белик?! Так это ты — его пара?! — потрясенно выдохнула эльфийка, растерянно глядя на такое знакомое лицо.

— Вообще-то Белка, — неловко кашлянула Гончая, отодвигаясь в сторону. — Но, если надо, могу и Беликом прикинуться. Очень удобно, кстати, когда приходится морочить кому-то голову. Зато пока что никто не догадался сам. Даже ты.

— Но зачем?!

Белка тяжело вздохнула и поднялась на ноги.

— Есть причины. Пойдем, я все объясню, пока Таррэн спит. — Она поймала пугливый взгляд эльфийки, брошенный в сторону спальни, и улыбнулась. — Не бойся, он не услышит: я его усыпила, чтобы перестал переживать, когда не надо. Трое суток на ногах ни для кого даром не проходят, даже для эльфов, поэтому пришлось узы натянуть и хитрить, а то он ни за что не стал бы отсыпаться днем. Упрямый как не знаю кто. Но там вся порода, похоже, такая. Даже на Линнувиэле сказалось... Чего лежишь? Вставай уже, шпионка ушастая. И заодно дверь запри, пока других гостей нелегкая не принесла. У меня пока нет желания открываться перед твоими остроухими друзьями и щеголять тут в чем мать родила.

Мирена, слегка отойдя от потрясения, послушно поднялась с пола и, замедленно шагнув к двери, задвинула тяжелый засов. После чего, растерянная и опустошенная, вернулась обратно и неуверенно присела на единственный имеющийся в комнате стул. Шагнуть следом за Белкой во вторую комнату не решилась, потому что не была готова во второй раз увидеть обнаженного повелителя. А еще побоялась рассердить маленькую Гончую, которая только сейчас, в момент неувовимо быстрого прыжка стала наконец похожа на себя настоящую.

Леди Мирена тяжело вздохнула, но мыслей в голове теснилось так много, что она даже не представляла, о чем спрашивать в первую очередь. О Гончих? О молодом лорде? О Серых пределах, амулете Изииара или Лабиринте безумия? О том ли, почему Гончие избрали столь необычного вожака? Почему она решила скрывать свою личность от посторонних таким экстравагантным способом? Или о том наконец, по какой причине Линнувиэль едва не сошел с ума, когда неосторожно заглянул в ее необычные глаза?

— Таррэн? — донесся до нее мягкий шепот преобразившей Белки и шелест сминаемой простыни. — Э-эй? Ты меня слышишь, любимый? Очнись на секунду, возьми немного сил для резерва, раз уж мне придется отлучиться, а потом... мм, ненасытный! Хуже пересмешника временами! Куда в тебя только влезает?!

Затем — тихий смех, хрустальными колокольчиками рассыпавшийся в тишине, и довольное урчание сытого зверя, постепенно сошедшее на нет.

— Теперь спи, остроухий, — с улыбкой отстранилась Гончая. — И не вздумай проснуться раньше времени, а то укушу.

Мирена отчаянно порозовела, неожиданно понимая, насколько тесно связаны эти двое. Даже губу прикусила от мысли, что Таррэн решил на кровные узы, чтобы быть к своей паре как можно ближе. Настолько близко, что и представить невозможно. А Белка... эта удивительная смертная...

приняла его дар, которым далеко не каждый осчастлививал свою избранницу. Причем не просто приняла, а еще и использовала. Да так ловко, что даже железная воля наследника Изиара не всегда могла устоять.

— Ну, вот и я. Соскучилась? — задорно подмигнула Белка, бесшумно прикрывая за собой дверь — уже полностью одетая и снова спрятавшая длинные волосы под шапку. А затем подошла удивительно плавной походкой и уселась прямо на стол.

Эльфийка невольно вздрогнула.

— Ты что, боишься?! — правильно подметила Гончая, устраиваясь поудобнее. — Меня?!

— Н-нет.

— А кого тогда? Таррэна? Шранка?

Мирена пугливо покосилась в сторону спальни.

— Не волнуйся, он не будет против, — отмахнулась Белка. — Да и мне, если честно, до ужаса надоело прятаться каждый раз, когда надо искупаться или умыться. Так что Таррэн будет рад, что у меня появилась... гм, подруга. А Шранк — и подавно, потому что я перестану терзать его совесть и не буду требовать сторожить каждый попадающийся по дороге пруд.

Эльфийка удивленно округлила глаза.

— О боже! — всплеснула руками Гончая. — Ты что, думаешь, я тебя съем?!

— А ты не сердишься?

— Нет, конечно! Так, малость смущаюсь, но мы с тобой не скажем Таррэну, в каком виде ты его застала.

— Спасибо! — невольно вырвалось у Мирены, и Белка озорно улыбнулась.

— Ладно, не трусь. А вот за то, что дверь забыл за собой закрыть, я его накажу. Потом, когда выпится, конечно.

— Не надо! Он просто устал: четыре дня от тебя не отходил, почти не ел, не спал, глаз не сомкнул... а тут еще Линнувиэль едва не сорвался!

— Паникеры, — буркнула Гончая, моментально посерьезнев. — И Шранк наверняка масла в огонь подливал, да? Так, давай-ка по порядку с того момента, как я некрасиво грохнулась в обморок. Что на самом деле произошло и отчего ваш хранитель чуть не спалил нам дверь? А то Таррэн помалкивает и Шранку наверняка не велел болтать лишнего. Мне же, чтобы выколотить из них правду, придется полгорода развалить по камешку, иначе не признаются, обормоты. Линнувиэль тоже играет в молчанку, а с тобой намного проще. Попробуем быть откровенными? Ты

говоришь, в чем там было дело, а я не рассказываю Таррэну, каким таким чудом мы с тобой все-таки познакомились. Идет?

— Идет, — с невыразимым облегчением кивнула Мирена и, устроившись поудобнее, начала старательно вспоминать.

ГЛАВА 5

Гостеприимную Борреву эльфы покинули на рассвете. Поднялись с первыми лучами солнца, наскоро перекусили и еще по росе выехали через восточные ворота, торопясь наверстать потерянное время.

Линнувиэль чувствовал себя не в своей тарелке, потому что так и не успел переговорить с Беликом. Даже не поблагодарил его, поскольку сперва не решился, затем не было возможности, так как малыш долго спал, потом наконец очнулся и вышел на свет, но так странно посмотрел на Линнувиэля... Во взгляде Белика появилось такое непонятное выражение... такая гремучая смесь холода, голода и злости, что это заставило нетерпеливо мнущегося хранителя повременить с откровениями. Правда, отказаться от задуманного это не заставило: недавние сны были слишком красочны и подробны, чтобы Линнувиэль дал себя запутать. Он даже собирался поговорить с Беликом после первой совместной трапезы, но подметил мрачное выражение лица Шранка, затем перехватил не менее красноречивые взгляды сородичей, взвесил свои шансы и отказался от неудачной мысли расставить все по своим местам. А потом больше ни разу не оказывался с Беликом наедине. Ни в коридоре, ни на лестнице, ни даже у отхожего места, которое тоже был вынужден посещать, тогда как Белик, похоже, в нем вовсе не нуждался.

Однако в небольшом отряде невозможно скрываться бесконечно, поэтому поутру, завидев шустро снующего по двору пацана, хранитель снова напрягся. Он ждал чего угодно, от череды вполне заслуженных насмешек до откровенных издевательств над своей невезучей персоной. Заранее запасся терпением и, столкнувшись с малышом нос к носу у конюшни, уже приготовился к худшему, но... ничего плохого не случилось: Белик молча обошел замершего спутника и сделал вид, что не понял, отчего так вытянулось его лицо. Всю дорогу до ворот он подчеркнуто держался рядом с Таррэном. По-прежнему молчал, изредка кидая по сторонам сосредоточенные взгляды. На остроухих спутников вовсе не обращал внимания, даже на попытку Корвина завязать разговор не отреагировал. А после того как Боррева скрылась из глаз, вовсе сорвался с места и умчался на своем чудовищном звере в неизвестном направлении.

Линнувиэль, кинув неприязненный взгляд на полуденное солнце, огорченно вздохнул. То, что проблема была в нем, он прекрасно понимал: Белик явно обладал какой-то магией, но по неизвестным причинам

тщательно скрывал этот факт. Вернее, искусно прятал за дурашливостью, едкими насмешками и язвительными замечаниями, от которых даже сдержанного Сартаса порой бросало в дрожь. Но теперь хранитель видел: всем этим фарсом Белик добивался лишь одной-единственной цели — не дать попутчикам к себе приблизиться, не дать времени и возможности узнать себя настоящего. Любой ценой, любым путем отвлечь. А один глупый эльф сумел нарушить эту тщательно выверенную дистанцию, за что и поплатился: с определенного момента его старательно игнорировали. Ни слова, ни укора, ни одной гадости, ни даже ехидного «Линни» для проверки. Совсем ничего. И это неожиданно ранило.

Линнувиэль больше не боялся прослыть безумцем. Не пытался никого обманывать и скрывать то, в чем прежде никогда бы не признался даже себе. Темная бездна! Он просто хотел узнать правду! Но не от воеводы или сородичей, не от красивой эльфийки, поглядывающей в его сторону со все возрастающим беспокойством, и даже не от Таррэна. Нет. Он хотел услышать ее от того, кто сумел разбудить его душу и вернул ее из такого мрака, откуда обычно не возвращаются.

— Линнувиэль, ты хорошо себя чувствуешь? — озабоченно спросил Сартас, поравнявшись с собратом. — Ты бледен как полотно. Рана не открылась?

Хранитель неохотно очнулся от невеселых дум и, смутно подивившись такому участию (вот уж от кого не ждал!), покачал головой.

— Нет.

— Уверен?

— Конечно.

— Может, остановимся пораньше? — неожиданно нахмурился и Корвин. — Ты слишком слаб для такого пути. Маликон, спроси у лорда Таррэна, не будет ли он возражать? Знаю, что мы торопимся, но не думаю, что спешка будет стоить чьей-то жизни.

— Со мной все в порядке, — буркнул Линнувиэль, толкая пятками своего жеребца. — Помирать не собираюсь, не надейтесь. А что бледный — не страшно. Вот скоро отъежусь, отосплюсь, сил накоплю побольше и порозовею.

— Главное, чтобы не обожрался, не потолстел и не начал огнем плевать, — подозрительно серьезно заметил Шранк. — А то нам с тобой будет не совладать. Придется ушастым шариком катить по дороге, чтобы загнать на место, а оглушать так, как любит Белик, — толстой дубиной с разгона.

Хранитель тихонько фыркнул.

— Нет, ты не думай, что я против, — невозмутимо продолжил воевода. — Просто имей в виду: если вдруг захочешь в лоб получить али в глаз, чтобы от дурости-то избавиться, так я буду первым в очереди.

— Мечтай, мечтай.

— Хочешь сказать, так и останешься на всю жизнь идиотом? — округлил честные глаза Шранк. — А как же стремление к совершенству? Как же ваша вечная любовь к созиданию? И вечная тяга к новому? Побыл бы для разнообразия умным — вдруг бы понравилось?

Сартас кашлянул, предупреждая покосившись на развеселившегося смертного, но Линнувиэль только криво усмехнулся.

— Предлагаешь у тебя поучиться?

— А что такого? — демонстративно расправил плечи Страж и выразительно потер громадный кулак. — Вот оно, хранилище знаний. Никогда не подводит, если надо кому-то открыть глаза. И вообще, чтоб ты знал, я настоящий кладезь мудрости. Поделюсь так поделюсь: потом полжизни будешь осколки сплевывать и вспоминать меня добрым словом.

— «Добрым словом» я тебя и сейчас могу благословить. Безвозмездно. Ты мне только тональность подскажи, а то я не уверен, что смогу правильно подобрать нужный ритм.

— Так привал будет, и подскажу, — спокойно кивнул Шранк. — И тональность, и ритм, и все остальное. Ножики свои только захвати для пущего эффекта, и мы прекрасно поладим.

— Договорились, — хищно усмехнулся Линнувиэль. — С меня ножи, с тебя — мудрость, а там посмотрим, у кого больше убежденности во взглядах.

Воевода оценивающе прищурился, внимательно оглядел встрепенувшегося остроухого и остался доволен: кажется, тот окончательно пришел в себя, поскольку ничто так не способствует правильной работе мысли, как веселая бесшабашная злость. И она же, кстати, отлично помогает избавиться от последствий трудно переносимого взгляда вожака. На себе испытали. А теперь и ему придется, герою ушастому, а то что-то совсем загрустил.

Таррэн проследил за взглядом друга и одобрительно кивнул, но никто, кроме Шранка, этого уже не заметил.

— Ну, получил свое? — ехидно пропела Белка, едва потрепанный эльф со злобным шипением выбрался из речки, где пытался отмыть плачущее кровавыми слезами тело: на обещанном привале проклятый Страж всего за полчаса уделал его так, что с импровизированной арены молодой хранитель почти что уполз.

Мудростью, чтоб его... поделится! Проклятая Гончая! Сказал бы кто раньше, на что способно это ухмыляющееся чудовище, Линнувиэль сто раз бы подумал, прежде чем с ним связываться. Неужели это человек?! Конечно, эльфы видели его в бою с гиенами, но чтобы так быстро махать мечом... Пожалуй, с ним даже личный телохранитель владыки Тирриниэля не сумеет справиться. И все бы ничего — отличных бойцов эльфы всегда ценили, иногда прощая даже человеческое происхождение, но как этот гад измывался в процессе...

— Ого, — насмешливо хмыкнула Гончая, изучая причудливую карту кровоподтеков на теле хранителя. — Славно Шранк развлекся. Кстати, он не предупредил, что держится на равных даже с Таррэном?

Линнувиэль замер, удивившись не столько новым сведениям, сколько тому, что утренний бойкот наконец закончился. Но потом вспомнил о Шранке и снова поморщился.

Ага, не предупредил. Забыл, наверное, гад? Эх, знать бы чуток пораньше... а теперь ребра болели просто безумно. Хранитель все руки себе сбил о будто железное тело воеводы, да вдобавок чуть передний зуб не потерял, не успев увернуться от его громадного кулака.

— Да-а-а... — протянула Белка, с нескрываемым удовольствием разглядывая собеседника. — Красота — страшная сила. Я гляжу, ты сегодня отличился.

— Зато ты, я гляжу, наконец-то решил перестать от меня прятаться! — не сдержался Линнувиэль, осторожно присаживаясь на траву.

— Скажем так: я дал тебе время привыкнуть.

— К чему?

— К тому, что ты больше не сможешь меня ненавидеть.

Темный эльф красивым движением свел брови к переносице и очень медленно повернул голову.

— Интересное заявление... И как это понимать?

Белка чуть наклонила голову, молча изучая его гармоничное лицо, в котором, как и у всех мужчин из рода Л'аэртэ, присутствовали несомненные черты владыки Изиара: тонкие черные брови, слегка раскосые зеленые глаза, чуть приподнятые скулы, четко очерченные губы, слегка подпорченные капризным изгибом. Немного отличается форма подбородка и высота лба, но все же ошибиться невозможно — напротив нее сидит один из отпрысков проклятого владыки и родственник Таррэна.

— Вот так, — тихо шепнула она, и мир знакомо перевернулся.

Линнувиэль вздрогнул, с головой окунувшись в бездонную синеву ее глаз. Сжал челюсти, чтобы не поддаться ей снова. Мысленно взвыл,

чувствуя, что еще немного — и проиграет эту схватку, а затем инстинктивно шарахнулся прочь. Еще не понимая до конца, в чем дело, но чувствуя, как давит на него чужая воля. Стремится подчинить, сломать, бросить его на колени. И именно в этот момент трехсотлетний маг вдруг прозрел и со всей ясностью понял, что в прошлый раз не ошибся. Было в Белике что-то неправильное. До боли знакомое. Что-то, что заставило мага вспомнить об истоках своей собственной магии и, сравнив ее с тем пламенем, что полыхало во внезапно позеленевших глазах, с содроганием осознать, что же за сила такая в нем жила.

Полное подчинение... Эта дикая мысль промелькнула и засела в сознании опытного мага так прочно, что смогла пробиться даже сквозь затянувшийся разум дурман. А потом Гончая все-таки сжалилась и отвернулась. Линнувиэль помотал головой, с трудом избавляясь от наваждения, но лишь после этого наконец сообразил, насколько опасно было просто смотреть в эти чистые радужки, как легко в них можно потерять личность, раствориться, исчезнуть и никогда не вернуться...

— Что это за магия? — с усилием выдавил Линнувиэль, когда пришел в себя.

— Моя магия, эльф, — сухо ответила Белка. — Теперь ты понимаешь, почему стараюсь держаться от вас подальше?

— С этим как-то можно бороться?

— Нет.

— А предотвратить?

— Если не смотреть прямо в глаза, все терпимо, — спокойно отозвалась она. — Прости, что мне пришлось ее использовать, но иного выхода мы не видели: ничто другое не способно было вернуть тебя к жизни. Только мой зов, потому что он гораздо сильнее зова смерти, однако именно из-за него ты больше не сможешь меня ненавидеть.

Темный эльф с силой растер виски, действительно ощущая, как уходят в небытие странные мысли и противоестественные желания. Кажется, ему не солгали: если не видеть этих странных глаз, жить становится легче. А ненависть... Да, Белик прав: Линнувиэль больше никогда не сможет его возненавидеть.

— Прости, — неожиданно смягчилась Гончая. — Это сильнее меня. Я почти не контролирую это, а единственное, чем могу тебе помочь, — просто не приближаться. Но ты ведь не захочешь этого, верно?

Линнувиэль обреченно прикрыл глаза.

— Как такое стало возможно? — хрипло спросил он, страшась поднять взгляд и снова увидеть манящие голубые озера, в которых так

хотелось утонуть.

— Это ты у Таррэна спроси. Я не слишком разбираюсь в ваших магических извращениях.

— Почему в наших? — непонимающе уточнил голову эльф. — Это же чистая сила, преобразованная в один-единственный узконаправленный луч. Правда, невероятно мощный. Мгновенный удар по разуму, причем такой силы, что его способен нанести только очень опытный маг. Владыка, например. Или Таррэн. А ты — человек...

— Нет.

— Что «нет»? — не понял Линнувиэль.

— Я не человек, — безразлично пояснила Гончая. — Причем уже давно. Но и не полукровка. По крайней мере, не в том смысле, который вы вкладываете в это понятие. Да не ломай голову, просто поверь на слово, потому что на данном этапе я не собираюсь тебе ничего объяснять. Всего лишь хочу предостеречь от глупостей, чтобы Таррэну не пришлось потом прибегать к «Пологу забвения» или, чего доброго, отрывать тебя от меня с мясом. Скорее всего, для тебя это закончится плачевно, а для меня — еще одним трупом. Я этого пока не хочу. Что же касается магии, то тут ты абсолютно прав: мои способности — это работа мага. Очень сильного. Одного из самых могущественных среди твоего народа, хотя и не совсем вменяемого, иначе он не заставил бы вас сходить с ума от моего присутствия.

— Я не понимаю.

— А этого и не нужно. Раз уж так случилось, а ты отказался об этом забыть, хотя тебя *очень* просили, значит, терпи теперь и помалкивай о том, что увидел. Не то я пожалею о своем решении.

Линнувиэль непонимающе поднял голову.

— Каком?

— Что сохранил тебе шкуру, — жестко ответила Белка.

— Ты же не любишь темных, — некстати напомнил Линнувиэль, искоса поглядывая на ее посуровевшее лицо.

— Ты прав.

— Тогда стоило ли? — невесело хмыкнул эльф. — И вообще, с чего ты взял, что мне хотелось вернуться?

— С того, что ты откликнулся на зов. А значит, есть еще в этом мире незавершенные дела, которые ты хотел бы закончить. И значит, у меня был шанс.

Хранитель тяжело вздохнул.

— Это Таррэн тебя попросил, да?

— Он-то как раз не хотел рисковать, — покачала головой Белка. — Ни мной, ни тобой. И если бы ты знал истинную причину, то, скорее всего, согласился бы с ним. Да только я, как видишь, никого из вас не послушал.

Она неожиданно наклонилась и, подобрав с земли несколько камушков, ненадолго замолчала. А когда ушастый маг вознамерился нарушить гнетущую тишину, все-таки заговорила снова. Медленно, неохотно роняя слова в тишину сумрачного леса, будто не была до конца уверена в том, что поступает правильно.

— Когда-то мне довелось столкнуться с одним из ваших. Из темных, я имею в виду. Совершенно случайно, в таком же красивом месте, рядом с почти такой же речушкой. В то время у меня еще была сестра... — Гончая печально прикрыла веки. — Тогда было так же темно, как сейчас. Ночь, как назло, казалась тихой и мирной, а нам было слишком весело, чтобы пугаться неизвестности. Тогда я не знал, насколько мало перворожденные ценят человеческие жизни. Не знал, что они редко утруждают себя моральными терзаниями в отношении людей и еще реже считаются с чужой болью, если она способна принести им хоть малейшую пользу. Тогда я еще умел ошибаться, Линнувиэль. Но та встреча была последней ошибкой, которую я совершил, будучи человеком. Да, она была очень недолгой — всего двое суток, которых в обычной жизни мы бы даже не заметили. Но для меня они растянулись на целую вечность и в конечном итоге стоили жизни нам обоим. По крайней мере, долгое время мне казалось именно так.

— Твоя сестра...

— Из нас троих эти сутки пережил только я, — сухо кивнула Белка. — Уцелел еще Литур, но сейчас речь не о нем, его в тот момент там не было. Больше в живых никого не осталось, и это — одна из причин, по которой я очень не люблю ваше племя и по которой все до единого Стражи из вашей заставы до сих пор обходят меня стороной.

Линнувиэль нервно дернул щекой, старательно отгоняя мысль, что часть без вести пропавших сородичей, которых и так насчитывалось в пределах немало, возможно, бесследно исчезли в недрах Проклятого леса не только по вине его коренных обитателей. Но представить себе, чтобы перворожденные, да еще Стражи, о которых ходило столько легенд, вдруг оказались настолько плохи, что смогли уступить этому дерзкому сорванцу... Неужто правда?!

Он судорожно вздохнул и сделал единственный правильный вывод:

— Значит, ты действительно Гончая?!

Белка ошарашенно замерла. Затем кашлянула, не совсем поняв

причину вопроса, но потом рассмотрела красноречивое лицо эльфа, которое вдруг пошло красными пятнами, и громко расхохоталась.

— Линнувиэль! Ты, похоже, решил, что ту сценку со Шранком мы заранее продумали?! Как с Крикуном? Что я... ой, не могу... все это выдумал, чтобы вы прониклись уважением?! Ха-ха! А я-то все думал: чего это ваши ушастые так спокойно все восприняли, будто каждый день натываетесь на подобные сюрпризы. А вы, выходит, просто посчитали за глупую шутку?! У-у-у... — простонала Белка, держась за живот. — Нет, это действительно нечто! Шранк будет в полном восторге! А наши вовсе со смеху помрут, когда я это расскажу! Ох, мать моя! Нет, то, что вы меня за дурачка принимаете, это понятно, но чтобы сомневались в моем праве после того, как я его наглядно продемонстрировал... Н-да, такого еще не было! А ты хоть знаешь, что бывает с дураками, вздумавшими назваться Стражами не по праву?!

— Не смешно, — буркнул эльф, отсвечивая в темноте кончиками красных ушей. — Ты сам нас в заблуждение ввел: сплошные подставы на каждом шагу! Кто ж мог догадаться, что хоть что-то из сказанного тобой правда?!

— Спасибо, я тронут, — снова хихикнула Белка, сверкая отчаянно веселыми глазищами. — Честное слово, в жизни так не получалось одурачить, а ведь сколько я пытался... и тут — на тебе! Крикун обзавидуется! Всю бороду себе съест, жалея, что не видел этого своими глазами! Нет, пожалуй, не стоило тебе рассказывать правду. Лучше было поглумиться еще немного, глядя на ваши постные физиономии и то, как вы пытаетесь сообразить, что к чему!

Но Линнувиэлю вдруг стало не до смеха. Он неожиданно припомнил почитание, оказываемое этому сияющему мальчишке суровыми Стражами. Непонятное беспокойство Литура, граничащее почти с испугом, когда выяснилось, что за разбитую колонну Белик намылит ему шею. Удивительное терпение не слишком-то сговорчивого воеводы. Необъяснимое уважение в глазах старого гнома. Беспрекословное послушание гаррканцев, в которых за версту видать настоящих демонов. Наконец, тот великолепный прыжок (явно не самый лучший!), от которого у хранителя просто дыхание перехватило, настолько он был совершенен. Эльфы умели ценить действительно красивые вещи.

Однако замереть на месте его заставило не это, а одна мимолетная, но истинно леденящая душу мысль. Ведь если все это правда, а Белик — действительно самый настоящий вожак... то на что же тогда в действительности способен этот малыш?! Какой мощью он должен

обладать, чтобы держать в повиновении непокорную дюжину Гончих? Насколько он должен быть ловок, чтобы одолеть в поединке такого бойца, как многоопытный воевода? Как быстра должна быть его реакция, чтобы суметь удержать в узде сразу двух хмер, которых эльфы приметили на заставе?! А его магия?! Эта неумолимая сила, перед которой склонялись самые буйные головы? Не этим ли преимуществом пользовался Белик всякий раз, когда требовал повиновения? Не этим ли объяснялась удивительная и поистине бесконечная терпимость Стражей? Бог мой! А ведь Белик прав: ему действительно невозможно отказать! Создатель! Как же Линнувиэль не понял?! И почему только сейчас подумал о том, с какой именно целью Белик... тот самый смертельно опасный вожак... решил отправиться в этот поход? Зачем, если терпеть не может темных?!

Линнувиэль оторопело воззрился на лицо, обрамленное густыми каштановыми кудрями. Эти глаза... хищно горящие голубые глаза... В них больше не плескалось веселье, лишь ровным светом горел изумрудный огонь магии. Станный, необъяснимый, но такой узнаваемый — поразительно ясный свет «Огня жизни», которого не могло быть у полукровки. А вместе с ним — холод. Поистине леденящий холод, смешанный с расчетливостью, четким пониманием цели и абсолютным знанием того, как этой цели достичь.

Эльф только раз заглянул в эту синюю бездну и мгновенно осознал, что сейчас перед ним стояла вторая ипостась Белика — умная, жесткая и даже жестокая. Именно та, вторая суть, которую чаще всего видели перед собой человеческие Стражи.

Белка задумчиво сжала кулак и, словно подтверждая его догадку, стряхнула с ладоней каменную пыль — все, что осталось от речной гальки.

Линнувиэль судорожно сглотнул, замороженный двойственной природой этого непонятного, страшноватого, но невероятно притягательного существа, в совершенстве владеющего искусством отнятия жизней. Пластичного и грациозного, как горный лев, такого же смертоносного, безумно опасного и подчас жестокого. Существа, которым было невозможно не восхищаться.

Темная бездна... и именно его они скоро приведут в свой дом?! Своими руками впустят этого демона в чертоги?! Проклятье! Не может быть, что хранитель пропустил эту угрозу! Не может быть, что ее пропустил лорд Торриэль или... Может, именно Белик стоял за его решением вернуться? Может, он изящно спланировал давно взращиваемую месть? За себя, погибшую сестренку, уничтоженных по вине одного из перворожденных? Кто... кто сможет устоять перед этим притворщиком, за

бесконечными масками которого кроется холодный расчетливый ум вожака Гончих? Кто сможет одолеть его чары, если даже хранителю едва удастся сидеть спокойно в его присутствии? Кто остановит эту бурю, если Белик вдруг решит избавить Лиару от правителя темных эльфов?!

Хранитель знаний в панике шарахнулся прочь.

— Разумно, — спокойно кивнула Белка, ничуть не удивившись. — Мои поздравления, Линнувиэль: ты первый на моей памяти, кто самостоятельно принял верное решение. Даже Таррэн в свое время провозился дольше, а среди моих Гончих некоторых пришлось по нескольку раз калечить, чтобы дошло. И это, заметь, несмотря на то, что я всегда предупреждаю заранее, а моя сила ни на ком из них ни разу не проявлялась в полной мере. Кроме Таррэна, разумеется.

— Что ты с ним сделал?!

— Я? — искренне удивилась Гончая, но взглянула на побелевшее от ужаса лицо эльфа и понимающе улыбнулась. — Не бойся: кровь Изииара — единственное, что может мне противостоять. Не полностью, конечно, но хотя бы можно спокойно общаться и не ждать каждый миг дурацких предложений. Все представители твоего дома неплохо защищены от моего взгляда. Таррэн, как прямой потомок, — получше, ты — похуже, но все же достаточно, чтобы я не опасался за твой рассудок. Кстати, Таррэн единственный, кто мне почти не поддается... ну, когда очень хочет, конечно. Так что не волнуйся за его разум — я не смогу причинить ему вред. А если бы и мог, то не стал бы. Слово Стража.

Эльф недоверчиво покосился.

— Почему?

— Он спас мне жизнь, — просто ответила Белка. — Таррэн вытащил меня из такой же бездны, из которой недавно вытащил тебя я, и он не хочет конфликтов с советом старейшин. Так что не тревожься за свой народ, Линнувиэль: ради Таррэна я не трону никого из твоих собратьев и не стану мстить за прошлое ни хранителям, ни совету, ни твоему владыке. Если, конечно, они не вздумают сделать нам больно.

Линнувиэль неуловимо нахмурился.

— Значит, ты и мою жизнь спас лишь потому, что этого хотел Таррэн?

— Не только, — тонко улыбнулась Белка. — Если я скажу, что мне понравилась твоя реакция, это будет считаться объяснением?

Темный эльф скептически изогнул бровь.

— Да не в этом смысле, дурачок, — пихнула его в бок Гончая. — А в том, что ты оказался на удивление незлобивым. И любопытным. Обычно ваш брат — сплошь гордецы, страшатся выставлять напоказ свои

чувства. Но ты еще не увяз в этих рамках. Ты любишь наблюдать, копаешься в причинах и умеешь делать на удивление правильные выводы. Мне понравилось, правда. Впрочем, не это главное, друг мой. А то, что ты, как и Таррэн, умеешь себя сдерживать даже тогда, когда находишься на грани. Для эльфа... тем более хранителя... такой самоконтроль — большая редкость. И Таррэну это тоже понравилось, я знаю. Из всей вашей дурной семерки магов ты, пожалуй, единственный, кто мог бы правильно его понять.

— Я в этом совсем не уверен.

— Зато уверен я. И даже готов дать тебе шанс это доказать.

— Каким, интересно, образом? — недоверчиво хмыкнул Линнувиэль. — Попросишь Таррэна забыть о хранителях, которые когда-то лишили его имени? Или сосватаешь, как Мирену недавно? Нет уж, спасибо. Как-нибудь сам разберусь. И вообще, я не совсем понял: с каких это пор ты начал мне доверять?!

— А меня невозможно обмануть, — неожиданно погрузтел Гончая. — Тот, кого я коснусь силой, не сможет мне солгать в открытую. Ни один мужчина не поднимет на меня оружие, ни одна женщина не накричит. Мне никто не позавидует, потому что магия гасит любую неприязнь. Рядом со мной даже гномы становятся покладистее и тише, а тролли — разговорчивее и терпеливее. У змей просыпается ненормальная заботливость, пещерные медведи охотно отдают свои запасы, а хмеры просто садятся в кружок и с удовольствием слушают мой голос. Я словно магнит, Линнувиэль. Как яркий свет для глупых мошек, у которых от жара моментально сгорают крылья. Я этого не хотел. Меня таким создали. Сила растет, и с некоторых пор ни одно живое существо не смеет меня обидеть. Веришь? Даже не поцарапают, если, конечно, я успею вовремя увидеть опасность. Но только один эльф способен по-настоящему безнаказанно находиться рядом со мной. Он один умеет справляться с этой магией, и именно поэтому я иду вместе с вами. А Таррэн...

Белка испытующе покосилась на молчаливого эльфа.

— Что бы он ни говорил, но он переживает каждый раз, когда его народ теряет еще одну бессмертную жизнь. Он не хочет смерти для своих братьев. И не хочет смерти отца, хотя давно перестал к нему относиться, как к родичу. Да, он злится на то, что ты умолчал о ране. Но на самом деле был бы рад, если бы в Темном лесу имел за плечами хотя бы одного сородича, которого мог бы с уверенностью назвать своим братом. Что скажешь, ушастый? Ты бы согласился на эту роль?

Линнувиэль вздрогнул и не нашелся с ответом.

ГЛАВА 6

Владыка Тирриниэль с нескрываемым удовольствием следил за пульсирующим на ладонях Тира сгустком чистого огня. Но не того ядовито-зеленого пламени, которым немолодой эльф владел сам, а удивительно алого, с редкими изумрудными всполохами по краям. Невероятно мощного и неожиданно гармоничного, такого, каким и должен быть истинный «Огонь жизни».

Юный маг легко подбросил сгусток в воздух и играючи закрутил в длинную огненную спираль, позволив ей взвиться до верхушек ясеней и выбросить в небо столб густого дыма. Затем так же ловко сжал ее до прежних размеров, сформировал алый шарик величиной с кулак, заставил пару раз облететь себя по кругу, шаловливо покрутиться перед носом улыбающегося правителя и, наконец, вернул туда, откуда взял, — в собственную ладонь. Там скромный огонек послушно уменьшился и исчез, оставив после себя лишь тоненькую струйку дыма и легкий запах нагретых камней.

— Неплохо, молодой лорд, — раздался из-за спины чей-то голос, и Тир неуловимо нахмурился. — Очень и очень неплохо. Ваш «Огонь жизни» прекрасно развивается.

Владыка Тирриниэль удивленно обернулся и слегка приподнял брови, молча вопрошая старшего хранителя о причинах, по которым тот решил прервать их занятие.

Иттираэль сдержанно поклонился.

— Прошу прощения, мой лорд. Я всего лишь почувствовал всплеск силы и пришел убедиться, что с вами все в порядке.

Царственный эльф замедленно кивнул. От него не укрылся мгновенный оценивающий взгляд, который яснее ясного показал: Иттираэль знал, отчего сегодня Тир занимается самостоятельно, тогда как владыка сидит в сторонке, пытаясь скрыть в тени величественного ясеня откровенно усталое лицо.

— Вы совсем не бережете себя, мой лорд, — мягко упрекнул его хранитель, и Тирриниэль тоскливо вздохнул. — Возможно, вам стоит сократить время занятий? Опасно тратить силы там, где можно справиться иными путями, а вам сейчас никак нельзя напрягаться. Если пожелаете, я заменю вас и охотно продолжу обучение юноши.

Владыка эльфов почувствовал, как напрягся Тир, и покачал головой.

— Благодарю, не нужно.

— Вы истощены, мой лорд, — настойчиво повторил Иттираэль, краешком глаза отметив хмурое лицо молодого мага. — Вам нельзя пользоваться силой, иначе процесс ускорится во много раз. И чем чаще вы будете обращаться к огню, тем скорее подойдет время Ухода. Прошу вас, мой лорд, поберегите себя.

— Я знаю свои границы, Иттираэль, — устало отвернулся владыка. — Как видишь, Тир занимается самостоятельно. Я всего лишь направляю его в нужную сторону.

— Однако молодому лорду нужны поединки. Без них будет трудно овладеть нашей силой в полной мере.

— Спасибо, как-нибудь обойдусь, — мрачно отозвался Тир, поглядывая на белоснежную хламиду хранителя с искренней неприязнью.

У опытного мага было красивое лицо — сильное, волевое и настолько знакомое, что хоть в зеркало не смотришь. Но при этом сквозило в нем нечто такое, что заставляло Тиру держаться от хранителя подальше. Некий отголосок прошлого, смутное воспоминание, смешанное с чужой болью, кровью и вызывающими ужас видениями... С такой же безмятежной улыбкой этот эльф стоял возле алтаря и молча следил за сыном своего владыки, когда тот творил сущее безумие. Смотрел, потому что старший хранитель не мог не знать об *изменении*. Точно так же, как не мог в нем не участвовать, и это было той неодолимой преградой, которая надежно отделяла его от настороженного и откровенно напрягшегося Тиру.

— Я пока справляюсь, — холодно заметил Тирриниэль, и Иттираэль коротко поклонился.

— Как пожелаете, мой лорд. Но постарайтесь быть внимательнее — мой амулет скоро исчерпает резерв, а другого способа помочь вам пока нет.

— Знаю. Ступай.

Иттираэль почтительно склонил голову и, мельком покосившись на Тиру, в руках которого неуловимо быстро возник опасно гудящий шар ядовито-зеленого цвета, величаво удалился. Его лицо, обращенное к притихшим ясеням, было по-прежнему спокойным и бесстрастным. Походка — мягкой и бесшумной. На губах играла печальная улыбка. Но вот глаза...

Тартис, терпеливо дожидаящийся у рощи своего подопечного, подскочил, как ошпаренный, и поспешно согнулся в глубоком поклоне, когда мимолетный взгляд хранителя мазнул по его лицу. И только когда молчаливая фигура в белом отдалилась на почтительное расстояние, с облегченным вздохом выпрямился.

— Что ему надо? — хмуро спросил Тир, едва Иттираэль ушел.

— То же, что и всем: он не желает, чтобы трон пустовал. А у меня осталось слишком мало времени и сил, чтобы учить тебя так, как должно. Он это прекрасно знает и боится, что я не успею тебя подготовить.

— Ты ему не сказал?

— О чем? Что я вас отпустил и ты волен уйти в любую минуту? Сказал, конечно, но сам понимаешь, его это не порадовало. Ты нужен нам, Тир. Только твоя сила способна удержать Темный лес от распрей. Трону нужен правитель, а народу — твердая рука, которая сумеет удержать даже самых буйных от соблазна сменить династию.

Тир совсем насупился.

— Не думаю, что я для этого подхожу.

— Да, это правда, — неожиданно согласился Тирриниэль. — Ты слишком молод. Но за тобой стоит наша кровь. Кто бы ни хотел занять мое место, этого нельзя изменить: твоя мощь настолько велика, что даже хранители сообща не сумеют ее преодолеть. Ты и сейчас способен противостоять их совместным усилиям, а если бы согласился коснуться родового ясеня, эта сила возросла бы многократно. Я знаю, как ты противишься, знаю, как не желаешь быть чьей-то игрушкой. Но сейчас только ты можешь стать гарантией того, что после моей смерти Темный лес не ввергнется в пучину междоусобиц.

— Если я откажусь, ты передашь власть Иттираэлю? — сухо осведомился Тир.

— Нет.

— Тогда кому? Насколько я знаю, здесь больше нет подходящих кандидатов: только в нем настолько сильна кровь Изияра, чтобы удержать трон и справиться с силой ясеня.

— Нет, — вздохнул Тирриниэль. — Есть еще Торриэль, которого я именно для этого просил вернуться в чертоги. Если же ты уйдешь, а он откажется или опоздает... у меня просто не останется другого выхода: Темному лесу необходим сильный владыка, а кроме хранителей, никто не сумеет совладать с огнем.

— Значит, все-таки Иттираэль... — задумчиво кивнул Тир.

— Только если не будет иного пути.

— И ты так спокойно об этом говоришь?

— А что мне еще остается? — невесело усмехнулся повелитель. — Кричать и размахивать руками, сетуя на судьбу? Метаться по чертогам? Бросить клич и поочередно перебить всех ближайших родичей, чтобы за их счет протянуть еще немного? Я, может, был не самым лучшим правителем,

но до такой низости, как Изиар, не опущусь.

— Действительно, — хмыкнул юный маг. — Недостойно владыки — пытаться выторговать жизнь у вечности.

— Верно, — спокойно отозвался Тирриниэль, а потом лукаво прищурился. — Ну наконец-то ты хоть немного начал меня понимать.

— Я много чего понимаю. Только не со всем соглашаюсь.

— О да, я заметил. Кстати, давно хотел спросить: в тот день, когда на вас напали, о чем ты думал? Чего хотел достичь, пробуждая свой огонь? Убить? Очистить эту землю от скверны? Что побудило тебя ненавидеть тех смертных?

— Милле, — непроизвольно вырвалось у Тира.

— Милле? — вопросительно приподнял брови владыка. — Неужели она так тебе дорога, что ты без раздумий спалил треть восточного леса и почти два десятка смертных?

У юного мага посуровело лицо, а пальцы сами собой сжались в кулаки. Он напрягся, поджал красиво очерченные губы, хищно сузил глаза и как-то нехорошо подобрался.

— Я не убийца, Тирриниэль... И мне не нравится отнимать чужие жизни, но эти... Таких и людьми-то назвать нельзя, — жестко ответил Тир, упрямо вскидывая подбородок. — Таким не место на Лиаре. Не останови я их, кто-то другой мог погибнуть. Они звери, Тирриниэль. Куда опаснее и безжалостнее хмер, потому что костяные кошки никогда не убивают ради забавы, а эти... им доставляло наслаждение мучить и убивать. Поэтому я их уничтожил. И сделал бы это снова, если бы пришлось.

— Я не осуждаю, — мягко улыбнулся владыка. — Но хотел узнать: какая мысль крутилась у тебя в голове в тот момент? О чем ты подумал? Чего хотел? Что послужило толчком для рождения твоего огня?

— Тогда я был слишком зол, чтобы понимать, что творю, — задумчиво обронил Тир. — И слишком боялся за Милле, чтобы сдерживать свою ярость.

— Ты ненавидел?

— Да, первым толчком послужила именно ненависть. Но еще я хотел... — Тир неожиданно нахмурился, вспоминая тот трудный день. — Я хотел, чтобы это прекратилось. Хотел их уничтожить, желал им смерти так, как никому прежде. Я хотел их убить, когда не мог даже пошевелиться. Я хотел убить их... всех до одного, понимаешь? Всех, кто имел к этому хоть какое-то отношение! К нам, к Валу, к этим типам, которых наверняка было больше, чем мы увидели...

— Вот оно что! — неприлично присвистнул Тирриниэль. — Значит,

это тебя надо благодарить за неудавшееся покушение на правителя Интариса?

— Не понял? — изумленно обернулся Тир.

— Твоя сила, — пояснил темный эльф. — Если ты не знаешь, в тот день случилось два абсолютно одинаковых пожара: один — во дворце, от которого сгорели покои одного из интарийских принцев, а второй уничтожил другого наследника вместе с придворным магом, личной гвардией и даже лошадьми. Возле того пожара вас тогда и нашли, и ты совсем ослаб... Бездна! Откуда же в тебе столько силы, если ты одним словом вызвал два «Огня жизни»?! Причем один из них находился почти в сутках пути от источника! Неудивительно, что ты в себя пришел только вблизи рощи, и то не знаю, как ты продержался. Мальчик мой! Откуда у тебя такая мощь?!

Тир ошарашенно потряс головой.

— Да я не хотел... вообще не думал ни про какие заговоры! Оно мне надо? Просто этот Коллин так меня разозлил, да еще пытался убить Вала, а потом схватил Милле за руку и куда-то потащил...

— Коллин?! — переспросил владыка, а потом вдруг облегченно рассмеялся. — Мальчик, а ты знаешь, что Коллин Воуло Арте Кирдаис — один из троих сыновей короля Мирдаиса? А его старший брат, Сиррин Арте Кирдаис, имел полное право наследовать трон? И ты, между прочим, спалил их обоих, даже не поинтересовавшись именами! Правда, тем самым избавил Мирдаиса от отравленного кинжала в спину, но... думаю, его последний отпрыск будет чрезвычайно благодарен тебе за открытую дорогу к трону. А его отец — за спасенную жизнь. Если он узнает, конечно, кому обязан... Тир, что с тобой?!

Царственный эльф тревожно дернулся в сторону внука, у которого вдруг расширились зрачки. Юный маг покачнулся, мысленно проговаривая про себя все, что помнил из недолгого разговора Вала, запоздало сообразил, куда исчезал юркий Страж, и потерянно опустил на землю. Он внезапно понял причину, по которой верный друг и опекун вдруг настоял на этом походе. Почему так отчаянно спорил, чтобы их отпустили. А ведь он знал, что в Аккмале ему не будут рады! И непременно станут искать, чтобы как минимум всучить одну золотую побрякушку, от которой его всю жизнь воротило! А как максимум — попытаются выпроводить из города. Он только не догадывался, насколько сильно встанет поперек горла двум старшим братьям. Наглый, скрытный, двуличный Страж, посмевавшийся использовать их с Милле вместо прикрытия! Хмера двулика! Змеюка подколодная, о коварстве которой они до сих пор не подозревали!

— Убью гада, — мрачно выдал Тир, когда до него дошло все остальное. — Как только придет в себя, сразу прибью.

— Ты о чем? — нахмурился Владыка.

— Не бери в голову. Так как, говоришь, зовут младшего сына короля?

— Валлин Арте Кирдаис. На данный момент он единственный наследник трона, и его наверняка скоро начнут искать. Но, насколько я знаю, он изначально не стремился к власти. Точнее, отказался от своих прав, а из Интариса ушел более двадцати лет назад. К Стражам, вроде бы, но как все сложилось — не знаю. Впрочем, полагаю, мы о нем еще услышим: насколько я помню этого наглеца, полностью затеряться он не сможет даже в Серых пределах — второго такого балагура еще поискать.

Тир удивленно посмотрел на него.

— Ты его знаешь?!

— Видел однажды, — почему-то усмехнулся владыка Л'аэртэ. — Этого изворотливого типа трудно забыть. Только, помнится, в тот раз на нем личина была — настолько искусная, что, пока он ее не снял, никто даже не догадывался о ее существовании. Неудивительно, что он столько времени расхаживал по всей Лиаре неузнанным. Забавное у него тогда было прозвище... кстати, твой друг чем-то на него похож. Только амулета я на нем не приметил, да и аура у твоего ланнийца слишком ровная, иначе я бы уже заподозрил неладное. Где ты его нашел?

— Друг семьи, — спокойно отозвался Тир, а потом неожиданно поднялся. — Извини, я хотел бы прерваться ненадолго — ты действительно плохо выглядишь. Не возражаешь, если мы продолжим вечером?

Тирриниэль осторожно напомнил:

— У нас мало времени.

— Ничего, управимся. Тем более самое главное ты мне уже показал. Нужно лишь отшлифовать и закрепить хорошенько, а с этим проблем не будет. К тому же я не хочу, чтобы твое время пришло быстрее, чем планировалось. Если помнишь, ты хотел дожидаться Торриэля.

— Не уверен, что он приедет.

— Приедет, — со странной улыбкой ответил Тир. — Твой сын слишком хорошо помнит, что такое долг, иначе не отправился бы двадцать лет назад в пределы. Так что не бойся. Тебе как раз нечего бояться.

— Тебе тоже, — твердо пообещал владыка эльфов, на что юный эльф зябко передернул плечами, хорошо понимая: кого-кого, а уж его-то хозяин Серых пределов будет совсем не рад здесь увидеть. Но, возможно, у опытного и сильного мага, коим всегда слыл младший сын повелителя, найдется решение этой непростой ситуации. И он сумеет отыскать причину

столь быстрого угасания отца, которого, что бы там ни говорилось, все-таки не смог бы предать и бросить в беде. По крайней мере, до того, как не поговорит с ним сам. А что касается наивного заявления, что юному магу, о чьем существовании совсем недавно никто даже не подозревал, совсем нечего опасаться...

Тир неслышно пробормотал:

— Как знать, дед. Как знать...

У Тирриниэля екнуло сердце. Это признание много для него значило. Оно давало надежду на прощение и на то, что у его народа все-таки есть шанс. Не на выживание, а именно на возрождение малочисленной расы темных. И это заставляло постаревшее сердце царственного эльфа полниться искренней радостью и неподдельной гордостью за свой род, в котором впервые за долгие девять эпох появится такой повелитель, каким мог бы стать юный Тир.

— Здесь для тебя нет угрозы, мой мальчик, — повторил свои недавние слова Тирриниэль. — Даже если Торриэль изменился настолько, что не признает в тебе родича и попытается вмешаться... клянусь, я не позволю причинить тебе вред.

— Да уж. — У молодого мага невольно вырвался нервный смешок. — Спасибо, конечно. Но, боюсь, никто не сможет мне помочь, если он, как ты говоришь, «попытается вмешаться».

— Тир... — нахмурился Владыка.

— Не надо. Ты и раньше не мог сравниться с ним по силе, а теперь и подавно: твоя магия уходит слишком быстро. Еще две-три недели, и от нее ничего не останется. А если ты попробуешь обратиться к огню, то это произойдет гораздо раньше.

— Но до тех пор я буду делать все, чтобы наш спор никоим образом тебя не коснулся.

— Поздно, — невесело улыбнулся Тир. — Поверь: он меня уже коснулся, и тут ничего не поделаешь. Ни ты, ни я, ни даже Милле не изменят этого. Так что, боюсь, когда мы с ним встретимся в чертогах, рядом с тобой, хранителями и всеми остальными... здесь вполне может случиться небольшая буря. Ма-а-аленький такой пожар, от которого нам обоим никуда не убежать. Правда, я искренне надеюсь, что сумею выжить после этой встречи, а в твоей роще останется целым хотя бы один ясень, потому что они красивые, как оказалось, и мне бы не хотелось, чтобы эта красота пострадала во время нашего... гм... разговора.

Владыка Тирриниэль озадаченно сморщил лоб.

— Ты всерьез думаешь, что Торриэль может на тебя напасть?

— Напасть — нет, — неохотно признался юный маг. — Но вот все остальное... Прости, я хочу побыть один.

— Конечно, мой мальчик. — Владыка проводил наследника долгим взглядом и, убедившись, что Тир уже не вернется, устало опустил на вплавленный в землю камень, который уже не первый день служил повелителю эльфов местом для отдыха и даже постелью в те участвовавшие моменты, когда в неравной борьбе с собственным телом немощь все-таки брала верх. Слава богам, Тир об этом не знал, иначе сократил бы время занятий гораздо раньше. Но мальчик, к счастью, не понимал, что заемные силы имеют свойство быстро заканчиваться. И не догадывался о том, что почти весь его подарок Тирриниэль уже израсходовал.

Обретя долгожданную опору, царственный эльф сгорбился и обессиленно уронил руки, дрожь в которых стало невозможно скрывать. После чего с горечью посмотрел на истончившиеся запястья и прикрыл набрякшие веки. Да, это был риск. Он понимал, на что идет и почему Иттираэль так рассердился сегодня. Кто-кто, а старший хранитель не мог не почуять подвоха. Не мог не узнать, что грозный повелитель в последнее время держится на одной только силе воли. А ведь Тирриниэль просто хотел побыть с внуком подольше. И если бы не широкие рукава, Тир догадался бы гораздо раньше. После этого владыке пришлось бы признаться в слабости, в этой унижительной беспомощности, от которой не было спасения. И каждый день видеть в светлых глазах внука обреченное понимание, смешанное с ненавистной жалостью и чувством вины.

— Нет, — неслышно прошептал владыка Л'эртэ, сжимая кулаки. — Не такой ценой...

Он напрягся всем телом, переживая знакомый приступ слабости. Сжался в комок, стиснул пальцами виски, пытаясь прогнать темную пелену перед глазами, и приготовился к ставшей привычной боли в поразительно быстро состарившихся костях. Но тут вдалеке послышался какой-то неясный шум, подозрительно похожий на шаги, испуганный вскрик и стремительно нарастающий топот.

— Мой лорд?! Повелитель, что с вами?!

Тирриниэль не ответил — его терзал озноб и все быстрее охватывал знакомый холод. Пальцы лорда заледенели. А смоляные волосы словно инеем подернуло — так резко они вдруг поседели.

— Мой господин?!

— Кто здесь? Аттарис, ты? — неуверенно поднял голову владыка, услышав новый горестный крик и сию секунду разглядеть хоть что-то в мутной пелене, расплывающейся перед глазами.

— Да, мой лорд. Сейчас... подождите, я помогу! Потерпите совсем немного, и вам станет лучше... — торопливо забормотал хранитель, приложив разогревшуюся ладонь к груди владыки. А затем неожиданно вздрогнул: кожа повелителя была холодна как лед. Прошептав сдавленные проклятия, целитель склонился над ослабевшим эльфом и направил в него щедрый поток силы, который был ему так необходим.

Аттарис знал, что не сумеет заполнить даже треть из необходимого владыке резерва. Не сможет, даже если опустошит собственные запасы до дна. Но замедлить процесс старения на пару дней он был вполне способен, и хранитель не пожалел себя, отдавая истощенному повелителю последние крохи своих собственных невеликих сил.

— Возьмите, мой лорд. Это поможет. Ненадолго, но все же лучше, чем ничего.

— Где Иттираэль?

— Я здесь, мой лорд, — отозвался неподалеку запыхавшийся старший, а в следующую минуту поток силы значительно возрос. — Аттарис, не вмешивайся — ты и так на грани. Еще немного, мой лорд, и вам полегчает. Я же говорил, что вам нельзя напрягаться. Почему вы так неосторожны?

— Я должен.

— Вы должны жить, — устало отозвался Иттираэль, щедро отдавая повелителю силы. — Ради своего народа, ради будущего, ради всех нас... Еще есть надежда. А вы слишком бездумно расходуете дар, надеясь на помощь неразумного юнца, который к тому же собирается покинуть свой народ, как только вас не станет. Разве он стоит того? Разве стоит вашей жизни?!

Владыка Л'аэртэ слабо улыбнулся.

— Ты не поймешь...

— Конечно нет, — раздраженно дернул щекой Иттираэль. — Зато я знаю, что со следующего занятия вы можете не вернуться!

— Достаточно, Аттарис. Дальше я справлюсь сам.

Лекарь устало отстранился и с облегчением увидел, как на лице владыки появился слабый румянец. Седые волосы, правда, не почернели, но все же сейчас его состояние было лучше, чем минуту назад.

Иттираэль в который раз за последние дни вытянул владыку из бездны. После чего утер выступивший на лбу пот и с досадой отстранился.

— Что же вы делаете, мой лорд? Неужели этот мальчишка так сильно вас задел? Зачем вы поддерживаете вокруг него охраняющий контур? Да еще такой, на который и у меня сил может не хватить? При этом ваши собственные щиты горят, резерв почти истощен, а время Ухода

сократилось? Вы почти исчерпали возможности роци!

Аттарис испуганно взглянул на Иттираэля, но старший не шутил — дела действительно шли хуже некуда, а владыка уже который день опасно балансировал на грани. Но, не слушая голоса разума, упорно защищал дерзкого юнца, отдавая на это ненужное дело все, что мог, — свою силу, власть, умения, даже жизнь. Да еще и девчонку окружил такой же непроницаемой стеной. И это тогда, когда ему самому жить оставалось все меньше и меньше!

Тирриниэль глубоко вздохнул и открыл глаза.

— От Линнувиэля есть какие-нибудь вести?

— Нет, мой лорд, — хмуро отозвался Иттираэль. — Я чувствую, что он жив, но не более того.

— Значит, ты не можешь сказать, вернулся ли он из пределов?

— Увы, нет.

— Вам нужно отдохнуть, мой лорд, — неуверенно напомнил Аттарис, поднимаясь с колен и склоняясь в почтительном поклоне. — Полноценный сон немного восстановит силы.

Иттираэль сухо кивнул.

— Он прав, мой лорд. Идемте, я провожу вас и прослежу, чтобы по дороге не встретились посторонние. Не стоит давать старейшинам повод для беспокойства. Особенно сейчас, когда ваше положение так непрочное. Аттарис, прикрой нас и позаботься, чтобы подготовили дальние покои. Оставь рядом только охрану и одного из лекарей. Остальных — вон.

Более молодой сородич еще ниже склонил голову, а владыка Л'аэртэ неожиданно остро взглянул на властно распоряжающегося хранителя. Он уже собрался жестким тоном спросить, по какому праву Иттираэль берет на себя смелость отдавать приказы, но в этот момент в левом ухе неприятно кольнуло. Слабость вновь навалилась с непреодолимой силой.

— Наверное, ты прав, — устало вздохнул Тирриниэль, роняя потухший взор в землю. — Аттарис, ступай. Проследи, чтобы меня не увидели в таком состоянии.

— Конечно, мой лорд, — отрывисто бросил целитель и умчался исполнять приказ.

Владыка подавил тяжелый вздох и поплелся вслед за ним, старательно отгоняя от себя мысль о том, что слишком быстро и совершенно неожиданно для себя самого постарел. Когда не держат ноги и в который раз предает собственное тело, нелегко сопротивляться. Даже жить становится тяжело. Настолько, что уже не хочется продлевать эту агонию. Но ничего, осталось недолго: обессиленный лев, как известно, — легкая

добыча для гиен. А таких гиен вокруг него собралось немало.

Тирриниэль, услышав зычный голос верного хранителя, отдающего быстрые и правильные распоряжения, понимающе усмехнулся и, кажется, впервые в жизни смирился с мыслью, что теперь он даже в собственных чертогах будет вынужден играть лишь роль наблюдателя.

ГЛАВА 7

Обратный путь до лагеря они проделали молча. Белка милосердно давала хранителю время осмыслить полученные сведения. Линнувиэль же, в свою очередь, сосредоточенно размышлял и, хотя вопросов на языке вертелось множество, не спешил нарушать священную тишину вечернего леса. Только искоса поглядывал на бесшумно шагающую рядом Гончую и поражался про себя ее искусству передвигаться по лесу, не потревожив ни единой травинки.

— Сколько тебе лет? — наконец решился он нарушить гнетущее молчание.

— Много, — равнодушно отозвалась Белка.

— Совершеннолетия достиг?

— Давно.

— То есть ждать, когда у тебя покраснеют глаза и посветлеет шевелюра, бесполезно? — на всякий случай уточнил хранитель.

— Я же сказал, что не полукровка.

— Однако если я все правильно понял, эльфийская кровь в тебе все-таки присутствует?

— Ага, только в иной пропорции, чем вы привыкли видеть. Если тебе интересно, моими родителями были люди. Правда, потом кое-что случилось и... Скажем так, общение с перворожденными не прошло для меня даром.

— Сколько же ты живешь?!

Белка недовольно поморщилась.

— До чего вы, ушастые, любите задавать неприятные вопросы!

— Нет, я не настаиваю... — слегка растерялся эльф. — Просто ты выглядишь слишком молодо для Стража, и тем более для вожака. А Шранк обмолвился, что давно тебя знает, вот я и не понял. Извини, можешь не отвечать, если не хочешь.

Она досадливо отмахнулась.

— А, ладно... Ты все равно узнаешь. Может, сам, а может, подскажет кто-нибудь шибко умный. К тому же с вашим владыкой мы тоже общались, и он должен был меня запомнить... Если я скажу, что вожу Гончих в рейды почти тридцать лет, ты поверишь?

— Сколько?! — ошарашенно моргнул Линнувиэль. — Да тебе же больше двадцати не дашь! А если учесть, что вожаком ты стал далеко не

сразу...

— Не надо, не продолжай, — выразительно скривилась Гончая. — Когда начинаю подсчитывать, сам в ужас прихожу! Все время кажется, что я живу в долг, а потом все это как припомнится да как вылезет на физиономии. И я в один день превращусь в скрюченную, сморщенную и беззубую старуху, которой только и осталось, что лечь и помереть. Достаточно сказать, что со Шранком мы разнимся в возрасте на какие-то жалкие несколько лет.

Хранитель споткнулся на ровном месте.

— Как это?! — оторопело повернулся он и неверяще уставился на невероятно молодое лицо Белика.

Ни морщинки, ни складочки, ни единого следа прожитых лет. Сколько же ему?! Сорок? Пятьдесят?! Больше?!

— Да, — печально кивнула Белка. — Шранк меня давно знает. Еще с того времени, как нас вместе гонял прежний вожак, и было это... мм... почти сорок лет назад. Вот только напарник стареет, как все нормальные люди, он возмужал, даже семьей обзавелся, бороду отращивать решил, а я до сих пор ношусь сопливым мальцом среди умудренных опытом Стражей и все время гадаю, когда же хоть один из новичков догадается, что мне скоро стукнет... нет, не будем о грустном. Одним словом, только рядом с Таррэнном и спасаюсь. Вам, ушастым, хорошо — тысячу лет прожил и все равно как новенький! А я вот своих границ так и не знаю.

— Это что, магия?!

— Она, проклятая, — вздохнула Гончая.

— Но ведь так не бывает! — неверяще охнул Линнувиэль. — Ни один эликсир долголетия не способен остановить старение! Ни одно заклятие! Они только продлевают молодость, а потом годы все равно возьмут свое!

— Эликсиры тут ни при чем. Таррэн считает, что я до самой смерти останусь в таком безобразном виде, а наступит она еще о-о-очень не скоро. Настолько, что пару лет назад я даже с заставы решился уйти и поселился в глубине Проклятого леса, чтобы не видеть, не знать. И не смотреть, как день за днем стремительно меняются мои старые друзья.

— Прости, — с сочувствием вздохнул хранитель. — Лорд То... вернее, Таррэн — один из сильнейших магов моего народа. И если он так сказал, то, боюсь, это правда. Я не рискну оспаривать его мнение. Вот только никак не могу представить, чтобы какое-то заклятие оказалось настолько сильным...

Гончая невесело улыбнулась, а потом вдруг закатала правый рукав до локтя, обнажая белоснежную кожу с дивным узором на ней.

— Вот оно, твое заклятие, Линни. Узнаешь? Или в темноте плохо видно? Тогда лучше взглянуть днем, чтобы тебе стало полностью понятно, какой ценой мне досталась такая жизнь. Гордись, эльф: я почти никому из темных этого не показывал. И никто, за исключением редких везунчиков, не знает, что я за существо.

— О боги... — Линнувиэль судорожно вздохнул, безошибочно опознав происхождение этой страшноватой красноты, которая тончайшим покрывалом легла на тело некогда обычного человеческого ребенка.

Узнал, оценил и наконец проникся всей важностью открывшегося ему чуда. Магия крови всегда считалась непреодолимым барьером для живого существа. Она дарила неуязвимость и хранила магическую силу. Делала кого-то слабым, а кого-то, наоборот, возвышала до недостижимого уровня. Именно она алела на безупречно белой коже Белика. Дала ему многое из того, чем изначально обладали исключительно перворожденные. Но, что самое главное, подарила удивительно долгую, почти бесконечную жизнь, которая по праву позволяла назвать Белика бессмертным.

Простой человеческий мальчишка... Нет, он больше не человек. Перестал быть им много лет назад.

— Сколько же в тебе этой крови?

— Много, — спокойно ответила Гончая, оправляя одежду.

— А как же?..

— Ножом, — так же ровно отозвалась она. — Каждая линия, что ты видел, сделана эльфийским клинком, пропитанным соком черного клевера. Медленно, постепенно, очень осторожно эти раны потом заполнялись вашей кровью, а затем так же медленно закрывались. Кстати, как тебе рисунок?

— Кто это сделал?! — хрипло выдавил эльф, силясь отогнать от себя одну страшноватую мысль.

Белка жестко усмехнулась.

— Темный, разумеется. Или ты уже не хранитель? Ну же, Линни! Два века для эльфа — не такой уж большой срок, чтобы ты забыл о подобных экспериментах! Или ваш совет все-таки немного усовестился и решил спрятать концы в воду?

— Нет. Все сведения об изменении подробно описаны в хрониках. Но я в этом не участвовал! — прошептал эльф.

— Знаю, — предельно серьезно сказала Гончая. — И только поэтому ты еще жив. Если бы это было не так, ваш отряд не вышел бы с заставы, поверь, и моей вины в этом бы не было: Таррэн, как ты знаешь, тоже был против того эксперимента.

— Я не думал, что кто-то... что кому-то удалось уцелеть. Совет докладывал, что весь материал...

— Ты прав. Из тех несчастных действительно не выжил никто, но разве я сказал, что стал случайной жертвой кого-то из ваших старейшин?

— Тогда кто же? — окончательно смешался эльф.

— А ты подумай, друг мой, — холодно улыбнулась Белка.

— Прости...

— Не за что извиняться, Линнувиэль, — покачала головой Гончая, неожиданно успокоившись. — Мой палач уже мертв, все долги уплачены, а моя жизнь давно не направлена на то, чтобы уничтожить ваш народ под корень, хотя было время, признаюсь, когда я считал такую цель достойной. Когда-то давно, но не теперь. И это — исключительно заслуга Таррэна. Он сумел вытащить меня из такой пропасти, какую тебе даже не представить. Он подарил мне надежду, дал возможность заново поверить. Позволил быть совсем не чудовищем, каким меня создавали. Так что не волнуйся за свой лес: я, повторяю, не стану мстить. Сам понимаешь: если бы желал кого-то из вас зашибить, меня бы никто не остановил. В том числе и сейчас, когда ты растерян и ошарашен.

Темный эльф непонимающе поднял голову, но Белка вдруг странно хмыкнула.

— Что, сомневаешься?

— Нет, — вздохнул он. — Просто не понимаю.

— Чего именно? Зачем я тебе это рассказал? Или почему все еще не срезал твою глупую башку?

— Честно говоря... и то и другое.

— Гм, — ненадолго задумалась Гончая. — Я и сам не очень уверен в ответе. Было время, когда я не знал ничего, кроме ненависти. Думал, что мне незачем жить, некуда стремиться, а единственное, что я умею, — это убивать. Меня таким создали, не спросив, желаю ли я стать вам ровней. Хочу ли быть совершенным орудием в чужих руках. Согласен ли делать это по чьему-то слову. Ведь только представь, что было бы, если бы тот эльф заполучил меня в свое безраздельное пользование? Если бы вдруг он появился со мною на одном из приемов в вашем лесу и провел вдоль роскошного зала, битком набитого разодетым народом? Мужчины, женщины, господа и высокомерные дамы... на каждого я бы взглянул, многих сумел бы коснуться, кого-то наверняка увлек бы разговором, кого-то удивил, заинтересовал или вызвал бы обратную реакцию, которая все равно заставила бы приблизиться... А ты знаешь, что мне невероятно трудно возразить? Со мной почти невозможно спорить. Мне искусственно

привили мощный дар убеждения и научили быть таким, чтобы на корню ломать всякое сопротивление. Мой голос специально сделан мягким и привлекательным, чтобы заставлять вас оборачиваться. А пропорции тела подобраны со вполне определенным умыслом. Ты хоть знаешь, что я нравлюсь любому существу абсолютно любой расы?! А, Линни?!

Она вопросительно глянула на окаменевшего от таких откровений эльфа.

— Ну, теперь точно знаешь. Однако дело не в этом. С вашей кровью мне перешли многие свойства перворожденных: быстрота, ловкость, сила. Красота, конечно. Но не слишком броская, а как раз такая, чтобы не вызывать зависти. Я овладел быстрыми способами лишить вас жизни... да-да, не таращи глаза: я знаю их все, потому что меня создавали именно для убийства. Причем убийства исключительно эльфов. Тайного, быстрого и незаметного. Серые пределы лишь отточили это мастерство, но основа была заложена гораздо раньше. Точно так же, как невосприимчивость ядов и еще много такого, о чем тебе не стоит знать. Боюсь, если бы все вышло, как задумывал мой создатель, мне никто не смог бы противостоять. Но он, к счастью, не успел закончить.

— Ты убил его? — заметно напрягся эльф.

— Конечно. Всадил в сердце его же клинки, разбил перстень и сбежал. А что?

Линнувиэль неожиданно остановился и пристально взглянул на хрупкую фигурку, с поразительной легкостью скользящую среди молчаливых деревьев. Такая гибкая, тонкая, совсем неопасная на вид. Приятное лицо, маленькие пальчики, обаятельная улыбка, бархатистая кожа, больше подошедшая бы изнеженному ребенку. Кто, ну кто мог бы заподозрить в Белике убийцу?!

— Знаешь, — наконец обронил он, — ты действительно страшный противник. Настолько страшный, что я уверен: в этом мире вряд ли найдется хоть кто-то, кто сможет тебя остановить. Вряд ли я смог бы сделать это сам. И сильно подозреваю, что с этим не справился бы даже владыка.

Белка совершенно спокойно кивнула.

— Да, он тоже спасовал, когда мы однажды столкнулись. Поверь, я самое совершенное оружие, которое было когда-либо изобретено перворожденными. Я пройду везде, где есть хоть крохотная щелочка. Зацеплюсь за малейшую щербину. Взберусь хоть по отвесной скале. Смогу дышать под водой, плыть в кипящей лаве, глотать огонь, прыгать с самого высокого обрыва, не боясь поцарапаться о камни. Меня можно ранить, но

очень нелегко убить. Со мной трудно тягаться в скорости и бесполезно пытаться обмануть: я чую ложь за версту. За тем редким исключением, когда говорящий не смотрит мне прямо в глаза. Я — призрак, Линни. Самый настоящий призрак, у которого нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Только собственная тень и цель вдалеке, к которой нужно идти.

— Верю, — сглотнул Линнувиэль, а потом вдруг заколебался. — Вот только... Не обижайся, конечно, но если бы тебя создавал я, то... прости, я бы обязательно позаботился о защите. Чтобы ненароком не пораниться о твои острые грани и не отправиться на тот свет раньше времени.

— Позаботился бы он... — насмешливо хмыкнула Гончая, видя неподдельное смятение собеседника. — Но ты снова прав: такая защита есть. Правда, для одного-единственного владельца, зато абсолютно непреодолимая. Через нее даже мне не переступить, если бы вдруг пришла в голову такая блажь. Хотя и тут есть одно «но», мой ушастый друг.

Белка сделала эффектную паузу, и эльф откровенно занервничал.

— Все дело в том, — загадочно улыбнулась Гончая, заставив эльфа слегка отступить, — что именно ее-то мой создатель и не успел закончить! Правда, здорово?!

— Боги...

— Нет, ты скажи! Здорово же?! А? Линни? Скажи, ты за меня рад? Только честно, а то обижусь!

— Д-да, конечно, — вымученно выдавил хранитель, не зная, куда деваться от такой правды и громадных, восторженно сияющих глаз, в которых от избытка чувств снова полыхнули яркие зеленые огни.

— Так и знал, что ты будешь в восторге, — хихикнула Белка. — Да ладно, не паникуй. Я все это не для того рассказываю, чтобы ты тут в обморок хлопнулся. Если помнишь, со мной вполне можно договориться и даже неплохо сосуществовать. Я ж не монстр, в самом-то деле! Я — Страж, друг мой. В первую очередь — Страж, а уж потом — все остальное. И именно этому меня научили пределы.

— Да? — слабым голосом переспросил эльф. — Тогда чему же тебя научил Таррэн?

Белка странно улыбнулась.

— Он всего лишь собрал воедино мое сердце. Нашел его во мраке и заново склеил из тысяч крохотных осколков. Душу свою вырвал, чтобы вложить вместо моей, и это — единственный промах моего создателя, которого никто не мог предусмотреть. Может, это покажется тебе смешным, но... он научил меня прощать, Линнувиэль. Прощать и просить прощения. И показал, что важнее этого нет ничего в целом мире. Поэтому

живи спокойно, мой ушастый друг. Прости, что мне пришлось тебя коснуться. Это магия, всего лишь ваша древняя магия, которая умеет сводить с ума и доводить до иступления. Клянусь, что не хотел этого, но твоя глупость не оставила мне выбора: или так, или ты бы умер. Согласен?

Темный эльф неловко кашлянул.

— Значит, да, — вздохнула Белка.

— Наверное. Ты ведь всегда прав?

— Ребята, как обычно, преувеличивают. Я просто редко ошибаюсь.

Он внимательно всмотрелся в безупречный профиль, особенно четко выделяющийся на фоне темнеющего неба, и вдруг разом поверил, что сказанное — истинная правда. Все, до единого словечка. Что Белик давно не ненавидит Темный лес и его обитателей. Конечно, не все понятно в его отношениях с молодым лордом, но это — нечто большее, чем обычная привязанность. И маленький вожак недвусмысленно давал сейчас понять, что во всем поддержит наследника трона и ради него никого и пальцем не тронет. Если, конечно, его не вынудят сами эльфы. Так, позабавится, посмеется про себя, всласть поизмывается над ошарашенными эльфами, но убивать — ни-ни. Слово, мол, дал. Поклялся, а Стражи, как известно, никогда не отступают от своего слова, и это так же верно, как то, что солнце всегда встает на востоке, а пропадает на западе.

— Гм... а как насчет твоего поведения? — снова кашлянул Линнувиэль, и Белка хитро прищурилась. — Не мог бы ты вести себя немного помягче? С тобой и без того трудно находиться рядом, но когда тыходишь в раж...

— А ты готов рискнуть чужим разумом? — вместо ответа спросила Гончая. — Готов ответить за тот риск, которому я подвергну твоих друзей? Или сумеешь вернуть обратно, если они вдруг сорвутся? Ты, хранитель? Только скажи, и я сразу перестану терзать твоих братьев. Я честно отстану и начну смотреть на них, как на тебя, моих звереньшей или Шранка. Ну, так как? Забудем о наглom Белике и начнем общаться с кем-то другим? Со Стражем, с Гончей, просто с умным человеком, у которого есть чему поучиться?

Линнувиэль до боли прикусил губу, но вот Гончая снова пристально на него взглянула... лишь на миг, за который вся жизнь успела промелькнуть перед глазами! Жалкое мгновение, наполненное бешеным зеленым огнем... И эльф судорожно отвернулся.

— Нет, — хрипло выдохнул хранитель, силясь успокоить разошедшееся сердце. — Пожалуй, не стоит.

— Рад, что ты это понимаешь. Но раз уж мне придется и дальше

прикидываться дрянным мальчишкой, я, по крайней мере, сумею найти себе новое развлечение. Вернее, я его уже нашел. Как думаешь, твои друзья долго будут злиться, если я им расскажу, что ты самолично отдал их в мое полное распоряжение?

— Белик, нет! — возмущенно ахнул эльф, мигом позабыв про недавнюю оторопь. — Ты не посмеешь!

— Почему? — неподдельно удивилась Белка, привычно надевая личину мелкого сорванца. — Что мне помешает? Ты? Ха-ха! Шранк ради твоих друзей даже пальцем не пошевелит, а Таррэн клятвенно пообещал не вмешиваться.

— Это нечестно! Знаешь, что со мной Корвин сделает?! Одними оторванными ушами наверняка дело не закончится!

— Так ты и дашь себя калечить! Да и кто тут вообще говорит о честности? Неужели забыл, как они на тебя смотрели пару дней назад? Ну, когда ты нам полтаверны чуть не спалил, а? Вспомнил, паникер? А теперь представь, что они тогда подумали?

Линнувиэль озадаченно нахмурился.

— К'саш! Да они же теперь считают, что к тебе небезопасно подходить, дурень ты ушастый! — Белка едва не постучала его кулачком по лбу. — Что ты можешь вспыхнуть в любой момент, как сухостой в период лесных пожаров! Считаешь, что кто-то хоть словечко тебе скажет поперек после этого?! Ох, горе ты мое... наивное дитя природы... да теперь хоть на столе голышом пляши, никто даже не вякнет! Пусть и молод ты для мага, но должен же соображать, насколько превосходишь всех их по силе!

— Да?! Тогда зачем тебе рассказывать им об этом разговоре?

Белка тяжело вздохнула, словно сетуя на чью-то непроходимую тупость.

— Тьфу! Да что ж с тобой поделать?! Соврал я, чтобы привести тебя в чувство. Как тебе вообще посольство-то доверили? Только и заслуг, что уши длинные, да и те с дефектом!

Линнувиэль так и встал, открыв рот. Но соображал он, надо сказать, быстро. Особенно в то время, когда коварная Гончая откровенно радовалась, наслаждаясь заслуженной победой. Обвела вокруг пальца, запутала, все мозги замутила своими бесчисленными масками, а теперь нахально смеется, довольная до безобразия. У-у-у...

— Ну и гад же ты! — с отвращением сплюнул эльф, выйдя из кратковременного ступора. — Мог бы — удавил бы на месте, старательно глядя при этом в сторону! Это ж надо меня так разыграть! Хоть бы предупредил, зараза, где шутишь, а где вполне серьезен!

— Ладно, в следующий раз буду громко кричать: «Внимание, Линни, сейчас будет шутка!»

— Тьфу! Прав был Литур: ты и правда чудовище!

Она вдруг хихикнула и молнией проскочила мимо сердито сопящего эльфа в лагерь, где юркнула под крылышко к Таррэну, заерзала, а потом уютно устроилась под теплым плащом и, высунув наружу нос, уставилась на вышедшего из темноты хранителя подозрительно честными глазами.

— Ну и что? Может, я и чудовище. Зато милое и симпатичное. А ты остроухий болван, напрочь лишенный чувства юмора.

Линнувиэль, поймав несколько настороженных взглядов, негромко фыркнул.

— Еще посмотрим, у кого тут не хватает чувства юмора.

— Ого! Это что, вызов? — неподдельно обрадовалась она, но ушастый маг больше не поддался на провокацию, памятуя о том, что под «вызовом» хитроумная Гончая могла иметь в виду вовсе не словесный спор. А потому сделал вид, что не понял подтекста, и с достоинством ответил:

— Нет. Просто констатация факта.

ГЛАВА 8

Из блаженного забвения его вырвало странное пощипывание в носу. Сморщившись, эльф звучно чихнул и только потом проснулся, а затем наткнулся на два счастливых глаза, сияющих нескрываемым нахальством, и укоризненно вздохнул.

— Белик...

— Доброе утро! — бодро поприветствовала Линнувиэля Гончая, убирая свежесорванную травинку, которой только что щекотала ему нос.

Затем проворно отползла в сторону, воровато огляделась и скользнула к Маликону. Спустя пару секунд оттуда донесся такой же звучный чих, а потом сдавленная ругань.

— Белик! Торк тебя возьми!

— Привет, Малико-о-ончик! — ласково пропела Белка, предусмотрительно отскочив от потенциальной опасности. — Пора вставать и сиять! О-о-о... нет-нет, не шуми, пожалуйста, а то мне еще твоего друга надо разбудить.

— Какого именно?

— Ко-о-орвин...

А следом — новый чих и приглушенные проклятия.

Линнувиэль хрюкнул, старательно притворяясь, что подавился, но крайне недовольного таким способом побудки Корвина это ничуть не обмануло. Поднявшись, эльф мрачно зыркнул по сторонам, скривился, правильно расценив выражения лиц тех, кто уже проснулся, но рычать во весь голос поостерегся: Аззар и Атталис еще спали, и он совершенно не желал, чтобы эти счастливцы избежали общей участи. А потому ругался исключительно про себя, попутно сдирая с ушей одуванчики, но при этом мстительно следил за тем, как Белка ловко подкрадывается к безмятежно сопящим сородичам.

— Что за... апчхи!

— Белик!

— Тише, тише, ушастые вы наши, — промурлыкала Гончая, отползая от рефлекторно дернувшихся в ее сторону рук. — Ну, мальчики, что за тон? Тем более вы не одни такие везучие. Подумаешь, нос пощекотали немножко? Ну травка в уши залезла? Одеяло сползло набок или шнурки сами собой завязались? Так ведь не со зла же, а токмо для скорейшего пробуждения и поднятия настроения. Лучше поглядите на Сартаса и

подумайте: вот вы уже проснулись, а ему, бедолаге, еще только предстоит!

Перворожденные хмуро уставились на сородича, которого пока не коснулась беда по имени Белик. Но вовремя вспомнили, с кем имеют дело, и... замолчали. А потом лишь злорадно следили за тем, как несносный мальчишка, высунув от усердия язык, осторожно втыкает в пышную шевелюру эльфа луговые цветы, шишки, веточки чертополоха, а потом со знанием дела дополняет получившийся «веночек» черными вороньими перьями. Где отыскиались для этого чуда васильки, незабудки и лютики, эльфы спросить не успели. Зато ярко-синий колокольчик, повисший на левом ухе Сартаса, привел их в прекрасное расположение духа. Особенно тем, что коварная Гончая сумела прицепить его точно на острый кончик и так, чтобы цветок красиво покачивался на ветру, создавая полное впечатление настоящего колокола.

Сартас, что удивительно, так и не проснулся, и это придало Белке еще больше вдохновения. Хитро подмигнув перворожденным, она засуетилась вокруг безмятежно сопящего эльфа еще активнее и всего за пару минут превратила его из симпатичного мужчины в весьма привлекательную девицу с заплетенными в традиционные свадебные косы волосами, украшенную цветами, стыдливо прикрытую плащом (из которого, на свой страх и риск, сумела соорудить некое подобие фаты и длинного шлейфа), затем подсунула чью-то скомканную одежду ему под грудь, внятно обозначив признаки пола. И, наконец, посыпала веки золотистой пылью, умело изобразив макияж.

Закончив с наведением красоты, Белка отползла на пару шагов и, вдоволь налюбовавшись получившимся творением, гордо обернулась. Темные к тому времени кашляли почти без остановки, содрогались от беззвучного смеха и почти счастливо изучали преобразившегося сородича. Ровно до тех пор, пока из палатки не вышла Мирена и во весь голос не воскликнула:

— Боже! Что вы натворили?!

Гончая, мгновенно переменявшись в лице, метнулась обратно, потому что сильно подозревала, что старший сын и наследник рода Таррис (а по совместительству — командир личной сотни темного владыки и его доверенное лицо) будет не рад обнаружить на себе подобное безобразие. Более того, не обрадуется настолько, что выскажет свое неудовольствие в весьма пикантной форме не только вдохновителю и главному их исполнителю, но и пяти наглым ушастым мордам, которые мало того что не остановили это гадкое действие, но еще и смели мерзко хихикать в процессе, прилюдно осмеяв представителя высшей знати.

Белка в мгновение ока оказалась рядом с растрепанной головой перворожденного, превратившейся в настоящее гнездо, и заработала руками с такой скоростью, что к тому моменту, как стремительно просыпающийся эльф открыл глаза, из его шевелюры бесследно исчезли следы недавнего издевательства, за исключением пары перышек и одной маленькой шишки.

— В чем дело? — хмуро осведомился Сартас, обнаружив над собой склонившуюся Гончую с крайне озабоченным выражением лица.

Белка лучезарно улыбнулась.

— Ни в чем. Просто у тебя в волосах что-то запуталось.

Эльф с нескрываемым подозрением оглядел длинное воронье перо, вытащенное из-за уха. Потом покосился на побагровевшие лица сородичей, у которых аж скулы свело от усилий сдержать рвущийся наружу смех, мрачно взглянул на Шранка, на невозмутимой морде которого было невозможно ничего прочесть, затем — на почти испуганную эльфийку, так и застывшую с открытым ртом у палатки. Прищурившись, изучил два комка чьей-то одежды, выпавших из-под плаща, и снова повернулся к Гончей, безошибочно найдя источник этого странного веселья.

Белка в ответ одарила его кристально честным взглядом, ногой незаметно сгребая ворох перьев в ближайšie кусты.

— Доброе утро, Сартас. Как спалось? Кошмары не снились? Что-то ты бледноват... Не заболел, часом? Нет? — затараторила она, шаг за шагом отступая в сторону. — Тогда ладно, а то хватит нам одного больного на голову эльфа. Линнувиэль, прекрати изображать из себя раздувшегося ежа — все равно не похоже! Маликон, Корвин, у вас морды уже красные от возмущения! Аззар, растолкай своего командира, чтобы пошевеливался, да приятеля прихвати, потому что у него тоже что-то нехорошее творится с лицевыми мышцами. Никак, лисьей ягоды наелся? Тогда два пальца в рот, и все будет в порядке. Так, Мирена, я не понял: мы идем сегодня купаться или нет?

Эльфийка вздрогнула от неожиданности.

— Э...

— Я за тобой присмотрю, — проворно вскочила Гончая и, подхватив ошарашенную эльфийку под локоток, потащила ее в сторону недалекого озера. — Пойдем-пойдем, нечего позволять этим хамам себя разглядывать. Хоть бы плащик накинула, а то расхаживаешь тут с голыми пятками, как...

Сартас нахмурился, справедливо подозревая подвох. Но собратья хоть и сверкали отчаянно веселыми глазами, все же стойко молчали, отлично понимая, во что им потом может вылиться соучастие в проказе.

— Но я даже полотенце нехватила! — опомнилась Мирена на полпути к недалеко расположенному озеру. — Стой! Подожди! А во что я потом переоденусь?! Белик!

— Тогда хватай и идем, пока есть время! Я тебя на берегу подожду, ладно? Только скорее, потому что если опоздаешь, в воду полезу один! Без тебя!

Высокородная леди всплеснула руками и метнулась обратно в свою палатку. Оттуда выскочила с не меньшей поспешностью, держа в руках ворох одежды, и с испуганным криком: «Подожди меня!» — ринулась вслед за Белкой. Мирене так мало удалось поговорить с ней по пути, так редко получалось расспросить о важном, да еще страшно хотелось увидеть весь рисунок на теле Гончей и понять наконец, чем она так привлекала молодого лорда, что в этот момент эльфийка позабыла обо всем. Даже о том, что для всех остальных Белка до сих пор оставалась Беликом, а совместное купание с человеческим существом мужского пола по меньшей мере верх неприличия для воспитанной леди.

Мужчины проводили ее оторопевшими взглядами, но, впад на некоторое время в ступор, не успели остановить всполошившуюся девушку. А когда опомнились, то ее фигурка уже скрылась среди деревьев, а единственную тропку к озеру перегородили два нехорошо оскалившихся мимикра. Да еще с таким видом, что никому из присутствующих не захотелось проверять, насколько остры их длинные, совсем не «травоядные» зубы.

И лишь спустя полчаса, когда Карраш убедился, что хозяйка оделась и больше не причинит никому вреда, они с Ирташем с невозмутимым видом отошли в сторонку. Мимикр игриво пихнул в плечо Таррэна, только-только вернувшегося в лагерь и теперь оглядывающегося в поисках своей непредсказуемой пары. Шранк только хмыкнул и, дожевывая скудный завтрак, тоже испарился. Перворожденные, оставшись в гордом одиночестве, мрачно переглянулись. И только Линнувиэль рискнул последовать за своим будущим повелителем к озеру. Благо запрета на это никто не накладывал, а Белик ничем не показал, что не желает дальнейших расспросов.

К своему удивлению, ничего страшного или предосудительного Линнувиэль у озера не увидел: леди Мирена спокойно сидела у воды и с нескрываемым удовольствием расчесывала влажные локоны. Умиротворенная, довольная жизнью и какая-то по-домашнему мягкая. Совсем не похожая на ту занозу, какой была поначалу. Она с радостью подставляла красивое лицо утреннему солнцу, улыбалась без видимых

причин, но временами с искренним любопытством поглядывала в сторону Белки, которая с таким же удовольствием расчесывала пальцами пышную гриву Таррэна.

Молодой лорд сидел спиной к лесу, запрокинув голову и жмурясь на солнце, как сытый кот. Расслабленный и счастливый. Он покорно позволял Гончей теревить свои влажные волосы, безнаказанно творя с ними все, что ей заблагорассудится. Даже родовые клинки отложил в сторону, чего Линнувиэль за ним прежде не замечал.

Сама Гончая щеголяла в штанах и просторной рубахе, причем сегодня не постеснялась закатать рукава и штанины. Да и чего стесняться? Мирена все равно уже в курсе. Ее руки проворно сновали по шелковой гриве мужа, пальцы ловко заплетали традиционные эльфийские косы, сооружая из длинного хвоста нечто красивое. Узкие стопы тонули в густой траве, но Линнувиэль все равно рассмотрел рисунок на левой голени, который лишь у самой лодыжки обрывался изящной рунной вязью.

Белка, не оборачиваясь, кивнула.

— Линни, что там? Неужто вы так быстро собрались?

Хранитель в нерешительности замер, переводя неуверенный взгляд с одного на другого в этой странной троице. Он не мог не заметить, как испуганно встрепенулась эльфийка, как напряглись плечи у молодого лорда, и уже приготовился к самому худшему, но Таррэн отчего-то не взъярился. Только вздохнул и сделал попытку подняться.

— Сиди, — буркнула Белка, даже не думая стесняться. — Не видишь: не закончили еще.

— Малыш, неужели тебе нравится с ними возиться?

— А то ты не знаешь! И поскольку именно сейчас на них, кроме меня, больше никто не покушается, я могу спокойно получать удовольствие. Ты же не собираешься его испортить?

— Была б моя воля — обрезал бы наполовину. Долго еще?

— Я тебе дам — обрежу! — возмутилась она, несильно стукнув благоверного по макушке. — Я тогда свои изведу под корень!

— Не надо, — немедленно сдался Таррэн, застывая в прежней позе. Только глаза выразительно скопил на край ее рубахи и красноватый узор, который слишком уж виднелся на ее алебастровой коже. — У тебя рукав задрался.

Белка безмятежно кивнула, после чего Таррэн настороженно покосился на хранителя.

— Гм... И много он знает?

— Достаточно, чтобы я не срывался с места и не одергивал одежду.

— Ясно. Линнувиэль, ты чего пришел? Что-то случилось?

— Э... нет. Просто мы собрались и ждем только вас.

— Хорошо. Скоро будем.

— Не думай, что этот маг-недоучка тебя спасет, — строго сказала Гончая, вовремя перехватив выразительный взгляд мужа. — Пока не закончу, никуда не отпущу. Линнувиэль, сиди и не дергайся. Будешь ждать здесь. Дорогая, ты присмотришь?

Мирена лукаво взглянула на обреченно вздыхающего лорда и охотно кивнула.

— Вот и славно, — обрадовалась Белка. — А то этот проныра все время норовит сбежать. Гляди, как красиво получается!

Таррэн страдальчески поморщился, и Линнувиэль, правильно разглядев в его глазах отчаянную просьбу о спасении, рискнул вмешаться:

— Белик, а тебе не кажется, что с хвостом ему гораздо лучше?

— Нет.

— А мне вот кажется. Мирена, как считаешь?

Эльфийка задумалась.

— Ну... я не уверена, что... Наверное, ты прав, — прикусила губу Мирена, и хранитель облегченно перевел дух, а Таррэн и вовсе одарил их таким благодарным взглядом, что Линнувиэль мгновенно понял: молодого лорда надо спасать. Но тут Белка все-таки обернулась, укоризненно покачала головой и быстро расплела все косы.

— Сговорились, гады... а как я хотел его наказать! Мирена, ты что, на его стороне?

— Нет, — стремительно порозовела эльфийка. — Но я не считаю, что он виноват с той дверью. Не надо его так наказывать. Пусть ходит, как привык. Ему действительно идет.

— С какой еще дверью? — мигом насторожился Таррэн. — Малыш, вы о чем?

— Ладно, живи, жертва необоснованного насилия. Не буду больше мучить.

— Я не получил ответ на свой вопрос!

— А разве я обещал его дать?

— Бел!

Белка выразительно закатила глаза и, сноровисто собрав волосы эльфа в конский хвост, чересчур поспешно отошла. После чего уселась на траву и принялась натягивать сапоги. Но не вышло: заподозривший неладное Таррэн в мгновение ока подхватил ее на руки, умело спеленал и, притянув к своему лицу, пристально заглянул в глаза.

— Я тебе говорил, что не люблю, когда ты что-то скрываешь?

— Говорил, — немедленно согласилась она.

— Предупреждал, чтобы ты сразу объясняла, в чем дело?

— Предупреждал.

— И мы с тобой договорились, что этого больше не будет?

Гончая виновато вздохнула, но взгляда не отвела. А эльф, используя улыбку, уверенно считал все, что хотел, и только тогда, изумленно подняв брови, отстранился.

— Белка!

— Мирена, заметь: я ему ни словечка... — смущенно потупилась Гончая. — Он сам обо всем догадался! Слово не нарушено!

— И это меня ты называла заговорщиком?! — с досадой отвернулся Таррэн. — Мирена, тебе никто не говорил, что надо стучать, прежде чем заходить в чужую комнату?

Линнувиэль ошарашенно моргнул, боясь, что ослышался, но эльфийка вдруг зарделась как маков цвет и уронила взгляд.

— Прости, я не знала. И я честно постучала, но никто не услышал. Просто Белка сказала, что...

— Сказала?! — громко ахнул Линнувиэль. — Белик, ты что?..

Эльф вдруг осекся, когда в него уперлись сразу три недоуменно-ошарашенных взгляда, будто присутствующие только-только вспомнили, что находятся не одни. Но это длилось недолго. Таррэн осторожно опустил Белку на землю, та, в свою очередь, смущенно шаркнула ножкой. А Мирена и вовсе закрыла лицо руками, понимая, что они только что прокололись.

— Белка! — глухо простонал Линнувиэль, чуть за голову не схватившись. — Так ты... боги! И как я раньше-то не догадался?! Вот дурак! Какой же я дурак!

Он молча взвыл, наконец-то сложив все кусочки головоломки, которая так долго не давала ему покоя. Запоздало сообразил, что зря подозревал наследного лорда в нелицеприятных вещах. Так же быстро осознал, по какой причине неадекватно реагировал на близость Белика сам. После чего сглотнул, внезапно понимая весь размах замысла ее полоумного создателя, сумевшего сотворить такую страшную ловушку, и измученно прикрыл глаза.

— Белка...

— Не вопи, — строго оборвала его Гончая, настороженно оглядевшись по сторонам. — Я только тебе доверяю настолько, что даже морду бить не буду. И не для того вчера весь вечер распиналась про свое прошлое, чтобы ты требовал извинений. Сам понимаешь: нет у меня другого выхода, иначе

вы поубиваете друг друга. Тем более что свою пару я давно нашла, искренне этому рада и не собираюсь ее менять ни на кого другого. Надеюсь, ты умеешь хранить тайны и не проболтаешься своим ушастым друзьям?

Линнувиэль уставился на нее, будто в первый раз увидел. А Таррэн бережно привлек свою грозную пару, одновременно касаясь губами ее тонких пальчиков, на которых больше не было перчаток. Белка охотно прижалась и тихо вздохнула, украдкой любуясь игрой света в крупном изумруде на левой руке. Том самом, что сжимал в зубах ярко сверкающий на солнце дракон — древний покровитель рода Л'аэртэ. Она давно и трепетно берегла второе сердце своего остроухого мужа. И лишь его имя сама вычертила на левой лодыжке, тем самым добровольно ему покоряясь.

Линнувиэль снова внимательно взглянул на Белку и Таррэна, правильно расценил значение рунной вязи на ее нежной коже, быстро заметил его родовой перстень на ее безымянном пальце. Немного испугался, осознав, что при желании эти двое могли в долю секунды принести друг другу как неземное наслаждение, так и мучительную смерть... стоило лишь ей разрушить его перстень, а ему — шепнуть еле слышно: «Умри». Так же ясно понял и то, что они никогда этого не сделают. Мысленно поразился одинаково яркому огню в их счастливых глазах и неожиданно понял, что никогда не предаст это доверие. Никому не откроет это знание и будет хранить его так же трепетно, как хранил маленькую Белку от опасностей законный муж и наследник трона.

Линнувиэль медленно опустился на колени и низко поклонился этой поразительной паре, которая была словно создана друг для друга.

— Вот видишь, я не ошиблась, — хмыкнула Белка, покосившись на удивленное лицо благоверного. — Он все правильно понял, и ты зря в нем так долго сомневался.

Таррэн осторожно поцеловал ее.

— Да, малыш. Ты всегда права.

— Линнувиэль, вставай! Хватит заниматься всякими глупостями — нам пора ехать. И не вздумай больше изображать из себя верноподданного! Тем более в моем присутствии, не то мне придется хорошенько тебя пнуть, чтобы продемонстрировать, насколько я не люблю ненужных телодвижений!

— Вредина, — немедленно буркнул эльф, принимая вертикальное положение. — Нет чтобы дать мне помечтать о том времени, когда ты станешь владычицей леса и я смогу всем разболтать, как пытался тебя прибить. Надо было все испортить! Даже минутки на благоговение не дала!

— Еще чего! Хватит мне одного леса, чтобы быть там владычицей, а твои хранители могут сдохнуть от зависти.

— И как тебе только не стыдно? — вздохнул Линнувиэль и неожиданно подал руку изумленно взвизгивающей на это безобразие эльфийке. — Пойдем, Мирена. Чует мое сердце, эти двое еще не скоро соберутся в дорогу. А вдвоем мы придумаем для них какое-нибудь оправдание. Тем более что твою палатку наверняка никто не тронул. Хочешь, помогу убрать?

Леди Мирена-ис в немом изумлении воззрилась на почтительно склонившего голову эльфа, в котором вдруг проснулась галантность. В чем дело? Неужто Белка постаралась? Или случилось что-то еще, раз Линнувиэль в кои-то веки решил пренебречь правилами этикета?

— Давай, давай, кавалер ушастый, — подбодрила их в спину Белка, с нескрываемым интересом следя за сменой выражения на лице новой подружки. — Мирена, не отказывай. Все-таки парень в первый раз просит твоей руки! Нервничает и трусит, как водится, так что не надо накалять обстановку.

Линнувиэль вздрогнул, но вовремя спохватился и громадным усилием воли сумел сохранить каменную физиономию. Однако юная красавица все равно заметила и, получив одобрителный знак от ехидно подмигнувшей Гончей, без колебаний подала узкую ладошку. И, хоть она очень старалась — покусывала губы, прятала глаза и вообще не смотрела больше на удивленно-обрадованного хранителя, порозовевшие кончики ушей выдали ее чувства.

— Вот так, — заключила Белка, когда они пропали за деревьями. — Все-таки я не зря ему шкуру спасала. Дай бог, не остановится на достигнутом. А то было бы обидно всю оставшуюся жизнь сознавать, что это из-за меня он не нашел свою настоящую пару.

Таррэн, убедившись, что посторонних в округе нет, немедленно обвил руками ее талию и снова притянул к себе, требовательно заглядывая в лучащиеся неподдельным удовольствием глаза.

— Ты права — они действительно друг другу подходят, — вкрадчиво согласился он. — Но теперь скажи-ка, коварная моя женщина: когда это ты успела влезть в его голову? И с какого времени читаешь не самого глупого в этом мире хранителя, как раскрытую книгу? Нет-нет, не отворачивайся и не делай вид, что не понимаешь, о чем речь. Я слишком хорошо тебя знаю и готов поклясться, что без этого ты никогда не решилась бы ему открыться! Не говоря уж о том, чтобы сделать то, что ты сделала сегодня! Ну? Я жду ответа, хитрюга! Причем немедленно, пока еще держу себя в

руках и не применяю страшные пытки! Когда ты попробовала его крови?

Белка, порозовев до кончиков ушей, виновато вздохнула.

— Да чего гадать-то? У меня был всего один шанс...

ГЛАВА 9

Весь оставшийся день перворожденные с нескрываемым удивлением наблюдали за мирно беседующей парочкой: леди Мирена в кои-то веки позволила себя сопровождать и весьма благосклонно поглядывала на заметно оживившегося хранителя, который в ее присутствии окончательно отошел от тысячелетиями освященных правил и общался с наследницей старшего дома, как с какой-нибудь простушкой. Правда, ее это тоже не смущало, а потому завязавшийся утром разговор все длился и длился, плавно перетекая из неловкого обмена фразами в увлеченную беседу. Как оказалось, им обоим было чем поделиться. Правда, время от времени то один, то другая нет-нет, да и поглядывали в сторону Белки, которая, против обыкновения, не изводила эльфов подставами и нравоучениями. Несколько раз, разумеется, прицепилась, чтобы не слишком расслаблялись, но быстро отстала, явно не желая портить такой замечательный день.

Перворожденные сперва подозрительно на нее косились, не веря собственному счастью, затем насторожились, полагая, что за периодом благодушия последует какая-нибудь совсем уж отвратительная и просто огромная гадость. Но когда даже на дневном привале их демонстративно проигнорировали, а в горячий суп, против обыкновения, не упало ни одной мухи, со всей ясностью поняли: что-то случилось. Причем такое, что коварная Гончая предпочитает молчать до поры до времени, явно готовясь к чему-то воистину феерическому.

В конце концов Маликон плюнул на правила приличия и нагнал Карраша сам.

— Белик?

— Да? — рассеянно отозвалась Гончая.

— У тебя все в порядке?

— Более чем. А что не так?

— Да нет, ничего, — слегка озадачился эльф. — Просто ты чересчур тихий сегодня. Вот я и спрашиваю: ничего не произошло?

Она удивленно округлила глаза.

— Не ожидал, что это так заметно... Неужто соскучились по развлечениям?

— Нет, — вконец разнервничался остроухий. — Но с твоими талантами мне бы хотелось заранее знать, когда надевать шлем, напяливать кольчугу и доставать мечи, чтобы отбиваться от насмешек. А если позади

крадется еще одна стая гиен, хотелось бы быть в курсе до того, как они решат нами поужинать.

— Гиены тут ни при чем, — хмыкнула Белка. — Просто день хороший — теплый, солнечный, тихий. И разбавлять эту тишину вашими неумелыми ругательствами мне отчего-то не хочется.

— Раньше тебя это не смущало.

— Ну, когда-то и мне нужно отдыхать.

— Нам что, считать это перемирием? — не поверил Маликон. — Ты все-таки решил взять выходной? Или, наоборот, готовишь что-то особенное?

— Ой, чего это ты стал таким подозрительным? — с наигранным огорчением воскликнула Гончая. — Всего пару недель назад был такой милый, доверчивый, так чутко реагировал на каждое слово... А теперь — нате вам! Даже отправляясь в кусты, стал оглядываться! Испортился, одним словом, как наш славный Линни! Или просто устал? Ох-хо-хо, до чего ж нынче слабый народ пошел!

Темный эльф скептически поджал губы, но все же удержался от ответной колкости, а Белка неожиданно посерьезнела.

— Ладно, хватит юлить. Ты чего хотел спросить-то?

— Мм...

— У тебя все на лбу написано. Давай уж, выкладывай, что надо. Честное слово, постараюсь не смеяться!

Маликон, издав какой-то странный звук, со стуком подобрал отпавшую челюсть. А затем во все глаза уставился на досадливо скривившуюся Гончую, искренне надеясь, что все-таки ослышался. Но она не стала отворачиваться и кривляться, как раньше, — просто посмотрела, заставив его на мгновение похолодеть, а потом, найдя реакцию правильной и абсолютно обоснованной, благожелательно кивнула.

— Ты...

— Ага, — согласилась она, подчеркнуто внимательно изучая далекие верхушки деревьев. — Гончая, ты прав. И Шранк на самом деле мой напарник, с которым мы ходим в связке почти тридцать лет.

— Двадцать семь, если точнее, — педантично поправил ее воевода, незаметно подъехав ближе.

Темный эльф совсем спал с лица.

— Значит, это была не шутка?! Но ты выглядишь слишком молодо!

— Ну и что? — удивилась Белка. — Тебе тоже не дашь пяти с половиной веков, так никто ж не жалуется!

— Я не человек.

— Я тоже.

— Бел...

— Что? — буркнула она. — Да, я не полуэльф! Нет, никакого эликсира долголетия сроду не принимал! Да, моя внешность — исключительно заслуга мага, но Таррэн не имеет к этому никакого отношения! Все? Больше нет вопросов? Хочешь узнать подробности — спроси у него, а я на эту тему больше не желаю разговаривать! Ясно?

— Да, — покорно кивнул эльф. — Но вообще-то я не об этом хотел спросить.

— М-да? — слегка озадачилась Белка. — Тогда колись, мне уже становится интересно.

Маликон тяжело вздохнул и с видимым усилием выдавил главное. То, ради чего и решился на небывалое — сам заговорил с дерзкой Гончей, надеясь на искренний ответ.

— Ты не видел... случайно, разумеется... перстень Аззара?

— Какой еще перстень? — непонимающе обернулась Белка, но эльф был предельно серьезен. — Родовой?! Твой эльтар его что, потерял?!

Маликон неожиданно смешался, нутром ощутив неладное, но она уже не слушала.

— И ты решил, что это я?! Думаешь, я его спер?! Болван! — процедила Гончая, без труда догадавшись, в чем дело. — Таррэн, вернись! Ты мне нужен! Этот придурок потерял свой перстень!

— Кто? Маликон?

— Да нет же! Его сопливый помощник!..

Маликон с досадой отвернулся: вот так промашка. Неужто Аззар и впрямь где-то посеял свой драгоценный перстень? Теперь и молодой лорд забеспокоился — аж с соседнего холма сюда рванул, чтобы выяснить причину переполоха. Шранк нахмурился, старательно припоминая что-то важное. Даже Карраш поднял голову, прислушиваясь к встревоженным голосам хозяйки и хозяина. И на остальных остроухих косился так, будто всю стаю только что обвинили в измене.

— Извини, — тихо сказал Маликон, когда гневный взгляд Гончей полоснул по нему как ножом. — Я думал...

— Торка лысого ты думал! — рыкнула Белка. — Аззар, растяпа криворукий! А ну, топай сюда! И ответь мне, болван, куда ты мог его засунуть, если тебе с рождения вдалбливали, что свою душу надо беречь, как зеницу ока?!

На дороге неожиданно стало очень тихо. Молодой эльтар, видя неподдельное раздражение наиболее вероятного виновника, как-то разом

сдулся. С его лица сбежала вся краска, потому как он до последнего надеялся, что его ждет очередной жестокий розыгрыш. А теперь, выходит, Белик ни при чем и единственным виновником случившегося является он сам.

— Что ты делал этим утром? — с ходу накинулась на него Гончая, едва Карраш настиг породистую кобылу Аззара. — И вечером — тоже! Тогда он на месте был?

— Вроде бы...

— Вроде бы? Ты что, не чувствуешь его?

— Нет, — совсем тихо ответил эльф и виновато уронил взгляд. — Я посчитал, что это ты взял, а рядом с твоими зверями даже наши перстни плохо откликаются.

— Что?!

— А что я должен был подумать? — несчастными глазами посмотрел на Гончую Аззар. — Ты все утро молчишь, улыбаешься, словно миллион золотых откопал. Ты же любишь подставы? Ну вот. Я все ждал, пока ты выдвинешь условия, на которых вернешь мой перстень, приготовился к худшему, но Маликон заметил, что я без кольца...

— И пришел ко мне с претензией! — зло закончила Белка. — Теперь ясно, с чего вы такие дерганые о самого утра. Да уж, молодцы, нечего сказать! Свою дурость прикрывать моими проделками... Давно я такого не слышал. Линнувиэль, ты что-нибудь можешь сделать?

Младший хранитель огорченно качнул головой.

— Наши перстни не поддаются чужакам. Только на зов владельца откликаются, и то — на небольшом расстоянии.

— Но ведь ты маг! И не слабый! Таррэн!

— Он прав, — нахмурился молодой лорд. — Даже я не смогу его найти. Аззар должен почувствовать второе сердце сам. Или кто-то из ближайших родичей, но, если расстояние до него слишком велико, даже это не поможет. Аззар, постарайся вспомнить, когда ты видел перстень в последний раз?

— Вчера перед сном. Я держал его в руках, собирался уже убрать, но потом отвлекся...

— Ты куда-нибудь уходил из лагеря? — вмешалась Белка. — Ночью вставал?

— Нет.

— А утром?

— Торк! Да в кусты ходил! Куда же еще?!

— Ты еще позлишь мне, где не надо, — процедила Гончая, заставив

остроухого недотепу осечься. — Еще раз вякнешь в таком тоне, без башки останешься. Не то что без перстня.

Аззар вздрогнул.

— Где именно ты был? В какие кусты ходил? — не дала ему времени опомниться Белка. — По дороге сюда отлучался? Где ты его вообще хранил?!

— На цепочке, — не посмел задержаться с ответом эльф. — На груди все время висела, а вчера я ее ненадолго снял, чтобы почистить, но совершенно не помню, надевал ли обратно.

— Болван!

— Я просто отвлекся!

— Сейчас я тебе отвлекусь! Сейчас как двину! Эх, ладно... — неожиданно успокоилась Гончая. — Придется возвращаться. Нет, всем необязательно, достаточно двоих. Аззар, бросай вещи, пересаживайся на Ирташа — и вперед, иначе до ночи будем плестись туда и обратно. Я с тобой, потому что быстрее наших мальчиков никого в целом свете нет. А нам, возможно, придется все кусты придорожные обшаривать из-за твоего разгильдяйства. Остальные ждут здесь. Таррэн, мы постараемся вернуться как можно быстрее, но если задержимся...

— Я с тобой.

— Нет, — качнула головой Гончая. — Прости, но у тебя слишком сильная аура. Боюсь, с ней будет трудно искать небольшой всплеск от чужого перстня — заслонишь. Один Аззар точно не справится, а от остальных в таком деле никакого прока. Так что пойдем вдвоем.

— Я тоже поеду, — спокойно вмешался Шранк. — Мы с тобой одинаково чуем магию, а мой Серый способен угнаться даже за Каррашем. Да и прикрыть вас надо. Вдруг что не так пойдет?

— Согласен. Разумно. Ирташ, поможешь?

Мимикр недовольно засопел, откровенно не желая подставлять спину какому-то чужаку, но хозяйка смотрела требовательно, настойчиво. Он тяжело вздохнул и медленно наклонил голову.

— Отлично. Аззар, перебирайся, но за поводья лишний раз не дергай: мальчик прекрасно понимает нашу речь. В седле не ерзай, про хлыст даже думать забудь, а попробуешь пришпорить — мигом без ног останешься. Все ясно? Тогда лезь и постарайся не осрамить славу эльфов как непревзойденных наездников. Таррэн?

Таррэн легко соскочил на землю и приблизился к Каррашу, вопросительно поглядывая на сосредоточенно нахмурившуюся Белку. Та неожиданно свесилась с седла, обхватила его руками за шею и, пристально

взглянув, неслышно шепнула несколько слов в остроконечное ухо.

— Нет, — вполголоса отозвался эльф. — Слишком опасно.

Она нахмурилась еще больше и снова шепнула, на что Таррэн прикусил губу.

— Нет. Не стоит так рисковать.

— Они могут помочь, — настойчиво повторила Белка. — Сам подумай: у кого получится лучше?

— Да, но...

— Это не стоит жизни Аззара. И мучений его тоже не стоит, если кто-то наткнется на перстень раньше нас. Хорошо еще, что тракт пустой, не то мы могли бы влипнуть с этой безделушкой. А так у нас втрое больше шансов! Тем более что скоро все равно пришлось бы рисковать, а отдавать все козыри в одни руки — неразумно.

— Хорошо, — наконец неохотно согласился Таррэн, почему-то покосившись на Линнувиэля. — Но только если не будет другого выхода.

Белка довольно кивнула и, обменявшись со Шранком выразительным взглядом, сорвалась с места.

Их не было до позднего вечера. Небольшой отряд эльфов (Таррэн настоял на том, чтобы продолжить путь, несмотря на утраченный перстень) весь день тревожно прислушивался к шепоту леса и нетерпеливо оглядывался, с надеждой высматривая знакомые силуэты на дороге. Но там было по-прежнему тихо. Не доносился стук копыт. Не слышался торжествующий рев Карраша, подсказывающий издергавшимся эльфам, что все в порядке и можно больше не беспокоиться. Вообще ничего: ни знака, ни звука, ни весточки.

К тому времени, когда сумерки накрыли верхушки сосен бархатным покрывалом, перворожденные измаялись так, как никогда в жизни. Разумеется, все они понимали, что Аззар совершил ошибку. Еще лучше осознавали, что могут в очень скором времени потерять собрата, но верить в столь чудовищное стечение обстоятельств не хотелось. Потому что погибнуть в бою или, на худой конец, от рук наемного убийцы — еще куда ни шло. Но оказаться в пожизненной кабале у какого-нибудь сведущего в магии смертного... а еще хуже — светлого или гнома... да лучше самому призвать Ледяную богиню, как недавно сделал Линнувиэль.

За все это время Таррэн не произнес и десятка слов. Ехал молча. Непрерывно тянул ноздрями сухой и колючий воздух. Изредка касался проплывающих мимо деревьев, будто метя их собственным запахом. Однако Линнувиэль не зря считался неплохим магом и совсем не зря

получил звание хранителя. Он не раз и не два ощущал летающие с ладоней повелителя крохотные, почти невесомые и невидимые постороннему глазу искры. И по ним сумел определить, что молодой лорд тоже неспокоен. Что постоянно касается кровных уз. Неотрывно слушает свое второе сердце и пытается понять, что происходит.

В напряженном молчании прошел целый день. Так же молча эльфы свернули с дороги, едва Таррэн позволил устроить привал. Без лишних слов расседлали коней, разожгли костер, неохотно прожевали небогатый ужин и, не зная, чем еще заняться, принялись мрачно глазеть друг на друга.

— Думаешь, они справятся? — тихонько спросила Мирена, подсев к хранителю и поежившись, как от холодного ветра.

Линнувиэль поджал губы.

— Надеюсь. Жаль, что времени много прошло, но Белик должен справиться.

— А если нет?

Эльф быстро отвел глаза и не стал озвучивать очевидное. Если Аззар не найдет свой перстень, то в Темный лес может больше не возвращаться: за подобную оплошность отец его проклянет, как опозорившего дом Истарре. После чего несчастного будет ждать отречение, изгнание и бесконечное множество веков в одиночестве. До тех пор, пока кто-нибудь не найдет его второе сердце и не разобьет, позволив измученному эльфу обрести наконец покой. А если Аззару не повезет, он попадет к кому-нибудь в кабалу и будет служить какому-нибудь магу вплоть до того момента, пока его бесконечно долгая жизнь намеренно или случайно не оборвется.

— Линнувиэль?

Темный эльф вздрогнул от неожиданности и очнулся от наваждения, но Мирена и сама все понимала. Поэтому поднялась и тихонько вернулась в палатку, моля всех богов, чтобы Аззар избежал участи отреченного.

Когда вдалеке послышался дробный перестук копыт, эльфы неверяще замерли, страшась спугнуть наваждение. Но слух не подвел — по пустынному тракту действительно приближались трое. Следом донесся знакомый рык Карраша, а за ним — тихий предупреждающий свист, но которому стало понятно: свои. Луки доставать не надо.

Линнувиэль подскочил на месте, чуть не бросившись им навстречу, но не успел — темнота за деревьями быстро сгустилась, в ней звучно хрустнула какая-то ветка, раздавленная тяжелым копытом или перекушенная с досады зубами. Затем донеслась чья-то ругань, перемежающаяся знакомым ворчанием. Недолгая возня. Пронзительный

писк. И, наконец, выбравшиеся из лесу Гончие с усталым вздохом соскочили на землю.

— Ну и забрались же вы! — выдохнула Белка, стряхивая с рукава нападавшие сверху иголки. — Еле нашли! Карраш чуть ногу себе не сломал, напоровшись на барсучью нору! Барсука, правда, сожрал, но не в этом суть.

Шранк покосился на неподвижное лицо молча вышедшего из темноты Аззара и сразу отвел взгляд.

— Почему так долго? — спросил Линнувиэль.

— Нашли? — нетерпеливо вскрикнули Корвин и Маликон, жадно разглядывая лица вернувшихся.

Белка кивнула, и они с невыразимым облегчением перевели дух. Гончая с силой дернула подпругу, стащила с Карраша седло и снова растворилась в темноте. Но далеко уйти не успела: на ее пути очень не вовремя возник Таррэн.

— Малыш?

Белка виновато вздохнула.

— Прости.

— За что? Вы же справились? — мягко коснулся ее руки эльф, а потом очень бережно, кончиками пальцев приподнял напряженное лицо, не совсем понимая причину ее тщательно скрываемого беспокойства. — Малыш? Что случилось?

Линнувиэль бросил быстрый взгляд на неподвижное лицо Аззара и насторожился: что-то точно не так. Что-то очень сильно не так, иначе не смотрел бы на них эльтар с таким ужасом. И не мелькало бы в его глазах выражение паники, словно чудом нашедшийся перстень Гончая нагло забрала себе, а то и расколотить пожелала во всеуслышание. Торк! Да что там вообще случилось?

Белка побоялась посмотреть на Таррэна сразу, но, когда открыла глаза, он вздрогнул всем телом и едва не отшатнулся, потому что в ее взгляде полыхала ядовитая зелень.

— Прости, — тихо повторила Белка, потупившись. — Этот дурак умудрился порвать зачарованную цепочку, пока возился со своим перстнем. Но не заметил и поперся умыться, а там выронил в воду и сразу не сообразил, в чем дело. Она всю ночь провалялась на берегу, но затем ее отнесло течением. Кольцо запуталось в водорослях и какое-то время болталось у всех на виду. А после этого... его сожрал сом! Можешь себе представить? Здоровенный, как конь, вонючий, склизкий! Хватанул и удрал на глубину, с-скотина. Мы полдня потратили, чтобы выловить гада в этом

тор-рковом озер-ре!..

Таррэн молча обхватил ее за плечи, прижав к себе и не позволив спутникам услышать рычащие нотки в ее голосе. Ласково погладил, что-то тихонько прошептал на ухо, одновременно зарываясь пальцами в ее мягкие волосы. Какое-то время держал в объятиях, успокаивая и помогая, а когда почувствовал, что она взяла себя в руки, выразительно глянул на пришибленного в буквальном смысле слова Аззара.

— Где перстень?

— У меня, — буркнул вместо эльфа Шранк и неуловимо быстро бросил кольцо Таррэну. — Белик отдал, чтобы не возникло соблазна.

Таррэн ловко поймал перстень, убедился, что никакой ошибки нет.

На эльгара было страшно смотреть.

— Аззар, что случилось? — нахмурился Линнувиэль. — Таррэн? Он что-то сделал с Беликом?

— Нет, — тяжело уронил наследник Изиара. — Но нам придется очень серьезно поговорить.

— Да уж, — мрачно кивнул Шранк. — Боюсь, его высокородная светлость не стоила таких усилий. Особенно в свете тех воплей, что мы слышали от него после «рыбалки». Полдня по дну рыскали, ища того дурного сома, вымокли, как утки, всю тину на носы собрали, в кишках вонючих ковырялись, а этот кролик еще и недоволен! Бел, ты не передумал? Может, мне все-таки набить ему морду, уроду неблагодарному? Чтобы впредь головой думал, а не тем местом, чем обычно?

— Нет, — прерывисто вздохнула Белка. — Отдай ему мечи, и пусть проваливает, пока я держусь. Карраш, не скалься. Я не для того ему шкуру спасал, чтобы ты ее сразу же дырявил. Пусть идет.

Громадный мимикр выразительно рыкнул на неподвижно замершего эльфа, но хозяйке перечить не стал. Только звучно клацнул зубами у самой остроухой морды и все-таки отошел. После чего поспешил к Белке, заворковал, заурчал, ласково потерся, едва не свернулся вокруг нее гибким обручем, но Таррэн не позволил — отстранив обеспокоенного мимикра, сам отвел ее за деревья и там надолго пропал. А когда вернулся, так же молча цапнул Аззара за шкурку и невежливыми пинками утащил подальше от любопытных глаз.

Шранк одобрительно крякнул, но пояснять тоже ничего не стал. Особенно причину, по которой молодой эльф до сих пор не мог выйти из состояния глубокого потрясения, а вместо благодарности за спасение своей ушастой шкуры так и норовил схватиться за родовые клинки. Но когда Линнувиэль, озадаченно потеряв подбородок, поднялся, чтобы последовать

за эльтаром и молодым лордом, воевода кинул в сторону хранителя такой неласковый взгляд, что тот предпочел за лучшее сесть обратно. А когда Линнувиэль снова рискнул посмотреть на притихший лес, где бесследно растворились оба его собрата, ему вдруг показалось... всего на мгновение... что за дальними деревьями промелькнула чья-то тень. И еще показалось, что в темноте, едва заметный на таком расстоянии, все же промелькнул какой-то смутно знакомый отсвет — легчайший зеленоватый блик, в котором при желании и достаточной фантазии вполне можно было признать две одинаково крупные пары хищно прищуренных глаз.

ГЛАВА 10

Когда Тир ступил на знакомую поляну и, против обыкновения, не увидел там своего учителя, в груди что-то неприятно шевельнулось: обычно Тирриниэль не позволял себе опаздывать на занятия. Как правило, приходил даже раньше назначенного срока, чтобы встретить внука лично и с ходу загрузить какой-нибудь очередной задачей.

Юный маг медленно обошел поляну по кругу. Затем присел на плоский камень, на котором обычно ждал его владыка эльфов, подпер голову руками и надолго задумался.

Он и сам не до конца понял, как следует относиться к облеченному властью сородичу. И если бы кто-нибудь сейчас спросил его об этом, он не сумел бы ответить однозначно. Нет, родная кровь, это понятно — достаточно лишь в зеркало взглянуть, чтобы понять, насколько они похожи. И все же, будь дело только в родстве, Тир, не поморщившись, отправил бы любопытного вопрошателя куда подальше, поскольку всегда считал, что родство по крови значит ничтожно мало, когда между лю... нет, эльфами, конечно... нет родства истинного — родства душ.

В тот день, когда Тир провел свое первое единение, он узнал много неприятного о повелителе Темного леса. Получил подтверждение самым страшным своим догадкам, увидел в его воспоминаниях то, чего не хотел бы видеть никогда. Он сполна познал чужое разочарование. До сих пор помнил искаженные страхом лица человеческих женщин и по-прежнему слышал по ночам их умоляющий крик: «Не надо! Пощадите хотя бы детей!»

Точно так же, как помнил и слышал их постаревший владыка.

И, если бы не тот факт, что обо всем этом Тир знал до того, как пришел в священную рощу, Темный лес мог лишиться одного из наследников Изииара. Однако обошлось: Тир все же сдержался. А когда узнал, что именно сделал для него тогда Тирриниэль... не простил, нет, но все же испытал по отношению к немолодому эльфу признательность.

Долгое время после этого они старательно присматривались друг к другу. Осторожно расспрашивали, сравнивали, оценивали. Тирриниэль не терял надежды вызвать внука на откровенность. Тир, в свою очередь, искусно избегал опасных тем. Одновременно учился, набирался опыта в умении владеть «Огнем жизни». Но вместе с тем он постепенно узнавал владыку эльфов с новой стороны и мысленно поражался тем переменам,

которые с ним произошли.

Когда-то он считал, что такого не бывает. Когда-то ему казалось, что за такой короткий срок невозможно перековать себя прежнего. Однако Тирриниэль искренне сожалел о прошлом. И он действительно изменился так, как, наверное, никогда бы не смог, если бы оставался в полной силе.

— Сегодня с тобой буду заниматься я, — сухо произнес чей-то голос сзади, вырвав юного мага из глубокой задумчивости. — Прощу прощения за опоздание — я не ожидал, что ты закончишь раньше. Надеюсь, тренировка прошла успешно?

Тир вздрогнул, молниеносно оказавшись на ногах, и со смесью недоверия и подозрения уставился на Иттираэля.

— Владыка просил его заменить, — ровно пояснил хранитель, словно не заметив настороженности Тира. — Этим вечером он занят и не сможет присутствовать здесь. Так что твоё обучение продолжу я.

— А почему он не предупредил меня об этом сам?

— Не успел, — не моргнув глазом, сообщил Иттираэль, подходя ближе.

— Неужели? — напрягся Тир, отступив на шаг и подняв щиты.

«Умный мальчик, — досадливо поморщился хранитель, когда не смог прочесть его мысли. — И, кажется, слишком многому успел научиться».

— Я не враг тебе, — мирно сказал он вслух.

— О да, — язвительно отозвался Тир, отступая все дальше. — Ты всего лишь хочешь залезть в мою голову.

— Прости мое любопытство. Сам факт твоего существования заставляет меня сомневаться в своих способностях мага. Понятно, это больше заслуга родителей, но мне очень интересно, кто из смертных оказался на такое способен.

Тир угрюмо промолчал.

— Кто твой отец, мальчик? Кто дал тебе жизнь?

— Это тебя не касается!

— Ты не такой, как Талларен, — вкрадчиво сообщил хранитель, незаметно пробуя чужую защиту на прочность. — Вы по характеру совсем не похожи.

Тир сжал челюсти, а в его глазах зажегся опасный огонек, который всего за пару мгновений разросся в настоящий огонь — полноценный, яростный, ядовито-зеленый, в котором жаркими всполохами металась неподдельная ненависть. Лицо искривилось, стало жестким, злым, хищным.

— С чего ты решил, что мы не похожи? — процедил он, не замечая,

как ладони сами собой окутываются пламенем.

Иттираэль наклонил голову, внимательно наблюдая за бешеной пляской знаменитого «Огня жизни», не позволяющего ошибиться: перед ним действительно стоял истинный наследник Изиара. Причем владеющий своей силой в полной мере. Такой же неистовый, как все мужчины Л'эртэ. Смертельно опасный в гневе. Совсем еще юный маг, чья мощь многократно возрастала в моменты искренней ярости.

— Так на кого же я похож, Иттираэль? — обманчиво спокойным тоном осведомился Тир, подбрасывая на ладони шар неистового пламени.

Старший хранитель осторожно отступил на шаг.

— Твоя сила велика...

— Ты не ответил на вопрос!

— Прости. Возможно, я ошибся, — неуловимо изменился голос эльфа, а в глазах промелькнула странная искра. — Но из двоих сыновей нашего повелителя ты больше напоминаешь мне...

— Кого? Торриэля? — Тир неожиданно зло расхохотался. — Неужели ты думаешь, я не нашел бы его, если бы хотел? Неужели считаешь, что Серые пределы, где он от вас скрылся, стали бы для меня помехой? Или, может, полагаешь, в свои пять с половиной веков он сумел избежать нашего общего проклятия?! Думаешь, я не знаю о тех «теплых» отношениях, что были между ними?! Не знаю, за что Торриэль порывался убить собственного брата?! И того, каким образом стало возможным мое рождение?! Может, считаешь, что я благодарен Изиару и тебе заодно за изменение? Тогда ты действительно дурак!

Иттираэль чуть вздрогнул.

— Неужели все-таки Талларен? Значит, он все-таки сумел?..

— Да, Торк возьми! Сумел! Что еще ты хотел вызнать? — прокричал Тир, и хранитель, заглянув в полные ненависти глаза, осторожно отступил, склоняя голову в почтительном поклоне.

— Простите, юный лорд. У меня больше нет вопросов.

— Еще бы они у тебя были!

— Еще раз прошу прощения. Я не желал вызвать ваш гнев. Просто хотел выяснить правду и предложить вам продолжить обучение. Это важно для вас. И пока владыка Тирриниэль занят, прошу позволить вам помочь.

Юный маг, слегка успокоившись, неохотно погасил огонь.

— Я не стану у тебя учиться.

— Жаль, — поджал губы темный эльф. — Я мог бы многое вам дать. То, без чего потом будет трудно обходиться. Вы еще молоды. И вам предстоит немало узнать, если вы хотите занять положенное по праву

место.

— А если я не хочу? Если мне это не нужно?

Иттираэль одарил упряма тяжелым взглядом, но встретил только непримиримую, все еще клокочущую ярость, с которой было трудно спорить и которую невозможно переубедить. По крайней мере — сейчас. Но он привык ждать. И терпеливо стеречь свой единственный шанс тоже прекрасно умел.

— Как пожелаете, юный лорд, — со вздохом сожаления поклонился хранитель, отступая еще дальше. — Но знайте: если вы передумаете, я буду рад помочь.

Он смиренно сложил руки на груди и собрался было уйти, оставив упрямого отпрыска правящей ветви в одиночестве, однако Тир неожиданно не позволил:

— Стой. Я с тобой не закончил!

Иттираэль удивленно обернулся.

— Где Тирриниэль? — требовательно спросил Тир, стараясь отогнать дурные предчувствия. — Что это за дела, о которых он меня даже не предупредил?

— Важные дела. Государственные.

— Не юли!

— Владыка Л'эртэ... вынужден иногда отдыхать от занятий. Он переутомился и, боюсь, еще не скоро сможет вернуться к обучению. Его резерв почти истощен, и я не уверен, что смогу поддерживать его силы больше недели.

— Что же ты сразу не сказал! — отшатнулся Тир. — Он у себя?

Юный маг, не дождавшись ответа, развернулся и опрометью бросился прочь, схватив с земли свои странные мечи и привычно забросив их за спину. Иттираэль и глазом не успел моргнуть, как силуэт размазался в воздухе и растворился среди деревьев. Эльф лишь покачал головой, словно сетуя на ненужную спешку, и неторопливо покинул священную рощу.

От грохота распахнувшихся дверей Тирриниэль вздрогнул и непонимающе приподнялся на постели, гадая, кто решил начать дворцовый переворот, не дожидаясь его смерти, и насколько хватит его собственных сил, чтобы остановить нападающих. Удивляться не стал: вкрадчивые шепотки о его плачевном положении уже давно гуляли по Темному лесу, и среди его подданных наверняка имелось немало желающих самолично убедиться, что старый лев окончательно сдал.

Владыка Л'эртэ из последних сил сотворил на ладони небольшой

огонек, собираясь спалить первого, кто рискнет войти в его личные покои, с усилием сел, не желая встречать Ледяную богиню совсем беспомощным. Затем тряхнул поседевшей гривой и недобро сузил глаза: лев, может, и старый, да еще не все зубы растерял. А когда в проем с оглушительным грохотом влетели спиной вперед воины из его личной стражи, и вовсе усмехнулся: надо же, какая прыть. Интересно, у кого набралось столько наглости?

— А ну, гаси! — рявкнул снаружи чей-то злой голос, и в комнату влетел растрепанный Тир. — Гаси, пока по морде не получил! Ты почему раньше не сказал, что остался совсем без резерва? Я ж тебе, дурная башка, половину своего отдал! Всего пару дней назад! Куда ты его истратил? На какую дурость опять решился? А? Я тебя спрашиваю, неразумный повелитель кроликов!

Тирриниэль ошарашенно воззрился на разгневанного внука, от которого во все стороны летели злые зеленые искры. Хорошо, что чертоги устойчивы к огню, не то от спальни за считанные мгновения остались бы головешки. А так — ничего. Только трава на полу обгорела, да листочки на стенах испуганно прыгнули в стороны.

— Тир...

Юный маг досадливо рыкнул и, перехватив слабый огонек с ладони сородича, ловко загасил.

— Ты что тут делаешь?!

— А ты как думаешь?! — ядовито отозвался Тир. — В гости зашел! Поболтать на сон грядущий! В картишки перекинуться, Торк тебя возьми! Ты до чего себя довел, а? Какого демона не сказал, что после каждого занятия еле ноги таскаешь? Почему не урезал время? Почему не попросил помощи? Ты, высокомерный болван, не умеющий отличить гордыню от простой глупости!

Тирриниэль неловко отвел глаза.

— Так было лучше для вас.

Юноша глухо рыкнул, произвольно окутавшись ревушим пламенем с ног до головы. Но несчастной спальне повезло — в этот момент в дверь не вовремя сунулось несколько эльфов из личной стражи владыки, и сгусток огня улетел не в сторону изумленно наблюдающего за этим безобразием повелителя, а в развороченный проем. В коридоре немедленно что-то грохнуло, затрещало и злобно завывало. Следом раздались испуганные крики, чей-то болезненный стон...

Тир, опомнившись, погасил пламя и обернулся, сверля сородича тяжелым взглядом. После чего сомкнул челюсти так, что на скулах

заиграли желваки, быстро подошел, рывком разодрал рубаху на груди владыки и ненадолго приложил ладонь к его груди. А отстранившись, едва не сплюнул.

— Пустой!

— И как это понимать? — наконец нахмурился Тирриниэль. — Зачем весь этот шум?

— А то ты не знаешь?

— Я тебя ни о чем не просил. Это был мой выбор, и не тебе за него отвечать.

— Ах вот ты как заговорил... — зло сузил глаза Тир. — Я тебя, между прочим, тоже ни о чем не просил. И не требовал сжигать себя изнутри, делая вид, что заботишься о моей безопасности!

Владыка Л'эртэ отодвинулся и, каким-то неведомым образом сохраняя величие даже будучи в постели, холодно осведомился:

— Это все, что ты хотел сказать? Ради этого ворвался и разнес мне половину чертогов? Если да, то будь добр, покинь помещение и займись обучением с Иттираэлем. Кстати, это я просил его тебе помочь, поэтому постарайся не опозориться.

— Торка лысого тебе.

— Что-о-о?!

— Я сказал, обойдешься, — неожиданно ровным голосом отозвался Тир, а потом обернулся к дверям. — Таргис, ты еще живой? Отзовись, шпион ушастый. Я знаю, что ты здесь!

— Жи... вой, — просипел снаружи слегка прокоптившийся эльф. — Куда ж я денусь?

— Тебя не сильно задело?

— Нет, что ты! Только ожоги по всему телу пошли, рубаху испарило, сапоги растеклись лужей и от штанов осталось одно название. А так — ничего. Спасибо, что не зашиб.

— Прости, не сдержался, — сбавил обороты Тир. — Если можешь ходить, то смени штаны и найди Милле. Если спросит, в чем дело, ответишь, что я сам все объясню.

— Хорошо, сделаю, — отозвался невидимый Таргис, и снаружи все стихло.

Тирриниэль скептически изогнул бровь.

— Тебе не кажется, что ты берешь на себя слишком много, мальчик?

— Нет.

— И как я должен расценивать твоё поведение? Ты все-таки передумал? Решил занять мое место?

— Если б я передумал, не торопился бы сюда, чтобы набить тебе морду. Дождался бы, пока помрешь, а потом спокойно воцарился.

— А ты дерзок.

— Твоя школа, — огрызнулся юноша. — А теперь помолчи и дай мне венец. Хочу знать, насколько он вместительный и смогу ли я накачать его до нужного уровня.

Владыка эльфов покачал головой, отнюдь не спеша расставаться с реликвией.

— Меня это уже не спасет: сила утекает слишком быстро, даже если я ее не касаюсь. Это Уход, мальчик, и ты тут ничего не изменишь. Можно залить силой все чертоги, можно тянуть ее из ясеня, можно бесконечно вливать ее в меня, но мое тело больше не способно ее удерживать. Сколько бы вы с Иттираэлем ни старались, я не стану сильнее. В лучшем случае протяну еще несколько дней, истощив заодно и вас. Я ему это уже говорил точно так же, как говорю сейчас тебе: оставь. Здесь больше нечего спасать. Чем больше вы мне отдаете, тем быстрее я теряю. И когда-нибудь даже совместных усилий всех хранителей не хватит, чтобы удержать меня по эту сторону.

Тир едва не высказал вслух то, что накипело, но увидел печальную улыбку на лице владыки, его погасшие глаза, в которых вместо раздражения вдруг проступило понимание и смирение... ощутил слабое рукопожатие, в которое умирающий эльф вложил всю свою благодарность за отчаянную попытку спасти ему жизнь, и... с тяжелым вздохом опустил на краешек постели.

— Я все еще не прощаю тебя, — тихо признался он. — Мне трудно забыть и принять твое прошлое. Еще труднее — с ним смириться. Да, я не такой, как мой отец. Во мне нет его силы и умений. Может быть, Иттираэль прав и я слишком молод, чтобы противиться неизбежному, но... я все-таки попытаюсь. И знаешь почему?

Тирриниэль отрицательно качнул головой.

— Потому что отступить — это значит сдаться, когда еще есть надежда. Это значит, что я слаб. Недостоин своих предков и бессмертия, которым наградили меня родители. Я не герой, дед. Совсем нет. Но так меня учили мои друзья. Так живут они сами — сражаясь до последнего, пока еще бьется сердце и течет в их жилах кровь... только поэтому я не сдамся тоже. Клянусь, что сделаю все, чтобы ты дожил до прихода Торриэля. Хотя бы ради того, чтобы ты мог сказать ему то, что не успел два десятилетия назад. Я выбрал, дед. Теперь дело за тобой.

Владыка Л'аэртэ сильно вздрогнул, но ответить не успел.

— Тир! — испуганно вскрикнула Милле, влетая в распахнутые двери. Удивительно нежная в свободном голубом платье, что так красиво оттеняло ее глаза. Прекрасная, как всегда, и по-весеннему свежая. Она пронеслась по комнате диким ветром и порывисто обняла юношу за шею. — Ты в порядке? Что случилось? Что с ним?

— Истощение, малышка, — тяжело вздохнул юный лорд, старательно глядя в сторону. — Причем полное: физическое и магическое.

Милле неверяще посмотрела на заметно постаревшего владыку, на лице которого всего за один день проступили глубокие морщины.

— Но как же это? Ты ведь сказал, что еще есть время!

— Я ошибся.

— Боже... сколько еще осталось?

— Часа три, если ничего не сделать. И примерно неделя, если я закачаю его силой под завязку, досуха опустошив собственный резерв. Если подключатся хранители, то плюс еще пара дней, а потом — все. Уход заберет его, несмотря на все наши старания.

Мелисса побледнела и медленно приблизилась к постели умирающего повелителя.

— Тирриниэль?

— Он прав, дитя, — прошелестел эльф, с тихой радостью встречая неподдельную тревогу в ее чудесных глазах. За него тревогу. О нем, дураке, сейчас беспокоился этот чистый ангел. — У меня осталось слишком мало времени. Но здесь нет вашей вины — я сделал все, что мог, чтобы вы оставались в безопасности, а теперь настало время уходить.

— Тебе еще рано! — упрямо вскрикнула Милле, пытаясь спрятать подозрительно заблестевшие глаза. — Ты слишком молод для Ухода, и все это — большая ошибка!

Тирриниэль устало откинулся на подушки.

— Нет, девочка. Боюсь, что ошибаешься ты, потому что это началось далеко не вчера и даже не год назад. Я много лет ждал этого дня. Искал выход, но все тщетно: от Ухода нет спасения. Мы все знали, что однажды это случится, и я очень рад, что успел встретить вас до того, как умру. Так что нечего грустить и не нужно предаваться печали — проклятие Изииара еще никому не удавалось обмануть.

Мелисса прикусила губу, чтобы не расплакаться, но Тирриниэль и так все прекрасно понял.

— Не волнуйся за меня, дитя. Уход не причиняет боли. Только слабость, но это весьма невысокая цена за дарованную мне власть.

— Я не хочу, чтобы ты умирал! Не так! Не сейчас! Тир... — Милле

посмотрела на юношу и тихонько всхлипнула. — Неужели нет никакого выхода? Ты же знаешь, что все это неправильно! Нечестно, в конце концов! Тирриниэль должен жить! Хотя бы еще две недели, но обязательно должен!

Тир прикрыл нещадно пылающие глаза.

— Вообще-то... я думаю, ты могла бы замедлить... не совсем, конечно, но выиграть время мы сумеем. Если я отдам свою силу, а ты... ты сделаешь то, что умеешь.

— Ты хочешь, чтобы я?.. — неверяще ахнула Мелисса, зажав рот ладошками.

— Прости, маленькая. Я уже ничего не понимаю, сомневаюсь даже в себе и не знаю, чего хочу. Но я уверен в одном: если ничего не сделать, он умрет.

— Нам же запрещено!

— Да, — неохотно согласился Тир, быстро покосившись на непонимающе нахмурившегося владыку. — Но я не хочу сдаваться так просто. Мама бы... не одобрила. И Вал, как мне кажется, — тоже.

Мелисса судорожно сглотнула. А потом быстро подошла и крепко обняла удрученного эльфа. Прижалась на мгновение всем телом, отчаянно громко шмыгнула носом и решительно отстранилась.

— Хорошо, я попробую. Я очень постараюсь, если Тирриниэль не будет против и если ты присмотришь за дверью. Большинство не поймет, конечно, что происходит, но от хранителей не удастся скрыть, если кто-то из них окажется поблизости. Особенно от Иттираэля.

— Я никого не пущу.

ГЛАВА 11

Утром Таррэн вернулся в лагерь один. Ни словом, ни жестом не показав своего состояния, с непроницаемым лицом схватил вещи Белки, перебрался парой тихих фраз с воеводой. Подчеркнуто молча оседлал мимикров и повернул в сторону виднеющейся невдалеке дороги. Вопросительные взгляды сородичей демонстративно проигнорировал, на виновато потупившего Аззара даже не посмотрел. Ирташа хлопнул по холке. И лишь когда Карраш тревожно фыркнул, настойчиво заглядывая в потемневшие глаза хозяина, отрицательно качнул головой.

— Не надо. Пусть побудет одна.

Шранк, выводя на дорогу уже оседланного скакуна, озабоченно нахмурился.

— Думаешь, стоит их оставлять в стороне? Впереди — Стилос, а за ним — западный тракт. Нам больше не удастся скрываться: караванов там полно, народу — тем более. Торговый путь, все-таки! Через три с половиной дня вообще до Аккмала доберемся, а там...

— Мы не станем делать остановку в Аккмале, — ровно сообщил Таррэн, запрыгивая в седло.

— Почему? Ведь там должны ждать...

— Именно поэтому, друг мой, мы туда не заедем.

— А как же Белик? — совсем озадачился воевода.

— Нагонит к вечеру.

— Да нет, я об Аккмале! Он разве не собирается повидать нашего задиру? И его... мм... подопечных? Они, скорее всего, еще в городе, а вы их больше месяца не видели!

— Малыш не хочет рисковать. Так что мы заберем их на обратном пути.

— А Траш?

— Все уже обговорено, — обронил Таррэн, и Шранк понимающе кивнул.

— Как скажешь. Это твоя стая. С остроухим что будем делать?

— Ничего, — ответил эльф, даже не обернувшись, но Аззар все равно сжался, словно ему только что вынесли смертный приговор.

Когда Таррэн тронулся с места, эльтар нарочно замешкался и выехал последним — непривычно тихий, молчаливый, по-прежнему бледный и какой-то растерянный. Он ни слова не сказал сородичам, когда вернулся

вчера к уютно потрескивающему костру. Один, без повелителя, с парными мечами за спиной, которые ему почти с пренебрежением вернули. Зачарованная цепочка к эльфу тоже вернулась, но и это обстоятельство его не радовало. Ни на кого не смотря, Аззар уселся в сторонке, уставился в землю и застыл, не реагируя на осторожные расспросы братьев. Так, почти не шевелясь, он и встретил рассвет — одинокий, потерянный, охваченный отчаянием. Но еще больше он устал от того, что теперь не знал, как ему жить и чему верить. И почему за все то, что он вчера натворил, ему до сих пор не надавали по шее.

К полудню, когда небольшой отряд эльфов почти нагнал первый за все время пути караван, Линнувиэль все-таки не выдержал: поравнялся с удрученным собратом и требовательно заглянул в его неподвижное лицо.

— Аззар, в чем дело?

— Ни в чем, — буркнул эльф, порываясь свернуть, но хранитель вовремя перехватил поводья и вынудил скакуна остановиться.

— Тогда чего ты шарахаешься от каждого куста и с самого утра ходишь как пришибленный?

Эльтар стрельнул глазами в сторону Маликона, к которому всегда относился как к старшему брату. Чуть ли не впервые в жизни почувствовал, что не может довериться даже ему, и сжал зубы. Нет, есть вещи, которыми не поделишься даже с близкими. Особенно, когда за лишние откровения пообещали вырвать болтливый язык.

На вопросительный взгляд командира Аззар лишь мотнул головой, упорно отказываясь от помощи, и Маликон так же неспешно продолжил путь. И правильно: негоже лезть в чужие дела, когда не просят. И в этом свете упорство Линнувиэля выглядело совершенно непонятным.

— Отстань! — прошипел Аззар, выдергивая поводья, но хранитель упрямо поджал губы.

— Хватит. На тебе с самого утра лица нет.

— Это мое дело.

— Стой, пусть проедут подальше. Я хочу поговорить наедине, раз уж ты не желаешь делиться с остальными... да не спеши! Я о Белике хотел сказать!

Аззар чуть вздрогнул и, перестав вырываться, кинул на мага полный подозрения взгляд, но Линнувиэль лишь слегка улыбнулся.

— Не только ты знаешь.

— Он открылся? — быстро уточнил эльтар. — Тебе? Сам?

— Да.

— Все сказал?!

— Думаю, да.

— И... и что?

Хранитель терпеливо выждал, пока спутники проедут вперед. Незаметно кивнул Мирене, когда та сделала большие глаза и выразительно покосилась на Таррэна. Затем огляделся, внимательно прислушался к щебетанию птиц среди зеленых крон, перехватил насмешливый взгляд Шранка, в котором светилось такое же сомнение, как и у Аззара недавно, и только тогда тронул поводья.

Молодой эльтар, заметно озадачившись, двинулся следом.

— Я понимаю твои сомнения, — осторожно начал Линнувиэль.

— Ты? — Аззар издал нервный смешок, но хранитель лишь хмыкнул и совершенно спокойно добавил:

— Если помнишь, несколько дней назад я тоже вел себя несколько... неадекватно. Со стороны, наверное, это смотрелось забавно, но в тот момент, я тебя уверяю, мне было не до смеха. Точно так же, как тебе сейчас.

— Не уверен, что мы говорим об одном и том же, — пробормотал Аззар.

— Возможно. Однако повторяю: я тебя понимаю, потому что Белик действительно совсем не то, чем нам казалось.

— Я думал, без ушей останусь, когда это чудовище...

— Тише, — предостерегающе понизил голос хранитель, и эльтар послушно осекся. — Нас предупреждали, что будет нелегко, и ты знал, на что шел. Так что не сходи с ума из-за того, что все оказалось немного более запутанным, чем мы считали.

— Это ты называешь «немного»? — Аззар нервно отер повлажневший лоб. — Не знаю, что успел понять ты, но то, что видел я... боюсь, до конца жизни буду вспоминать в кошмарах. Ты хоть знаешь, что это за монстр?!

— Знаю.

— И тебя это не смущает? Мы же приведем его с собой! Тебе не страшно идти с ним одной тропой?

— Белик дал слово, что не нападет первым. Что бы ни случилось, как бы он ни относился к нам и как бы ни сложились обстоятельства, он будет защищать себя и нашего лорда. А ты не хуже меня знаешь, что слову Стража можно верить. К тому же Белику верит Таррэн, а это очень много значит.

— Наш лорд рядом с ним становится неуправляемым!

Линнувиэль пожал плечами.

— Его можно понять.

— Да? — скептически хмыкнул Аззар. — С каких пор ты потекаешь этим странностям? Сперва Мирена растаяла, теперь ты...

— Белик спас мне жизнь, — просто сказал хранитель. — Даже ответной услуги не потребовал. Он услышал мою песнь, пошел по моим следам. Но каким-то чудом вытащил меня из-за грани, а ведь мог бы не беспокоиться.

— Линнувиэль, о чем ты говоришь? — нахмурился вдруг Аззар.

— Гиену помнишь?

— Конечно.

— А ты знаешь, что ее яд смертелен даже для меня?

Молодой эльтар вздрогнул, но Линнувиэль лишь невесело усмехнулся.

— В тот день, брат, Белик взял мою боль на себя. Не знаю, чего это ему стоило — он так и не сказал, но, полагаю, он не зря больше чем трое суток с постели не вставал. И не зря лорд Торриэль ни на шаг от него не отходил.

Аззар сглотнул.

— Я не знал... Не понимал, что происходит, когда ты тогда...

— Вот и я не знал, пока все не вспомнил, — кивнул Линнувиэль. — Теперь понимаешь, почему я вышел из себя, когда очнулся и узнал, что вы и понятия не имеете, жив ли он вообще?

— Прости, — опустил глаза молодой эльтар.

— Это ты не мне говори, брат. Твой перстень мог бы продолжать тухнуть в кишках у речного сома. И ты не нашел бы его до тех пор, пока какой-нибудь удачливый рыбак не выудил этого речного монстра за жабры. Кстати, тебе перстень-то вернули?

— Да.

— Так что ж ты тогда взбесился? Посчитал позорным, что тебе его люди вернули?

— Нет, — прошептал Аззар. — Я все понимаю. Они меня даже не тронули, просто взяли каплю моей крови, чтобы учуять перстень, а потом достали со дна... вернее, Белик достал, а Карраш только вынюхивал. Но я только тогда увидел, что он... что они с ним... и это... Торк возьми! Это было слишком неожиданно, понимаешь?

Хранитель знаний недоуменно поднял брови.

— Они — убийцы, — виновато опустил голову эльтар. — Прирожденные убийцы, от которых нет спасения... нас всегда этому учили. А Белик... у него слишком страшная стая, чтобы я мог удержаться: и он сам, и Карраш, и... Боже! Линнувиэль!

Линнувиэль вздрогнул, увидев неподдельное отчаяние на лице

сородича, и тихо спросил:

— Что ты натворил?

— Я... поднял на него мечи.

— Что?!

— Я не знал, что такое бывает! — простонал Аззар, закрывая глаза. — А когда увидел его глаза, решил, что Белик — такое же чудовище, хмера бешеная... как гаррканец этот ненормальный... не зря его Гончие так называют! Он же давно рядом с ними живет, вот и сроднился. Я никогда в жизни таких глаз не видел! Вот и не сдержался... а потом туда пришла остальная стая, и получилось совсем плохо...

Линнувиэль отшатнулся и сообразил наконец, в чем дело.

— Ты что, испугался цвета их глаз?! И поэтому за мечи схватился?!

— Но Белик рычал!

— Да хоть в глаза тебе плюнул! Это ж надо быть таким идиотом, чтобы со Стражами связываться! Как тебя только Шранк не прибил?!

— Не успел, — совсем понурился Аззар. — Белик не велел меня трогать. Собой закрыл, как куренка неопытного, не то не доехал бы я обратно... К'саш! А что я мог подумать, когда увидел его стаю?! О чем должен был помнить, зная, что всего через неделю мы все окажемся в чертогах! Кто бы их остановил? А?

— Значит, так, — зло поджал губы Линнувиэль, приблизившись к эльтару вплотную. — Сейчас ты успокаиваешься и слушаешь меня очень внимательно. Это первое. Второе: не знаю, какую именно свою ипостась Белик тебе открыл, но могу поклясться — вреда это нам не причинит. Хотел бы он нас перебить, давно бы сделал: возможностей у него по пути было множество, в том числе и в самих пределах. Третье: если он доверил тебе эту тайну, значит, посчитал, что у тебя хватит ума держать ее при себе. В противном случае они бы со Шранком вернулись одни и с прискорбием сообщили, что с тобой по дороге произошел несчастный случай. Обвал какой или нападение пещерного медведя, в котором ты героически сложил голову на благо своего рода. Это понятно? Четвертое: перстень ты потерял по собственной глупости, и никто — слышишь — никто не обязан был нестись сломя голову на его поиски. Более того, нырять в вонючую воду и копошиться в рыбьих кишках, чтобы ты потом нос свой кривил и ручки не замарал! Пятое: зеленые глаза у Белика я тоже видел, и в тот раз именно они вернули меня к жизни. Поверь, такое знание он бы не доверил тебе просто так. Хотя, возможно, просто не видел иного выхода и понадеялся на твое благоразумие. А ты его доверия не оправдал...

— Но я...

— Заткнись! Твою шкуру, как выяснилось, спасли уже дважды, и ты идиот, если до сих пор этого не понял. Если же действительно считаешь, что избежал участи кролика в силу какого-то везения, то могу тебя огорчить — ты жив только потому, что Белик не велел Каррашу тебя убивать! Наконец, последнее: Белик, чтобы ты знал, — прирожденный вожак для своей стаи. И она, эта стая, подчиняется ему безоговорочно! Если он сказал, что его звери никого не тронут, значит, так и будет! — Линнувиэль перевел дух. — И еще одно. Запомни: в силу некоторых причин лорд Торриэль не допустит, чтобы с Беликом что-то случилось. Точно так же Белик сделает все, чтобы наш повелитель был доволен. Более того, эта Гончая — единственная сила, которая удерживает нашего лорда от вспышек гнева. И если кто-нибудь рискнет встать между ними, от нашего леса не останется даже пеньков, потому что сила Таррэна в десятки раз превосходит силу владыки Тирриниэля. Ты понял?!

Аззар оторопело вытаращился на раздраженного мага, сияясь сообразить, чем заслужил подобную отповедь, ведь он был старше хранителя. Но потом опомнился и досадливо сморщил нос.

— Что ты со мной, как отец на семейном совете... Отчитываешь, будто я сам не понимаю! Да, сглупил! Причем Белик понял все гораздо раньше меня! Думаешь, я настолько сноб, что совсем не испытываю благодарности? Я не поэтому дергаюсь, брат. Белик... да и лорд Торриэль уже все подробно мне объяснили. Может, не столь красочно, как ты сейчас, но все же. В том, что случилось, исключительно моя вина. Да, ты прав — меня сильно нервирует присутствие Белика и его стаи вблизи от Темного леса. Но, во-первых, лорд дал слово, что никто не пострадает. А во-вторых... — Аззар нервно дернул щекой. — Было бы гораздо спокойнее, если бы с меня требовали какую-то цену. Я... не боюсь Белика. И стаи его в общем-то тоже. В конце концов, я действительно заслужил. Но я долго думал этой ночью. Всю голову сломал, вспоминал, взвешивал, оценивал. И пришел к выводу, что должен что-нибудь сделать. Понимаешь?

Линнувиэль изумленно поднял брови.

— Наверное, я зря погорячился, — неловко поерзал Аззар под оторопелым взглядом собрата. — Не нужно было кричать на него и обвинять Торк знает в чем. А теперь Белик ушел, лорд Таррэн молчит, Карраш рычит и фыркает... Я просто не знаю, что делать!

— Да сходи и извинись наконец, — с ленцой посоветовал кто-то со стороны. — Или у вас, остроухих, не принято прощения просить? А может, вы настолько хороши, что попросту разучились это делать?

Темные эльфы вздрогнули и обернулись, только сейчас заметив, что

давно стоят посреди пустого тракта, напрочь позабыв о спутниках, которые, в свою очередь, уже успели добраться до соседнего холма. А всего в паре десятков шагов левее, небрежно прислонившись к вековой сосне, насмешливо улыбался человеческий воевода и с нескрываемым удовольствием рассматривал застигнутых врасплох остроухих, одновременно грызя свежесорванные орехи.

— Ну? — невозмутимо осведомился Страж, отряхивая ладони. — Вы дальше едете или ночевать остаетесь?

Аззар сердито насупился.

— Да нет, я не против, — нагло ухмыльнулся Шранк. — Двумя ушастыми меньше, и вокруг сразу станет светлее. Просто вас все не было и не было, даже Таррэн забеспокоился и попросил глянуть, куда подевались. Я пришел. Думал, пикантность какая меж вами случилась. Ан нет — просто заболтались, любезные. Постоял немного, послушал, однако сил моих больше не хватило. Уж извиняйте, но терпением мы особо не отличаемся. Правда, раньше я не подозревал, что и у темных бывают муки совести... ладно, не сверкайте глазами. Шучу я, шучу. А если серьезно, то Аззару действительно имеет смысл успокоиться, держать язык за зубами и всего лишь дожждаться малыша. Он у нас отходчивый. Глядишь, и не прибьет сразу.

Эльфы заметно помрачнели.

— Да не все так плохо, не дергайтесь, — оскалился Страж. — На самом деле Белик давно не злится. Он ушел не потому, что боится сорваться, а потому, что город скоро. Тракт оживленным стал, скоро плюнуть будет некуда... во-о-он опять телеги ползут... и значит, ему теперь будет сложнее держаться среди людей. Вот и ушел — привыкать к постоянному людскому гаму.

— Значит, Белик на меня не сердится? — недоверчиво переспросил Аззар.

— На дурака грех сердиться, тем более что малыш испугался вчера больше, чем ты. Хорошо, успел остановиться вовремя, не то было бы до ужаса обидно — вдосталь надыхаться ароматными рыбьими кишками, руки перепачкать, а потом понять, что зря мучился. Так что не бойся: убивать и пинать тебя никто не будет. Так, порычат для острстки да дрейка в суп вечерком насуют. Но если ты окажешься умнее и орехов на ужин принесешь, то до дрейка дело может и не дойти. Смекаешь?

— Орехи? — радостно выдохнул эльф. — Точно! Спасибо!

— Не за что, — вяло отозвался Шранк. — Только свежие бери! И крупные — вот такие. А если снова перстень прохлопаешь, своими руками

тебя удавлю, усек? Тогда топайте уже отсюда! Сколько можно ждать, в самом-то деле? Все штаны из-за вас протер, болтунов! А вы до сих пор языками чешете, как две торговки на базаре! Ползуны, тоже мне, нашлись! Правильно вас Белик не любит — с такими черепахами супа не сваришь!

Перворожденные, благодарно кивнув воеводе, пришпорили скакунов, отчего несчастные кони едва не встали на дыбы. На дороге столбом взвилась пыль, дробно простучали копыта, мелькнули две смазанные тени, и все стихло: эльфов будто ветром сдуло.

— Эх оно как, — хмыкнул воевода, провожая их глазами и одновременно причудливым свистом подзывая своего жеребца. — Всего пару недель назад за «ушастых» морду бы кинулись бить. А теперь — нет. Даже не подумали. Даже про «спасибо» вспомнили... Видать, здорово их зацепило. Да, похоже, надолго, потому как близость нашего малыша даже из эльфа способна сделать человека...

ГЛАВА 12

Город показался после полудня. Завидев острые шпили далеких башен, мощные каменные стены с узкими прорезями бойниц, широкие металлические ворота, в которые вливался нескончаемый поток посетителей, Таррэн мысленно присвистнул.

Ничего себе! Каких-то сто пятьдесят лет назад Стилос представлял собой лишь крупное село, где имелась всего одна прямая улица, несколько десятков домов, небольшой постоялый двор, опасно покосившийся частокол вокруг вспаханных полей да вечно жующие, мычащие и блеющие животные, пасущиеся неподалеку.

Однако с тех пор, как король Ибратос (дед нынешнего повелителя Интариса) приказал замостить западный тракт вплоть до Бекровеля, Стилос разительно изменился. Вместе с торговыми караванами сюда потянулись и люди, а за людьми, как водится, — деньги. Затем — посредники, перекупщики, мастеровые, маги... потом их домочадцы, друзья, знакомые или просто обычные люди, возжелавшие перемен. И вскоре вместо деревянных домов выросли добротные каменные хоромы. Да не в один-два, а в три, а то и в четыре этажа. Появилась собственная ратуша, первые храмы, здание городского совета. Постоялые двory стали плодиться, как грибы после дождя. Несговорчивую речку Язузу, славившуюся своими порогами, приструнили. Лишние камни вдоль русла повывезли, берега облагородили, дно углубили и пустили вниз по течению груженые товарами ладьи... Бывшая деревня превратилась в славный торговый город, расцвела. Разрослась, раздобрела, вольготно раскинулась сразу на оба берега, спустившись далеко в обе стороны от размежеванной когда-то границы, потому как уже очень давно перестала уместаться в узком кольце прежних стен.

Таррэн, оглядев все это великолепиие, только головой покачал: надо же. Всего два десятилетия назад здесь было гораздо спокойнее и тише. А теперь даже издали можно заметить суматоху, свойственную всем большим городам. Громоздящиеся друг на дружке белокаменные дома, вьющийся кольцами дым над крышами многочисленных кузен... и шум. Многолюдный, многоголосый и несмолкающий шум деловой столицы Интариса.

Линнувиэль покрутил головой, но, как ни старался, нигде не увидел Белки. Против ожиданий, ее изящная фигурка не маячила ни на границе

леса, ни на одном из пригорков. Не виднелась на обочине широкой дороги, старательно выглядывая припозднившихся путников. Не грозила маленьким кулачком со стен, красноречиво обещая устроить эльфам разнос за опоздание. И даже в распахнутых, намертво вросших в землю под собственной тяжестью воротах Стиллоса не мелькала ее черная курточка.

Карраш, в кои-то веки оставшийся без хозяйки, прищуренными глазами оглядел виднеющийся впереди город, а затем жадно раздул ноздри. Секунду покачался на широко расставленных ногах и, довольно рыкнув, решительно сбежал с пригорка.

— Значит, малыш уже внутри, — негромко перевел Шранк, направив невозмутимого жеребца следом. — След свежий, не больше трех часов прошло: Карраш свое дело знает.

Перворожденные недоверчиво взглянули на своего лорда, но тот выглядел абсолютно спокойным, и это лишний раз свидетельствовало, что воевода не ошибся: Белик действительно сумел их опередить и вот уже несколько часов беззаботно гуляет по Стилосу, с любопытством глаза на яркие вывески, пугая прохожих своими выходками и заодно молча костеря еле-еле плетущихся эльфов, которые за целый день даже верхом не сумели его догнать.

Формальности на воротах уладили быстро. Большой частью потому, что ни один из стражников не пожелал связываться с остроухими гостями. Конечно, было наглостью с их стороны миновать длинную вереницу телег и подъехать к воротам города без очереди, но возмутиться никто не посмел. Всего лишь хмыкнули недовольно, тихонько поворчали да сердито сплюнули вслед. Особенно когда слышали, что ушастые нелюди, не пожалевшие оставить на входе целых три золотых, обсуждали, как быстрее добраться до «Золотой подковы», где, по мнению одного из них, можно было «скромно и со вкусом» пообедать.

Само собой, высокомерные лорды считали ниже своего достоинства посещать гостиницу рангом ниже, чем раззолоченная до последнего сортира «Подкова». Еще бы! Господа перворожденные всегда требовали себе только самого лучшего. В том числе и этого, эстеты остроухие! Более того, даже из «Подковы» нередко уезжали, недовольные качеством обслуживания: то им изгородь живая не по нраву, то музыкант за обедом на полноты сфальшивил, то простыни недостаточно белые, то комары над ухом жужжат...

Шранк, зайдя в обеденный зал, больше напоминающий зал приемов у какого-нибудь небогатого короля, тихо присвистнул: ну, если уж *это* для остроухих «скромно», то он тогда вообще не знает, что они подразумевают

под роскошью! Один фонтан во дворе чего стоит! Да и лошадей у них забрали конюхи столь чопорные, что таких, наверное, не встретишь даже во дворцах.

Внутри все сверкало и блистало чистотой, на полу расстелены пушистые ковры. Лестницы между этажами выточены чуть ли не из черного палисандра, да еще такие ажурные, резные, воздушные, что прямо идешь и думаешь, как бы не провалиться вниз ненароком. Двери исключительно дубовые, толстые, какие не всяким тараном прошибешь. На каждой — индивидуальный замочек с подходящим только к нему ключом. Комнаты же — вовсе не комнаты, а прямо-таки хоромы, а уж что творилось внутри...

Суровый Страж, который в жизни такого комфорта не видывал, с некоторой опаской покосился на огромное ложе под балдахин, где со спокойной совестью можно было разместить чуть ли не треть его заставы. Сперва поосторожничал мять настоящую пуховую перину, нахмурился, потому как не одобрял ненужных излишеств. Но после рассудил, что платить все равно не ему, подумал... и, забросив дорожный мешок в ближайший сундук, с кривой ухмылкой завалился на роскошное покрывало. Торк с ней, с периной. Главное — до ужина дожить, а там можно перетерпеть даже такое издевательство над организмом.

— Что, не по нраву? — понимающе усмехнулся Таррэн, когда друг с кислой миной спустился обратно.

Шранк только отмахнулся.

— Это тебе все одно — что уголь, что бриллианты. Ты со своей родословной можешь спокойно есть и из глиняной миски, и из золотой тарелки, а нам, бедным, енто безобразие не по нутру. Слишком уж его тут... хм, много. Чувствую себя как скоморох на похоронах.

Темный эльф кивнул.

— Ты прав. Но люди считают, что мы именно так и живем, поэтому украшают гостевые дома золотом, камнями, устилают шкурами мертвых животных. И поверь, ты никогда и никому не докажешь, что настоящая красота кроется отнюдь не в позолоченном сортире.

— М-да? А в чем же тогда?

— В изяществе простых вещей, — тонко улыбнулся эльф. — В гармонии. В совершенстве. И в соответствии внутреннего ощущения окружающей тебя действительности.

— Хм, — хитро прищурился Шранк. — Тогда что ж мы не остановились на обычном постоялом дворе? Чего сюда приперлись, а не нашли самую прокопченную таверну, где можно спокойно поразмышлять о

высоком? Может, съедем отсюда, пока не поздно?

— «Подкова» — всего лишь пример для демонстрации бытующего среди людей заблуждения, — неохотно пояснил Таррэн. — Однако здесь действительно неплохо кормят. И тут можно не опасаться ночью нашествия клопов. По крайней мере — не смей ржать! — так наобещал мне Линнувиэль. Согласись, что это — веская причина, чтобы остаться?

— Гы-гы... кто бы мог подумать, что ваш самый главный враг в этом мире — какие-то клопы!

Темный эльф укоризненно покосился на некстати развеселившегося друга.

— Я же просил...

— Считай, что я этого не слышал.

— Между прочим, я еще помню дни, когда из тебя каждое слово приходилось клещами тянуть, — неожиданно упрекнул Таррэн. — Зато с того момента, как тебя избрали воеводой, просто рот не закрывается — все скалишься, как ненормальный. Не стыдно тебе, а? Вроде взрослый мужик...

— Это на меня Белик так влияет.

— Да ну?

— Все беды от него. Точно тебе говорю, — убежденно закивал воевода. — Я бы на твоём месте вообще поостерегся к нему подходить.

— Может, мне еще глаза себе на ночь завязывать? — съязвил темный, и Шранк разом осекся.

— Ты чего такой дерганый? С малышом что-то не так?

Эльф молча покачал головой.

— Тогда чего ты завелся? Аззара напугал, хотя на нем со вчерашнего дня лица нет, на хранителя рыкнул... Линнувиэль всего лишь изъявил желание прогуляться по городу, а ты его чуть к Торку не послал!

— Не знаю, — вздохнул Таррэн. — Непокойно мне. Все время такое чувство, что я куда-то не успеваю. Вроде и споро движемся, нигде не задерживаемся, на быстром пути время сократили, а мне все равно неспокойно. Да еще эти сны...

— Что за сны? — требовательно кивнул Шранк. — Давай договаривай, раз уж начал. Сам знаешь, легче станет. Да и вдруг я чего присоветую?

— Ты присоветуешь, пожалуй... но тут нечего рассказывать. Мне почти каждую ночь снится Темный лес: чертоги, яшень, отец... не знаю, в чем дело, но эти видения уже становятся навязчивыми.

— Гм. И давно?

— Как горы пересекли, так и началось.

— А Белка знает?

— У нее других забот хватает, — качнул головой Таррэн. — Да и незачем: это всего лишь сны.

— Ты ее слишком бережешь, — неожиданно буркнул Воевода. — Я знаю ее дольше, чем ты. С таким чутьем, как у нее, люди рождаются раз в тысячу лет, и ты зря его не используешь, когда есть возможность. Она ничего не боится.

— Это-то и плохо, — заметно нахмурился Таррэн. — Она слишком любит рисковать.

— Зато никогда не делает этого зря.

— Но ведь все равно делает!

— Ты прав, — неохотно согласился Шранк, засмотревшись в сторону. — Нашего вожака ничто не остановит. Но... мы ведь для того и существуем, чтобы не допустить беды. Разве нет?

— Нет, — замедленно отозвался Таррэн, кончиками пальцев касаясь груди, где с готовностью стукнуло рвущееся куда-то сердце. — Мы существуем, чтобы ее защитить. И я сделаю все, чтобы она не беспокоилась.

Воевода кинул в его сторону быстрый взгляд.

— А как же дети?

— Дети... — снова вздохнул эльф. — С этим сложнее. Траш с Каррашем легче: у них инстинкты срабатывают. Никаких споров и возражений в стае. А наследники... наверное, Белка права?

— Ты насчет Аккмала?

— Просто она как-то обмолвилась, что возиться с детьми слишком хлопотно... да-да. Слово в слово, не удивляйся. Но потом улыбнулась и добавила, что жить без них ужасно скучно. И я с этим полностью согласен.

— Мм, это не значит, что вы скоро нас порадуете?..

— Своего расти, — неприветливо буркнул Таррэн и, оставив друга размышлять над сказанным, излишне поспешно вышел.

— Ты уверен, что этого хватит? — подозрительно серьезно осведомился Линнувиэль, вышагивая среди стремительно расступающейся толпы. Городской рынок, как всегда, был переполнен, но при виде двух темных эльфов люди предпочитали расступиться, чем кормить потом крыс на ближайшей помойке.

Молодой эльтар покосился на невозмутимую морду Карраша, встретился с насмешливыми желтыми глазами, сообразил, что наглая скотина прекрасно все понимает, и мысленно проклял тот день и час, когда

согласился на прогулку в компании этого ехидного чудовища. Своих скакунов они брать не стали — в людном городе с ними только завязнешь. Но Карраш и не подумал испрашивать разрешения — стряхнув на обомлевших конюхов надоевшее седло, с наглой мордой выбежал на улицу и деловито пристроился за спинами эльфов, будто так и надо.

Озадаченные взгляды попутчиков он нахально проигнорировал, на следовавшую за этим осторожную просьбу не распугивать горожан вежливо улыбнулся (двое проходивших мимо важных господ вмиг получили знатное ускорение, а бездомный пес, решивший обнюхать незнакомцев, с визгом уполз под забор). Карраш в ответ довольно чихнул, подтолкнул «попутчиков» в спины и все то время, пока эльфы рыскали по базару, неотступно следовал за ними. При этом старательно делал вид, что он белый и пушистый, скромный и вообще сама доброта и невинность. Но временами тянул туда, куда считал нужным. Пару раз даже хватал обомлевших ушастых за рукав, а уж по прилавкам таскал с такой неумолимой настойчивостью, что вскоре даже Аззар усомнился, кто кого на самом деле выгуливает. И заподозрил, что им навязали неугомонного соглядатая нарочно.

Впрочем, нужное они вскоре нашли (точнее, Карраш нашел, придирчиво перенюхав добрую сотню «предложений» и едва не доведя до удара нескольких торговцев), зато теперь на его спине красовался огромный мешок с орехами — точно такими, какие любила Белка. Эльфы успокоились, а потом и вовсе совершили неслыханное: рискнули вполголоса поблагодарить вздорного скакуна. И лишь когда тот благосклонно кивнул, перестали дергаться по пустякам. После чего позволили таскать себя везде, где ему было интересно: вместе с ним посетили городской парк, конные ряды, уютный подвальчик булочника, где с удовольствием слопали по горячей плюшке. Затем заглянули в мясную лавку, где Линнувиэль безропотно раскошелился на свежую тушу молодого бычка, присмотренную мимикром в качестве обеда. Потом терпеливо подождали, пока Карраш насытится за ближайшим углом, и милостиво отвернулись, когда на одной из многочисленных площадей тот сунул окровавленную морду прямо в фонтан. На выразительные взгляды горожан эльфы лишь вопросительно приподняли брови и сделали вид, что готовы выслушать любые претензии. Но их, как ни странно, не последовало, а Карраш, вдоволь напившись, уже нетерпеливо тянул попутчиков дальше.

Наконец он утолил свое любопытство и повернул назад, и перворожденные облегченно вздохнули. Но не тут-то было: в последний момент целеустремленно мчащийся к гостинице мимикр вдруг свернул.

Немного поплутал по запутанным лабиринтам города, а потом со знанием дела вывернул на переполненную площадь. К чему-то жадно принялся, игнорируя ошеломительное многообразие запахов, довольно фыркнул и начал решительно протискиваться вперед.

Линнувиэль и Аззар обреченно вздохнули. Ну вот. Интересно, чем этот шумный балаган так привлек разборчивого зверя, что тот надумал поближе на него взглянуть? Народ поет, танцует, веселится... на самодельном помосте кривляется какой-то чудак в темно-красном трико. Рядом играет лютнист, бездарно пытаясь воспроизвести знаменитую эльфийскую колыбельную. Но Торкова лысина... как же отвратительно у него это выходит!

Линнувиэль вытянул шею, пытаясь разглядеть криворукого неумеху, а когда заметил скорчившуюся на помосте обряженную в рванье мужскую фигуру с лютней в руках, едва не застонал: зачем же мучить инструмент? Не умеешь играть — не берись, дай место профессионалам. Вон даже Карраш не выдержал. Кстати, Шранк как-то обмолвился, что он крайне взыскателен к чужой игре, но что могло его заставить... о нет! Этот дурак еще и поет!

— К'саш! — тихо охнул Аззар. — Линнувиэль, его же сейчас прибьют!

Линнувиэль мысленно проследил траекторию движения мимикра и вздрогнул: своенравный зверь целеустремленно продвигался к импровизированному помосту, не отрывая от сидящего на перевернутом ведре музыканта горящего взора. Первороденные вполголоса выругались и ринулись следом, надеясь предотвратить смертоубийство. Но, преодолев примерно середину пути, озадаченно замерли, потому что тоскливая, как волчий вой под луной, мелодия неожиданно оборвалась, а следом за этим в толпе появилось непонятное волнение.

Линнувиэль напрягся, но ни рыка Карраша, ни вопля укушенного музыканта не услышал — громадный мимикр замер буквально в десятке шагов от лютниста и, наклонив голову, выжидательно смотрел на развернувшееся действие. А посмотреть было на что, да и народу на помосте прибавилось: вместе со вскочившим на ноги и опасно побагровевшим музыкантом теперь там оказалось еще несколько бородачей в таких же размалеванных рубахах. И теперь они горячо спорили с кем-то третьим. Сначала в их голосах преобладало возмущение, но вскоре оно перешло в недоумение, а под конец и вовсе в искреннюю растерянность. Наконец, над площадью повисла тяжелая тишина, а потом самый старший из труппы — широкоплечий мужик с роскошной черной бородой и

сломанным носом кашлянул и обернулся к выжидательно замершей толпе.

— Уважаемые жители... — Он снова закашлялся. — Уважаемые... просим прощения за эту досадную паузу, однако наш друг, которого все вы знаете под именем Золотой Дождь, категорически отказывается продолжать выступление... да, все знают, что, кроме него, никто так не умеет исполнять песни перворожденных, однако он отказывается продолжать, потому что среди вас нашелся наглец, который смеет утверждать, что сыграет не хуже.

Народ зашумел, засвистел, заулюлюкал, явно не поверив, что такое возможно, а оскорбленный до глубины души музыкант гордо поднял русую голову и продемонстрировал на удивление молодое лицо.

— Более того, — вынужденно повысил голос бородач. — Этот дерзкий мальчишка готов нам сейчас же продемонстрировать разницу! Да, именно так, вы не ослышались: он утверждает, что может доказать свои слова!

— Охотно, — раздался третий голос, и на помост проворно запрыгнула стройная фигурка в черной курточке и узких полотняных штанах, при виде которой большинство присутствующих презрительно зафыркали, а замершие поодаль эльфы тихо ругнулись.

Белка, не удостоив собравшихся у помоста горожан даже взглядом, выжидательно уставилась на покрасневшего от злости лютниста, чье выступление осмелилась так бесцеремонно прервать.

— Готов поставить полсотни золотых, что сыграю лучше вашего Дождика.

— Что?! — невольно ахнул лютнист.

— Боишься разориться, музыкант? — хищно прищурилась Гончая. — Да ты хоть раз в руках нормальную лютню держал, а? Не эту доску для забивания гвоздей, а что-нибудь попримечнее? У меня аж уши завяли от твоего визга. Не думал, что вообще выдержи подобное издевательство.

— Тихо! — нахмурился бородач, разглядывая ее из-под кустистых бровей, как что-то мелкое и неприятное. — Ты, малец, сперва докажи, что играть умеешь, а оскорблять известного барда не смей.

— Подумаешь, цаца. Был бы он настоящим бардом, взял бы пару уроков у эльфов. Ну и что, что снобы? Играть чужую мелодию на неподходящем инструменте — хуже оскорбления для песни не придумаешь. Был бы здесь кто из остроухих, уши бы ему обрезал, чтоб не зазнавался.

Лютнист сжал лютню с такой силой, что побелели костяшки.

— Так сыграй... будь добр. И так, чтобы я понял разницу, — процедил он, буравя Белку ненавидящим взглядом. — Полсотни твои, если сумеешь.

— Ты спятил?! — немедленно возмутилась остальная труппа.

— Нет. Если у него получится, еще и приплачу.

— Идет, — спокойно кивнула Гончая.

— Но если нет... — зловеще оскалился парень. — Не обессудь: выпорю так, что шкура будет клочьями слезать. Месяц сидеть не сможешь.

— Идет, — повторила она, нимало не смутившись. — Но с одним условием: вы не мешаете мне до тех пор, пока я не закончу. Никто из вас ко мне не притронется. Сами не подойдете близко, пока буду играть, и другим не позволите.

— Договорились, — прошипел лютнист и повернулся к жадно прислушивающейся толпе. — Все слышали? Пока этот... играет, никто его и пальцем не тронет! А если сбежать надумает или обдурить как...

— Да пусть играет уже, — басом отозвался кто-то из народа. — Отсель не сбежит — мигом выловим паразита. А коли помочь надо в порке, так я кнут одолжу. Пусть знает потом, как людей срамить.

Белка хмыкнула.

— Какой заботливый... гляди, чтоб с тебя самого шкуру не спустили. А то брюхо отрастил, как у бабы беременной, и туда же — жизни учить. Видно, в тебе только и отваги, что с пацанами воевать да кошек шугать на заборе. Вояка!

Она сделала вид, что не заметила побагровевшего толстяка из второго ряда, легким шагом подошла к краю помоста и бесстрашно уселась, свесив ноги. В толпе кто-то хохотнул в предвкушении забавы, кто-то укоризненно покачал головой, кто-то возмущенно заворчал, а у кого-то сам собой исторгнулся печальный вздох — попадет мальчишка под раздачу. Сладкоголосый бард не зря считался лучшим музыкантом этих мест. Бывало, даже в столицу приглашали, а тут — какой-то стервец надумал усомниться в его таланте.

Линнувиэль покачал головой и, накинув капюшон, принялся протискиваться дальше, чтобы успеть к развязке. Аззар ужом ввинтился следом, стараясь не слишком толкаться, чтобы окружающие раньше времени не поняли, кого принесла нелегкая на площадь. Белка тем временем презрительно фыркнула на предложенную кем-то старую лютню, вытащила из внутреннего кармашка простую деревянную флейту и, деловито скрестив ноги, поднесла к губам...

Эльфы одновременно споткнулись, когда над площадью полилась знаменитая колыбельная, под которую их некогда баюкали. Мягкая, нежная и теплая мелодия перезвоном невидимых колокольчиков разлетелась над замершей толпой, обласкала и приютила заблудившиеся в сомнениях души,

обнадежила, успокоила. Мягкой волной омыла чужие слезы, незаметно вторглась в очерстевшие сердца, тихим смехом прозвенела в оглушительной тишине, а потом плавно вернулась к хозяйке. С тем, чтобы через пару мгновений вновь зазвучать, но уже с новой силой.

Линнувиэль непонимающе моргнул, а Белка просто играла. Но так, что в горле сам собой вставал тесный ком, сердце начинало неистово колотиться, а нечаянно разбуженная душа сладко замирала от восторга.

Карраш счастливо вздохнул и умильно наклонил голову, с трепетом внимая дивной мелодии, которую посмел испоганить дурной человек. А Белка при виде потрясенной толпы удовлетворенно кивнула, а потом проказливо улыбнулась, и мелодия плавно поменяла тональность. Она не стала резче или грубее, не потеряла чистоты звучания, не приобрела свойственную всем эльфийским песням плавность. И только поэтому пораженные до глубины души эльфы не сразу осознали, что нахальная Гончая и здесь не преминула испытать их терпение, потому как прекрасная колыбельная неуловимо перешла в знакомые до отвращения «Откровения лесной нимфы».

Карраш восторженно хрюкнул, предвкушая очередную забаву. Молчаливая труппа во главе с лютнистом обмерла, неверяще таращась на дерзкого сопляка. А одурманенная толпа лишь через пару долгих минут вышла из наваянной Белкой дремы и только тогда, шалея от чужой дерзости, осознала, что проклятая песня не просто исполняется в центре большого города, в который нередко заглядывают перворожденные, не только на главной его площади, не просто при полном аншлаге, но еще и на исконно эльфийском инструменте!

Аззар, сообразив, что тут сейчас случится, аж побледнел. Линнувиэль охнул и рванул вперед, пока никто из присутствующих не сообразил заткнуть расшалившуюся Гончую. Более того, приметил с другой стороны площади двоих светлых и совсем похолодел.

Но нет: прервать Белку ни один из смертных не решился — данное во всеуслышание слово не рискнул нарушить даже бард, который стоял ни жив ни мертв возле нее. Тогда как другие его соседи неожиданно начали пятиться к краю помоста, потому как первыми заметили неладное и со всей ясностью осознали, что кого-то сейчас будут медленно убивать.

До злополучного места они добрались одновременно: двое темных эльфов, мысленно костерящих мальчишку-Белика на чем свет стоит, и парочка светлых, которых невесть какими путями занесло на центральную площадь. Линнувиэль столкнулся с ними буквально нос к носу, всего в паре шагов от помоста, и мигом сообразил, что сулят Гончей их горящие глаза и

перекошенные от ярости лица. Вернее, чем грозит бедным эльфам попытка прервать ехидно посмеивающуюся про себя Гончую. А потому молча встал рядом с приготовившемся к бою собратом и решительно встретился с полными ненависти глазами светлых.

Пространство вокруг перворожденных начало с поразительной скоростью очищаться, но ни темные, ни светлые этого, казалось, даже не заметили. Провокационная песня наконец смолкла. А громадный вороной гаррканец вдруг пригнул голову и, умело таясь среди толпы, неслышным крадущимся шагом скользнул меж разом окаменевших горожан.

На площади воцарилось зловещее молчание.

ГЛАВА 13

Эльфы остановились возле помоста, напряженно буравя друг друга глазами. Темные выглядели на редкость спокойными и откровенно игнорировали сопляка, взирающего на них со снисходительной усмешкой, но одновременно зорко следили за всем, что происходит вокруг, и успевали заметить каждое мало-мальски значимое движение в толпе. Тогда как светлые их собратья уже буквально кипели от злости и были готовы в любой момент ввязаться в спор.

При виде хитро улыбающейся Белки Линнувиэль и Аззар одновременно перевели дух. А затем приметили вынырнувшего за спинами светлых Карраша и усмехнулись: сейчас они были рады его видеть как никогда.

— Слышь, Дождик? — разрезал тишину, как ножом, ехидный голосок Гончей. — Как думаешь, кто из этих ушастых ринется убивать меня первым?

Лютнист вздрогнул всем телом и от неожиданности выронил свою лютню.

— Ох... — Она выразительно поморщилась от грохота. — Не мог потише уронить? Вот скажи: ты на кого бы поставил? На беленьких или на черненьких? Гляди: светлых двое, оба вооружены, злы как демоны и уже почти на грани. Темных тоже двое, у каждого по паре мечей за плечами и не по одному веку боевого опыта. При этом один по праву считается чуть ли не лучшим стрелком своего народа... а второй и вовсе маг. Так что ты думаешь? Кто из ушастых нас с тобой быстрее уделает? Спорю на сотню золотых, что белобрысы сорвутся раньше!

Лютнист испуганно покосился и шарахнулся прочь от дурака, рискнувшего во всеуслышание обозвать остроухих гостей «ушастыми». Сумасшедший! Ненормальный! Спаси и сохрани боги, только бы не заметили, что он рядом стоял...

Линнувиэль не моргнув глазом призвал непокорный огонь и с удовлетворением отметил, как светлые поменялись в лице, как наконец-то в их взглядах проступила осторожность: поняли, гады, что хранитель их в порошок сотрет вместе с половиной человеческого города. Причем никто из темных его не осудит. Неуважение к статусу хранителя проявлено? Еще какое — увели из-под носа добычу! Правящий дом оскорблен? До глубины души! А значит, ради восстановления поруганной чести можно и

поступиться одним или двумя десятками тысяч чужих жизней. В том числе и парочкой светлых, которых темные на дух не переносят.

Молчание на площади несколько затянулось.

— Ну чего застыли, как головастики на льду? — возмутилась Белка. — Или все еще раздумываете, кто кому морду смазливую набьет? Так темненькие посильнее будут. Да, Дождик? Скажи, что они внушительнее смотрятся, чем эти два белобрысых сморчка?

Лютнист плавно осел на помост, а обомлевшая от подобной наглости толпа брызнула бы во все стороны, если бы могла пошевелиться. Но на присутствующих, как назло, словно столбняк напал — люди могли только судорожно сглатывать при виде творящихся ужасов, молча молиться своим богам и в панике ждать развязки. А она, как думается, не заставит себя долго ждать: или одни, или другие остроухие прирежут наглого пацана. Как пить дать — убьют, потому что не снесут они таких оскорблений.

— Беги, пацан, — неслышно выдохнул бородатый зазывала.

— Еще чего. Мне ж жуть как интересно, чем все это закончится!

В толпе кто-то застонал: нервы у всех звенели, как натянутые струны, кровь в жилах давно застыла от ужаса, уши заложило от неестественной тишины вокруг... а сопляк еще и масла в огонь подливает!

Но вот один из светлых наконец принял решение — скрипнув зубами, почти незаметно наклонил золотистую макушку и процедил:

— Уступаю вам эту дерзкую мартышку. Он весь ваш, благородные ллеры. Мы не будем мешать.

— Сам ты суслик! — немедленно возмутилась Белка, азартно болтая ногами в воздухе. — Линни, давай шлепнем этого гада, чтобы не распорядился тут! Я ему не вещь, чтобы он меня кому-то отдавал, как куль с зерном! Только, чур, в морду двину я!

Линнувиэль сузил глаза.

— Нет. В морду не надо. Думаю, миром разойдемся.

— Да ты слышал, как он меня обозвал?!

— Извини, он дурно воспитан.

— М-да? — усомнилась Гончая, неожиданно спрыгивая с помоста и танцующей походкой приблизившись к ошарашенным светлым. — Тогда все равно в морду дадим, чтобы перевоспитался. Как считаешь, Аззарчик?

Молодой эльтар, не оборачиваясь и цепко следя за каждым движением медленно багровеющих собратьев, качнул головой.

— Думаю, они тебя недостойны.

Белка, не сдержавшись, хихикнула, потому что если тишина вокруг раньше была просто зловещей, то теперь стала окончательно мертвой.

Прямо-таки гробовой. Зато Линнувиэль вдруг зловеще усмехнулся, а у Аззара в глазах заплясали веселые огоньки. Особенно когда вынырнувший из толпы мимикр абсолютно беззвучно приблизился к светлым вплотную и, коснувшись клыками загривка ближайшего светлого, тихо-тихо зашипел.

Эльфы оцепенели.

— Мальчик идет с нами, — негромко сообщил им Аззар, откровенно наслаждаясь ситуацией.

— А я еще подумаю, идти с вами или нет, — тут же вставила Белка.

— Ты разве не голоден? — притворно удивился Линнувиэль, краем глаза следя, как Карраш дышит в затылок светлому эльфа. Очень бледному и молчаливому эльфу, у которого волосы медленно вставали дыбом. — Вообще-то мы надеялись, что ты будешь присутствовать за обедом. Таррэн про тебя уже спрашивал.

— Таррэн? — на миг задумалась она.

— Точно, — хмыкнул Аззар, ласково перебирая пальцами оперение стрел. — И если ты удержишься тут с этими... вряд ли он будет очень рад. Да и что тебе с ними выяснять?

— Как что?! Эти чудики назвали меня мартышкой!

— Они просто неудачно пошутили, — пояснил вместо пришибленных светлых Линнувиэль. — Прости дураков. Не думаю, что из-за этого нам стоит портить им шкуры.

— Не скажи: за иную шутку проще удавить, чем выслушивать оправдания. Впрочем, ладно, пусть идут, — притворно вздохнула Гончая. — Они мне действительно не соперники. Каррашик, перестань дышать им в шею и убери зубки. Знаю, знаю, как ты любишь свежее мясо, но дурно воспитанные эльфы — не тот рацион, который нужен молодому растущему организму. Правда, Линни?

Линнувиэль благосклонно кивнул.

— Он только что целого быка по дороге съел, так что это, скорее, не гастрономический интерес, а обычное любопытство.

— Тем более. Фу, мальчик. Плюнь! Вдруг они ядовитые?

Мимикр брезгливо сморщился и послушно отпустил побелевшего как полотно эльфа. После чего с достоинством выпрямился, широко улыбнулся прямо в обомлевшие физиономии светлых, продемонстрировав двойной ряд клыков, и, убедившись, что ушастые все поняли правильно, потрусил к веселящейся хозяйке.

— Хороший мальчик... эй, а что это у тебя за гадость на спине?! — вдруг ахнула она. — Линни! Кто тебе разрешил использовать моего боевого зверя, как простого осла?!

— Он сам так решил, — поспешно пояснил Аззар. — Не волнуйся. Мы купили тебе орехов.

— Чего? — недоверчиво переспросила Белка, разом позабыв о светлых, чем те не преминули воспользоваться и стремительно испарились. — Орехи? Для меня? Мне что... считать это официальными извинениями?

— А подойдет? — с надеждой уточнил эльф.

— Ишь какой... — тихо рассмеялась Гончая, погладив довольно урчащего мимикра. — Так и быть, ушастый, прощаю. Это Каррашик надоумил?

— Нет. Он только вынюхивал подходящие.

— Тогда, наверное, Таррэн?

— Вообще-то Шранк, — признался Аззар, краем глаза следя за стремительно рассасывающейся толпой. — Кстати, ты зачем все это устроил?

Белка хмыкнула.

— Да скучно мне стало. Дождик своей писклявостью настроение испортил, затем вы на горизонте появились, хотя я ждал вас еще пару часов назад. Потом светлые в толпу затесались, явно собираясь начистить нашему барду пятак. Только они в тени стояли, плащики накинули, вот и не заметили их сразу. А мне ужасно захотелось проверить, кто из вас быстрее продерется через большую толпу. Кстати, двигались вы почти с равной скоростью, а вот силенок у светлых не хватило с вами тягаться.

— Заноза, — беззлобно отмахнулся хранитель. — А если бы мы не успели?

— Думаешь, я бы Дождика дал в обиду? Кстати, ты где есть, игрун? Не помер еще с перепугу? Нет? Жаль. Зато теперь будешь по сторонам глядеть, прежде чем исполнять свои песенки. И особенно — посматривать на тех, кто ходит на твои выступления в плащах. Все понял?

Лютнист ошарашенно кивнул.

— Вот и отлично. Линнувиэль, вы где остановились?

— В «Подкове».

— Так и знал, что мимо не проедете, — поморщилась Белка. — Ладно, давайте мой выигрыш заберем и пошли. Всю ночь не спал из-за этого Стиллоса, а потом полдня на своих двоих бежал, чтобы успеть до вашего прихода слушки кое-какие пособирать.

— Зачем тебе деньги? — недоуменно спросил Аззар, протягивая руку, в которую бледный как смерть зазывала без задержек вложил тугой кошель. — У нас что, мало? Тебе на покупку не хватает? Сапоги

износились? Или оружие пора менять?

— Нет. Просто должен же Дождик оценить во что-то свою бесценную шкуру? Полсотни золотых, конечно, мало, но это примерно половина того, что у них есть. Брать больше мне совесть не позволяет, а меньше — значит оскорбить его до конца жизни. Верно, бард?

— Д-да.

— Видишь, он со мной согласен, — насмешливо хмыкнула Гончая, отворачиваясь и неслышным шагом направляясь прочь. — Ценит, значит, свою шкуру.

— Еще бы он не ценил, — проворчал Линнувиэль, поправляя на спине мимикра сползший набок мешок. — Но, на мой вкус, ему действительно не мешало бы подучиться, если так уж хочется играть на достойном уровне. Потому что это бляение...

Белка неожиданно обернулась и во все глаза уставилась на скривившегося эльфа.

— А это идея! Слышь, Дождик! Ты бы не хотел поучиться у остроухих?

— Что?! — брякнулся на доски незадачливый музыкант, а его немногочисленная труппа и вовсе обмерла, шаря испуганными взорами по серьезному лицу Белки.

Снова издевается? Да где ж это видано, чтобы эльфы кого-то из смертных терпели?

— Говорю: поучиться нормальной игре не желаешь? — терпеливо повторила она. — У меня среди ушастиков пара знакомых есть. Могу составить протекцию, коли есть желание. Глядишь, и возьмут на пару годиков к себе на постой. А если дураком не будешь, то и ремеслу подучат. Отбоя не будет от поклонников.

— А они точно примут? — растерянно пролепетал окончательно выбитый из колеи бард.

— Примут, примут. Ты куда бы хотел пойти: к темным или светлым?

— Ась?!

— Боже... туповат немного, но это, я надеюсь, пройдет. Так куда бы ты хотел? В какой лес? Ну же, решай скорее, пока я не передумал! Только учти: от учебы, если придешь, отказаться больше не сможешь — для остроухих это оскорбление. Тебя будут пинать и шпынять за малейшие ошибки, смеяться и измываться по любому поводу... ну, вроде как я сегодня, только более примитивно... зато, если справишься, если сумеешь доказать, что достоин...

— Я согласен, — охрипшим от волнения голосом сказал парень и

неуверенно поднялся с помоста. — На все согласен, если они меня хоть чему-то научат.

— Не чему-то, балда, а искусству! Будешь первым, кому они позволят свои баллады исполнять!

— Согласен, — твердо повторил юноша, словно не замечая испуганных лиц друзей.

Белка удовлетворенно кивнула.

— Молодец. Такой как раз и нужен. Работу свою любишь, но по трупам ради славы не пойдешь. Линнувиэль, не откажешь в любезности?

Хранитель, скептически оглядев худого парня, судорожно сжимающего в руках потрепанный инструмент, хмыкнул. Действительно упрямый. Знает, что на верную смерть идет, а все равно не отступился. Играет, конечно, так себе. Но зато Белку не прибил. И даже не обругал, хотя мог бы. Может, из него и выйдет толк? Не зря же говорят, что Бел никогда не ошибается?

Темный эльф кивнул и вытащил из-за пазухи белоснежный листок с кроны одного из ясеней рощи, что-то царапнул кончиком короткого ногтя, а потом протянул оторопевшему барду. Этот листок ни один смертный не сумеет украсть, перекупить или добыть где-то еще. Это — пропуск в Темный лес для везунчика. Отличительный знак, по которому ни один патруль не посмеет утыкать его стрелами. По крайней мере, до тех пор, пока он не сделает чего-то предосудительного. С этим листком его примут и выслушают, даже если между Интарисом и эльфами вспыхнет кровопролитная война, а смертные станут кровными врагами всего остроухого народа.

— Приколешь на ворот и назовешь свое имя перед тем, как войти в наш лес. Попросишь проводить тебя к ллеру Иммилору из рода Хатарис. Он мой должник, не откажет.

— Сп-пасибо, — неверяще пробормотал лютнист.

— А это — для светлых. — Белка небрежно всунула в его руку такой же (только золотого цвета) листочек. — Найдешь одного наглеца (имя я тебе тут нацарапал) и скажешь: Белик прислал. Да напомним заодно, что этот наглый нелюдь уже который год не показывается мне на глаза. Вздумает и в следующем не явиться — сам приду и оборву его длинные уши. Так и передай, слово в слово, а то он не поверит.

При виде написанного на листке имени бард посерел и звучно сглотнул, явно представив себя медленно поджаривающимся над огнем после такого приветствия, но все же собрал остатки мужества и, бережно убрав оба подарка за пазуху, кивнул.

— Благодарю.

— Прекрасно. Теперь пошли перекусим, а то я так голоден, что могу целого кабана слопать!

— Я закажу, чтоб зажарили, — флегматично кивнул Линнувиэль, поворачивая к гостинице. — Ты как любишь: с корочкой или без?

— С корочкой, конечно!

А Аззар неожиданно хмыкнул:

— Вот где орехи-то пригодятся... С мясом — самое то.

— Но-но! Орехи не трожь!

— Да не переживай: мы по пути еще мешок купим. У того торговца все равно много осталось.

— Да? — ненадолго задумалась Белка, любовно поглаживая драгоценный подарок. — Тогда ладно, половину пожертвую, но если на вторую будете заглядываться — укушу!

Господин Лапатис — дородный дворянин, уважаемый горожанин, почетный член городского собрания и по совместительству владелец «Золотой подковы» неприлично разинул рот при виде процессии, лихо ворвавшейся в ворота его родного заведения. Нет, раззолоченная в пух и прах гостиница за годы своего существования видела немало странностей. Посетители не раз и не два выказывали здесь пренебрежение, недовольство, высокомерие, а иногда и нешуточное раздражение, которое однажды вылилось в настоящий погром. Здесь побывало много именитых гостей. Сам король не побрезговал, когда посещал Стилос три года назад, и этот факт принес господину Лапатису не просто славу удачливого дельца, но и неплохую финансовую помощь. Впрочем, далеко не в первый и не в последний раз.

За свою немаленькую, почти полувековую жизнь, он частенько встречался со светлыми, темными, с владельцами крупных земельных наделов, с высокородными господами и не менее высокородными дамами. Успел повидать свет и кое-чему научился за это время, поняв, что сильные мира сего за полную монету могут позволить себе быть и небрежными, и неряшливыми, и изрядно нетрезвыми. Могли надеть вчерашнее платье, обрызгаться соусом и не сразу изволить это заметить. Могли до смерти запороть неугодного слугу, вытребовать себе на ночь сразу нескольких смазливых служаночек. Наесться до благородной отрыжки или с великолепной небрежностью разбить в сердцах сервиз из безумно дорогого фарфора. Но никогда, ни при каких условиях, ни под каким градусом они не могли себе позволить одного — стать посмешищем

в глазах простых смертных. Причем этому правилу неизменно следовали не только перворожденные, но и люди.

Однако сегодняшней день вдребезги разбил его представление о мире, потому что никогда прежде господину Лапатису не доводилось видеть столь вопиющего нарушения традиций. Он даже глаза протер для верности и пару раз моргнул, надеясь, что это просто бред, но пара темных эльфов, безропотно несущих на плечах по громадному мешку, шагающий след в след за ними громадный гаррканец и едущий верхом мальчишка могли вогнать в столбняк кого угодно. Причем не тем фактом, что эти личности появились во дворе элитного заведения, не тем, что перворожденные не побрезговали ролью простых носильщиков, и даже не тем обстоятельством, что наглая скотина то и дело издавала подозрительные звуки, сильно смахивающие на смешки. А тем, что дерзкий пацаненок, которого господин Лапатис никогда прежде в жизни не видал, ехал вовсе не на спине хитро жмурающегося коня, а возлежал на тяжелых мешках, как заморский султан! Да-да, прямо на остроухих носильщиках, причем на обоих сразу! И с таким важным видом свесил ручки на уши одного из спутников, одновременно закручивая из них причудливую спираль, будто имел на это полное право!

— Все! — выдохнул Аззар, остановившись перед крыльцом. — Слезай. Договаривались только до порога.

— Ты еще на ступеньки не поднялся, — качнула ножкой Белка, неслышно гогоча над неподвижной физиономией хозяина гостиницы. — И не халтурь, остроухий, а то пожалуюсь вон тому грозному дядечке, и он оставит вас обоих без ужина! Проспорили желание, вот и расплачивайтесь! Да скажите спасибо, что я не заставил вас делать это от самой площади!

Эльфы обреченно вздохнули и, понимая, что выхода нет, преодолели оставшиеся три ступеньки. Белка, расплывшись в довольной улыбке, легко спрыгнула с импровизированного паланкина и хихикнула уже вслух.

— Что ж, все честно: полмешка орехов, съеденных за четверть часа, против вашей поруганной чести. Правда, мучиться вам пришлось всего-то от ворот этого славного заведения, но с паршивой овцы хоть шерсти клок. Я все же не настолько гад, чтобы позорить вас перед всем городом. Так что цените мою доброту и сетуйте дальше на свою недалёковидность.

— К'саш! — ругнулся Линнувиэль. — Ты нас обманул!

— Я?! Все условия соблюдены: орехи были съедены ровно за пятнадцать минут! И ни минуткой больше!

— Да их же почти целиком сожрал Карраш! — не выдержал Аззар, скидывая наземь мешок.

Но Гончая лишь коварно улыбнулась и почти промурлыкала:

— Конечно. Но вы, на свою беду, забыли уточнить в условиях, кто должен был выступить обжорой. А мой мальчик... вы же знаете: он всегда голоден. Так что все честно, ушастики, и мы снова вас сделали. Пока-а!

Белка, вдоволь налюбовавшись физиономиями ушастых, весело подмигнула ехидно скалящемуся мимикру, после чего отодвинула с прохода обалдевшего до полного изумления господина Лапатиса и юркнула внутрь, успев, впрочем, нежным голоском добавить:

— Да, кстати. Линни, ты не откажешь мне в любезности? Занеси, пожалуйста, орехи в комнату, ладно? А то я так утомился на вас кататься, что аж бока ломит — оказывается, у вас очень костлявые плечи.

Линнувиэль сердито сплюнул и подхватил оба мешка.

— Спасибо, Линни, ты настоящий друг!

— Тьфу!

Белка хохотнула уже изнутри и услужливо придержала дверь, пропуская в гостиницу навьюченного эльфа. Там, разумеется, их уже ждали. Маликон при виде ноши Линнувиэля изумленно разинул рот, Корвин замер красивой скульптурой. Сартас вполголоса выругался, гадая, на чем именно подловил молодежь хитроумный Белик. Линнувиэль только вздохнул, собираясь честно отработать провинность, однако примерно на середине лестницы вдруг сообразил, что народу внизу собралось неоправданно много. Причем не простого народу, а самого что ни на есть благородного. Высокородного. Гордого, как летящий в поднебесье орел, презрительно поплеывающий вниз с высоты своего полета, и такого же высокомерного, как летящая рядом с ним и переешая гороха корова.

Вернее, три коровы.

Светлые.

Хранитель неверяще замер, без особого труда углядев знакомые физиономии.

Торково копыто! Да это же те самые светлые, которые всего пару часов назад поспешно ретировались с площади! Да-да, ошибки быть не может — эти две смазливые морды он бы ни за что не перепутал! Правда, там еще и третья есть, незнакомая, но те двое... вон как глаза полыхнули — тоже узнали, гады! Даже вперед качнулись, инстинктивно нашаривая на поясе оружие. Вот ведь не свезло нарваться в «Подкове» именно на них! Впрочем, где бы им еще быть, если «Подкова» — единственное на весь Стилос заведение, в котором хоть как-то уживались между собой перворожденные разных ветвей?

Линнувиэль метнул настороженный взор на молодого лорда, но тот еще не понял причины, по которой чинно беседовавшие с ним светлые

вдруг подобрались и насторожились. А потому не связал появление своей насмешливой нары с их изменившимися лицами. Вернее, завидев Белку, он просто перестал замечать что-либо другое. Однако Аззар соображал быстрее — опустив свою ношу на пол, он стремительно развернулся и бесшумно шагнул обратно, намереваясь остановить назревающую ссору.

Но немного не успел.

— Ах ты, мерзавец белобрысый, — прозвучал в оглушительной тишине преувеличенно ласковый голос Белки. Третий светлый вздрогнул от неожиданности и торопливо обернулся. — Вот и свиделись, гад ты этакий. Врун бессовестный. Ползун-переросток... Ну здравствуй, кролик мой недобитый!

Линнувиэль только раз заглянул в безупречное лицо светлого и мысленно выругался: маг! Вон как глазищи раскосые сияют! Да и золотой обруч на лбу выдавал его, буквально крича на весь мир, что его хозяин — не кто иной, как хранитель трона светлого владыки. Но даже если бы символа власти и не было, такого мощного мага сложно не заметить. Особенно — в десятке шагов рядом с собой.

У молодого хранителя аж волосы зашевелились на затылке, едва он представил, что будет, если Белка разозлит светлого. Однако тот лишь изумленно распахнул глаза и тихо выдохнул:

— Ты-ы-ы?..

Она не дала ему закончить: внезапно прыгнула с места и со всего маха толкнула незадачливого остроухого в грудь. Тот покачнулся от удара, но вместо того, чтобы потянуться за оружием или завалиться навзничь, ловко перехватил ее прямо в полете, немного отстранил и так, держа на вытянутых руках, неверяще всмотрелся.

— Бел... неужто и правда ты?!

— А ты кого ждал? Маму свою? — ворчливо отозвалась она. — Ты где шлялся три года? Ни словечка, ни весточки, ни строчки! Элиар! Да ты знаешь, как меня девчонки извели за это время? Что я должен был им говорить? Нет, ты ответь: что мне надо было сказать, когда переполошилась стая? О чем думать, если ты клятвенно обещал явиться на чей-то день рождения, а сам без вести пропал?

У Линнувиэля невольно перехватило дыхание. Тот самый Элиар сарт Эллираэнн, племянник светлого владыки, чья сила после давней истории с амулетом Изиара вдруг многократно возросла и в считанные дни вывела его на первые позиции среди хранителей трона? Так это о нем Белик упоминал, отправляя учиться незадачливого лютниста?!

— Прости, — искренне огорчился Элиар, жадно всматриваясь в ее

лицо. Но нет, никакой ошибки: это действительно была Белка. — Малыш, ты же знаешь...

— Я тебе сейчас как дам «малыш»! Ты у меня сейчас так получишь! Не посмотрю на регалии и тех белообрисых задохликов, что стоят позади и уже второй раз за сегодня пытаются поймать свои челюсти. Так всыплю, что мало не покажется! Нашел себе малыша... я только одному ушастому позволяю так себя называть, понял?

Таррэн быстро шагнул вперед и бережно перехватил свою брыкающуюся пару, чтобы не заехала случайно первому советнику светлого трона в нос. С нее станется — за то, что Элиар пропал на три года, она еще и не такое могла натворить. А тот и возразить толком не может — совсем не ожидал встретить в человеческом городе старого друга, да не одного, а вместе с его парой, к которой уже очень долгое время и сам был равнодушен.

— Нет, ты слышал, как он меня назвал? Меня! Малышом... похоже, слишком давно не был у нас в гостях, чтобы так меня называть! Вот сейчас как дам в лоб!

— Перестань, он просто рад тебя видеть, — вступился за Элиара Таррэн.

— Я ему уши оборву! Три года — ни словечка, а теперь он, видишь ли, рад! Мы только и знали, что живой, но где и в каком виде — один Торк знает! А он, выходит, прохлаждался все это время и даже восточку не соизволил прислать!

— Малыш...

Белка в последний раз возмущенно выдохнула, но перестала пытаться толкнуть высокопоставленного эльфа ногой. Элиар, в свою очередь, совсем сконфузился, потому что действительно забылся от неожиданности и проговорился, а его спутники стали выглядеть совсем жалко.

— Ладно, пусть, — буркнула Белка. — Позже его прибью, а пока пусть объяснит мне, по какой причине он так долго молчал. И клянусь, если эта причина меня не устроит, он сильно пожалеет, что вообще высунул нос из своего дурацкого леса!

— Прости, — повторил Элиар, с виноватой улыбкой разводя руками. — Я сам не ожидал, что так получится, и как раз начал объяснять твоему... Бел, я клянусь, что даже в мыслях не имел заставлять вас беспокоиться! Даже голубей почтовых отправлял, чтобы вы знали, что меня не будет. И в прошлом году, и в позапрошлом, и даже в этом уже трижды. Хотел выбраться сам, но столько дел навалилось... я думал, даже сейчас не смогу, да повезло наконец удрать. Но погодите... вы что же... так ничего и

не получили?

На озадаченный взгляд сородича Таррэн вопросительно поднял бровь.

— Как ты сказал: голубей отправлял? В пределы?

Элиар непонимающе моргнул.

— Ну да. Просто так письмо не напишешь — мне ж теперь по статусу не положено с вами дела иметь. Особенно с тобой, остроухий. Официально Светлый лес отношений с Темным не поддерживает. И с пределами — тоже. А что не так? Разве они не добрались? Я ж с запасом посылал, по паре штук сразу, и магией их навел, чтобы мимо заставы не промахнулись.

— Болван! — громко фыркнула Гончая, а Шранк согласно кивнул. — Ты бы их еще зажарил заранее и специями посыпал, чтобы нашим ястребам было сподручнее перехватывать. Думаешь, на ту сторону хоть одна птица с магической меткой перелетит?

— А разве нет?

— Точно, дурак, — убежденно покачала головой Белка. — Нет чтобы гонца отправить, так он голубями решил отделаться. Да еще небось через Тропу смертников их пускал?

— Ну... да, — растерялся Элиар. — Вы же говорили, что только там есть возможность пройти незаметно.

Таррэн хмыкнул.

— А про заклятие остановленного времени ты, конечно, не подумал?

— Ну все, — выдохнула Белка. — Я его сейчас прибью!

— М-да, — закашлялся воевода при виде ошарашенной физиономии светлого. — Боюсь, это безнадежно: раз уж он за двадцать лет забыл, каково там, значит, счастливо жил все это время. А его птички еще лет двести будут висеть в воздухе, предупреждая других дураков, куда не надо соваться. Если, конечно, их еще не сожрали.

Белка укоризненно покачала головой.

— Ох, Элиар... кажется, должность плохо повлияла на твои мозги. Двадцать лет назад ты еще не был таким бестолковым. Ты же маг. Честное слово, я разочарован. Ну неужели ты не мог хоть разок показаться девочкам на глаза и чмокнуть каждую в щечку? Знаешь, как они тебя ждали, подлец? Знаешь хоть, дурень несчастный, на какие жертвы мы ради тебя пошли? Ей-богу, Траш тебя живьем съест, когда пронюхает, что ты сидишь тут — живой и здоровый. И я ее отговаривать не стану, так и знай!

— Вы что, и их?.. С собой?.. — вдруг отшатнулся светлый, с ужасом уставившись на давних друзей.

Белка сухо кивнула.

— Сам знаешь, насколько мы тесно связаны.

— Вы сумасшедшие, — дрогнувшим голосом подтвердил Элиар. — Причем все вместе, всей своей стаей, исключая только...

— Умолкни, — грубо оборвал его Таррэн. — Какого Торка ты вообще забыл в Стиллосе, если должен сидеть в своем лесу и тихо сопеть над ухом дядюшки? Да еще в такой компании, как двое сельрилов?^[5]

— К темным едем, — моментально помрачнел Элиар. — Нам приглашение недавно пришло. Сам понимаешь, неофициальное, потому что Темный лес до сих пор не поддерживает с нами дружеских отношений. Но владыка Тирриниэль намекнул, что хотел бы встретиться, вот дядя и обязал меня выяснить, в чем тут дело. Нам даже портал выделили до границы Темного леса. Завтра планировал использовать, а тут вы на мою голову свалились.

Белка переглянулась с Таррэном и Шранком.

— Когда пришло послание? — отрывисто спросил Таррэн, у которого внутри снова шевельнулось смутное беспокойство.

— Пять дней назад.

— Стиль?

— Все как обычно: ровно, вежливо и запутанно.

— Дату указали, к которой ждут?

— Да. Через три дня истекает срок приглашения. Почему ты... — Светлый вдруг осекся, запоздало задавшись закономерным вопросом. — Эй! А вас-то каким ветром сюда занесло?

Гончая поджала губы.

— Кажется, дела там неважные. Тирриниэль не стал бы их торопить, если бы не был уверен.

— В чем? — нахмурился Элиар, но она не обратила внимания: повернувшись к благоверному, осторожно коснулась его плеча.

— Думаю, он слегка не рассчитал сроки. Или потерял надежду, если, конечно, не произошло что-то такое, что истощило его намного быстрее.

Таррэн прикрыл глаза.

— Проклятье...

— Нам надо поторопиться, — кивнула Белка. — Эл, на сколько душ рассчитан твой портал?

— Ну... человек десять могу гарантировать. Если будет еще маг в помощниках, то побольше проведем, но пятнадцать — это максимум.

— За раз?

— Конечно. Он и рассчитан на один раз, потому такой мощный.

Гончая неуловимо нахмурилась, о чем-то напряженно размышляя.

— Белик, в чем дело? — вконец встревожился светлый.

— Мой лорд? — забеспокоились и темные, но Гончая вдруг решительно тряхнула головой.

— Так. Элиар, нам понадобится твой портал. Отсылай своих приятелей обратно — нам их услуги больше не понадобятся, да и рисковать двумя лишними жизнями я не хочу. Все остальные идут с тобой и не позднее чем завтрашним утром перебираются к Темному лесу. Таррэн, насколько у вас хорошо с патрулями?

— Полагаю, минут через пять нас обнаружат. Что ты хочешь сделать?

— Хочу протащить через портал всю нашу компанию.

— Зачем? — непонимающе поднял глаза Элиар.

— Затем, что нам туда тоже надо позарез — Таррэну зов пришел три недели назад. А значит, нам больше некогда расслабляться — придется поджимать хвосты и бежать быстрее ветра, чтобы не опоздать.

— Белик, ты о чем говоришь?!

— Об Уходе, — тихо обронил Таррэн, и в «Золотой подкове» воцарилась недобрая тишина.

ГЛАВА 14

К опочивальне владыки Иттираэль почти бежал — амулет-накопитель, служивший хранителю путеводной ниточкой и заодно сигнализирующий о состоянии повелителя, последние несколько минут стал подавать весьма странные знаки. Странные настолько, что в первый миг маг даже не поверил: создавалось впечатление, что владыка Тирриниэль подключен к мощнейшему источнику и восполняет истощенный резерв умопомрачительными темпами. Крохотная звездочка амулета в его левом ухе мелко вибрировала от проходящей через нее силы, будто не была изготовлена из небесного металла. Она должна была выдержать даже в том случае, если владыка решился бы высвободить «Огонь жизни» или произнес бы слова посмертного проклятия, желая прекратить свои мучения. Но царственный эльф явно был жив, причем с каждой минутой чувствовал себя все лучше, тогда как амулет заметно нагрелся и, казалось, вот-вот рассыплется на части.

Иттираэль совершенно не представлял, что могло довести его лучший артефакт до такого плачевного состояния. Он раз за разом перебирал в уме возможные причины, но, сколько ни старался, не находил ответа. Это обстоятельство так сильно раздражало хранителя, что встретившиеся ему на пути эльфы, спешащие в чертоги на доносящийся оттуда шум, шарахались прочь, если горящий взгляд Нетопыря останавливался на ком-либо из них хотя бы на мгновение.

Влетев в покои повелителя, Иттираэль ошарашенно остановился, не узнавая обстановку и силясь хоть что-то разглядеть в огромном полупустом помещении, в котором до сих пор клубился дымок и витал мерзкий запах гари. Как выяснилось чуть позже, смежные комнаты, которых вокруг спальни владыки когда-то насчитывалось около десятка, теперь куда-то исчезли. Все сразу. При этом перегородки между ними тоже испарились, оставив после себя лишь проплешины на полу, кучки дымящейся золы, хлопья витающего в воздухе пепла и стойкий запах гари, от которого воротило с души. Дорогие ткани, драпирующие стены изнутри, тоже безвозвратно сгнули. От мебели остались только воспоминания. Хотя, если присмотреться, в паре обугленных кусков дерева еще можно было распознать несколько изысканно отделанных шкафов и кушеток. А посреди всего этого безобразия потерянно и как-то жалко переглядывался личный десяток владыки, среди которого каким-то чудом затесался Тартис — тоже

слегка потрепанный, озадаченный, но вполне живой.

Хранитель в одно мгновение оценил масштаб разрушений и почувствовал нехороший холодок между лопатками: чтобы натворить такое, ему пришлось бы выложиться полностью. Опустошить все свои амулеты, воззвать к родовому ясеню, после чего обессиленно сползти по стенке и пару недель колдовать исключительно в мечтах. А неведомый вредитель, кажется, не пострадал. По крайней мере, его обгоревшие останки не валялись у дверей в опочивальню повелителя. Гм, вернее, на том месте, где когда-то находились двери, поскольку в настоящий момент на месте входа зиял развороченной все тем же пламенем проем. Иттираэль мысленно выругался и, подозревая худшее, поспешно шагнул вперед.

Владыка Тирриниэль по-прежнему находился на высоком ложе, убранном в традиционных белых тонах. Он все еще был бледен, но уже не мертвенно, как накануне, а скорее выглядел выздоравливающим после тяжелой болезни. Черты лица его смягчились, разгладились. Тонкие брови вернули благородную черноту, длинные волосы оставались посеребренными сединой, но не висели клоками, как у стариков, а падали на сильные плечи красивыми волнами, придавая царственному облику владыки еще больше величия. Веки повелителя были прикрыты, но Иттираэль заметил, как горят внутренним светом его глаза. Не нужно даже на ауру смотреть — жалобно мигающий амулет красноречиво говорил: его бессмертный владелец снова вырвал у Ледяной богини небольшую отсрочку.

Возле владыки, осторожно присев на краешек постели, сидела Мелисса. Бережно держа его за руку, незаметно гладила его пальцы, будто о чем-то просила. Ее огромные глаза были полны участия и еле сдерживаемой радости, потому что эльф выглядел заметно лучше и перестал наконец походить на мумию. И хоть прежний цвет не вернулся к его роскошной шевелюре, все же владыка был жив. Более того, состояние его улучшалось прямо на глазах.

Тир в этот момент как раз заканчивал наполнять силой изумруд в его венце.

— Вроде все, — беззвучно выдохнул он, поднимая голову. — Можешь открывать глаза. Я закончил.

Тирриниэль встрепенулся и тут же наткнулся взглядом на замершего в дверях хранителя: Иттираэль буквально врос в пол, силясь уложить в голове то, свидетелем чему сейчас стал. Но владыке было не до него — он с изумлением и гордостью повернулся к уставшим детям, совершившим для него настоящий подвиг. И если Тира он уже видел в деле, то скромно

пристроившаяся рядом девушка потрясла его до глубины души.

— Как ты, дитя? — хрипло спросил Тирриниэль, с новым чувством изучая ее порозовевшее лицо.

Мелисса смутилась.

— Потом, — быстро перебил родича Тир, заметив в дверях постороннего.

Владыка понимающе улыбнулся и уверенно сел. С легким удивлением осознал, что сумел сделать это сам, что отвратительная слабость больше не превращает его в немощного старика, который даже встать без посторонней помощи не способен. Затем с удовольствием вдохнул полной грудью и едва не рассмеялся. Боги! До чего же хорошо чувствовать себя здоровым!

— Здравствуй, Иттираэль. Ты несколько не вовремя.

Хранитель, словно не услышав, пристально оглядел насторожившихся детей, которые при виде него сдвинулись, словно закрывая собой царственного родича. Обежав глазами помещение и выявив весьма странные возмущения эфира, Иттираэль неуловимо нахмурился.

— Что здесь произошло, мой лорд?

Мелисса предостерегающе сжала руку владыки.

— Ничего страшного, — ровно ответил Тирриниэль. — У Тира оказался при себе амулет-накопитель, и мальчик был так добр, что позволил мне им воспользоваться.

— Амулет? — прищурился маг. — Я не чувствую на нем амулета, мой лорд.

— Я тоже. Но это ни о чем не говорит.

— Он заговорен, — кротко сообщила Милле, пряча горящие глаза за пушистыми ресницами. — Его невозможно найти магическим взором даже тогда, когда он активен.

— Да неужели? — с заметной издевкой поинтересовался Иттираэль. — Никогда прежде о таких не слышал.

— Он достался мне от отца, — напряженно добавил Тир, но хранитель только презрительно хмыкнул, потому как амулеты лордов-наследников знал наперечет. Более того, был прекрасно осведомлен о свойствах искусственно созданных артефактов и мог поклясться, что ни один из ныне существующих магов не способен сотворить нечто подобное. Да и невозможно спрятать амулет такой мощи ни под каким заклятием. Об этом хранитель не преминул с сарказмом сообщить.

Тирриниэль, выслушав колкий монолог, неожиданно нахмурился.

— Ты ставишь под сомнения мои слова, Иттираэль? Считаешь, я намеренно ввожу тебя в заблуждение? — В голосе владыки эльфа

прорезались стальные ноты, а в глубине глаз зажглось мрачное пламя неподдельного раздражения. — Значит, ты обвиняешь меня во лжи, Иттираэль?

— Нет, мой лорд, — опомнился эльф. — Просто я не ожидал...

— Чего? Что я еще смогу встать?

— Нет, мой лорд. Того, что у ваших... э-эм... гостей найдется средство, способное нам помочь.

— То есть такое, которое не сумел найти ты? — холодно уточнил владыка, и Иттираэль внутренне подобрался: он очень хорошо знал этот тон и совсем не желал испытать на себе знаменитую ярость повелителя. Правитель Темного леса явно ожил, оставшись наедине с этими детьми. А еще целиком и полностью встал на сторону внука. И, похоже, он больше никому, ни под каким предлогом не позволит к нему приблизиться.

Иттираэль снова поклонился.

— Простите за вторжение, мой лорд. Я почувствовал, что здесь происходит что-то необычное, потому поспешил на помощь, боясь опоздать. Но я рад, что моя помощь не требуется и с вами все в порядке.

— В порядке, — властно кивнул Тирриниэль, надевая расшитую золотом тунику. — Настолько в порядке, что я даже изволю прогуляться в рощу. Немедленно.

Старший хранитель вздрогнул, следя за молниеносным преобразованием своего лорда, а тот встряхнулся, будто сбрасывая с плеч груз прожитых лет, поощрительно улыбнулся детям, смотрящим на него с затаенной надеждой, затем качнул седой головой и, подав руку Мелиссе, направился к выходу.

— Мой лорд!

— В чем дело, Иттираэль? — насмешливо обернулся владыка. — Боишься, что меня увидят поседевшим? Брось, подданные давно знают, что я ослаб. Скрывать дальше не имеет смысла, так что лучше пусть видят, что я все еще жив и способен огрызаться, чем считают дни до моего Ухода. Пусть знают, что я, хоть и изменился, по-прежнему могу призывать «Огонь жизни». Я больше не стану прятаться, как загнанная в угол крыса, и тем более не стану цедить оставшиеся силы по каплям. Хватит, надоело! И если кому-нибудь взбредет в голову проверить мой уровень, я буду ждать в священной роще вместе с внуком и его спутницей. А теперь оставь меня, я хочу побыть с детьми.

— Как пожелаете, мой лорд, — вынужденно поклонился хранитель.

— Уже пожелал. Ступай.

Иттираэль поджал губы и со всем почтением отступил в

разгромленный зал, не смея перечить там, где был заведомо слабее. Он попятился, покидая опочивальню и до последнего пытаясь рассмотреть внутренним взором ауры наследного лорда и его пассии. Ничего необычного не нашел. Мысленно скривился, абсолютно не поверив в волшебный амулет, способный поднять на ноги даже того, кто находится при смерти. После чего стремительно развернулся и максимально быстро, насколько допускали приличия, покинул чертоги.

Тир неслышно вздохнул и расслабился.

— Фу, я уж думал, он заупрямится.

— Почему ты его так не любишь? — любопытствовал Тирриниэль, исподтишка поглядывая на усевшуюся на краешек постели Милле.

— Можно подумать, ты его обожаешь!

— Нет, — хмыкнул владыка, надевая поверх туники широкий пояс и подхватывая свои родовые клинки. — Но без него мне пришлось бы тяжело — Иттираэль единственный, кто способен заменить меня без ущерба для Темного леса. Он знает о положении дел здесь и в остальном мире, отлично разбирается в политических дрязгах, способен на равных говорить с гномами, светлыми и людьми. Он держит совет в ежовых рукавицах, и, признаться, без него новому владыке будет гораздо сложнее со всем этим управляться. Зря ты сердишься, Тир.

Юноша угрюмо насупился.

— Я ему не доверяю. И Милле он тоже не нравится.

— О! Ну, раз Милле не нравится...

— Не смешно, — спокойно оборвал деда Тир. — Ей я доверяю больше, чем кому бы то ни было, — ее чутье нас еще ни разу не подводило. Поверь, если ей что-то не нравится, значит, на то есть основания. Я предпочитаю держаться подальше от твоего драгоценного хранителя, не желая получить от него ядовитую колючку в спину.

— Перестань, — нахмурился Тирриниэль, коротким жестом заставляя стены сомкнуться на месте отсутствующих дверей и одновременно открывая проход в соседней стене. — Иттираэль поддерживал меня последние годы, отдавал свои силы, чтобы старейшины как можно дольше не узнали правды. Именно ему я обязан тем, что дождался вашего прихода. Поэтому постарайся его больше не задевать.

Дети быстро переглянулись.

«Я ему не верю», — подумала Мелисса.

«Знаю, маленькая. Я тоже. Но лучше нам с тобой его действительно не злить: он опасен и очень злопамятен».

«Не могу. Как только его вижу, сразу вспоминаю...»

«Не нужно, — осторожно обнял ее Тир и погладил хрупкие плечи. — Жаль, что так вышло. Я отдал бы все на свете, чтобы ты этого не узнала».

«Поздно, — вздохнула она. — В нашей семье невозможно долго хранить секреты. Особенно ничего не утаить от мамы: эти узы... знаешь, в такие минуты я даже начинаю думать, что без них было бы лучше. По крайней мере, мы бы тогда не подсмотрели случайно то, что не должны были. А с остальным Лабиринт помог разобраться».

«Теперь с этим придется жить и учиться мириться с прошлым. Тем более тогда, когда мы с тобой обязаны этому прошлому своим появлением».

— Да, — прошептала она вслух. — Но какой ценой!

Тир ласково коснулся губами ее виска и повернулся к терпеливо дожидаящемуся деду. Тирриниэль следил за ними с нескрываемым интересом. В этот момент, наблюдая за внуком и видя его искреннюю заботу о Милле, тысячелетний маг вдруг отчего-то подумал: они, хоть и равнодушны друг к другу, еще ни разу не позволили себе большего, чем родственные объятия. То, как юный эльф оберегал девушку, совсем не походило на отношения влюбленного мальчишки — в таком возрасте все они стремятся к иному, нежели братский поцелуй в щечку. Однако поразмыслив и взвесив все «за» и «против», Тирриниэль отказался от мысли о родстве. Милле все же была человеком, тогда как Тир — стопроцентным эльфом, да не простым, а магом, в роду которого за последние девять эпох ни разу не рождались женщины.

К тому же целовать ее в губы после того, что произошло, владыка и сам бы не рискнул: напор внутренней силы в этой крохе оказался настолько велик, что он едва не задохнулся. Сперва от изумления, а потом — от ревущего потока этой восхитительной силы, едва не разорвавшей его на части. И это при том, что ни одного лучика ауры в ней не изменилось и ничто не выдало ее тайны. Даже Иттираэль ничего не почувствовал. А если бы он только узнал, что за подарок подбросила владыке судьба, то точно отсюда бы не ушел. Ведь такого изумительного чуда не могло, не должно было существовать — маленькой, безумно красивой человеческой девушки, способной хранить в себе разлитую в пространстве магию, как самый обычный амулет-накопитель. Собственно, она и была этим накопителем, живым, единственным в своем роде чудом, тайну которого эти двое хитрецов рискнули доверить старому эльфу лишь на пороге его гибели.

Тирриниэль улыбнулся, поймав два одинаково настороженных взгляда, и кивнул:

— Не волнуйтесь: никто не узнает, кто вы. Ни совет, ни хранители, ни

мой сын, если, конечно, он вернется.

— Вернется, — дружно вздохнули дети, невесело переглянувшись.

— Ладно, хитрецы. Раз уж вы вытащили меня с того света и дали еще одну отсрочку, так и быть — покажу вам то, чего никто из чужаков еще не видел: свой родовой ясень. Опору нашего дома и источник долголетия для всех Л'аэртэ.

— Что значит, настоящий? — удивленно переспросил Тир, входя следом за родичем в услужливо открытый проход из живых ветвей и листвы. — Разве он не в роще находится?

— Нет, конечно. Иначе его было бы слишком просто найти.

— Тогда где?! — одновременно воскликнули дети.

— Ишь, какие любопытные... идемте. Только Иттираэлю не проболтайтесь — он у нас ревностно хранит традиции.

— Это безопасно для Милле? — на всякий случай уточнил Тир, на что царственный эльф лишь снисходительно улыбнулся.

— Пока я жив, мой мальчик, в чертогах для вас обоих безопасно. Вас не коснутся ни яд, ни шипы, ни иглы, ни магия... и никого другого — тоже, если я не пожелаю иного, конечно.

— Почему? — еще сильнее насторожился Тир.

— Потому что истинное средоточие моей мощи — именно здесь, в живом дворце, сотканном из магии Темного леса, — словно в подтверждение своих слов, Тирриниэль взмахнул рукой, и учиненный Тиром беспорядок, как по мановению волшебной палочки, начал стремительно исчезать. Зеленые стены ожили и затрепетали. Затем прямо на глазах разрослись и принялись затягивать страшные проломы. Новые перегородки, появившиеся на прежних местах, поспешно покрылись свежей листвой. Затем молниеносно сменилась трава под ногами, выросли новые двери взамен обгоревших. Пепел на полу бесследно испарился. Воздух очистился. А взамен безвозвратно погибших предметов мебели гибкие ветви неизвестной лозы умело сплелись в точно такие же стульчики, столики и кушетки, которые так неосторожно спалил Тир.

— Здорово! — искренне восхитилась Мелисса, жадно разглядывая творящиеся вокруг чудеса.

— А фонтаны ты так же создаешь? — не удержался от вопроса Тир.

— Я же сказал: здесь для меня нет преград.

— То есть если кто-нибудь вздумает на тебя напасть внутри чертогов...

— Он заведомо обречен на провал, — кивнул эльф, с величием истинного правителя минуя длинную анфиладу покореженных комнат и в

каждой наводя идеальный порядок. Изумительной работы мебель, ткани, фонтаны, скульптуры... казалось, создать все это не составляло для него никакого труда. Один короткий взгляд, слетевшее с губ тихое слово, и небольшое помещение снова в идеальной чистоте.

— Эй, а ты не переусердствуешь? — неожиданно обеспокоился Тир, с подозрением покосившись на владыку. — Мы не для того тебя в форму приводили, чтобы ты за пару минут все истратил! Нам еще, между прочим, твоего сына дождаться надо! И Вала вылечить, не забывай! А без твоего присутствия это будет затруднительно.

— Не беспокойся, — просто ответил Тирриниэль. — Я могу подпитываться от ясеня и самих чертогов. Правда, иногда это бывает неосуществимо. Когда силы кончаются, а резерв пополнить больше неоткуда, этот путь восстановления мне недоступен. Если же такое состояние продлится больше трех дней, то наше с тобой родовое дерево умрет. А вместе с ним погибнет и весь дворец.

Мелисса неожиданно споткнулась и изумленно посмотрела на повелителя эльфов.

— Как это?!

— Мы слишком сроднились, поэтому моя слабость сказывается и на чертогах. Но именно поэтому здесь абсолютно безопасно. Даже сейчас, когда мои силы уже не те. И так будет до самой моей смерти.

— Так это что... тоже твой яшень?! — внезапно прозрел Тир. — И стены, и пол... это из него сделано?!

— Он везде, мой мальчик, его ветви повсюду. Пронизывают дворец до самого основания, оплетают изнутри и снаружи, и именно это дает мне такую силу. Поэтому же я так долго сопротивляюсь Уходу: в последние десять лет я ни разу не покидал чертоги. А чтобы ты понял, насколько тут все тесно связано, я покажу тебе его корни. Самое важное, без чего он не может существовать.

— Но я думала, вы прячете их в роце, — немного растерянно оглянулась Милле. — Она же хорошо защищена, и там много ясеней, среди которых легко спрятать тот, единственный. Разве нет? Разве он — не одно большое дерево, возле которого обвивается ваш знаменитый дракон?

— Нет, дитя. Дракон — всего лишь воплощение силы Изиара. Это только символ, дань прошлому, красноречиво напоминающая о связи магии с родовым деревом. Потому что, на самом деле, мы словно те древние драконы, не смеющие отойти от нашего ясеня. Мы — те, кто изображен на родовых перстнях. Мы выбрали для себя такой путь, и мы то, что оставил после себя проклятый владыка. Дракон на кольцах — это средоточие нашей

силы и часть нашей души. Поэтому наша сила — это огонь. Не слушай менестрелей и болтунов: все остальное — просто слухи, призванные ввести чужаков в заблуждение. Кроме вас двоих, никто в мире не знает, насколько разнятся правда и вымысел, как никто не знает того, что наш дракон на самом деле не существовал нигде, кроме наших сердец. Что же касается ясеня, то священная роща хоть и стоит в самом центре моих владений, в действительности слишком уязвима для такого сокровища: один хорошо направленный удар, и она сгорит, как любой другой лес. А вместе с ней может сгореть и родовой ясеня — наша опора и источник бесконечной силы для магов. Потерять его — смертельно опасно для рода Л'аэртэ. Однако здесь, где магией пропитан каждый листок и каждая ветка, этого не случится — в чертогах способен гореть лишь один огонь. Причем именно тот, который не сумеет нанести ясеню вред.

— «Огонь жизни»?

Владыка открыл последнюю дверь.

— Да. Здесь почти не работает магия — ни подгорное пламя, ни магия светлых и ничто иное вообще. Только дар Л'аэртэ. Он же является единственной силой, которая при желании способна все это уничтожить. Магии вокруг настолько много, что она пропитывает любую травинку. И каждую из них я могу превратить в оружие точно так же, как любую ветку, шип или листок. Именно поэтому я властвую здесь почти неограниченно.

— Ага. Если находишься в силе, — пробурчал Тир. — А если у тебя ее не останется, ничего ты не сделаешь. Тебя убивать будут под ясенем, а ты и пальцем не сможешь пошевелить. И никто не заступится — ни хранители, ни совет, ни ваш пресловутый дракон. А когда ты умрешь, тут все рассыплется карточным домиком и за пару веков порастет травой, если, конечно, ты не передашь власть другому потомку Изииара.

Тирриниэль остро взглянул на осведомленного сверх меры «потомка».

— Если я не найду себе достойную замену, чертоги погибнут, а вместе с ними и весь лес вскоре станет непригодным для жизни. После этого мой народ будет вынужден покинуть это место. Он постепенно растворится среди других рас, рассеется по свету, попытается выжить на других землях, но найти другую родину наверняка не получится, потому что все доступное пространство теперь занимают люди. Про Темный лес вскоре забудут, а мое имя проклянут. Первороденные будут влачить жалкое существование, и у них не будет ни дома, ни силы, ни воли. Только воспоминания. Именно поэтому Иттираэль так беспокоится.

Дети снова переглянулись и промолчали, но царственный эльф и не думал их уговаривать. Все, что мог, он уже сделал. В конце концов, он

больше не считал, что жизнь его народа стоит больше, чем жизнь его отдельно взятого представителя. Кажется, время все расставило по своим местам. Трудное, невеселое время, которого осталось слишком мало и которое он только в последние недели наконец-то начал по-настоящему ценить.

— Мне жаль, — все-таки обронила Мелисса, осторожно тронув за рукав опечаленного правителя, и тот с улыбкой обернулся.

— Не бери в голову, дитя. Вас это не касается, и я больше не собираюсь перекладывать свой долг на ваши плечи.

— Тирриниэль...

— Мы пришли, — махнул рукой в открывшийся проем владыка эльфов, прервав Милле на полуслове. — Смотрите! Вот он — наш родовой ясень. Узнаете?

Дети послушно шагнули внутрь, но на самом пороге обмерли, а потом подняли на повелителя одинаково расширившиеся глаза и в голос ахнули:

— Не может быть!

ГЛАВА 15

— Почему мы уходим именно отсюда? — вполголоса поинтересовался у Маликона Корвин, оглядев крохотную полянку, на которой сейчас было слишком тесно. — Разве не проще было открыть портал в городе? Или, на худой конец, поближе к дороге? Зачем мы забрались в самую чащу?

Эльтар-рас кинул быстрый взгляд на окружившую Таррэна и что-то оживленно обсуждающую между собой неразлучную тройцу и покачал головой: кажется, Линнувиэль слишком быстро вошел в круг друзей молодого лорда, вместе с Беликом и этим светлым, который даже сейчас, оставшись один на один с темными, чувствовал себя комфортно. Более того, не пытался спорить с ними по пустякам. На дерзкие выходки Белика не обращал никакого внимания. С Таррэном общался по-свойски, не стесняясь порой и ругнуться вполголоса. Леди Мирене отвесил изысканный поклон. На Линнувиэля одно время настороженно косился, но, видя отношение друга и его пары, успокоился: Белка доверяла молодому магу, а значит, тревожиться не о чем. И теперь они вчетвером беседовали, готовясь к открытию прямого портала в Темный лес.

— Маликон? — нетерпеливо помялся Корвин.

— Не знаю, — наконец ответил эльтар-рас, следя за выразительной жестикуляцией светлого. — Но, кажется, портал будет слишком велик, чтобы закрыться за нами бесследно. Похоже, они опасаются пожара и хотят во время открытия быть как можно дальше от селений смертных.

— Это я понял. Но для чего мы забирались в такую даль? Стиллос — в двух днях пути! До ближайшей деревни — больше суток ходу! Неужели не нашлось места поближе?

— Не знаю, — медленно повторил Маликон. — У Белика спроси. Это была его идея.

— Нет уж, благодарю. Лучше я подожду, чем дело кончится. Надеюсь только, они не решат идти вчетвером, бросив нас в этой глуши?

— Тогда бы они и из города ушли вчетвером. И лошадей не стали бы продавать. К тому же Таррэн не оставит Мирену без охраны. Сартас, как считаешь?

— Согласен, — кивнул советник, покосившись на громадных гаррканцев, которых молодой лорд не пожелал ни продать, ни отпустить, тогда как остальных скакунов действительно велел оставить в ближайшей деревеньке. — Но мне совсем не улыбается во время перехода иметь за

спиной этих зубастых монстров.

Карраш, почувствовав пристальный взгляд, обернулся, внимательно оглядев настороженно стоящих поодаль бессмертных, после чего приблизился к хозяйке и тихо фыркнул что-то ей на ухо.

Белка устало потеряла виски.

— Подожди, малыш, мне немного не до них, хотя... Сартас, перестань сверлить взглядом мою спину. Хочешь помочь — не стой столбом, иди и делай, потому как нам сейчас любая помощь пригодится. А если ни Торка не смыслишь в рунах, то лучше помалкивай.

— Почему не смылю? — опасно прищурился Сартас и неуловимо быстро скользнул в сторону Гончей. — Кое-что мне известно. А в чем проблема?

— В том, что нас слишком много! Портал рассчитан на десятерых, а вас уже семеро набирается, плюс мы с Таррэнном, плюс Шранк, Элиар да Карраш с Ирташем. Если шагнем все разом, отдача будет такой, что половина леса превратится в пепелище!

— Тебя смущает, что могут пострадать смертные? — изогнул красивую бровь советник.

— Меня смущает оставшийся след, по которому нас любой дурак выследит! А мы не можем себе позволить такой роскоши, как оповещение всех магов в округе о своем появлении!

— Да какая разница? — неожиданно вмешался Аззар. — Мы все равно будем далеко, а в Темном лесу нас никакая собака потом не достанет.

— Да? А ты ничего не забыл? — выразительно посмотрела Белка. — *Всех* посчитал, мой ушастый умник?

Аззар чуть вздрогнул.

— Ну...

— И что у тебя получилось? Думаешь, портал не разорвет к торковой матери на выходе?

— Не исключено, — озабоченно нахмурился Элиар. — Нас много, а он не рассчитан на такие нагрузки. И даже если все получится, остаточный след может докатиться до людей.

— А если поставить ограничивающие руны? — поинтересовался Сартас.

— Мы думали об этом, — рассеянно кивнул Таррэн. — Но, во-первых, их придется наносить на слишком большой площади, а во-вторых, это займет много времени. К тому же даже они не могут гарантировать, что огонь не вырвется наружу.

— Это все равно лучше, чем ничего.

— Да, — согласился молодой лорд. — Но одних рун будет мало.

Белка озадаченно потеряла переносицу и неожиданно предложила:

— А если вам с Элиаром попробовать объединить силы? Ну, как тогда, когда вы нас со Шранком вытаскивали с того света? Помнишь, после Лабиринта? Ваши силы неплохо уравнили друг друга, и катастрофы не случилось. Карраш с Ирташем прикроют, чтобы никаких следов не осталось. А портал тогда получится мощнее и гораздо стабильнее, чем если бы вы держали его поодиночке.

Эльфы странно переглянулись.

— Хочешь сказать, я опять должен открываться перед этим остроухим? — поморщился Элиар.

— Сам дурак, — так же рассеянно отозвался Таррэн, напряженно обдумывая идею. — Но смысл в этом есть. Если твоя дурная голова не подведет, нам удастся удержать контуры силы в пределах разумного, часть выброса сойдет на нет, а откат будет гораздо меньше, чем в любом другом случае. Есть шанс остаться незамеченными. Хотя нам все равно придется рисовать защитные руны на каждом дереве в округе, чтобы быть полностью уверенными.

— Ну и что? — оживилась Гончая. — У нас тут целый хранитель в наличии. И Сартас в придачу кое-что умеет. Да и я могу присоединиться, только надо заранее обговорить, какой вариант рисуем, потому что можно взять и старый, и новый. Старый-то понадежнее будет, но я совсем не уверен, что Линнувиэль знает его целиком: все-таки в последний раз его практиковали больше двух эпох назад. Про Сартаса вообще молчу.

— Берите новый, — посоветовал Таррэн. — Вас трое, успеете до заката. А со старым лучше не рисковать: сам знаешь, там слишком много двояких толкований. Мне бы не хотелось, чтобы кого-то из вас разорвало на месте из-за неточности в линии. Линнувиэль, справишься?

Младший хранитель кивнул.

— Отлично. Тогда руны на вас. И пусть кто-нибудь вырубит кусты вон там. Аззар, тебе придется распотрошить сумки и выбросить все лишнее, чтобы не перегружать портал. Атталис пускай присмотрит за окрестностями — нам совсем не нужно, чтобы сюда забрел какой-нибудь заплутавший лесник. Все, за дело, а мы с белобрысым попробуем совместить силы.

— Эй, поаккуратнее с выражениями! — немедленно возмутился Элиар. — Я с тобой еще за прошлый раз не рассчитался!

— За который именно? — коварно улыбнулся Таррэн. — Когда я тебе шевелюру подпалил или когда ты без штанов остался?

— За оба, Торк тебя возьми!

— Мм... зато теперь ты знаешь, чего надо опасаться при встрече с темным магом.

— Не волнуйся, Элиарчик. — Белка покровительственно хлопнула светлого по плечу. — В следующий раз воспользуйся тем щитом, что я тебе показал, и все будет в порядке. Отшвырнуть тебя, конечно, отшвырнет, но штаны больше не пострадают.

— Малыш! — пораженно обернулся темный лорд.

— Что?

— Когда ты успел?

— Долго ли умеючи? — хмыкнула Гончая. — К тому же мне надоело завязывать девочкам глаза всякий раз, когда этот обгорелый голубь возвращается с ваших занятий с подрезанными крыльями, в драной рубашке и с голым задом.

— Это было всего однажды! — мрачно напомнил Элиар.

— Ну и что? Зато как живописно смотрелось! Нет, я не спорю — у тебя отличная фигура, но для невинных девушек лицемерие этой части твоего тела, по-моему, слишком. И я не думаю, что их нежный разум снова перенесет это душераздирающее зрелище!

Светлый неуловимо порозовел и отвернулся, на что она тихонько хихикнула в кулачок.

— Надо же. Кто бы мог подумать, что ты и в семьсот лет умеешь краснеть!

— Бел, да хватит уже!

Белка рассмеялась громче и, подхватив под руку замешкавшегося хранителя, упорхнула с поляны, чтобы смущенный эльф не надумал схватить с земли что-нибудь тяжелое и запустить этим тяжелым ей в спину. Попасть, разумеется, не попадет, но зачем искушать судьбу? Однако, скрывшись за деревьями, она расхохоталась от души и, покосившись на озадаченного Линнувиэля, принялась пересказывать подробности, отчего у Элиара окончательно вспыхнуло лицо и сам собой вырвался горестный стон.

— Крепись, друг, — лицемерно вздохнул Таррэн, а Шранк с готовностью ухмыльнулся: кажется, несчастному эльфу не повезло.

Но он сам виноват — если бы не пропал на три года Торк знает куда, она бы не стала его позорить перед всем честным народом. А теперь... Бедный, бедный Эл.

Темные наострили уши, но напрягаться не потребовалось: звонкий голосок Гончей далеко разносился по лесу. Временами срывался на

сдавленное хихиканье, в нужных местах многозначительно замолкал, а потом снова возносился чуть ли не до небес, в красках расписывая непотребный вид светлого, которого угораздило попасть под разрушающее заклятие Таррэна.

Элиар, поймав несколько насмешливых взглядов, скривился, но оправдываться и заверять, что Белка слегка преувеличила, не стал. Все равно ему никто не поверит. Даже тому, что в тот злополучный день, когда Таррэн предложил магический поединок, он вернулся из Проклятого леса не с голым задом, а всего лишь с небольшой дыркой на бедре, в которой не было ничего срамного. Да, рубаха сгорела, но это тоже не преступление, тем более что темный сам был изрядно потрепанным.

Элиар тяжело вздохнул, с усилием погасив накатившее раздражение.

— Ладно, пироман ушастый, попробуем. Может, и правда что-то путное получится?

Таррэн широко усмехнулся и, милосердно промолчав, последовал за ним в чащу.

Приготовления завершили быстро: едва солнце коснулось алым краешком горизонта, все окрестные деревья вокруг облюбованной полянки уже были покрыты причудливыми черточками древних эльфийских рун. Белка, придирчиво осмотрев каждую и заставив Сартаса поправить пару не слишком точных линий, удовлетворенно кивнула.

— Ну вот, теперь все верно. Кстати, ты откуда их знаешь, советник? Мне казалось, в рунах только хранители понимают.

— То же самое хотел у тебя спросить, — усмехнулся Сартас, на что она только отмахнулась.

— А... один придурок из ваших показал. Не бери в голову.

— Нет, мне в самом деле интересно.

— Неужели Таррэн расщедрился? — некстати вмешался Линнувиэль.

— Нет, конечно, — поморщилась Гончая. — Это случилось гораздо раньше, а «расщедрился», как ты говоришь, не он.

Вспомнив о неприятном, Белка машинально коснулась живота, на котором вот уже полвека горели кровавые узоры, и невесело усмехнулась. Да уж, подарочек... дорогой ценой достались ей эти знания. Но сейчас, спустя долгие годы, она об этом почти не жалела. Не забыла, конечно, со странным чувством смотрела иногда на свое измененное тело, но больше не ненавидела: ни его, ни того, кто сделал его таким... совершенным.

Линнувиэль, перехватив ее рассеянный взгляд, неожиданно понял причину этой задумчивости.

— Прости.

— За что? — непонимающе обернулась Гончая. — Твоей вины тут нет. А ты, пожалуй, единственный хранитель, кто пытается и хочет что-то изменить. Поэтому повторяю: не бери в голову.

— Да, но... — замялся эльф под удивленным взглядом Сартаса, но потом все же сумел закончить: — Я бы не хотел, чтобы об этом узнал владыка Тирриниэль. По крайней мере, сейчас, когда он серьезно болен.

— О! Значит, додумался все-таки, чья это работа?

Линнувиэль кивнул.

— Быстро, — равнодушно заметила Белка. — Впрочем, тут и гадать-то нечего: магов не так много, чтобы постоянно ошибаться, а в то время за пределами леса безнаказанно гулял только один из них.

«Все-таки Талларен... — сглотнул Линнувиэль, во все глаза глядя на задумавшуюся Белку. — Ни у кого другого не хватило бы жестокости довести изменение до ума. Он единственный, кто знал ритуал от начала до конца, и единственный из магов, кто не вернулся из Интариса».

— Молодец, — кивнула Белка. — Но насчет владыки не переживай — он знает. Собственно, нас именно поэтому последние двадцать лет никто не беспокоил. Видимо, Тирриниэль внял моему предупреждению, за что ему большое человеческое спасибо... так, хватит воспоминаний. Переход будет нелегким, так что я хотел бы побыть один.

Темные эльфы понятиливо кивнули, а Белка поднырнула под локоть замешкавшегося хранителя и исчезла в лесу. Правда, ненадолго: когда Таррэн собрал всех на поляне и сообщил, что они с Элиаром готовы, она так же незаметно вернулась и скромно пристроилась возле мимикров.

— У нас будет всего минута, чтобы проскочить на ту сторону, — напряженно бросил Таррэн, сжимая в руке небольшой шарик свернутого портала. — Линнувиэль, ты идешь первым и держишь точку выхода. Шранк проследит, чтобы никто тебе не помешал. За вами идут Корвин и Маликон, следом — Мирена, Аззар и Атталис. Сартас замыкающий. Потом идут Белик и Ирташ, чтобы никого не зашибить. Мы с Каррашем будем предпоследними, а Элиар закроет за нами проход. Те, кто пройдет раньше, не мешкайте на выходе — как можно быстрее отходите в сторону и прячьте глаза. Откат будет приличным, несмотря на присутствие Ирташа. Надеюсь, ослепнуть никто из вас не желает? Аззар, напомнишь, если кто забудет, и отпихнешь подальше.

Молодой эльтар слегка побледнел, но послушно кивнул.

— Линнувиэль, тебя тоже касается, — посуловел голос Таррэна. — Смотреть будешь только вторым зрением, понял? Иначе пострадают глаза!

— Я помню.

— Хорошо. Ну что? Готовы?

Мирена нервно сжала ладонь стоявшего сейчас рядом с ней Аззара и вместе со всеми кивнула. Темные сноровисто похватали вещи, выстроились и выжидательно замерли, горящими глазами следя за сосредоточенными лицами магов, взявшихся за небывалое. Разумеется, порталами им приходилось пользоваться, и не раз: раздавил в руке огонек телепорта, пробубнил под нос заклинание, представил, куда желаешь попасть, — и готово. Только шагай и радуйся, что не приходится сбивать ноги или натирать зад о неудобное седло, чтобы преодолеть такое же расстояние самостоятельно. Но портал — удовольствие дорогое, без опытного мага им не воспользуешься. А такой портал, какой прислал темный владыка, и вовсе огромная редкость. Тем более сейчас через него предстояло пройти не десятерым, а гораздо большему числу разумных.

Элиар в последний раз проверил защиту, переглянулся с Таррэном, который держал в ладони сгусток портала, и, мысленно пожившись, кивнул.

— Я готов.

Темный эльф с хрустом раздавил оболочку заклинания. Там что-то тренькнуло, звякнуло и осыпалось на землю невесомыми осколками. В тот же миг воздух между магами ощутимо задрожал, затем потемнел, свернулся в тугой клубок, в центре которого появилась и стала быстро разрастаться ядовито-зеленая искра. Затем затрещал от напряжения внешний защитный контур, и Элиар поднял руки, не позволяя магии вырваться наружу.

Таррэн одобрительно кивнул и мысленно потянулся к точке назначения, стараясь максимально точно представить место, где не был более двух веков. Ему нужна была окраина Темного леса. А точнее, большая и светлая поляна, на которой легко поместится весь отряд. Он сосредоточился и на какое-то мгновение исчез из реальности, позволяя разуму устремиться вслед за нарисованной в уме картинкой. Элиар, вынужденный поддерживать защитный контур в одиночестве, скрипнул зубами и едва не упустил краешек, но Карраш зорко следил за этим — громадным скачком прыгнув в сторону, выровнял коварный рисунок. А затем и Ирташ помог — втянул в себя излишки магии, после чего довольно облизнулся и принялся терпеливо ждать нового всплеска.

К счастью, его умение больше не понадобилось: воронка телепорта вдруг выгнулась, пронзив пространство тонкой стрелой, поменяла цвет с зеленого на алый, а затем и на голубой, после чего растворилась в воздухе, оставив после себя четко очерченный в воздухе овал, в котором

нетерпеливо дрожали и переливались призрачные волны.

— Линнувиэль!

Хранитель без промедления юркнул в колыхающееся марево, краем глаза подметив, как по его следам шагнул человеческий воевода. На мгновение у эльфа знакомо заложило уши, в глазах заплясали разноцветные звездочки, голова закружилась, а потом так же неожиданно все прошло. Линнувиэль без всяких последствий ступил на мягкую траву и с нескрываемым облегчением выдохнул: идти первым — всегда рискованно, потому что нестабильные порталы имеют нехорошее свойство захлопываться в самый неподходящий момент. В том числе и тогда, когда невезучий первопроходец еще не успел добраться до места назначения. Но, слава владыке, обошлось: эльф без последствий выбрался на ту сторону. Поспешно огляделся, сверился с небесными светилами и с облегчением понял, что добрался куда нужно — всего в нескольких сотнях шагов восточнее начиналась граница Темного леса, а вездесущие патрульные уже наверняка заметили всплеск силы и со всех ног спешили сюда.

— В сторону, — сухо напомнил Шранк, отесняя хранителя, и Линнувиэль отошел, одновременно подхватывая едва видимую нить силы и стабилизируя портал. — Глаза закрой!

Эльф послушно зажмурился. Задействованные лордом силы были слишком велики, поэтому темный маг последовал мудрому совету и дальше использовал только магическое зрение.

Окно выхода стало ровнее, сменило цвет с алого на голубой, перестало рваться во все стороны непослушными всполохами. Теперь нужно было удержать его в таком виде до прихода остальных, потому что если точка выхода сорвется, их отнесет в такую даль, что потом вовек домой не вернешься...

Неожиданно возникшая вспышка больно ударила по глазам, заставив Линнувиэля поморщиться. Смотрел бы обычным взглядом — точно остался бы слепым. Эльф тут же напрягся, удерживая заметавшиеся в панике нити. Так, одна, две, три знакомые ауры... а затем почти сразу — еще две. Его спутники один за другим выбирались из открывшегося портала. Шранк что-то рыкнул, поторапливая полуослепших эльфов, и те стали отодвигаться левее. За ними, как договаривались, метнулись еще несколько смазанных теней: две крупные, почти сливающиеся между собой, но, судя по стону трещащих от напряжения магических нитей, невероятно тяжелые. Аур, разумеется, не видно — все твари Проклятого леса прекрасно обходились без них, поэтому перворожденные ощутили только прохладный ветерок на коже и слегка вздрогнули от шипения одного

из мимикров, когда тот задел бронированным боком неудачно вставшего Корвина. Эльф охнул от удара и покачнулся, но выскочившая следом за Каррашем Белка прямо на ходу подхватила эльтар-раса под локоть, свистящим шепотом напомнила про закрытые глаза и исчезла из виду.

Следом полыхнула еще одна мощная вспышка, но вскоре яркий огонь угас, и Линнувиэль перевел дух — все, самое трудное позади. Осталось только дожидаться магов, выровнять внешний контур, а потом можно сворачивать портал.

Наконец, окно выхода снова испуганно задрожало, пропуская Таррэна, и молодой хранитель пораженно ахнул, во всей красе увидев наконец его невероятную ауру. Мощная, поразительно широкая и абсолютная алая, хотя такого не могло быть.

— Святые небеса...

— Все, — устало выдохнул Элиар, вываливаясь следом за темным и спешно захлопывая за собой портал. — Можете открывать глаза и падать. Мы прошли.

Линнувиэль машинально бросил взгляд в ту сторону и издал еще один странный звук, потому что аура светлого была еще более необычной, чем у молодого лорда: в мягких зеленоватых всполохах, присущих любому эльфийскому магу, она имела необъяснимые рыжие пятна, становящиеся особенно заметными в области груди, живота и переносицы. Невероятно, но... как же они походили на ауру Таррэна! Хранитель даже вздрогнул от неожиданной догадки и перевел беспомощный взгляд на будущего повелителя.

Таррэн только кивнул, подтверждая, что в последние годы нашел способ поделиться со старым другом некоторыми умениями. Более того, сумел передать некоторую толику своих сил, которыми и объяснялась поразительная для светлого целителя мощь. Но это могло получиться только в одном случае: если стоящие рядом эльфы (светлый и темный) были не кем иным, как...

— Побратимы, — потрясенно прошептал хранитель.

Элиар, обернувшись, поймал его ошарашенный взгляд и накрыл себя надежной защитой, бесследно скрывшей его изменившуюся ауру. Прежде не мог, потому что работа с порталом требовала полной отдачи, и потому этот малолетний умник сумел увидеть то, что не следовало!

— Не беспокойся, — вполголоса сказал Таррэн. — Ему можно верить.

Светлый внимательно посмотрел на молодого мага, хмыкнул и наконец кивнул, а Линнувиэль запоздало сглотнул, осознав, что нечаянно узнал еще одну тайну своего лорда. И остался при этом в живых лишь по

той причине, что не так давно одна хитрая Гончая сказала, что ему, Линнувиэлю лерре Л'аэртэ, можно и нужно доверять.

— Надо же, — скупое заметил Элиар, когда хранитель уважительно ему поклонился. — А он не совсем безнадежен.

Таррэн лишь улыбнулся кончиками губ и негромко позвал:

— Малыш, вы где?

— Все хорошо, — отрапортовала Белка, бесплотным духом материализовавшись рядом со Шранком. — Карраш с Ирташем малость задержатся, освоятся, так сказать, с местностью... они в полном порядке.

— Отлично. Линнувиэль, ты отправил зов?

— Я подумал, ты сам захочешь это сделать.

— Нет, — покачал головой Таррэн. — Не хочу переполошить весь лес раньше времени. Отправляй, пока мы выбираемся к границе, а то не хотелось бы ждать до утра.

— Зачем ждать? — любопытствовал Шранк. — Сами дороги не найдем? Или ты за двести лет позабыл, что тут и как?

— Он не забыл, — ответила вместо эльфа Белка. — Просто вдоль границы стоит такая куча защитных заклятий, что мы полдня потратим, чтобы с ними разобраться. А патруль на то и есть, чтобы знать места, куда лучше не соваться. Чай, сами эту дурацкую сеть и ставили.

Воевода искренне удивился:

— Да неужто ты не найдешь, где пройти?

— Я-то найду. Но нас уже заметили, а светить свои возможности раньше времени глупо. Поэтому не скалься и сделай вид, что не в курсе событий. Кто знает, чем это все обернется? Верно, Линни?

Линнувиэль, только что отправивший вглубь Темного леса мысленный зов, удивленно обернулся.

— Значит, да, — удовлетворенно кивнула Гончая. — Отлично, тогда давайте быстрее, чтобы до завтрака добраться до чертогов. Посмотрим заодно, что там за лес теперь растет. И так ли он изменился за те годы, что я помню...

ГЛАВА 16

Темный лес встретил гостей тишиной. Невероятно пышный, ухоженный, он, казалось, пристально наблюдал за вторгшимися в его пределы чужаками тысячами невидимых глаз, слушал сотнями чутких ушей. И этим неуловимо походил на своего более опасного «собрата» — Проклятый лес, который умел не только находить тех, кто посмел нарушить его покой, но и быстро избавлялся от неудобных. Однако, в отличие от пределов, здесь пока не чувствовалось угрозы — просто легкое беспокойство, смешанное с удивлением, недоумением и едва заметным неудовольствием.

Белка, оглядевшись, покачала головой, в который раз за это затянувшееся путешествие подумав, что совсем отвыкла от обычного леса — ни тебе кордонов, ни злобной мелочи по кустам, ни непроходимых буреломов на дороге, из которых того и гляди кто-нибудь выскочит. Перед самым носом беззаботно порхают стрекозы, деловито гудят пролетающие по своим делам пчелы, никакой мошкары над ухом, вдалеке заинтересованно щебечут птицы. Крупное зверье куда-то попряталось, мелкое благоразумно сторонилось двуногих нарушителей. Вокруг было поразительно светло, хотя уже давно перевалило за полночь.

На патруль они наткнулись в тот самый момент, когда Гончая уже решила, что Линнувиэль схалтурил с зовом. На троих перворожденных, неожиданно перегородивших зверину тропку, взглянула скептически. Эльфы-пограничники, традиционно одетые во все зеленое, вооруженные луками и мечами, хищно прищурились, молча вопрошая чужаков о причине незапланированного визита, на что она презрительно фыркнула и бесцеремонно ткнула в ближайшего патрульного пальцем.

— Ну? И где вас носило, позвольте спросить? Полчаса топает по вашим владениям, а до сих пор ни один кролик еще не соизволил поинтересоваться нашим маршрутом. Безобразие!

Перворожденные на мгновение опешили, а Гончая обернулась к облегченно вздохнувшим спутникам.

— Линни, тебе не кажется, что ряды патруля пора почистить? Да за то время, пока они сюда топали, можно было добраться до самых чертогов и порубить всех в капусту!

Хранитель кашлянул и скинул капюшон, чтобы патрульные не вздумали пререкаться. Кто-кто, а он отлично знал, чем это может

закончиться, поэтому поспешил выступить вперед и прервать открывшего рот для ответа незнакомого эльфа.

— Зов был отправлен более получаса назад. Плюс личное послание для владыки Л'эртэ! В чем дело?

Перворожденные вздрогнули, подметив опасные огоньки в глазах раздраженного мага, и поспешно поклонились.

— Ллер Линнувиэль...

— Что вас задержало, ллеры? — как можно более сухим тоном осведомился тот, сверля изменившиеся лица собратьев пристальным взглядом.

— Прошу прощения, — склонился еще ниже начальник патруля. — Ллер Аллистан к вашим услугам. Еще раз прошу нас извинить, но в последние недели количество патрулей сократили вдвое, территория обхода значительно возросла, а качество телепортов не позволяет обследовать ее так быстро, как нам хотелось бы. Нас банальным образом задержало расстояние.

Белка странно переглянулась со Шранком.

— Сократили? Да еще в такое время?

— Почему? — нахмурился Таррэн, выходя из тени. — Кто отдал такой приказ? Как такое вообще могло произойти в преддверии Ухода?

— Нам это неиз... Лорд Торриэль! — дружно ахнули эльфы, но быстро опомнились и слаженно опустились на одно колено. — Приветствуем вас в Темном лесу. Владыка Л'эртэ давно ждет и повелел немедленно доставить вас и ваших спутников в чертоги, как только вы прибудете.

— Встаньте. Сколько у вас с собой телепортов?

— Три, мой лорд, — с почтением поклонился Аллистан, едва поднявшись на ноги. — Два до ближайшей свиллы^[6] и один в центр.

— Где открывается тот, что в центр? — хмуро уточнил Таррэн. — В чертогах?

— Почти, мой лорд.

— Сколько сможет пропустить?

— За раз — двоих, но он рассчитан на три таких перехода. Правда, заряд остался только один, — смущенно добавил эльф.

— Паршиво, — хладнокровно подвел итог Шранк. — Разделяться нет смысла, а соваться туда в одиночку — сущее безумие. Эй, остроухий, сколько нам топать на своих двоих до чертогов?

Аллистан нервно дернул щекой.

— Сутки.

— Это от вашей заимки или отсюда?

— От свиллы, — еще неохотнее признался эльф. — Но туда мы сможем пройти всего за минуту — мощности микропортов хватит, чтобы пропустить за раз даже десяток воинов. Правда, без коней.

Шранк задумчиво пожевал губами, что-то прикидывая про себя.

— Значит, они не рассчитаны на слишком большой вес? Плохо: с нами светлый...

Элиар зашипел:

— Ты на какой там еще вес намекаешь, а? Давно на тумбах не встречались!

— Может, тогда туда тоже лучше пешком? — так же задумчиво продолжил воевода, мудро отодвинувшись от раздраженного эльфа. — Сколько это займет времени?

— Часа три нашим темпом, — напряженно ответила вместо патрульного Белка. — Эл, угомонись — не до шуток... Таррэн, может, отправим Мирену домой сейчас, а сами «прыгнем» до свиллы? Заряд до чертогов все равно один, тащить ее с собой по буеракам неэтично, из нас никто туда не пойдет в одиночку, да и принципиально это ничего не изменит. До рассвета время есть, а от свиллы у нас будут целые сутки в запасе — успеем наверстать. Если же пойдем с нашей скоростью, и вовсе за полдня обернемся. Как считаешь?

— Думаешь, имеет смысл? — с сомнением обернулся Таррэн.

— Так мы выиграем хотя бы три часа. Карраша и Ирташа в любом случае оставляем здесь: через порталы им идти не стоит, да и остроухий сказал, что их телепорты не потянут двойной вес. К тому же рискованно разделять стаю посреди незнакомого леса. Напрячься мне, конечно, придется немного раньше, чем мы планировали, зато они точно не потеряются.

— Но нам же тогда придется... ты что, хочешь взять на себя их всех?! — вдруг обеспокоился Таррэн, но посмотрел в бесстрастные глаза Гончей и окончательно встревожился. — Малыш, это неразумно! Если на то пошло, Карраша я возьму сам.

— Даже не думай! На этот раз у тебя будет другая задача, а с ними я справлюсь. Не впервой.

— Это рискованно, — тихо сказал Таррэн, настойчиво заглядывая в ее посуровевшее лицо.

— Да не волнуйся, — неожиданно улыбнулась Белка. — Проблем не будет, а Каррашик поддержит меня в любой момент. Мы справимся, поверь. Ты же обещал ему больше доверять.

Эльф тяжело вздохнул.

— Но если что-то пойдет не так...

Карраш, не дослушав, благодарно потеря мордой о плечо хозяина, всем видом выражая признательность. Он был готов сражаться в стае, готов защищать Гончую до последнего вдоха, готов подчиняться и беспрекословно выполнять все, что потребуется. Он больше не сорвется, во всем ее поддержит, собой закроет от любой опасности, потому что обожает до беспамьяства. А еще — верит им обоим так, как не верил никому и никогда. Он не подведет.

— Иди уж, — обреченно отмахнулся Таррэн, принявшись расседлывать Ирташа. — А ты присмотришь, чтобы глупостей не наделал! Хорошо, что хоть ты у нас в мать пошел, а то еще одного сумасбродного нахала мои нервы просто не выдержали бы.

Мимикры синхронно мурлыкнули и отряхнулись, сбрасывая на землю надоевшую сбрую. После чего вихрем обежали столпившихся эльфов, осторожно фыркнули в лицо Мирене, будто попрощались. Мощно толкнули Шранка в спину, чуть не опрокинув его носом в траву. Дружно оскалились, когда воевода погрозил им кулаком, зыркнули на ошарашенных патрульных и вихрем умчались, намеренно громко топая тяжелыми копытами.

— Ладно, готовьтесь, — вздохнула Белка, сбрасывая дорожный мешок под ближайший куст. — Мирена, прости, что не буду провожать, мы с тобой еще увидимся. Так что постарайся не забыть, о чем я тебе говорил.

— А ты куда? — неожиданно испугалась эльфийка.

— Да зверей своих угомону, чтобы всю живность вам не распугали. Они, когда голодные, жуть чего натворить могут. Так что посижу немного с ними. Присмотрю, чтобы не баловались. Да и вообще — отдохну малость, а то устал с дороги, как собака. Переодеться, опять же, надо... Честное слово, скоро грязью зарасту. Иди-иди, не беспокойся. Остроухие вон уже портал тебе готовят. Счастливого пути!

Леди Мирена подошла и, пряча повлажневшие глаза, вдруг порывисто обняла удивленную Гончую.

— Спасибо тебе. — Эльфийка неловко отстранилась и, неожиданно застеснявшись, отвернулась.

Белка озадаченно потеряла затылок, но задерживаться не стала. Помахав на прощанье подруге, улыбнулась одними глазами Таррэну, обменялась с напарником многозначительным взглядом, после чего скользнула в темноту и тоже исчезла среди кустов.

Патрульные оказались на высоте: открыли портал так быстро, что даже Линнувиэль одобрительно кивнул и признал, что идея отправить узвимую эльфийку в чертоги оказалась удачной. Хоть Мирена и не

белоручка, но бежать сломя голову по Темному лесу — совсем не к лицу наследнице старшего дома. Пусть она отдохнет, расслабится перед аудиенцией у владыки. Пусть немного позабудет про трудности пути, а там, может, и перестанет сердиться на дурака-хранителя, вместо обнадеживающего «до свидания» в последний момент холодно процедившего «прощай». Она поймет. Может, не сразу, но поймет, почему сегодня он отвернулся. Почему ушел, наконец, в то время, как должен был быть рядом. Сейчас она обижена и расстроена, наверняка проклинает Линнувиэля и злится на то, что поверила. Но потом это пройдет. Она найдет себе достойную пару; выйдет замуж и будет счастлива, потому что это гораздо лучше, чем провести несколько коротких лет рядом со смертельно опасным огнем, который в один не очень прекрасный день все-таки вырвется на волю и в один миг разменяет ее жизнь на жизнь кого-нибудь другого. Слишком близок род Линнувиэля к правящему дому, слишком схоже проявление огня...

— Готово, — поклонился Таррэн Аллистан и кивнул в сторону небольшой, не шире полутора шагов воронки телепорта. — До свиллы недалеко, всего пара десятков шагов южнее от точки выхода.

Молодой лорд рассеянно кивнул, одновременно к чему-то прислушиваясь.

— Мой господин?

— Я понял, — отозвался наконец Таррэн, все еще витая мыслями где-то далеко. — Линнувиэль, иди с остальными вперед, а я догоню. Шранк постережет на выходе.

Хранитель слегка нахмурился.

— А Белик?

— Я здесь, — тихо отозвалась из-за деревьев Гончая и неуловимо быстрым движением скользнула к порталу. Наглухо застегнутая на все пуговицы, с обязательным «талисманом» на спине, но без посторонних вещей, вроде дорожного мешка или плаща. Полы ее короткой куртки недвусмысленно топорщились, намекая на спрятанные под ней метательные ножи. Штаны она тоже сменила на гораздо более прочные и плотные, а тонкие пальцы благоразумно спрятала под кожаными перчатками.

Таррэн внутренним взором осторожно коснулся уз и с тяжелым вздохом прикрыл веки: она все-таки сделала, как решила.

— Все хорошо, — кивнула Гончая, мимолетно обдав его бешено горячей зеленью глаз. — Идем, мне нужно время, чтобы нащупать равновесие.

Он протянул руку, одновременно заслоняя свою изменившуюся пару от любопытных взглядов, и медленно, очень осторожно повел Белку к раскрытому portalу. Она тоже двигалась плавно, старательно сдерживаясь и пряча потяжелевший взгляд. Несла себя, будто хрустальную вазу, которая могла рассыпаться от неосторожного движения. Но Линнувиэль все равно округлил глаза, потому что ее поразительная пластика не могла не завораживать, а странно заострившиеся черты лица вкупе с хищным прищуром заставили его нехотая вспомнить о костяных кошках. Да-да, именно о хмерах, на которых Белка вдруг стала неуловимо, но так пугающе похожа.

Она в полном молчании приблизилась к нервно сглотнувшему Аллистану и скользнула в портал, успев напоследок окинуть его плотоядным взглядом, отчего эльф заметно вздрогнул и вытер со лба внезапно выступивший пот.

— К Белику ближайшие полчаса не приставать. Ни под каким предлогом не подходить ближе чем на пару шагов. Не дразнить, не шутить и не лезть с вопросами, пока он сам не заговорит, — сухо проинформировал перворожденных Шранк, едва остроухий лорд прошел через портал, трепетно оберегая свою пару от ненужного внимания. — Если что нужно, спросите у меня или у Таррэна.

— Что это с ним? — беспокойно оглянулся Маликон. — Мне показалось или Белик стал двигаться по-другому?

Аззар отвел глаза, словно не услышав, а воевода нехорошо усмехнулся.

— Ты же не думал, что малыш бродит по Проклятому лесу в том виде, в котором изводил вас всю дорогу? Или сохраняет порядок в стае благодаря шуткам и легкому нраву? Ну вот, считайте, вы только что познакомились с его второй ипостасью. И мой вам совет: не вздумайте его раздражать. В таком состоянии Бел сперва оторвет чью-нибудь голову, а потом, может быть, извинится за резкость. Крикун не зря кличет его хмерой: когда малыш в силе, с ним не рискуют связываться даже наши кошки. Так что сделайте вид, что все в порядке. Глядишь, и дойдете домой целыми.

Страж окинул ошарашенных эльфов насмешливым взглядом и безмятежно добавил:

— Кстати, он голоден. И орехами, если что, на этот раз отделаться не удастся.

— Я мясо захватил вяленое, — брякнул, не подумав, Аззар.

— И я, — поддакнул Атталис. — А у Саргаса должен остаться вчерашний окорок.

— Не пойдет, — чересчур серьезно отозвался Шранк. — Хмеры любят свежее мясо, лучше всего — с кровью. А еще больше любят на завтрак эльфов. Особенно магов. Линнувиэль, ты идешь или нет?

— Иду, иду, — неприязненно буркнул хранитель, запоздало сообразив, что над ними снова издеваются. — Но когда все это закончится, так и знай — я намереваюсь отыграться и все-таки набить твою наглую морду. Особенно за ту «мудрость», от которой мои благодетельствованные ребра до сих пор побаливают при каждом вздохе.

— Ловлю на слове. Но если снова продуешь, с тебя хороший нож.

— Согласен.

— Тогда чего встал? Шагай, пока Белик не надумал поторопить.

Линнувиэль фыркнул, но тянуть больше не стал — подхватил свои вещи и растворился в воронке телепорта, искренне надеясь на благоразумие Белки. Потому что если она вдруг сорвется, одной-единственной проблемой его несчастный народ никак не обойдется — зная о том, кем была на самом деле изменчивая Гончая, он вполне мог представить, что она способна натворить в толпе растерявшихся перворожденных.

Выйдя в такую же безлунную ночь, что царила у границы Темного леса, хранитель облегченно вздохнул: Таррэн уже ждал его, успев отвести свою необычную пару в сторону свиллы. Он снова был спокоен, собран и готов ко всему. На вопросительный взгляд собрата незаметно кивнул, показывая, что с Белкой все в полном порядке, а потом занялся быстро прибывающими эльфами, следом за которыми прошел бдительный Шранк и сам Аллистан, захлопнувший за собой воронку.

Воевода, оглядев попутчиков, удовлетворенно кивнул: все на месте, все молчат и выразительно посматривают на них двоих, терпеливо дожидаясь дальнейших указаний. Молодцы, вняли предупреждению. Теперь проблем быть не должно, но присмотреть все равно нужно. Вдруг Белка еще не нашла устойчивого равновесия? Обычно ей немного времени требовалось: минут пятнадцать или двадцать, но это если дело шло только о Траш. А Карраш... Зря она рискует — мимикр не такой податливый, как ее кровная сестра. Наверняка еще раз попробует взбрыкнуть. Да и не напрасно Белка велела ему нагонять отряд своим ходом: пока бежит, глядишь — и успокоится малость, привыкнет. Говорят, Траш поначалу тоже долго входила в узы, по несколько часов не могла адаптироваться. А Карраш...

Шранк тихонько вздохнул.

— Что, так тяжело? — поинтересовалась Гончая, подкравшись к нему

на расстояние локтя.

— Бел! — подпрыгнул от неожиданности воевода и, стремительно обернувшись, глухо ругнулся: прямо в глаза ему смотрела откровенно веселящаяся хмера. — Да ты с ума сошла? Хоть бы пошумела для приличия! Нельзя же так подкрадываться к старым, нервным и склонным к беспокойству людям! Ты ж не на охоте!

— Не получается — привычка. А ты чего такой дерганый?

— Ничего, — буркнул Страж, укоризненно покачав головой и отпустив наконец рукоять меча. — Тьфу! Это ж надо! Я мог тебя задеть!

— Не мог, — спокойно возразила она, внимательно наблюдая за спутниками из-под полуопущенных ресниц. — Да не трусь, все нормально: Каррашик оказался умницей. Никаких эксцессов не будет, можешь расслабиться.

— Да?

— Угу. Когда выходим?

— Сейчас, — отозвался Таррэн. — Мы только тебя и ждали.

— А чего меня ждать? — несказанно удивилась Белка. — Шли бы себе и шли — я бы нагнал через полчаса, только и всего.

— С тобой все хорошо? — с нескрываемым подозрением уточнил Линнувиэль, пытаясь поймать ее взгляд, но Гончая только кивнула, благоразумно изучая траву под ногами. — Ну... тогда ладно. Аллистан, вы когда в последний раз защитную сеть над лесом меняли?

— Три дня назад.

— А кто ставил?

— Ллер Иттираэль лично.

— Тогда веди сам — я новых карт не знаю, а обойти его защиту мне не по силам.

Патрульный почтительно поклонился, вынужденно откладывая загадку Белика на потом, и первым двинулся прочь, придерживаясь юго-восточного направления.

Дорог в Темном лесу никогда не было: перворожденным они без надобности, а чужакам нечего знать, как попасть к чертогам. Искусно наложенное заклятие сети-путаницы морочило незваным гостям головы, насылало иллюзии, пугало и отвлекало от едва заметных звериных тропок. Оно традиционно обновлялось кем-то из хранителей раз в месяц, с легкостью перекрывая даже самые далекие уголки обширных владений темных и надежно ограждая их от любопытных взглядов. Бывало, конечно, что особо одаренные все-таки прорывались, но, как правило, не дальше первого патруля. После чего получали заслуженного пинка и со свистом

вылетали обратно. Или же не вылетали, если успевали по дороге наломать дров или хоть чем-то оскорбить лесной народ.

— Ну уж нет, ушастые, — остановил патрульных голос Белки. — Такими темпами мы три дня плестись будем. Элиар, тебе когда велено явиться в чертоги?

— Не позднее завтрашнего полудня.

— Во-о-от. А что это значит?

Шранк обреченно переглянулся со светлым и тяжело вздохнул, уже понимая, чем дело кончится.

— Так что это значит, я спрашиваю? — совсем ласково поинтересовалась Гончая, выразительно оглаживая сухой кулачок.

— Что нам снова придется бежать, — покорно кивнул воевода.

— Пр-равильно понимаешь, друг мой. Линни, спорим, ты меня не обгонишь?

— Нет уж, — покачал головой хранитель. — Даже спорить не буду. Что-то мне подсказывает, что за тобой сейчас и Карраш с трудом угонится.

— Ишь ты, какой умный, — удивилась она. — А каким дураком поначалу прикидывался...

— Я не прикидывался.

— Выходит, по пути так здорово поумнел?

Незнакомые с Беликом патрульные с растущим напряжением слушали этот непонятный разговор. Но голос мага оставался все таким же спокойным и ровным, а глаза — удивительно чистыми, потому что Линнувиэль, как ни странно, не злился.

Аллистан рискнул даже задержаться и незаметно посмотреть, пытаясь понять, что такого есть в человеческом мальчишке, который всего за полчаса сумел его сперва разозлить, а потом так же резко испугал. Мимолетно, конечно, но все же было в нем что-то не так. Эльф окинул хрупкую фигурку Гончей внимательным взглядом, подметил, что за ней почти неотрывно следит молодой лорд, и тогда сообразил, что причина поведения ллера Линнувиэля наверняка была именно в этом. В наследнике Изииара, который по непонятным соображениям велел не трогать этого дерзкого выскочку.

— Чего пялишься? — неприветливо рыкнула Белка, безошибочно почувствовав на себе чужой взгляд, и зашипела, подражая кровной сестре: — Вперед и с песней! Ж-живо!

Патрульный вздрогнул и поспешил перейти на бег, всем нутром ощущая, что странный пацан — нечто такое, с чем лучше не связываться. А его голос... К'саш! Аллистан никогда бы не подумал, что горло смертного

способно издавать такие звуки! Будто зверь какой! И смотрит-то не в глаза, а куда-то ниже... Торк! Да на горло же смотрит! А сам чуть ли не урчит от предвкушения, вот-вот вцепится!

Эльф неприязненно передернул плечами, а Белка, хихикнув, демонстративно облизнулась, после чего с видимым сожалением отвернулась и преувеличенно громко вздохнула. Но потом поймала укоризненный взгляд Таррэна и, нагнав Шранка, вполголоса спросила:

— Вот скажи, друг мой, а зачем нам два проводника? Вполне хватило бы и одного. Гляди какой — сочный, упитанный, вку-усный, а я опять голоден. Вчера без обеда, сегодня без ужина. Толковой охоты здесь тоже не жди, потому что вокруг одни ушастые кролики, а зверья — шиш с маслом. Как думаешь, можно мне будет потом кого-нибудь съесть?

Шранк жизнерадостно оскалился.

— Конечно! Выбирай кого хочешь! Мне для тебя ничего не жалко!

— Вот спасибо, — неподдельно обрадовалась она. — Так мило, что ты заботаешься о сохранении своего тела в целости! Только, боюсь, Таррэн будет против.

— Ничего, я берусь его уговорить. В конце концов, лучше пожертвовать одним остроухим, чем потом кто-нибудь другой поутру недосчитается руки или ноги.

— Это пр-рава, — проникновенно заурчала Гончая, выразительно поглядывая на заметно оживившихся новичков.

Аллистан поспешил обогнать собрата, стараясь оказаться от кровожадного мальчишки как можно дальше, потому что, неосторожно оглянувшись, вдруг поймал хищный взгляд бешено сверкающих глаз и внутренне содрогнулся. Торково копыто! Да он же ненормальный! Или, чего хуже, оборотень! Вон как уставился! Того и гляди прыгнет на спину! Да и молодой лорд что-то забеспокоился, будто всерьез опасается... Иррадэ! Кого же он привел из Проклятого леса?

— Шранк, какой, по-твоему, лучше: левый или правый? Они оба такие славные, что я прямо не знаю, кого выбрать.

— Левого бери, — громким шепотом посоветовал Линнувиэль. — Левого. Он поупитаннее будет.

— А я бы взял правого, — столь же громогласно заметил Аззар.

— Фу, — поморщилась Белка. — Он слишком жилистый — кожа да кости. Чего там есть-то? Так, на один укус. Линни дело говорит — возьми-ка я себе второго. Эй! Как там тебя?!

— Аллистан, — услужливо подсказал Атталис, тихонько кашлянув в кулак.

— Ага, точно. Эй, Аллистан! Слушай, у меня к тебе есть весьма серьезное дело. Не уделишь минутку? Да нет, не сейчас, а когда до места доберемся? Я недолго, честное слово!

«Конечно, недолго, — в панике подумал улепетывающий эльф. — Только загрызешь где-нибудь под кустом, а молодому лорду никто и слова поперек не скажет! Нет уж! Торка с два я остановлюсь раньше чертогов!»

— Аллистан, ты куда так рванул? — обиженно протянула Белка, видя, что «добыча» прибавила ходу.

— Дорогу... покажу... — прерывисто отозвался эльф. — Заранее, чтобы... путь расчистить...

— Ну вот, а как же обед?

— Я тебе косулю найду. Одной хватит?

— Косулю? — подозрительно серьезно задумалась она. — Немножко не то, но ладно. Только ты ее в сторонке оставь, хорошо? Я не люблю есть у всех на виду. И не нужно свежевать — мне и так сгодится.

— Сделаю! — обрадовался Аллистан и, тряхнув причудливо заплетенной косой, пропал в необозримой дали.

Белка проводила его долгим взглядом и удовлетворенно кивнула: готов, молодчик. Больше не посмеет фыркать и обливать незнакомых девушек презрением. Пусть-ка побегает немного дружок да подумает над своим поведением — физические нагрузки еще никому вреда не приносили.

Она кашлянула, поймав еще более укоризненный взгляд благоверного, но потом подметила, как напрягся второй патрульный, брошенный командиром на съедение чужакам. Переглянулась со Шранком и, расплывшись в приветливой улыбке людоеда, нагнала нервно косящегося по сторонам эльфа, который уже успел растерять весь свой лоск, надменность и высокомерие.

«Мм... кажется, дорога не будет скучной?» — промурлыкала она про себя, предвкушая славную забаву.

«Только не доводи его до самоубийства, — обреченно вздохнул Таррэн, понимая, что изменить ничего не в силах. — Мне бы не хотелось оправдываться перед советом и объяснять причину, по которой сразу двое патрульных вдруг решили наложить на себя руки».

«Не волнуйся, любимый. Я просто немного развлекусь», — хихикнула она, а вслух преувеличенно ласковым голосом промурлыкала, перемежая слова с довольным урчанием:

— Пр-ривет. Хор-рошая сегодня луна, не пр-равда ли? Такая далекая, почти не видная за облаками, но я так хорошо чувствую ее зов... и погода

чудная. Безветренная. Как р-раз для позднего ужина. А не желаете ли поближе взглянуть вон на те заросли, уважаемый ллер? Я покажу, честно, за одну маленькую уступку моей второй ипостаси...

Эльф, подскочив от неожиданности, ошарашенно повернулся, но наткнулся на милую улыбку. Покрылся холодным липким потом, чувствуя, как от гипнотизирующего взгляда человеческого детеныша стремительно холодеет сердце. После чего немедленно поверил во все свои догадки, даже в самые жуткие, и в совершеннейшей панике шарахнулся прочь.

ГЛАВА 17

До места назначения они добрались быстро, весело и без особых проблем. Правда, Аззар и Атталис за время пути приобрели замечательный багровый цвет лица, зато зеленые глаза их горели отчаянным весельем. Их более старшие товарищи отделались постоянным кашлем, который то и дело прорывался наружу. Линнувиэль, оказавшись возле долгожданных чертогов, просто нашел темный уголок и обессиленно сполз по ближайшему дереву. А вот бедный патрульный...

Всего за несколько часов Белка довела его до истерики. Нет, ничего дурного — его никто и пальцем не тронул. Но она всю дорогу так выразительно заглядывалась на его шею, проникновенно мурлыкала, урчала и всячески выражала восхищение его физической формой, позволяющей мчаться полдня по пересеченной местности и при этом нисколько не уставать. Поблагодарила за отсутствие лишних остановок, позволивших ей «стойко бороться» с искушением и быстро растущим голодом. Неоднократно извинилась за то, что посчитала его слишком жилистым и невкусным, клятвенно пообещав изменить свое мнение после первой же трапезы. Затем красноречиво облизнулась, громко щелкнула слегка удлинившимися зубами и так жадно обнюхала предполагаемую «жертву», что Линнувиэль едва не упал прямо на тропинке, потому что сил сдерживаться у него уже не осталось.

Хорошо, что Таррэн вовремя вмешался, подозрительно серьезно попросив не трогать несчастного парня и не кусать его за всякие места. А Шранк при этом с душераздирающим вздохом выудил из кармана кусочек вяленого мяса, на который Гончая набросилась со всей жадностью изголодавшейся хищницы, чем окончательно уверила струхнувшего проводника, что он может и не дожить до рассвета. Только после этого Белка перестала изводить его бесконечными вопросами о гастрономических свойствах эльфов, но неотрывно держалась бок о бок, неумоимо нарезая круги вокруг несчастного паренька и придиричливо следя, чтобы взъерошенный, растрепанный и изрядно перепуганный эльф не отдалялся от нее дальше чем на три шага. Вроде как стерегла добычу. Вот и вышло, что по инициативе патрульного они неслись по темноте с невероятной скоростью, а когда добрались наконец до места, больше не смогли сделать ни шагу — упали, где стояли, и затряслись от беззвучного смеха. Бедный, бедный ушастик...

Белка — бодрая и свежая, как всегда, покровительственно похлопала проводника по плечу и удовлетворенно кивнула.

— Молодец, довел. Хвалю. И за это даже отпущу тебя восвояси целым. Тем более что твой друг, кажется, позаботился о моем завтраке — я отсюда чую запах свежей крови. Линни, глянь-ка, что он там принес?

Хранитель, содрогаясь от еле сдерживаемого хохота, заглянул за ближайший куст, где увидел неподвижные туши молодых косуль, в которых торчало аж по две стрелы (с перепугу выпустил, наверное?), и сдавленно простонал:

— Как заказывали: косули. Причем три. Боюсь, Аллистан слегка переоценил твой аппетит.

— Как это мило с его стороны, — состроила патрульному глазки Белка. — Ладно, иди, жертва несостоявшегося насилия. И скажи своему командиру, что я не люблю остроухих. Ни в каком виде: ни вареными, ни жареными, ни тем более сырыми. Пусть спит спокойно.

Эльф, явно не веря, что этот кошмар закончился, вздрогнул от мощного похлопывания по плечу, торопливо закивал и, поняв только то, что спасен, поспешить испариться, напроць позабыв сообщить дворцовой страже о гостях. Впрочем, забыл он и о том, что должен самолично проводить долгожданных посетителей внутрь.

— Испугался, — констатировала Гончая, печально опустив плечи. — А я ведь совсем не страшный. Милый и такой красивый... Правда, Линни?

Небольшая площадь перед чертогами владыки содрогнулась от долго сдерживаемого хохота. На этот раз веселились все, даже Сартас не сдержался. Линнувиэль смеялся в обнимку с каким-то деревом, Аззару пришлось уцепиться за Атталиса, чтобы не упасть. Корвин традиционно не отстал от Маликона, а Шранк понимающе скалил зубы поодаль. Еще бы! Мало кто способен остаться равнодушным в присутствии его вожака. Белка хоть и предпочитала больше наводить ужас, все же иногда давала себе волю. Похоже, близость с Каррашем здорово усилила ее природную вредность, иначе она не стала бы сегодня так измываться над остроухими.

Таррэн, наблюдая за всеобщим весельем, укоризненно покачал головой. Торк с ними, не маленькие, в самом-то деле. Погочут и успокоятся. В конце концов, от смеха еще никто не умирал. Он милосердно позволил спутникам отсмеяться, сам оставаясь совершенно спокойным, и только поэтому первым заметил бесшумно образовавшийся в стене чертогов проем, откуда выглянули сразу две удивленные физиономии.

— Что здесь происходит?!

Собственно, было чему удивляться: когда посреди ночи перед дворцом

повелителя возникают из ниоткуда сразу несколько темных эльфов в компании смертных и одного светлого, надо думать, что причина этому безобразию должна быть весомой.

Эльтаров первой и второй тысячи ошарашенные стражи признали сразу — Аззар и Атталис в последнее время являлись частыми гостями в чертогах. Их командиров тоже успели разглядеть, благо Корвин и Маликон более трех веков были близкими друзьями и редко когда появлялись на людях один без другого или без своих воспитанников. Сартаса опознали с некоторым опозданием, потому что он стоял в тени и почти не привлекал к себе внимания. Таррэн заранее надвинул на лицо капюшон, из-под которого торчала лишь длинная челка. Гончих же караульные просто отметили, поскольку близость к высокородным ллерам делала смертных в глазах большинства эльфов одушевленным, но не очень ценным имуществом, с чьим присутствием придется смириться. Собственно, лишь по этой причине при виде Гончей и ее напарника дворцовая охрана не стала поднимать шум. Однако что их поразило, так это то, что вся странная компания смеялась над какой-то шуткой, да еще так громко! Это было неправильно.

Белка при виде новых действующих лиц демонстративно шаркнула ножкой.

— Мы... это... В гости пришли, в общем. Вот эти типы, которые еще ржут как кони, ну, и я с ними, конечно. Только я ни в чем не виноват! Это они сами! Честное слово! Линнувиэль, скажи, что не вру!

— Ллер Линнувиэль?! — ошарашенно повернулись к хранителю стражи и поспешно поклонились. — Наше уважение.

Молодой маг вздохнул, принимая серьезный вид, и согласно наклонил голову.

— Доложите владыке Тирриниэлю, что я вернулся.

— Сию минуту, ллер. Наше почтение, ллер Сартас, ллер Маликон, ллер Корвин...

— Заметь, о нас с тобой ни словечка, — громким шепотом сообщила Гончая Шранку. — А Элиара вовсе не замечают. Снобы... как есть снобы! Эл, покажи-ка свой свиток, чтобы до них дошло, что не стоит так уж нагло игнорировать старшего хранителя трона — это может плохо кончиться.

Элиар молча распахнул полы плаща, показывая отличительный знак, и стражи немедленно выдавили из себя вежливые улыбки. Конечно, никто ему в пояс не кланялся, но нарываться на неприятности стражи не стали, а вместо этого скрипнули зубами и извинились.

— То-то же, — удовлетворенно кивнула Белка. — Вот влупил бы ты по

ним «Зеленым листом»,^[7] вмиг бы научились вежливому обхождению. Видно, тут вся порода такая — пока по башке не настучишь, уважать не станут. Зато как дашь в репу, сразу все такие правильные становятся...

— Тебе дай волю, тут половина леса осталась бы без хозяев, — с ленцой отозвался Шранк.

— Не такой уж я и кровожадный.

— Знаю я, что ты за зверь: только дай палец — откусишь всю руку.

— Фу, — сморщилась Белка. — Не люблю человечину.

— А эльфятину?

— Фу два раза.

Шранк выразительно покосился на Таррэна, но тот уже внимательно изучал вечно зеленый дворец, непонимающе хмурясь и напряженно о чем-то размышляя. Кажется, ему что-то не нравилось в отцовских чертогах. Чем-то тревожным веяло изнутри, что заставляло его второе сердце беспокойно стучать, предвещая беду.

Стражи вопросительно взглянули в его сторону.

— Он со мной, — быстро пояснил Линнувиэль, цель отъезда которого была известна только узкому кругу посвященных. — Смертные — тоже. Нам нужно как можно быстрее встретиться с владыкой.

— Как скажете, ллер, — покорно кивнули эльфы и вопросов больше не задавали.

В чертоги их провели немедленно — едва стражи успели передать куда-то дальше важную весть, как двери тут же распахнулись, очередной разодетый эльф в зеленом камзоле с вежливым поклоном препроводил гостей в одну из уютных комнатушек. Со всем почтением устроил, клятвенно заверил, что повелитель уже извещен. После чего снова расшаркался, предложил гостям отдохнуть с дороги, распорядился принести освежающие напитки и ужин, а затем бесследно испарился, успев напоследок сообщить, что владыка Л'аэртэ пока очень занят, но будет готов принять их всего через полчаса.

Белка, проводив остроухого внимательным взором, мигом перестала изображать из себя непоседливого пацана и хищной бестией метнулась к закрытым дверям. Навострив уши, она к чему-то прислушалась, затем бесшумно обежала комнатушку по периметру, время от времени припадая на четвереньки, но даже пальцем не коснувшись живых стен. А заметив, что Аззар беспечно протянул руку к какому-то фрукту, сухо бросила:

— Не рискуй.

— Почему? — непонимающе моргнул эльтар.

— Мне не нравится, как здесь пахнет.

— Магия? — незаметно подобрался Шранк.

— Она.

— Белик, ты что? — обезоруживающе улыбнулся Линнувиэль. — Это же чертоги — здесь все до самого неба пропитано магией. Даже трава, цветы и земля под ногами.

— Это-то мне и не нравится. Так, снаружи у дверей осталось двое караульных, трое прошли в соседнюю комнату, но в непосредственной близости лишних ушей нет. Таррэн, как у тебя?

— Хранителей пока не чую, — немедленно отозвался эльф. — Линнувиэль, а ты?

— Что случилось? — нахмурился маг. — Владыка Тирриниэль не для того вас звал аж из самых пределов, чтобы устраивать ловушки. Ему нужен наследник, а не труп единственного сына.

— Кто знает, Линни, — медленно отозвалась Гончая, неустанно кружа по комнате, — кто знает...

Она внимательно оглядела зеленые стены, увитые цветущим плющом, поворошила ногой траву, что устилала полы в чертогах вместо ковров. Не слишком любезно покосилась на охапки растущих по углам цветов. А уж низкий столик на изящных ножках, уставленный свежими фруктами и эльфийскими винами, едва не опрокинула. Тихо тут было. Совсем непохоже на бурлящий от нескончаемой суеты дворец, в котором просто не могло быть настолько спокойно. Скорее это походило на затишье перед бурей, и стойкое чувство надвигающейся угрозы Гончей совсем не понравилось.

— Ты нам не доверяешь? — тихо спросил Линнувиэль в наступившей тишине.

— Тебе доверяю. Немного. Но кроме тебя здесь присутствует повелитель, с которым мы в прошлый раз весьма невежливо расстались, шестеро хранителей, их прихвостни и куча дворцовых прихлебателей, которые нам явно будут не рады. И потом, тебя в чертогах не было почти два месяца, а за это время даже у эльфов может многое измениться. Особенно когда на повестке дня стоит такой заманчивый куш, как власть в Темном лесу.

— Но, кроме Таррэна, трон никто не сможет удержать.

— Изитар тоже полагал, что его никто не остановит, — сухо возразила Белка, непрерывно шаря глазами по комнатке и круг за кругом обходя уютное, роскошно убранное помещение, пытаясь понять, что здесь не так. — Это позволило ему безнаказанно перебить треть своего собственного народа и столкнуть расы в череду кровавых войн. Правда, как

потом выяснилось, создавая свой амулет, он кое-чего не учел и только поэтому бесславно помер. Но мне бы не хотелось повторить его участь по причине собственной невнимательности. Особенно когда вокруг — целая прорва недружелюбно настроенных нелюдей, и часть из них — весьма неслабые маги с хорошей памятью, которых Таррэн однажды уже поставил на место. А вторая (большая) часть — искусные воины, много столетий натаскиваемые исключительно на убийство. Например, личная сотня вашего владыки, с которой мне не хотелось бы встречаться без подготовки. Конечно, вероятность обмана невелика, но на то я и Гончая, чтобы учитывать все варианты. Поэтому помолчи, остроухий, и не болтай понапрасну — я слушаю.

Линнувиэль помрачнел, но послушно умолк, понимая, что переубедить упрямую Гончую не сможет. Он уже понял: если она что-то задумала, непременно выполнит. Тем более доля правды в ее словах есть: Темный трон — слишком лакомая добыча, чтобы совет отдал ее так просто. Однако, во-первых, Таррэн далеко превосходил по силе не только любого мага, но и владыку. А во-вторых, на данный момент он был единственным, кто мог оградить Темный лес от междоусобиц. И совет старейшин не мог этого не понимать. Таррэн был нужен им как воздух. Ради того, чтобы их раса жила, старейшины смирятся, преклонят колени и с облегчением примут любого, кто сумеет совладать с проклятием Изияра. Абсолютно любого, потому что у них не будет другого пути.

Линнувиэль со вздохом присел на кушетку рядом с напряженно размышляющим о чем-то Элиаром. Рассеянно взглянул на белоснежные цветы у своих ног и тоже задумался. Остальные тихо вздохнули. Между тем Белка, остановившись в центре комнаты бок о бок с Таррэном и снова кинув цепкий взгляд на цветы возле одной из стен, озадаченно поджала губы.

— Может, и так, — наконец обронила она. — Но фрукты все равно не ешьте. Мне не нравится, как они пахнут.

— Хорошо, не будем.

— А еще лучше давай переберемся поближе к тронному залу, чтобы знать наконец, что нас ждет. Линнувиэль, ты двери открыть сможешь?

— Смогу, — снова покорно кивнул маг.

— Куда именно?

— Куда захочешь.

— И даже в священную рощу? — насмешливо хмыкнула она.

— Да. Как скажешь.

— Вот как? — вдруг подозрительно сузила глаза Гончая, изучая

необъяснимо спокойное лицо эльфа. — А тебе не кажется, что ты стал слишком покладистым?

— Кажется, — с готовностью отозвался Линнувиэль, посмотрев на нее абсолютно чистыми глазами. Причем чистыми настолько, что она еще больше нахмурилась и поманила его пальцем.

— Та-а-ак... ну-ка, иди сюда. Хорошо, ближе, еще ближе... открой рот... закрой... подними руки... теперь отдай мне мечи и встань на колени, — а когда эльф без единого возражения исполнил приказ, нехорошо улыбнулась. — Аззар, повтори!

Молодой эльтар без возражений опустил на колени и униженно склонил голову, протягивая ей свои родовые клинки.

— Как интересно... Маликон? Молодец, послушный эльф. Корвин, Сартас, Шранк...

— Торка лысого тебе, — мрачно показал ей кукиш воевода, и Белка облегченно вздохнула.

— Так, ты в норме. Хорошо. Таррэн?

— В порядке, — немного напряженно отозвался эльф, кусая губы от вида стоящих на коленях собратьев, на лицах которых застыло одинаково блаженное выражение, а в глазах поселилась пугающая пустота. — Но, если честно, испытываю сильное желание подчиниться.

— А я-то голову ломаю... не зря мне тут не понравилось: кажется, у здешних цветочков есть свойство смирать буйные умы. Да, думаю, что дело в цветочках, — больше просто нечему. А пойдете-ка отсюда побыстрее, пока они не запахли чем похуже. Линни, вставай и открывай двери к тронному залу. Маликон, Корвин — за ним. Аззар, Атталис — держите периметр и никого близко не подпускаете. Сартас идет последним. Элиар, ты живой?

— Живой, — послушно кивнул светлый, и Белка снова скривилась.

— Иди ко мне и не отходи дальше чем на три шага. Дышать неглубоко и как можно реже, пока я не разрешу. По сторонам смотреть в оба, руки от мечей не отнимать и любое препятствие рассматривать как превентивную попытку нападения. Линнувиэль, давай!

Хранитель послушно надрезал кожу на левом запястье и брызнул кровью на ближайшую стену. Затем что-то невнятно пробубнил, и стена, зашуршав листвою, неохотно подалась в стороны, открывая перед магом длинный, но абсолютно пустой коридор. Белка поспешно туда втиснулась, взглядом велев напарнику присматривать за одурманенными эльфами, а потом стремительной тенью пронеслась по живому лабиринту, безошибочно отыскивая дорогу в запутанном переплетении коридоров.

Ловко избежала встречи с несколькими попавшимися на пути остроухими, отыскала укромное помещение. Так же незаметно вернулась и провела свой слегка пошатывающийся отряд в безопасное место, где не было чарующего запаха и не росли никакие цветочки.

— Ох, — поморщился Линнувиэль, когда в лицо ему брызнула вода. — Белик, ты чего?!

— Умойся! — хмуро велела Белка, поливая остальных.

Первороджденные помотали головами, стряхивая непонятное наваждение, и ошарашенно воззрились друг на друга.

— Что это было? — нахмурился Маликон. — Я все помню, но... не могу сообразить, что на меня нашло.

— Цветочки, — раздраженно рыкнула Гончая. — Не зря они мне знакомыми показались — у нас в пределах так обычно песчаники развлекаются. Пустят пыль в глаза, голову задурят, а потом спокойненько пируют — от их яда жертва не только теряет способность сопротивляться, но еще и укладывается сама в нужную позу, чтобы этим гадам было удобнее. Мы-то со Шранком привычные, а вот вам досталось по полной программе. Линни, ты все еще считаешь, что в чертогах нам рады?

Хранитель поджал губы, но возразить было нечего.

— Откуда тут взялись песчаники? — мрачно поинтересовался Корвин, отирая лицо.

— Ниоткуда. Зато некоторые яды имеют схожие свойства. Запах-то мне и не понравился. Чую, что что-то знакомое, но он был так слаб, что я едва не ошибся. Интересно, у кого хватило наглости велеть, чтобы нас отвели именно в эту комнату? А, Линни? У тебя есть предположения? Давай, не молчи — я хочу услышать это от тебя.

Первороджденные быстро переглянулись.

— Ли-и-инни... не заставляй меня повторять. Ты же знаешь — я этого не люблю. Может, вернуть тебя обратно и заставить подышать еще?

— Нет. Все приказы внутри чертогов отдаются владыкой Л'аэртэ, — неохотно ответил эльф, и Белка жутковато улыбнулась, выразительно проведя рукой по своему «талисману». — А в его отсутствие — тем, кому он передал полномочия.

— Хор-рошо, что ты это понимаешь. Молчи. Мне не нужны оправдания.

— Но я...

— Уже заткнулся, — промурлыкала Гончая, рассматривая его из-под опущенных ресниц. А потом неуловимо быстро придвинулась к Таррэну, возле которого напряженно замер поразительно быстро пришедший в себя

Элиар. — Нас позвали сюда для до-олгого разговора, и разговор этот, я вас уверяю, обязательно состоится. Так или иначе, но я получу ответы на свои вопросы. А если кто не согласен, то может выражать свое мнение на ближайшем кладбище... Здесь слишком много непонятного. Слишком много странностей. Мне не нравится такой прием. Но еще больше не нравится, что творится в округе. Поэтому, Линни, мы пойдем туда сами и спросим об этом первоисточник. Так, как умеем и считаем нужным.

— Ты обещал мне! — прошептал хранитель, со смешанным чувством следя за Белкой, что вдруг стала до боли похожа на хмеру — такая же грациозная, смертельно опасная, обманчиво мягкая и умеющая напугать до дрожи.

— Да, мы обещали, — мурлыкнула она. — Слово не будет нарушено. Но я очень хочу знать, для чего нас заманили сюда. Зачем вынудили покинуть Серые пределы, в которых мы были надежно защищены. Что нужно Темному лесу, в котором нас только что пытались превратить в послушных болванчиков. И для чего твоему владыке понадобилось собрать в одном месте всех уцелевших Л'аэртэ, в том числе из побочной ветви.

Линнувиэль ощутило вздрогнул, с полуслова поняв все остальное. Судорожно сжал кулаки, чтобы не выдать бурлящие внутри эмоции. Он прерывисто вздохнул, напрягся, когда Гончая скользнула ему за спину, но потом опустил сведенные плечи и, взглянув на окаменевшие лица сородичей, твердо сказал:

— Я тоже хочу это знать. И сделаю все, чтобы выяснить правду.

— А вы уверены, что действительно этого хотите?

Корвин без промедления кивнул.

— Маликон?

— Мне не нравится, что кто-то желает сделать из нас дураков.

— Послушных дураков, — проворчал Аззар, неприязненно передернув плечами. — Я бы многое отдал за то, чтобы выяснить, какая сволочь использовала пыльцу. Может, владыка и решил от нас избавиться, но я хочу хотя бы узнать почему.

— Не считай нас тупыми исполнителями, Белик, — насупился Линнувиэль. — Да, ты прав: нас отправили в пределы ради Таррэна. Нам было велено сделать все, чтобы его вернуть. Нам запретили вступать в конфликты со Стражами и другими смертными. От нас потребовали клятву на крови, что все будет исполнено в точности. И мы исполнили. Но теперь мы вдруг застали чертоги совсем не такими, какими оставляли когда-то. Что-то изменилось в воздухе, Белик. Мы тоже это чувствуем, потому что никогда прежде владыка не действовал так грубо — для этого он слишком

мудр. Конечно, может, все и изменилось. Может, в преддверии Ухода он стал другим, но мы хотим знать правду.

— А если она окажется слишком неприглядной? — вкрадчиво шепнула Белка над самым ухом молодого хранителя. — Что, если она тебе не понравится? Сможешь ли ты отстраниться от прошлого? Сумеешь ли принять настоящее? Предугадать будущее? Сумеешь ли поступить вопреки прежним принципам? Отказаться от сомнений? От рода и даже дома, если это потребуется ради такой правды? Что, если тебе придется выбирать, Линнувиэль?

Темный эльф медленно опустил веки, стараясь отстраниться от ее нежного запаха. Быть стойким, сильным и ничем не показать, насколько трудно стоять рядом с ней вот так — чувствуя ее всем телом, но не смея даже прикоснуться.

— Готов.

— Тогда скажи мне, хранитель, что для тебя важнее? Долг, честь, кровные узы? Что, если тебя заставят выбирать между жизнью и смертью? Если на одной чаше весов окажутся жизни тех, кто тебе дорог, а на другой — жизни всех остальных? За любой выбор потребуется плата...

Он снова вздрогнул, но с каждым словом все больше чувствовал, как вязнет и пропадает, просто растворяется в какой-то бездне, действительно теряя себя, но и обретая взамен что-то новое. Что-то такое, чего никогда прежде не знал.

— Боюсь, тебе все равно придется кого-то предать, — прошептала Белка. — Нас, Корвина, Маликона, владыку... быть может, себя самого? Или друзей? Родных? Свой народ? Выбор неизбежен, Линни. Так же неизбежен, как восходы и закаты, рождение и увядание, как жизнь и смерть. Что же ты выберешь? На чью сторону склонишься? Кого предпочтешь, если нам сегодня придется восстать против твоего повелителя? Ты все еще хочешь узнать правду?

— Не знаю, — наконец хрипло прошептал Линнувиэль.

— Вот видишь, — неожиданно мягко укорила его Гончая, милосердно отстраняясь. — Ты все еще полон сомнений, эльф. Твои чувства противоречивы. Ты растерян и сбит с толку, а значит, слаб и не способен к настоящему бою. Ты до сих пор не видишь истинного врага и, судя по всему, вряд ли отыщешь его сегодня. Не ходи в тронный зал, Линнувиэль. Сегодня не твой день. И не твой бой. Потому что, к сожалению, ты так и не сумел понять самого главного.

— Чего именно?

Она странно улыбнулась.

— Есть вещи, без которых даже твоя долгая жизнь станет абсолютно бессмысленной.

— Я не отступлю.

— Хорошо, — неожиданно согласилась Белка. — Но помни, друг мой: сегодня ты можешь потерять гораздо больше, чем когда-либо думал. И я не о твоей жизни говорю. Устроит тебя такая цена?

Линнувиэль невесело улыбнулся и вместо ответа открыл еще одну дверь.

ГЛАВА 18

В тронный зал они вошли тесно сплоченной группой. Сосредоточенные, собранные, готовые ко всему, вплоть до внезапной атаки. Шли ровно, подчеркнуто в стороне от дворцовой стражи, на которую наткнулись буквально на выходе из последнего коридора. Настороженно посматривали по сторонам, чутко ловя каждый шорох, и внимательно отслеживали каждое движение сородичей, которых возле тронного зала столпилось неоправданно много. Под безмолвный ропот они миновали приглашающе распахнутые двери, встали в центре зала и выжидательно застыли, будто оказались не в родных чертогах, а на вражеской территории.

Весть о прибытии Линнувиэля молниеносно облетела Темный лес еще несколько часов назад, когда в его пределах появилась высокородная леди Мирена в сопровождении одного из патрульных. Эта новость произвела настоящую бурю среди тех, кто хоть немного представлял себе истинное положение дел, заставила старейшин отложить дела, а хранителей — поспешить на поиски повелителя.

Владыка Л'эртэ повелел докладывать ему в любое время дня и ночи, если Линнувиэль пришлет весточку, и об этом тоже хорошо знали. Поэтому сегодня тронный зал был полон как никогда. А едва в проеме показались долгожданные гости, на них уставилось такое количество пристальных взглядов, что под их тяжестью впору было пошатнуться. И сквозила в них такая гремучая смесь любопытства, нетерпения и раздражения (а как же! Столько волнений в такую рань!), что Таррэн не сдержал усмешки: надо же, сколько нынче внимания их персонам! Такого ажиотажа он не помнил, даже когда во всеуслышание заявил об отречении. Видать, сильно темных припекло, раз даже совет старейшин заявился сюда в полном составе. Вон как тарашатся — все десять глав высших эльфийских домов, включая отца Мирены и ближайших родственников Корвина, Маликона и их эльтаров.

Но кто из них все еще верен трону? Вот в чем вопрос.

При виде смертных, спокойно осматривающихся в тронном зале, многие эльфы поджали губы. Однако присутствия Линнувиэля оказалось достаточно, чтобы даже самые недовольные оставили свое мнение при себе. Приходилось терпеть до разъяснения ситуации, напряженно гадать, почему вместо лорда Торриэля здесь оказались двое обычных смертных. Впрочем, Белку чужие переживания волновали мало — мазнув по ушастым рассеянным взглядом и мгновенно углядев пустующий трон, она словно

ушла в себя, на какое-то время отключившись от внешних раздражителей. Владыка еще не соизволил прийти, хранители тоже не появились, а значит, все остальное не имело значения. Так что она преспокойно уселась прямо на траву, проигнорировала возмущенный ропот и, прикрыв глаза, глубоко задумалась. А Шранк привычно заслонил ее собой и этим неуловимо напомнил большого взъерошенного пса, готового в любой миг сцепиться с огрызающейся стаей гиен.

— Что-то народу сегодня многовато, — скупно заметил Маликон, делая вид, что не замечает недвусмысленных знаков отца, требующего подойти и доложить о результатах немедленно. — Кажется, сюда только ленивые не пришли.

— М-да, — хмыкнул Корвин. — Мы с тобой нынче в большой цене.

— А когда это нас не ценили?

— Ну, судя по тому, что за лордом Таррэном отправили именно нас... знаешь, я даже начал сомневаться, что раньше был по-настоящему замечен. Результат ведь мог быть гораздо плачевнее, а мы могли не вернуться. Верно, Шранк?

— Безусловно, — спокойно кивнул воевода, возвышаясь над Белкой непоколебимой скалой. — Я бы на месте Таррэна вовсе вас на заставу не пустил. Вам невероятно повезло, что наш Белик так любопытен, а этот остроухий...

— Сейчас обрежет чей-то длинный язык! — свистящим шепотом пообещал Таррэн. — И это будет гораздо милосерднее того, что с тобой сделает твой вожак, если ваша болтовня собьет его с мысли!

— Извини.

— Да заткнитесь вы наконец! — не открывая глаз, рыкнула Белка.

И, кажется, сделала это слишком громко, потому что в тронном зале наступила гробовая тишина. Такая внезапная и звенящая, что Гончая невольно отвлеклась от размышлений и непонимающе завертела головой. Правда, ничего необычного не увидела: окруженная со всех сторон отвернувшимися эльфами, Гончая смогла рассмотреть только девять пар запыленных сапог и таких же грязных плащей, за которыми пропадало все остальное. Иными словами, спутники просто заслонили ее собой. Более того, их голоса немедленно смолкли, а черные головы одновременно повернулись куда-то в сторону.

Снаружи прошуршали чьи-то шаги.

— Высокородный ллер Линнувиэль лерре Л'аэртэ! — взлетел под самые своды чей-то звонкий голос. — Младший хранитель знаний, полномочный представитель леса в Серых пределах просит личной

аудиенции!

Линнувиэль сделал шаг вперед и, почтительно склонив голову, опустился на одно колено.

— Высокородный ллер Сартас, первый локквил^[8] дома Таррис, командир первой сотни, официальный посол в Интарисе, первое доверенное лицо и личный помощник владыки просит слова! Высокородный ллер Корвин, первый локквил дома Аларон, эльтар-рас первой тысячи, первый советник трона просит соизволения присутствовать! Высокородный ллер Маликон, первый локквил дома Урриал, эльтар-тар второй тысячи, второй советник трона также просит соизволения присутствовать! Высокоуважаемый ллер Атталис, пятый локквил дома Хаттарин, второй эльтар первой тысячи и высокоуважаемый ллер Аззар, третий локквил дома Ис гарре, второй эльтар второй тысячи, испрашивают разрешения остаться возле темного трона!..

Белка изумленно моргнула, когда ее спутники начали по очереди склоняться в почтительном поклоне, тем самым открывая ее для десятков любопытных взоров, словно на людной площади в полдень. Более того, в переполненном зале все до единого гостя очутились на коленях. Кроме Таррэна, Элиара и Шранка, разумеется, которые молниеносно притянули к себе яростные взгляды.

— Высокородный ллер Элиар сарт Эллираэнн, старший хранитель трона, первый советник и личный посланник светлого владыки! — продолжал надрываться глашатай.

— К'саш! — негромко прошипела Гончая, запоздало сообразив, что трон больше не пустует, а народу заметно прибавилось. — Как же не вовремя! Всего-то минутка осталась... Иррадэ!

Радостно вещающий глашатай, к счастью, был слишком увлечен расписыванием заслуг Элиара, а потому ее ворчания не услышал. Как не услышали этого владыка Л'аэртэ и шестеро хранителей в традиционных белых нарядах. Все они, как один, тяжело смотрели на чужаков, отказавшихся преклонить колени перед повелителем эльфов. Глупо... очень глупо раздражать перворожденных в их доме. Однако длилось это молчаливое противостояние недолго, потому что укутанный в плащ Таррэн привлек их внимание гораздо больше, поскольку не просто смел стоять в присутствии владыки эльфов, но еще и демонстрировал потертые ножны с мечами, которые чужаки вообще не имели права вносить в тронный зал.

— Вышеперечисленные ллеры смиряются перед величием и силой владыки и униженно просят их выслушать! — наконец закончил длинную, никак не соответствующую действительности речь глашатай и незаметно

перевел дух.

— Мой лорд, — взволнованно начал Линнувиэль, но повелитель эльфов коротким знаком заставил его осечься, а потом обратил величественный взгляд на незнакомые лица.

В отличие от хранителей владыка Л'аэртэ не выглядел сердитым, раздраженным или оскорбленным. Напротив, бесцеремонности гостей он словно не заметил. Коленопреклоненных эльфов пересчитал по головам, дабы убедиться, что посольство цело и невредимо. Шранку, что возвышался над ними подобно вековой скале, даже кивнул, показывая, что узнал и вспомнил. Светлого внимательно изучил и знаком показал, что признателен за своевременный отклик. Затем с едва уловимым нетерпением оглядел склоненные головы эльфов, мазнул рассеянным взглядом по смутно знакомой каштановой макушке, хмыкнув про себя от мысли, что в таком положении, сидя на полу и скрестив ноги, его еще не приветствовали. Тем более люди! А потом в упор взглянул на закутанную в плащ фигуру и радостно вздрогнул: она была высока для смертного и чересчур широкоплеча для перворожденного. Знакомая до боли... точно такая же, как у того, кто появился в этом дворце полтора месяца назад и вызвал среди эльфов настоящий переполох.

И вот сейчас он снова стоит напротив. Снова упрямо не желает покоряться правилам. Молчит, выжидательно смотрит, уступая право первого вопроса старшему в роду, и совсем не выглядит встревоженным.

В раскосых глазах владыки промелькнула надежда, а исхудавшие пальцы стиснули подлокотники с такой силой, что оставили на неподатливом дереве глубокие отметины. Эльф даже вперед подался, чтобы убедиться окончательно, и совсем не старался скрыть, насколько его взволновала неожиданная догадка.

— Торриэль? — хрипло спросил он в звенящей тишине, с бьющимся сердцем всматриваясь в непроглядную тень под капюшоном.

Таррэн спокойно откинул капюшон.

— Здравствуй, отец. Кажется, ты забыл, что я больше не ношу это имя?

По залу пробежал взволнованный шепоток, свидетельствующий о том, что перворожденные тоже его узнали. А владыка жадно уставился на возмужавшего, обретшего удивительную силу сына. Смотрел на него, улыбался, чувствуя, как потеплело в груди, и словно не верил своим глазам.

Торриэль... Все такой же могучий. Закаленный в трудностях. Выкованный ими, будто его знаменитые клинки. По-прежнему молодой, гибкий и одновременно негнибаемый. Вот только глаза его все еще были

холодны как лед, неприветливы, суровы и полны скрытого вопроса: мол, что тебе нужно?

Лицо Тирриниэля осветилось неподдельной радостью.

— Сын мой... наконец-то...

Таррэн подавил тяжелый вздох: отец выглядел гораздо хуже, чем он предполагал. Уход подобрался слишком близко — владыка едва держался, хоть и старался не показывать, насколько ослаб. Его некогда мощная аура потускнела, будто ее высасывали вместе с жизнью. Абсолютно седые волосы красивыми волнами лежали на похудевших плечах. На все еще изящных руках проступили синеватые нитки вен, черты лица заострились, кожа истончилась и высохла. Темная бездна! Куда исчезли его привычная властность, надменность, высокомерие? Сейчас в его глазах даже «Огня жизни» не было! Только бесконечная усталость, как от невидимой, но очень нелегкой ноши, и обреченное смирение. Однако вместе с тем были в его глазах и облегчение, искренняя радость от встречи, а еще — непонятная надежда, от которой молодому лорду стало не по себе.

— Сын мой... ты все-таки пришел!

— Ты звал, — чуть пожал плечами Таррэн, стараясь не показать, до какой степени его поразило плачевное состояние отца. — Я не мог не прийти.

От хозяина Серых пределов не укрылся беспокойный взгляд, брошенный Аттарисом на лицо повелителя. Он успел заметить, как дернулся в сторону владыки Иттираэль, явно не желая, чтобы новые потрясения ускорили неизбежный процесс. Он даже увидел, как осветились лица совета старейшин и, особенно, главы дома Маллентэ, осознавшего в этот миг, что надежда действительно есть. А потом подметил выглядывающую из толпы Мирену и перевел дух: живая, невредимая, находится под надежной защитой. Что бы сегодня ни случилось, ллер Виллартэ не даст свое сокровище в обиду — дочь у него единственная, и он не может себе позволить ее потерять.

В тронном зале вновь воцарилась тишина. Подданные владыки поднялись с колен, с нескрываемым изумлением рассматривая отреченного, осмелившегося вернуться в чертоги. Хранители старательно скрывали удивление. Иттираэль незаметно покусывал губы, настороженно поглядывая на Стражей и всем существом чуя, что этот молчаливый тип со скрещенными на груди руками не просто так сюда явился вместе с лордом. Иттираэль поймал оценивающий взгляд Стража и неприязненно передернул плечами: помнил этого убийцу еще по Аккмалу и понимал, что с ним придется вести себя осторожно.

Тем временем владыка Л'аэртэ все еще собирался с мыслями, не зная, с чего начать тягостный разговор. Таррэн терпеливо ждал. Элиар, выпрямившись во весь рост рядом с побратимом, поглядывал по сторонам, словно отовсюду ожидал подвоха. А замершие в центре зала «послы» не рискнули даже головы поднять, потому что находиться перед глазами повелителя по давней, освященной веками традиции, дошедшей еще со времен Изииара, следовало только так — не смея смотреть владыке в глаза.

В оглушительной тишине Белка вдруг гибким движением поднялась.

— Знаешь, Линни, — задумчиво бросила она в пустоту, — я, конечно, понимаю, что ты привык к этой неприличной позе: этикет, порядки и все такое. Но, ей-богу, если ты сейчас же не прекратишь, я тебя ударю. Ногой. Кстати, Маликончик, ты следующий, а за тобой получают все остальные, потому что ваши зады — вовсе не то зрелище, на которое мне хотелось бы любоваться ранним утром. Считаю до трех. Кто не встал, я не виноват.

— Бел... — укоризненно покосился Линнувиэль.

— Три! — бодро заявила она и под десятками остановившихся взглядов красноречиво занесла ногу.

— Не надо! — Хранитель живо развернулся, принимая вертикальное положение и совершенно не сомневаясь, что у нее хватит наглости опозорить его перед всем лесом.

Гончая удовлетворенно кивнула.

— Молодец. Правильно понимаешь: владыка со своим огнем от тебя далеко, а я тучки, под боком. И мне глубоко плевать на ваши порядки.

— Перестань, — поморщился Сартас, со вздохом разгибаясь и виновато косясь на повелителя. — Простите за дерзость, мой лорд, но это маленькое чудовище умеет делать гадости, а я бы очень не хотел, чтобы он по привычке исполнил задуманное прямо на ваших глазах...

— Да, я... хорошо понимаю тебя, — снова отчаянно закашлялся Тирриниэль. — Мое уважение Гончим и их жожаку. Рад видеть прославленных воинов в своем лесу и прощаю вам эту дерзость. Линнувиэль, развернись, пожалуйста.

Хранитель вспыхнул до корней волос и поспешно повернулся к грозному владыке лицом. Белка на это только усмехнулась и, бесцеремонно растолкав послов, выбралась вперед. После чего расставила ноги пошире, уперла кулачки в бока и, состроив скептическую гримаску, небрежно кивнула.

— Ну, здравствуй, остроухий. Давно не виделись. Я гляжу, у тебя опять неприятности?

Шестеро хранителей едва не отступили от трона, попав под удар ее

хищно прищуренных глаз. Двадцать лет назад, когда завершилась история с амулетом Изиара, все они присутствовали на совете в Аккмале и прекрасно помнили, что там умудрилась натворить эта парочка Гончих. А теперь увидели ходячий кошмар снова и внутренне содрогнулись: Шранка было сложно забыть, а стоящего рядом с ним вожака — и подавно.

Тирриниэль неожиданно поднялся с трона.

— Здравствуй и ты.

— Хм, — удивилась Белка, когда он, презрев все законы и правила, вдруг коротко поклонился. — Не забыл меня, эльф? Что ж, хвалю.

— Добро пожаловать, — мягко улыбнулся владыка, медленно подходя и с нескрываемым удовольствием изучая ее лицо. — Тебя трудно не узнать, маленькая Гончая, и я искренне рад, что увидел тебя снова. Более того, глубоко признателен за то, что ты все еще бережешь моего сына. И поражен тем, что ты совсем не изменилась за прошедшие двадцать лет... Кстати, мне показалось или раньше у тебя глаза были другого цвета?

— Может, и были, — без тени улыбки кивнула Белка. — Зачем звал?

— По делу.

— То, что ты паршиво выглядишь, имеет к этому отношение?

— Разумеется. Торр... прости, Таррэн... наверное, мне следовало найти тебя раньше. Но я, признаться, до последнего сомневался, что ты откликнешься на зов.

— Может, и не откликнулся бы, если бы не стая, — хмуро просветил его сын, слегка удивившись покладистости всегда упрямого, черствого и гордого сверх меры отца.

Он даже на совете не позволял себе так разговаривать! А тут, при знатных эльфах, в присутствии хранителей, светлого, Гончих... неужели все настолько плохо?! Неужели он сдался?

Таррэн осторожно посмотрел внутренним взором и прикусил губу. Да, кажется, дела обстояли не просто плохо, а очень плохо: собственных резервов у него почти не осталось. Амулет-накопитель в венце заряжен до упора, аура чистая, без дыр, но такая слабая, что становилось понятно — держалась на последнем издыхании. Еще немного, и она начнет расплзаться. Хватит даже слабого толчка, малейшего потрясения, чтобы она окончательно и в считанные часы угасла.

— Проклятье... насколько далеко все зашло? Сколько у тебя осталось времени?

— Немного, — спокойно сообщил Тирриниэль. — Неделя. Может быть, две, но не больше. И то при условии, что я не коснусь «Огня жизни». Иттираэль подтвердит.

— Сам вижу, без него. Что ты успел сделать?

— За двадцать-то лет? Конечно, все, что мог. От простого закаливания до прямой подпитки.

— Сколько лет?! — невольно вздрогнул Таррэн, и владыка неловко отвел глаза.

— Гораздо больше, чем я надеялся прожить, но меньше, чем мне бы хотелось.

— И ты только сейчас об этом говоришь?!

— В прошлый раз мы не слишком хорошо расстались, чтобы я мог рассчитывать на твою помощь, — неслышно уронил Тирриниэль, и молодой лорд снова вздрогнул, расслышав в его сильном голосе печаль и неподдельное сожаление. — Я был слишком резок. Совершил немало ошибок: и двести лет назад, и гораздо раньше, когда обрек тебя на... Наверное, я был слишком... владыкой? Прости. Я не услышал тебя в роще, когда ты уходил, и не понял позже, когда ты все-таки решил вернуться. Не думал, что ты способен стать чем-то большим, чем просто младший наследник. Прости, сын. Моя вина в том, что так случилось. На мне лежат те жизни. Уход — это моя кара за совершенное преступление, и я не стану перекладывать ее на твои плечи. Это только мой долг и моя ноша, которой ты не заслужил.

Таррэн нехорошо сузил вспыхнувшие алыми огнями глаза.

— И поэтому решил, что лучше тянуть до последнего? До того времени, когда изменить ничего нельзя?!

— Уход и тогда нельзя было отменить, — совсем тихо отозвался владыка. — Я всего лишь не хотел тебя тревожить.

— Иными словами, ты посчитал, что лучше умереть, чем попросить о помощи!

— Нет, — тронула благоверного за рукав Белка. — Он по глупости своей посчитал, что со всем может справиться сам.

— И как? Справился?

— Таррэн...

Молодой лорд сжал зубы и неохотно погасил окутавшийся алым пламенем кулак. А потом покосился на тревожные лица сородичей, заметно обеспокоившихся хранителей, поймал умоляющий взгляд Линнувиэля и окончательно пришел в себя.

В конце концов, в чем-то отец прав — Уход действительно не остановишь, как не остановишь поступь Ледяной богини, услышавшей чью-то песнь. Рано или поздно она все равно придет, и удержать ее не сможет ни один расчудесный маг. Тирриниэль всего лишь не желал пугать

никого раньше времени. Не хотел жалости. Не искал помощи. И только сейчас, когда в запасе не осталось ни одного лишнего дня, все-таки решился на разговор.

— Торково копыто! — выдохнул Таррэн, отчетливо понимая, что на короткое «прости» отец наверняка собирал по крупицам все мужество, которое у него еще осталось.

Даже для того, что уже было сказано, он потратил весь свой запас воли и красноречия. Признал, что не прав, искренне сожалеет и просит прощения. Он просто не умел по-другому, не мог пересилить собственное упрямство раньше, но...

«К'саш! — негодовал Таррэн. — Почему мы начинаем учиться только на пороге смерти? Почему отодвигаем в сторону обиды, гордость и спесь лишь тогда, когда в спину уже дышит холод свежевырытой могилы? Почему для нас только смерть оказывается тем неоспоримым аргументом, который вынуждает пересматривать старые принципы? Почему ее улыбка делает намного больше, чем вся красота и многообразие жизни? Почему мы даже собственных детей пытаемся понять лишь в последние дни и часы, когда только и осталось, что сожалеть, потому что по-настоящему мы ничего уже изменить не в силах?»

«Потому что всем нам нужно прощение, — молча ответил сыну Тирриниэль. — Да, это немного для тех, у кого нет иного выбора, но невероятно важно для меня, потому что другого *туда* не унести, с собой не забрать. Это так просто... и так тяжело — просить прощения, мой мальчик. А мы слишком редко находим в себе силы, чтобы успеть это сделать при жизни. Жаль, что я решился так поздно».

— Прости, сын мой. Я звал тебя, чтобы сказать в первую очередь именно это. Прости мою ошибку и, если сможешь, пойми.

Таррэн удивленно вздрогнул, но в глазах отца, против ожидания, не увидел ни лжи, ни двойного смысла, никаких оговорок. Там были совершенно иные чувства — и горечь поражения, и понимание совершенного промаха. Море сомнений, раздирающих его душу на части. Грызущая боль. Тяжкий груз вины. А еще — искреннее желание все исправить и страстная надежда, что для этого еще есть время.

Таррэн поджал губы.

— Надо же... и когда, интересно, ты стал таким мудрым?

— Недавно, — слабо улыбнулся владыка. — Какую-то пару недель назад, хотя, казалось бы, должен был поумнеть гораздо раньше. Мне и сейчас нелегко, но я не променял бы эту правду ни на что в жизни.

Таррэн только головой покачал.

— Боюсь, это невозможно.

— Значит, я опоздал, — горько прошептал повелитель, с болью принимая такой ответ. — А жаль...

— Жаль, — эхом повторил молодой лорд и отвел взгляд.

Они неловко замолчали.

— Эй, хватит кукситься. Тирриниэль, забудь о прошлом — не до него сейчас. Мы все-таки по делу пришли, а не на вечер встреч. Скажи лучше, что ты сумел сделать? — деловито вмешалась Гончая, требовательно глядя на обоих. — Ты же не сидел сложа руки все эти двадцать лет? Что у вас получилось?

— Ничего, — кротко сообщил владыка. — Поначалу сила уходила медленно. Если честно, я даже не сразу понял, в чем дело, но, когда вдруг потускнел и оплавился мой перстень, Иттираэль забеспокоился. Мы вместе просмотрели ауру. Обратились к ясеню, трижды все проверили, потому что слишком мне еще рано для настоящего Ухода, но после пары недель сомнений не осталось. Сами знаете, Уход не приносит боли. Только слабость и плавное угасание. Первые годы мне даже помощь не требовалась — недостаток силы едва ощущался. Потом понадобились накопители. Дальше — больше. В последние месяцы я живу исключительно за счет других. Собственно, именно поэтому я и отправил зов. Сын мой...

Таррэн прикусил губу, прекрасно понимая, о чем его будут просить.

— Мы это уже обсуждали. Это не мое. Прости. У меня уже есть дом и семья, которую я не брошу. Да и яшень меня не примет. Я отреченный, отец, и этого ничто не изменит: ни время, ни твое желание, ни все усилия совета. Даже Уход. Единственное же, что я могу, — это попробовать продлить тебе жизнь за счет собственных резервов.

Белка хмыкнула.

— А потом свалиться на пару недель холодным трупом, который даже я не смогу сразу поставить на ноги. Тирриниэль, что с роцей?

— Вянет, — немедленно ответил эльф. — Пока только с краев, однако процесс уже запущен. Иттираэль регулярно обходит холмы, но без толку — с каждым днем опавших листьев становится все больше. Деревья умирают. Им нужен новый хозяин.

— Я не могу занять твое место, — повторил Таррэн, рассеянно поглядывая на напряженных хранителей.

— Я знаю. — Тирриниэль слабо улыбнулся и пояснил: — Твое сердце больше не принадлежит нашему лесу. Твоя сила не зависит от ясеня, тогда как источник всегда должен быть под рукой. А твой источник теперь в

Серых пределах, поэтому я хорошо тебя понимаю. И, если честно, не хочу, чтобы ты тратил силы на продление моей агонии.

— Тогда чего же ты от меня ждешь?

Владыка Л'аэртэ мягко улыбнулся.

— Обещай, что выполнишь одну мою просьбу. Она не доставит тебе хлопот и вряд ли будет неприятной. Это не потребует отказа от твоих принципов, от стаи или от пары. Всего лишь просьба, которую ты можешь исполнить дома. Огромное одолжение, о котором мне больше некого попросить...

— Отец, о чем ты говоришь? — нахмурился Таррэн.

— Тартис, пусть войдут.

Молодой эльф, с замиранием сердца ожидавший команды повелителя, молниеносно подлетел к дверям и на мгновение пропал за Зеленой завесой. Какое-то время отсутствовал, но очень быстро вернулся. Правда, уже не один, а с двумя новыми лицами, при виде которых у Таррэна окаменело лицо. Шранк издал странный звук и машинально потянулся к мечу, Линнувиэль неверяще ахнул, а Белка подобралась, как перед мощным прыжком, и как-то разом заледенела.

— Тир, Милле... — Владыка Тирриниэль протянул руку к замершим на пороге детям. — Познакомьтесь, это Торриэль илле Л'аэртэ. Мой младший сын и отныне — ваш единственный родственник. Теперь он станет о вас заботиться вместо меня. Если, конечно, согласится...

ГЛАВА 19

Тронный зал словно вымер. Взволнованный ропот по углам испуганно притих, живые стены настороженно застыли. Высокородные леры подались в стороны, освобождая место для новоприбывших. Кто-то мысленно содрогнулся, предчувствуя беду, потому что сразу двое претендентов на трон в роду Л'эртэ никогда прежде не сталкивались друг с другом. Сгустившийся воздух едва не звенел от напряжения, и казалось — еще немного, и его начнут распарывать грозные разряды. И эпицентром этой бури стали две странные пары, замершие друг напротив друга в диком напряжении.

Таррэн прищурился, пристально изучая лицо молодого эльфа, что походил на него как две капли воды: у юноши оказались несомненные черты владыка Изиара. То же безумно красивое лицо, та же гармоничная линия рта, тот же упрямый подбородок и высокие скулы Л'эртэ. А в глубине его глаз отчетливо тлел знаменитый «Огонь жизни» — слишком ранний для столь молодого эльфа, но невероятно сильный. Настолько, что этот мальчик и впрямь был достоин уважения.

Впрочем, Тир пока ничего не требовал. Просто оторопело таращился на замершего перед тронном Таррэна и оказался так ошеломлен этой встречей, что был не в состоянии сказать ни единого слова. Мелисса, случайно выглянув из-за его плеча и наткнувшись на совершенно лютый взгляд Белки, тоже замерла. Инстинктивно вцепилась в плечо эльфа, до боли прикусила губу и испуганно юркнула обратно.

— Мамочка... — сдавленно прошептала она и в искреннем ужасе зажмурилась, чтобы не видеть вожака Гончих, в глазах которого все быстрее разгорались бешеные изумрудные огни. — Боже, какой ужас. Нам конец!

Элиар издал странный звук, но Шранк поспешно наступил ему на ногу. Причем с такой силой, что светлый тихо охнул и отшатнулся, отчего испуганные взгляды Тира и Милле произвольно метнулись в его сторону и стали совсем растерянными. Мелисса вздрогнула и, мгновенно вспыхнув до ушей, едва не сбежала. Хорошо, что Тир вовремя перехватил девчонку за локоть да Белка рыкнула сквозь зубы, отчего Мелисса пискнула и снова застыла на месте восковой куклой. А потом только молча переводила взгляд с одного лица на другое, то краснея, то бледнея, но с каждой секундой пугаясь все больше.

— Тир, Милле, подойдите, — попросил Тирриниэль, настороженно косясь на сына и его грозную пару, которые со странным выражением изучали чудом обнаружившегося наследника. — Все в порядке. Вы просто поговорите. Это ни к чему не обяжет. Всего лишь недолгий разговор.

— Недолгий, значит? — неожиданно промурлыкала Белка, неуловимо быстрым движением встав рядом с Таррэнном и ненавязчиво прикрыв ему спину. — Что-то подсказывает мне, что он, напротив, о-очень затянется! Что ты им наобещал, ушастый? Мы ослышались или ты действительно думаешь, что эти дети что-то изменят? Считаешь, они меня остановят, если что-то пойдет не так?

Владыка Л'аэртэ на всякий случай загородил молодежь собой.

— Эти дети неприкосновенны.

— И кто тебе такое сказал? — совсем тихо прошипела она, но эльф нашел в себе силы встретить ее страшноватый взгляд.

— Они — наша единственная надежда. Никто к ним не прикоснется, пока я жив.

— Полагаешь, в преддверии Ухода твоя жизнь все еще что-то значит? Таррэн, тебе не кажется, что у нас совершенно неожиданно появились конкуренты?

— Они вам не соперники, — помрачнел владыка эльфов. — Они — наше будущее, единственный шанс на возрождение, и ради этого я готов сделать все что угодно. Сын мой...

— Зачем тебе дети? — холодно осведомился Таррэн.

Владыка сжался, как перед прыжком в омут.

— Чтобы предложить тебе взять их под опеку до тех пор, пока Тир не войдет в полную силу, а Милле не достигнет совершеннолетия.

— Что-о-о?!

— Я прошу тебя закончить его обучение, — договорил Тирриниэль. — Беречь Тира так, как ты берег бы собственного сына, а эту девочку принять, как родную дочь. Они всего лишь дети и не виноваты в том, что случилось. Знаю, что прошу слишком многого, но только в этом мое последнее желание и последняя воля. Пожалуйста, позаботься о них. Больше мне ничего не нужно.

Таррэн на долгий миг оторопел.

— Кхе... — ошарашенно выдала Белка, изумленно воззрившись на обеспокоенного владыку. После чего наконец заметила расширенные глаза Тира, в которых от волнения загорелся алый огонь. Задумалась ненадолго. А потом озадаченно потерла затылок, уже без опаски выпрямилась и покосилась на искренне опешившего супруга. — Вот оно как... Кажется, в

ближайшее время мальчик добавит нам проблем.

Молодой лорд странно закашлялся.

— М-да, пожалуй.

— Значит, ты согласен? — с надеждой уточнил Тирриниэль, и Таррэн закашлялся еще сильнее, на что Гончая неодобрительно покосилась, а потом преувеличенно громко фыркнула:

— Куда ж он денется?

— Поверь, ты не пожалеешь: Тир совсем недавно коснулся огня, но уже превосходно умеет с ним справляться. Он талантливый и очень способный! А Милле...

— Отец, не надо. Я верю. — Таррэн, с трудом оторвав взгляд от испуганного юноши, очень медленно повернулся к владыке. — Однако у меня к тебе есть еще один вопрос. Один очень важный вопрос, от ответа на который будет зависеть мое окончательное решение. Откуда они тут взялись?

— Это случайность, — громко сглотнул Тир, крепко сжав руку Мелиссы и решившись наконец подать голос.

Тирриниэль даже удивился его оправдывающемуся тону, потому что прекрасно помнил, каким ершистым был этот упрямец в первые дни.

Таррэн внимательно взглянул на юного мага.

— Неужели?

— Да, — кивнул Тир, быстро опустив горящий взгляд. — Мы случайно оказались поблизости от Темного леса, когда на нас напали. Скрытно, из засады, какие-то незнакомые люди, которые попытались отобрать у меня Милле. Но ничего не вышло: я убил их первым. И именно тогда впервые коснулся огня.

— Вы были одни? — уточнила Белка, чуть сузив глаза.

— Нет. С другом.

— Тогда где он? Куда подевался этот мерзавец?

Аттарис, скромно стоя в сторонке, нервно дернул щекой, всей кожей ощущая, что Гончая не замедлит разорвать невезучего смертного голыми руками, если доберется. По крайней мере, ее тон не предвещал ничего хорошего. Пока она сердится, к ней лучше не приближаться и мудро промолчать о том, что один рыжеволосый бродяга совсем недавно пришел-таки в себя.

— Вал был ранен, — тихонько шмыгнула носом Мелисса, рискнув высунуться из-за плеча юноши. — Он закрыл меня собой, когда нас пытались убить. Патруль помог нам добраться до ближайшего мага... Да, я знаю, что лучшие целители у светлых, но до их леса — больше трех недель

пути! Мы не могли рисковать, потому что Вал... Его нельзя было оставить умирать! А Тирриниэль ему помог! Сделал все, чтобы вылечить Вала, сам занимался с Тиром и многому его научил! Он хорошо о нас заботился! И... и я не хочу, чтобы с ним что-нибудь случилось!

Таррэн снова покосился на отца, будто не поверил в то, что тот способен на такие подвиги. Но Тирриниэль лишь смущенно отвернулся от сияющих глаз человеческой крохи, потому как не считал, что достоин теплых слов и искреннего участия. Удивительное, маленькое чудо, ради которого стоило рисковать даже собственной шкурой и которое невозможно предать...

Белка, правильно расценив выражения лиц этих разновозрастных заговорщиков, вдруг тихо присвистнула. Шранк, повинувшись ее незаметному знаку, отпустил рукоять меча. Элиар тоже потихоньку расслабился, а остальные с непередаваемым облегчением выдохнули. Судя по всему, буря миновала Темный лес стороной. Все уладилось, проблем не возникло. Удивления, конечно, хоть отбавляй, но никто вроде не собирается ругаться или, тем паче, хвататься за мечи. Кажется, все будет хорошо?

Тир с Милле виновато улыбнулись, но не спешили отходить от владыки Л'аэртэ. А тот неожиданно сжал плечо внука, которому был многим обязан, и тихонько шепнул:

— Ты не пожалеешь, мой мальчик. Таррэн — отличный воин и хороший маг. Это лучший выбор, который я мог тебе предложить. Думаю, он тебе понравится.

Тир перехватил сразу три насмешливых взгляда (Таррэна, Белки и Шранка) и, смущенно шевельнув кончиками внезапно заалевших ушей, пробормотал:

— Не сомневаюсь.

— Я тоже, — шмыгнула носом Милле, с трудом оторвав взгляд от Элиара.

— Вот и славно, — отодвинулся Тирриниэль. — Боюсь, у меня больше не будет возможности вам помочь, но Таррэн сделает это за нас обоих. Держитесь его, и все будет хорошо.

— А как же ты? — жалобно пискнула девушка, порывисто схватив царственного эльфа за руку.

Тот мягко улыбнулся и осторожно высвободился.

— Мне пора, дитя. Мое время на исходе.

— Значит, ты все-таки решил в пользу Иттираэля? — прикусил губу Тир, бросив изучающий взгляд на Линнувиэля.

— У меня нет выбора, мой мальчик. Я не могу заставить сына принять

эту ношу, но Темный лес должен жить, а родовой ясень — расти дальше. А я, как бы ни хотел обратного, не могу поступить иначе. Мой долг — найти себе замену и передать то, что еще осталось. Прости.

Владыка Л'аэртэ подавил тяжелый вздох и решительно отошел. Под многими десятками взглядов медленно вернулся на свое законное место, сел и, снова превратившись в грозного повелителя, чуть наклонил голову, призывая к молчанию. У него осталось немного слов, которые хотелось бы произнести перед лицом знатнейших представителей своего народа. Еще меньше слов, которые он хотел бы сказать напряженно переглянувшимся хранителям. И совсем мало для тех, кто никогда не был ему по-настоящему верен. Однако самые главные слова он все-таки успел сказать. И сумел в последние дни своей жизни понять многое из того, о чем раньше даже не задумывался. Научился ценить свое время. Познал горечь обид и разочарований. Нашел нечто новое в самом себе и смог удивлением признать, что все еще способен на привязанности. Что в действительности умеет находить, беречь и трепетно ценить те счастливые мгновения, когда рядом есть кто-то, кому владыка по-настоящему дорог. Умеет не только ненавидеть, как когда-то ошибочно считал, но научился и любить. Хотя бы сейчас, перед Уходом, на пороге иного пути. И именно это стало для него величайшим даром небес, значение которого было невозможно переоценить.

Тирриниэль медленно оглядел лица собравшихся: хранители, старейшины, прекрасная леди из дома Маллентэ, которая с обидой посматривает на молодого Линнувиэля. Маликон, Корвин, Сартас, отлично справившиеся со своей нелегкой миссией. Их юные протеже, так и не научившиеся пока быть самостоятельными. Младший сын рядом со своей удивительной парой... Кажется, он до сих пор сходит от нее с ума. Но это правильно. Сейчас владыка хорошо понимал: только это и правильно. Так и должно быть. Как должны быть рядом с ними чудесные дети, которые так много сумели ему дать, — Тир и Милле...

Белка и Таррэн... За их спинами — масса знакомых и полужнакомых физиономий, многих из которых он уже даже не может вспомнить. Еще дальше виднеются живые стены, красивые лужайки, на которых круглый год цветут редчайшие и прекраснейшие цветы. Белое пятно священной рощи, вплотную примыкающей к надежно защищенным чертогам. Выше крыш дворца — только медленно светлеющее небо, на краешке которого вот-вот появится полоска рассвета... а потом — бесконечная даль, легкий ветерок, что взъерошит седую макушку, неуловимый аромат незабудок в руках у прекрасной девы и покой... долгожданный покой. Оттуда не будет

возврата...

Все кружится в разноцветном калейдоскопе, постепенно плывет и тает, как круги на поверхности лесного озера. Очертания лиц неумолимо расплываются, звуки сперва отдаляются, а потом становятся тише, глуше, пока наконец не стихают окончательно. Мир вертится перед глазами бешеной каруселью, с каждым мгновением теряя яркие краски. В нем больше нет очарования и нет приятных контрастов. Он медленно, но неумолимо отдаляется, становясь таким же серым и безжизненным, как аура бывшего темного мага и последнего повелителя леса.

— Отец! — тревожно дернулся Таррэн, когда владыка Л'аэртэ обессиленно уронил голову и начал сползать с деревянного трона. — Отец!

Но тот не ответил, все быстрее заваливаясь на бок. Молодой лорд, ругнувшись, прыгнул вперед и в последний момент успел подхватить безвольно оседающее тело: Тирриниэль, совсем недавно имевший силы ходить и улыбаться, в одно мгновение лишился той искры, что еще поддерживала в нем жизнь. Так, словно выполнил то, что хотел, закончил дела, простился, как водится, и лишь после этого ушел. Просто угас, как гаснет от порыва ветра свеча, так и не успев завершить ритуал передачи власти.

Таррэн бережно опустил его на траву, мельком покосился на стремительно тускнеющий изумруд в венце и, поняв, что счет идет уже на секунды, безжалостно рванул рубаху на груди владыки.

— Зачем? — покачал головой Иттираэль.

— Я не дам ему умереть!

— Тогда ты опоздал, — невесело усмехнулся хранитель. — Его можно было задержать еще год назад. Может, месяц. Но сейчас сам видишь: аура уже исчезает.

— Значит, я верну ее обратно! Его время пока не пришло!

— Уход наступает в свой срок, и возраст тут не имеет значения. Кто-то уходит во вторую эпоху, кто-то едва доживает до первой. И владыка Тирриниэль не исключение. Поверь мне, — кротко поведал Иттираэль, пристально наблюдая, как с рук молодого лорда срываются алые искры и жадно впитываются в тело владыки.

Их оказалось на удивление много, этих необычных искр. Так много, сколько хранитель никогда еще ни видел. Казалось, у Таррэна руки буквально горят, но пламя, что удивительно, имело не зеленый, а ровный, поразительно мягкий рыжеватый цвет. В нем давно не было ни ярости, ни ненависти, ни злобы — просто боль, глухое отчаяние и страстное желание все изменить.

— Тирриниэль? — сглотнул Тир, опускаясь на колени возле умирающего. Глаза его при взгляде на сосредоточенное лицо Таррэна подозрительно заблестели. — Как он? Почему так быстро? Я могу чем-то помочь?

— Нет... да. Попробуй с обручем. Там еще должен быть небольшой запас. Коснешься, как при единении...

— Знаю. Я это уже делал.

— Когда?!

— Два дня назад, — тихо ответил юноша, и Таррэн до боли сжал челюсти. — Он уже тогда был на грани, и мне пришлось вмешаться...

— Потом. Делай что я сказал, и не вздумай касаться ауры. К этому ты еще не готов.

— Хорошо, — покладисто кивнул Тир и осторожно коснулся пальцами накопителя. — Но он же совсем пуст, хотя я хорошо помню, что закачал его до упора! Не понимаю, как такое могло случиться! Дед не касался больше огня! Я специально за ним следил!

— Что-о-о?!

— Ну... да, — под изумленным взглядом Таррэна юноша неуловимо порозовел и потупился. — Он же мой дед, разве нет?

— Как он? — отрывисто поинтересовалась Белка, краем глаза поглядывая за разволновавшимися старейшинами.

Линнувиэль, коротко переговорив со старшим братом, быстро отошел от неуверенно мнущейся кучки хранителей и, склонившись над повелителем, озабоченно нахмурился.

— Таррэн, будь осторожнее. Ты можешь сгореть, если зайдешь слишком далеко.

— Тебя не спросили, — пробурчал эльф, сосредоточенно отдавая умирающему отцу собственные силы. — Хочешь помочь — проследи, чтоб не мешали. И Тира прикрой, а то жахнет туда весь резерв, и потом самого придется откачивать.

— Ничего я не жахну, — проворчал юноша, но Таррэн выразительно сверкнул глазами, и он послушно подвинулся, позволяя хранителю занять место рядом с собой. — Между прочим, Тирриниэль научил меня контролировать потоки не хуже, чем некоторые.

— А что с векторами? Он их показывал?

— Атакующие — только основные. Зато защитные узоры объяснил почти все.

— Неплохо, — вынужденно признал Таррэн и взглянул на юного мага совсем по-другому. Этаким долгим, оценивающим взором, от которого

Линнувиэля невольно бросило в дрожь.

— Эй! Вы что задумали?! Таррэн!

— Держи венец, — властно кивнул молодой лорд Тиру. — Сумеешь нас удержать, если потребуется?

— Думаю, да. С тобой-то точно не промахнусь.

— Тогда делаем так: я иду за ним, а ты ждешь, держа руку на нити. Как только дам знать, вытягиваешь меня обратно. А я уж позабочусь, чтобы вытащить его.

— Нет! — ахнул Линнувиэль, отшатнувшись в неподдельном ужасе. — Таррэн, ты спятил?! Без полноценного единения вам тут нечего делать — не удержитесь! Туда даже мне не сунуться! А мальчик слишком молод! Бел! Да останови же их!

— Нет, — неожиданно близко раздался голос Белки. Она бесшумно подошла, низко наклонилась над владыкой и шумно вдохнула, будто гончая на охоте. — Если не сделать этого сейчас, Тирриниэль умрет. Точнее, он почти умер и уже стоит по ту сторону: его душа ушла. Но ее еще можно вернуть, если связать своими собственными душами наподобие веревки. Вас трое, должно хватить. Только помните: у нас мало времени.

— Но Тир...

— Я справлюсь, — упрямо сжал зубы юный маг и просительно посмотрел на Белку. — Я сумею, я знаю, я помню, как это делается! Пожалуйста... Тирриниэль не должен умереть!

Гончая наклонила голову, рассматривая что-то неизвестное в его побледневшем от волнения лице. Покосилась на Таррэна, на тревожно сжавшего кулаки Линнувиэля. Оглянулась на хранителей, на поджавшего губы Иттираэля, который с нескрываемым интересом следил за этой молчаливой борьбой. На бледную Мелиссу, что смотрела с не меньшей мольбой. Затем снова посмотрела в глаза юному эльфу и, на мгновение окунувшись в них, как в омут, неожиданно кивнула.

— Делайте, как задумали, потому что у меня еще осталась пара вопросов, которые пока некому задавать. Но учтите: если хоть один из вас застрянет там так, что не сможет выбраться без моей помощи, второй может обратно не возвращаться.

— Я не подведу, — выдохнул Тир, а Таррэн просто кивнул.

— Линни, сиди рядом и pinaй этих умников во все удобные места, если что-то пойдет не так, и как можно громче зови. Не сможешь вытащить сам, тогда крикнешь мне — за шкуру приволоку обратно, как тебя когда-то. Сумеешь?

Младший хранитель обреченно вздохнул:

— Постараюсь.

— Главное, не забывайте, что ваше место здесь, а не там. Помните, что вы нужны этому миру. Не слушайте чужих песен и верьте: с этой стороны вас буду ждать я. Хотя бы для того, чтобы потом красиво размазать вас по стенке, а потом оборвать чьи-то длинные уши.

— Точно, — лицемерно вздохнул незаметно держащийся рядом Шранк. — Уши всегда были твоим слабым местом.

— Зато твоим слабым местом была голова! В прошлый раз так по ней двинули, что рот до сих пор не закрывается!

Воевода красноречиво возвел глаза к потолку, молча вопрошая: да сколько же можно вспоминать?!

Белка легонько коснулась щеки Таррэна и отвернулась, потому что ничем помочь не могла — творить магию темных она не умела. Пополнить резерв — пожалуйста, вернуть с того света — не вопрос. Но вот подлинный смысл узоров и плетений, который немедленно начали творить три сильнейших мага Темного леса, был ей не по плечу.

— Удачи, — беззвучно шепнула она.

Но перворожденные этого уже не слышали. Склонившись над телом Тирриниэля, они одновременно запели древние заклинания и на какое-то время во всех смыслах исчезли из этого мира.

Сколько пройдет часов или дней, прежде чем они доберутся до отлетевшей души, — неизвестно. Сколько потребуется усилий, чтобы удержать ее на краю, — кто знает? Но сложность в том, что ее не просто надо найти и подхватить, а медленно и осторожно вывести потом за собой к свету, используя собственную душу вместо путеводной нити, а резервы тела — как единственный доступный источник. Если он опустеет, по ту сторону останутся оба — тот, кто умер первым, и тот, кто рискнул последовать за ним. Если нить оборвется по случайности или чьему-то умыслу, они тоже останутся там. Если ушедший окажется слишком силен, то утянет вторую душу за собой, во мрак. А если он будет слаб, то просто растворится в чужой силе, навсегда оставшись где-то посередине между жизнью и смертью. И этого тоже нельзя было допустить.

Таррэн рисковал, ныряя за отцом в эту бездну. Причем рисковал сам и подвергал риску молодого, неопытного юношу, которому поручил роль проводника. Без надежного, многолетнего и проверенного единения решиться на такое мог только безумец, но ни Таррэн, ни Тир не колебались. И Линнувиэль, старательно отгоняя нехорошее предчувствие, всеми силами пытался нащупать то единственное, что могло бы стать для них опорой, — тонкие, слабые и едва уловимые узы крови, которыми они, трое, были

обязаны общему прародителю — проклятому владыке Изиару.

Хранитель вздохнул и бережно потянулся к застывшим без движения собратям, готовясь подхватить узы и помочь, если что-то пойдет не так. Крепко зажмурился, сосредоточился, слишком хорошо зная, как тяжело держать сразу несколько пар кровных уз. Затем полностью отключился от внешнего мира, почти перестал дышать... а потому даже не заметил, что в какой-то момент стены живого дворца содрогнулись, а затем медленно-медленно начали меняться.

ГЛАВА 20

— Это еще что такое? — нахмурился Элиар, когда пол под его ногами снова дрогнул.

Эльф быстро огляделся, и то, что он увидел, ему не понравилось: словно почувствовав смерть повелителя, чертоги начали постепенно меняться. Сперва в тронном зале потемнело — это плотно сомкнулись ветви над головами присутствующих, образовав высоко наверху некое подобие колпака. Затем мелко задрожал пол, как при слабом землетрясении, а за ним отчетливо засветились живые стены, бросив на озадаченные и пока что спокойные лица собравшихся мертвенно-желтую тень. Тень настолько странную, что на мгновение эльфам даже показалось, будто густая листва ожила. А затем в сторону бессмертных поползли крючковатые ветки. Присутствующие инстинктивно отступили на шаг. Кто-то даже за оружием потянулся, едва сдерживаясь, чтобы не рубануть корявые отростки, а остановил уже занесенную руку только потому, что вовремя припомнил: дворец владыки — живой. И он отомстит за увечье, если кто-то рискнет его нанести.

По тронному залу пробежал тревожный гул, в котором едва слышно прозвучали обеспокоенные голоса двух или трех хранителей, пытающихся взять под контроль древнюю магию взамен владыки. Но без толку: чертоги продолжали меняться. Всего за несколько минут живые стены сдвинулись, вынудив перворожденных отступить в центр зала. Трава на полу засохла. Густая листва пожухла, а потом вдруг разом опала, открыв множеству глаз острые, сочащиеся подозрительными капельками шипы на оголившихся ветках, которые встрепенулись, угрожающе встопорщились и начали медленно разворачиваться внутрь.

— Проклятье! — процедила Белка, быстро покосившись на Таррэна, который в данный момент являлся единственным, кто мог подчинить взбесившийся дворец.

Пусть он — отреченный, пусть давно не бывал в этих местах, но родовой ясень, чьи отростки качнулись к замершим в панике эльфам, не мог его не узнать. Надо было только встать и коснуться их своей силой.

— Торк! — зашипела она, поняв, что Таррэн слишком занят и не сможет уделить ни капли драгоценного внимания.

Его попросту не было в этом мире. Он все еще качался на грани между жизнью и смертью. Точно так же, как Тир и Линнувиэль — единственный

из хранителей, кому она доверяла. Белка быстро оглянулась: Иттираэль до боли стиснул кулаки и крепко зажмурился, беззвучно шепча что-то сквозь плотно сомкнутые зубы. Его фигура окуталась зеленоватым пламенем, потемнела, расплылась, и оттуда разило такой мощью, что от него опасно попятились даже собратья. Кажется, хранитель пытался вмешаться, однако пока его усилия были тщетны: чертоги не желали слушаться и хищно скалились, буквально заперев высшую знать Темного леса в зеленом плену. Более того, они недвусмысленно нацелили шипы на сгрудившихся в тронном зале эльфов. Определенно выглядели враждебно. И ни Иттираэль, ни настороженно раздувающий ноздри Аттарис, ни остальные хранители не могли это остановить.

— К'саш! — вполголоса ругнулась Белка. — Да что за дрянь здесь творится?! Элиар! Чего-нибудь чуешь?!

— Чую, что мы опять вляпались, — пробормотал светлый, пробираясь к беспокойно озирающейся Милле. — Не бойся, малышка, все будет хорошо. Я не дам тебя в обиду.

Мелисса облегченно выдохнула, когда сильная рука обхватила ее за плечи.

— Бел, как у тебя?

— Плохо, — скрипнула зубами Гончая, к чему-то настойчиво прислушиваясь. — Не знаю, что учудил Тирриниэль, но с его смертью дворец сошел с ума, так что нас наверняка порешат, как самых главных убийц. Чует мое сердце, без помощи мы долго не продержимся.

— Хочешь сказать, это из-за него? — буркнул Шранк, прикрывая собой Мелиссу с другой стороны.

— В чем-то, как-то... он же не завершил ритуал передачи власти. А без этого яшень не признает хозяина. Ну, как наш Лабиринт двадцать лет назад: пока Таррэн со злости магией по нему не шарахнул, его никакая сила не могла сдержать. Тут, похоже, такая же история.

— То есть владыку надо вернуть? — не поверил воевода. — А если мы его упустим, тут все провалится в Нижний мир? Прямо к Торку на рога? Значит, Таррэн не зря застрял там с мальчишками, рискуя остаться по ту сторону?

— Присмотри, чтобы им не помешали.

— А ты куда?!

— Куда надо. Твое дело сейчас — позаботиться о них.

— Я тебя не пущу в одиночку!

— Попр-робуй, — прорычала Гончая, неуловимо быстрым движением пригнувшись к земле и подняв для удара неестественно изогнутую кисть.

Вместо ногтей на руке мелькнули когти.

— Нет, стой! — спохватился Страж, благоразумно отступив на шаг. — За малышней пусть присмотрит Элиар! А я могу помочь!

— Твое место здесь. И постарайся меня не разочаровывать, потому что... — Гончая неожиданно вздрогнула и, шумно втянув ноздрями душный воздух, вдруг гаркнула: — Вниз! Все вниз, если жить хотите! Стрелы!

Перворожденные (даром что были растеряны) молниеносно развернулись и оцетинились парными клинками, еще не зная, откуда исходит угроза, что случилось и почему понадобилось так громко орать, но хорошо чувствуя: нечто неладное творилось за зелеными стенами.

— Шранк! Таррэн и Тир на тебе! Элиар, прикрой девочку! И головы... головы берегите! Сейчас сорвутся!

Гончая всполошилась вовремя: длинные шипы, которыми были усеяны стены от пола до потолка, внезапно задрожали, будто их раскачивала невидимая рука. Затем тихо скрипнули, разом покачнулись...

— На пол! — рявкнула Белка, даже не обернувшись, и Элиар толкнул Мелиссу на землю, а сам выпрямился и зло оскалился, готовый закрыть собой и ее, и тех, кто оказался рядом.

Остальные выжидательно замерли: что старейшины, что хранители, что простые воины, выполнявшие роль телохранителей при ллерах. Все они, как один, оцетинились, сгрудились вокруг трона, закрывая собой повелителя, его сына, совсем юного внука и даже проклятых смертных, которых Линнувиэль так некстати привел из пределов.

Белка даже глазом моргнуть не успела, как остроухие заключили их в кольцо. Иттираэля, все еще пытающегося что-то исправить, затолкали в самую глубину, но остальные хранители не рискнули прятаться за чужими спинами. Аттарис пробрался поближе к Шранку и, переглянувшись с удивленно обернувшимся воеводой, без лишних слов занял место за его левым плечом — весьма почетное место верного напарника, которое до недавнего времени занимал дурной, наглый, любящий скалить зубы Вал. Чужое место, до которого остроухому было еще расти и расти.

Шранк не успел отпихнуть дурака подальше, потому что именно в этот момент ядовитые шипы все же сорвались с ветвей и с бешеным свистом ринулись вперед с такой невероятной скоростью, что, если бы здесь оказались простые смертные, их бы всех положили одним-единственным залпом. Но с эльфами такое не прошло.

Воздух на бесконечно долгое мгновение наполнился гулом летящих «стрел», шелестом отбрасываемых в стороны ножен, звоном эльфийской

стали и звуками безжалостно разрубаемого дерева. Где-то в стороне, у самых стен, вспыхнуло несколько огненных цветков, в которых сгорела приличная часть шипов. Но и успевших долететь до эльфов, с лихвой хватило, чтобы больно клюнуть тех, кому сегодня не повезло.

Перворожденные не издали ни одного лишнего звука. Не было слышно ни стоны, ни вскрика, ни сдавленного проклятия, даже когда несколько импровизированных «стрел» прошили двоих остроухих насквозь, еще одного пригвоздили к полу, а семерых серьезно поцарапали. Из хранителей не пострадал никто — их хорошо защищали. Совет старейшин также обошелся без потерь, а до Белки и Таррэна не долетело ни одного шипа.

— Неплохо, — хмыкнула она, оглядывая щедро усеянный обломками пол. — Надо же, иногда и от темных бывает польза. Шранк, прикроешь?

— Как всегда, — хмуро отозвался воевода. — Сколько тебе надо времени?

— Минут пятнадцать, полагаю.

— Хорошо, постараюсь тебе их дать.

— Только никакого геройства! Мне твой труп нравится гораздо меньше, чем разбойная, но живая физиономия. Да и рыжий без напарника расстроится.

— Разумеется, — буркнул Страж, покосившись на заинтересованно дернувшего ухом Аттариса. — Ведь тогда этому гаду не над кем будет измываться.

— Ничего, дашь разок в зубы — он и успокоится. Верно, ушастый?

Целитель удивленно округлил глаза, словно не веря, что обращаются именно к нему, но Белка кивнула, подтверждая, что он не ошибся. А потом подошла, отчего-то насмешливо хмыкнула и, бесцеремонно хлопнув эльфа по плечу, кивнула.

— Хорошо, что жив остался, но после нам с тобой придется побеседовать. Сечешь, ушастый?

Аттарис досадливо сморщился.

— Я не ушастый.

— Мне лучше знать. Кстати, что там на самом деле произошло с нашим рыжиком?

— Да, в общем... жив ваш рыжик, — осторожно ответил эльф. — Только малость... гм, не в себе.

— Это я как раз вижу. Но меня больше интересует, как он позволил себя ранить. Да еще и детей подставил под удар!

— Засада, — виновато опустил голову эльф. — С парой дюжин гвардейцев личной стражи его сводных братьев и высшим магом в придачу.

Робсил, разумеется, ни при чем, но у него в окружении оказалась змея — вашего друга выследили по амулету. Только и успел, что прикрыть детишек, а потом поймал огненный шар в грудь, после которого его еще и проткнули насквозь. Для гарантии, так сказать. Даже не знаю, как выкарабкался.

Белка пожевала губами.

— Ладно, учту. Будет время, душу из тебя вытрясу, а пока... Шранк, пусть этот тип с тобой потопчется, а то мне кажется, что сюда скоро всю местную живность запустят, чтобы нами закусить... Ого! Вторая волна, однако! Ты только погляди, что творят!

Воевода быстро обернулся и едва не выругался вслух, заметив, что стены тронного зала снова зашевелились и оцетинились новым рядом острейших шипов — таких же длинных, острых. Они хищными жалами устави́лись на бывших хозяев Темного леса, выдвинулись из стены на середину длины, как раньше. Но теперь их стало гораздо больше, они лежали плотнее друг к другу.

Белка, первой заметив неладное, неожиданно посерьезнела.

— А вот это уже плохо.

Шранк шепотом ругнулся, вычленив среди переплетения ветвей второй ряд уже готовых к атаке шипов. А за ним — третий, четвертый...

— Кажется, нас собираются превратить в подушечки для иголок! — высказал свое мнение воевода.

Кто-то из эльфов, увидев заблестевшую от яда стену, попятился и неосторожно приблизился к противоположному концу зала. В то же мгновение оттуда выстрелила добрая дюжина «копий» и мгновенно превратила его в утыканного иголками ежа. Эльф вскрикнул от неожиданности и неловко повалился навзничь. Однако даже упасть спокойно ему не позволили — из-под опавшей листвы молниеносно выскочила лоза, оплела несчастного с ног до головы и, прежде чем кто-то успел опомниться, утащила тело в узкий земляной лаз, который тут же сомкнулся.

— Та-а-ак, — протянула Белка. — Эл, следи-ка за полом повнимательнее: что-то мне подсказывает, что оттуда еще будут сюрпризы.

Светлый только встал поудобнее, а Гончая присела на корточки, разворошила рукой опавшие листья, осторожно потрогала землю. Зачем-то обнюхала пальцы и, неожиданно помрачнев, подняла голову, настойчиво выискивая среди множества черных макушек хранителей.

— Брегарис, Лавванис! Где вы, маги Торковы?! Эй, кто-нибудь, пните их и скажите, чтобы топали сюда немедленно!

Эльфы зароптали, но послушно расступились, когда высокородные леры возникли перед деловито зацокавшей Гончей.

— Насколько я помню, у вас лучше всего получалось управляться с землей, — заявила Белка, едва взглянув на ушастых магов. — Сможете почуять, когда эти щупальца снова соберутся выскочить наружу? Сумеете ограничить хотя бы этот пятачок от своего взбесившегося дворца?

Эльфы переглянулись и ненадолго задумались.

— Возможно, — наконец ответил Лавванис.

— Так делайте, чего стоите?! Или вам нужно объяснять, что здесь будет, если нас атакуют с двух сторон?!

— Нам нужны посохи силы.

— К'саш! Может, вам еще и подушечку под зад принести?! — не сдержавшись, рыкнула Белка, показав острые белые зубы. — Или давайте дождемся, пока вас на кол посадят, чтобы лучше думалось?! Посохи им нужны... вот и брали бы с собой, раз ни Торка без них можете!

— Но без посохов...

— Демоны тебя задери! Да вон деревяшки валяются! Из вашего дурацкого ясеня, между прочим! Берите и втыкайте по периметру, как получится, да силу потом через них пропустите, чтобы сюда ни один корешок не сунулся! Мне, что ли, объяснять, куда вам руки свои кривые приложить?! Если хоть один шип проткнет вашего лорда, ему точно не выжить, а если хоть один заденет моего... Небом клянусь: лично отверну ваши дурные головы! — прошипела Белка, взрывая землю сильными пальцами и случайно раздавив при этом пару попавших под руку шипов. После чего хранители осторожно отступили и, перехватив предупреждающий взгляд человеческого воеводы, поспешили исчезнуть.

Белка удовлетворенно кивнула, когда остроухие принялись огораживать небольшое пространства вокруг трона обломками шипов. Внушительным рыком их поторопила и, перехватив несколько опасливых взглядов, жутковато улыбнулась.

— Линни, как у вас дела?

— Не успеваем, — прошептал эльф, не открывая глаз. — Но мы его нашли. Удержим, хотя Таррэн наверняка истратит весь резерв.

— Как истратит, так и восстановит. Только поспешите, а то нас скоро истыкают булавками с ног до головы. И не факт, что мы удержим периметр. Вы ведь мажете эти колючки какой-то гадостью?

— Да, — прошелестел Линнувиэль. — Насколько я знаю, раньше это была «Черная смерть»...

— А сейчас? — с нескрываемым подозрением покосился в его сторону

Шранк, но эльф не ответил — был слишком занят.

Зато вместо него отозвался Иттираэль. Устало опустив руки и сокрушенно покачав головой, маг подошел ближе и тяжело вздохнул:

— Слава богам, для нас это не смертельный яд. Но действует он быстро — те, кого ранили, через десять минут утратят способность сопротивляться и упадут. Умереть не умрут, но дня три не смогут даже пальцем пошевелить. А магам станет и того хуже — их резерв будет недоступен на ближайшие десять дней. Смертным же и вовсе лучше этих шипов не касаться, поэтому я бы действительно вам не советовал высовываться.

— Все слышали? — подал голос Элиар. — Если кого оцарапают, падайте в сторонке, чтобы не мешать остальным! И желательно так, чтобы это случилось внутри круга, — вытаскивать вас будет некому! Иттираэль, противоядие есть?

— Есть. Но до него еще добраться нужно. Не говоря о том, что понадобится время, чтобы оно подействовало.

— Чудесно, — мрачно подвел итог Шранк. — Нас с каждым залпом будут не только фаршировать деревянной начинкой. От этого нас еще и парализует? В смысле, вас парализует. А если заденет меня, то можно спокойно рыть могилу. Это при том, что нам придется без конца уворачиваться, стараться не попасть под ваш огонь, попутно спотыкаться о соседей и одновременно успевать следить за тем, как бы эти шипы не достали до магов, потому что только они способны все это прекратить?!

— Ну... да, — кивнул хранитель.

— Таррэн, шевелитесь! И доставайте этого владыку быстрее, пока не схлопотали стрелу в мягкое место!

— Время, — вдруг напряженно обронила Белка, заставив Шранка осечься. — Готовьтесь, сейчас выстрелит.

Чертоги в третий раз содрогнулись и буквально выплюнули внутрь несколько сотен ядовитых шипов. Затем напряглись и ударили второй раз, третий. А потом — снова и снова... Воздух буквально взвыл от вырвавшихся на свободу «копий». В тронном зале еще сильнее потемнело, что-то коротко свистнуло, ухнуло. Что-то заскрипело, будто приводился в действие некий скрытый механизм. А потом мир словно взорвался, потому что одновременно из-под земли, как и предполагала Белка, выстрелили таившиеся до поры до времени корни. Толстые, гибкие, они с невероятной скоростью взвивались вверх, стараясь отделить бессмертных друг от друга. Но, едва первый ряд шипов бессильно осыпался на взрыхленную землю, щупальца тоже опали и жадно потянулись к упавшим эльфам, намереваясь

то ли раздавить, то ли схватить подобно голодному осьминогу.

В зале мгновенно стало шумно, душно и жарко. Перворожденные сражались остервенело, совсем не дорожа своими долгими жизнями. Они, как безумные, вертелись на месте, стараясь не попасть под шипы, но умудрялись держать строй вокруг владыки и тех троих, что пытались его спасти. Магия хранителей оказалась почти бесполезной против напоенного силой, прекрасно защищенного от огня дворца.

Шранк выругался, неумоимо рубя неподатливые корни. Как живые, они вились и вились повсюду, то и дело утаскивая куда-то самых невезучих. Вот опять кого-то зацепило, кто-то оступился, кого-то толкнул сосед... с каждой секундой рядом с воеводой оставалось все меньше эльфов. Они падали, насквозь пронзенные шипами или опутанные корнями с ног до головы. Правда, кричали недолго — бьющиеся в судороге тела очень быстро исчезали под слоем густой листвы, а потом их утягивало в стены.

Белка, наблюдая за схваткой со стороны, заметно нахмурилась. Глядя на то, как дворец пытается устранить сгрудившихся в центре тронного зала эльфов, она все больше замечала несомненное сходство чертогов с Проклятым лесом. Все эти ветви, шипы, что умели искусно прятаться, даже стойкий цветочный запах, от которого Линнувиэль едва не превратился в послушную марионетку! Как это было знакомо и до отворачивания похоже на действия умного, скрытного и осторожного врага. Кажется, в первый раз он еще готовился, испытывал перворожденных на прочность, изучал реакцию. И только потом перешел к активным действиям. А это было странно. В первую очередь потому, что у Проклятого леса во все времена был хозяин. Сперва Изиар, затем его сила перешла в амулет, а в последние годы повелителем пределов стал Таррэн. Однако чертоги...

Гончая вдруг переменялась в лице. Боги... и почему она раньше не подумала, что Изиар творил Проклятый лес не с нуля?! Ведь именно его вмешательством объяснялось это потрясающее сходство! Его волей были созданы кордоны, так же, как здесь, — полуразумные кусты, искусно прячущиеся в чаще леса свиллы, многие другие секреты, которые были созданы в непроглядной зелени этих удивительно густых крон. А шипы! Эти корни и ядовитые колючки! Темная бездна! Да вот же он — ответ! Творения одного создателя всегда похожи! И чертоги... славные, теплые, надежные и преданные хозяину чертоги не просто так пытаются прибить чужаков! После гибели владыки у них появился новый хозяин, пусть ритуал передачи и не был завершен до конца. И именно он отдал приказ!

Белка зло выдохнула. Еще раз оглядела схватку, в которой

перворожденные явно проигрывали. Покосилась на сосредоточенное лицо Таррэна, что все еще был далеко отсюда, на юного Тира, на испуганно сжавшуюся в комок Милле, с надеждой посматривающую на застывшего рядом Элиара. На едва дышащего владыку, которой при всем желании не смог бы вмешаться. Затем наткнулась на ненавидящий взгляд умирающего эльфа, который в последние мгновения своей жизни осознал, что теряет бессмертие ради смертных. Проследила за тем, как его соседа накрыла зеленая волна, в зародыше загасив отчаянный, полный боли крик. А потом резким движением задрала голову вверх и, крепко зажмурившись, неожиданно выдала такой жуткий рык, что от него задрожали стены.

— Гр-раир-рэ!..

Чертоги недоуменно замерли, различив в ее зове нечто знакомое, неуверенно качнулись навстречу, на какое-то время позабыв про все остальное, но Гончая не обратила внимания. Поднявшись во весь рост, она зарычала снова, выдав нечто еще более непроизносимое. Ее губы приподнялись, обнажив заметно удлинившиеся зубы, руки сами собой сжались в кулаки, а из горла плавными волнами выкатывалось бархатистое рычание — рев охотящейся хмеры, призывающей стаю.

— Гр-раир-рэ! Тар-раз! Гер-ртэ!..

Сартас разрубил очередную корягу, вздумавшую испробовать на прочность его шею, и опасливо отодвинулся в сторону. Бездна! Так и поверишь, что Белик в действительности — сущее чудовище. Мало того что Гончая. Мало того что не простая, а самый что ни на есть вожак. А теперь вот выяснялось, что они многого о нем не знали! Вон как взревел! Даже сошедший с ума дворец неожиданно присмирел! Интересно, как малыш это делает? А главное, зачем?

Правда, Сартас быстро пришел к выводу, что не хочет просвещаться на эту опасную тему. И не хотел бы встретиться с Беликом ночью где-нибудь в глубине Проклятого леса, тем более — знать, чем аукнется потом эта встреча.

Едва отзвучало эхо страшноватого зова, Белка сорвалась с места, на ходу срывая со спины чехол из черного палисандра. Прямо в прыжке выхватила из ножен мечи и с ходу врубилась в ближайшую стену. Для чего и зачем, объяснить не соизволила. Просто пожалела времени. Зато чертоги жалеть не стала — взяв привычный темп и почти расплывшись в воздухе, она буквально врубилась в выросший перед нею кордон, безжалостно его кромсая, проламываясь сквозь него, как сквозь обычный валежник.

— Белка! — возмущенно ахнул Элиар, не рискуя далеко отойти от Мелиссы.

— Ты что делаешь?! — одновременно гаркнули Шранк и Аззар. — Вернись, Бел!

Она только раздраженно мотнула головой, упорно прокладывая себе дорогу в густом переплетении веток, листьев, корней и чего-то совсем уж непонятного, что чертоги рискнули выставить перед ней в качестве заслона. Гончая не замедлилась даже тогда, когда оттуда в нее двойным залпом ударили ядовитые шипы. Просто уклонилась, причем так быстро, что эльфы даже не сразу поняли, отчего ее путь оказался усеян острыми щепками. А Белка по-прежнему кромсала эльфийский дворец, да так, что уже проложила в нем настоящую просеку, внутри которой с бешеной скоростью мелькали удивительно узкие, изящные и потрясающе легкие клинки, которыми она действовала с абсолютной уверенностью.

— Боги... — прошептал Сартас, безошибочно узнав, что за мечи светились в ее нежных руках.

— Как это может быть? — вздрогнул Маликон, когда Гончая на миг застыла, позволив ему без помех рассмотреть родовые мечи Л'эртэ, которые прямо у него на глазах окутались зеленовато-рыжим пламенем.

Чертоги тоже узнали эту магию. Беспokoйно заметались, не зная, как быть, когда рядом звучат сразу два настойчивых зова крови. Кажется, на какое-то время даже растерялись и почти не сопротивлялись, когда жалящая сталь снова врубилась в их полуразумную плоть. От нового удара дворец почти вскрикнул: магия зачарованных клинков заставила его застонать и съежиться от боли. Родовые мечи Л'эртэ требовали подчинения. Они красноречиво доказывали, что настоящий хозяин все еще здесь, живой, и ему невозможно было не подчиниться.

От очередного удара чертоги содрогнулись, а затем заплакали и, будучи не в силах больше противиться, со стоном распустили израненные ветви, по доброй воле открывая в стене проход и не смея больше перечить хозяину проклятых мечей.

«Оставь... пожалуйста, не надо... ты можешь идти...» — словно шептали они.

Однако Белка не ушла. Остановившись в проеме, она с силой вогнала полыхающие огнем мечи в стену, вынудив чертоги еще больше расширить коридор. Убедилась в том, что выход не закроется до тех пор, пока она не пожелает. Затем негромко, предупреждаяще рыкнула, заставив дворец убрать свои щупальца от остроухих, и медленно обернулась. Спокойная, настороженная, как дикая кошка перед броском. Хладнокровно оценила произведенные разрушения, растерянных эльфов, усеянный обломками пол. Встретилась взглядом с хранителями знаний и сухо велела:

— Всем оставаться на местах. Чтобы ни звука от вас! Даже не дышите, потому что сейчас мне будет трудно.

— Белик, ты что делаешь? — напряженно спросил Корвин.

Она быстро подняла голову и впервые за последние часы взглянула на недавних попутчиков в упор. Дико горящими, но абсолютно бешеными глазами, в которых светились насмешка, нетерпение и вместе с тем холод. Лютый холод приближающейся смерти. И это было так страшно, что даже Сартас невольно попятился.

— Что с ним? — дрогнувшим голосом выдохнул Корвин, но ни Маликон, ни Иттираэль не знали ответа.

И лишь Аззар схватился за голову и застонал, шаря по округе полубезумным взором, но его, разумеется, никто не слышал.

В это время темнота в проходе неожиданно сгустилась. Там что-то шевельнулось, царапнув острым когтем деревянные балки. Кто-то глухо заворчал. А затем над головой жутко улыбнувшейся Белки зажглась вторая пара хищно прищуренных глаз.

— Вовремя, — шепнула-рыкнула Гончая, когда огромная глотка с двойным рядом зубов аккуратно перехватила ее за талию и бережно подвинула в сторону. — Вы как раз к завтраку...

ГЛАВА 21

Карраш, негромко заурчав, стремительно выдвинулся из темноты, и перворожденные непроизвольно отшатнулись — взрослый мимикр был велик. Он громадной скалой возвышался над хрупкой фигуркой Белки и недобро смотрел на инстинктивно вжавшихся друг в друга эльфов, готовый в любой момент показать зубы.

— Молодцы, — шепнула Гончая, хлопнув по костяному боку, усеянному бронированными пластинами.

Карраш шумно выдохнул. Предупреждающе приподнял верхнюю губу и медленно ступил в зал, пугая одним своим присутствием больше, чем что-либо в этом мире. Он успел сделать всего один шаг, когда в темноте снова что-то шевельнулось, а потом...

Иттираэль судорожно вздохнул, когда из проема выскользнули три массивные серые тени — одна помощнее, не слишком уступающая в размерах Каррашу, и две поменьше, но тоже совершенно жуткие: еще не достигший расцвета сил желтоглазый самец и полностью готовая к бою самочка, на кончике хвоста которой угрожающе поблескивал острый шип. Все трое потерлись холками о плечо Гончей, зашипели, доказывая, что не снятся и не являются бредом. Затем вспороли острыми когтями землю и в мгновение ока прыгнули.

— Откуда они взялись?! — ахнула Мелисса, когда хмеры бесшумной смертью пронеслись мимо оцепеневших эльфов и умело взяли их в кольцо.

Самцы расположились слева от нервно озирающих остроухих, а грозно оскалившиеся самки — справа. Хмеры перекрыли все возможные входы и выходы и лишили остроухих шансов на спасение.

Линнувиэль только раз глянул на громадного самца и сразу понял: где-то он уже видел эту нагло ухмыляющуюся морду. И не мог не узнать эти подозрительно желтые радужки, которых не бывало у настоящих хмер. Да и зубы... Торк! Он точно их где-то видел! Где? Да у проклятой гиены, что так не вовремя поцарапала ему плечо! И у Карраша — тоже! Уж не с заставы ли сбежал этот монстр?! Но Белка не только не была удивлена, а, напротив, ждала именно их.

Хранитель обессиленно уронил руки, запоздало сознавая одну простую истину.

— Значит, это и есть твоя стая...

А он-то все голову ломал, для чего его заставили закрыть перед

порталом глаза! Они же протащили через него всех! Для этого же откатом отговорились, ярких вспышек насоздавали, чтобы никто не увидел, кого молодой лорд рискнул привести в Темный лес! Боги, боги... они же не видны вторым зрением! У хмер не бывает аур! Потому-то и просил Таррэн смотреть именно так! Одной лишь магией, а не глазами! Белка прикрывала зверей и тщательно следила, чтобы бедный портал не лопнул от перегрузки! Вот отчего были удалены спутники Элиара, вот почему так стонали и плакали магические нити... Бездна! Ведь через них шли не только гаррканцы! Эти хмеры каждый день незримыми тенями следовали за отрядом — грозные, ловкие и абсолютно незаметные для эльфийского мага! И вот они здесь...

— Чего так долго? — вдруг пробурчал Шранк, уверенно выбираясь вперед. — Ты ж сказал: всего пятнадцать минут!

Гончая пожалала плечами.

— Так получилось. Ночная пробежка по Темному лесу — это, знаешь ли, не самое приятное занятие. Да еще на глаза нельзя никому показаться, от хранителей нужно ауры прятать, встречных эльфов постараться не прибить по дороге, а их тут как собак. Потом стены эти дурацкие ломать, от стрел снаружи уворачиваться... между прочим, в лесу такой переполох поднялся! Подумаешь, задержались немного!

— На целых две минуты больше, чем планировалось.

— В следующий раз сам останешься снаружи и будешь пытаться добраться в чертоги за неполных полдня! Самому-то небось понравилось через порталы сигать, а моим малышам ножками пришлось, ножками, по травке да по деревьям!

Хмеры раздраженно рыкнули, подражая ворчанию Белки, встопорщили шипастые гребни на могучих холках, но почти сразу спрятали клыки. А потом опустили страшноватые морды к земле и убрали нервно подрагивающие иглы на хвостах — хозяйка не давала приказа нападать, и они не стали, а легли на землю. Да так слаженно, до того синхронно и быстро, что даже те эльфы, которые ничего не смыслили в магии, справедливо заподозрили неладное.

— Бел... — неожиданно попятился Шранк, округляя глаза. — Что-то мне не нравится, как вы двигаетесь. Прямо очень не нравится, потому что... есть у меня одно нехорошее подозрение...

Стая кокетливо изогнула брови и выразительно улыбнулась. Единая, цельная, настоящая семья, в которой каждый находился на своем месте.

— Нет! Только не говори мне, что ты решился на слияние со всеми сразу?!

— Мурр, — довольно зажмурились хмеры, каждую секунду понимая, видя, чувствуя друг друга.

И Белку чувствуя тоже — сильнее, чем когда-либо, потому что она всегда была и оставалась для них сокровищем. Центром их мира, его средоточием и единственной силой — их бессменным вожаком. И это было поистине прекрасно.

Шранк охнул.

— Да вы спятили! Карраш, Ирташ, Ракша! Бел, Торк тебя возьми! Я-то думал, ты их на всякий случай взял... Вот отчего ты вчера целый день был сам не свой! Сперва едва ползал, чуть на людей не кидался, а потом так надал... Траш! Как ты вообще им позволила?!

Крупная самка насмешливо хмыкнула, неуловимо быстрым движением скользнула к Белке, лизнула в шею, отчего присутствующих бросило в пот, и так же быстро вернулась на место.

— А Таррэн знает?!

— Конечно, — усмехнулась Гончая. — Думаешь, для чего мы с Каррашем рискнули сливаться прямо по дороге? Именно для того, чтобы сегодня стать одним целым. Только, в отличие от некоторых, Таррэн сразу сообразил, что мы задумали, потому-то и рычал, когда мы ушли без предупреждения. А узнай он раньше, ни за что бы не позволил.

— Ты... вы... — Шранк буквально задохнулся от возмущения. — Ракша! Как они тебя-то уговорили?!

Молоденькая самочка смущенно кашлянула.

— Боги... сколько?!

— Грр, — кокетливо опустила реснички костяная кошка и дважды прыгнула ушами.

— Ясно. Двоих, значит, пообещали... Ну, Торковы дети... Твоя работа?! — вдруг грозно повернулся воевода к Каррашу. — Отвечай, зараза, иначе потом полгода не пуцу на заставу! И воровать мясо с кухни по ночам ты тоже не будешь!

Мимикр, посопев для приличия, покаянно вздохнул. Да, его. И взрослую дочь подбил на это сумасшествие тоже он. Не просто так, конечно, а за чудесную возможность пару раз с помощью уз побыть в шкуре брата, а еще поохотиться вволю и отыскать в Проклятом лесу достойного партнера. Для нее это было важно, и хитрый зверь отлично знал, чем можно привлечь свою малышку, которая в другое время не рискнула бы покинуть Серые пределы. Но сейчас, рядом с матерью и Белкой, она была довольна.

— Сволочь, — уже спокойнее констатировал Страж. — Белик, ты хоть

не сорвешься в неподходящий момент? Мне бы не хотелось разгребать завалы из трупов, если у тебя вдруг сдадут нервы... От тебя одного-то хлопот не оберешься. Половину Стражей надо собирать, чтобы уgomонить твои звериные инстинкты, а когда вас четверо... боюсь, пределы не устоят.

— Да не трусь, — смилостивилась Белка. — Мы с Ракшей уже давно ходим в одной связке. Ирташа в пару тоже брали, но ненадолго, потому что он еще молод. К счастью, малыш пошел в мать, а не в отца, поэтому против Карраша нам приходилось справляться втроем, а это неплохой противовес его коварной натуре.

Шранк недоверчиво покосился на жизнерадостно улыбнувшегося мимикра.

— Втроем?

— Ну да. А если считать Таррэна, то уже вчетвером. Но сейчас нам и так нормально. Правда, Ракша?

Молодая хмера согласно рыкнула и, вопросительно глянув на мать, успокоенно втянула когти.

— Вот так, — заключила Белка, посматривая по сторонам сразу через всю стаю. — Ирташ, кстати, вписался даже лучше Каррашика, и это его усилиями они нашли нас так быстро — у мальчика развиваются замечательные способности.

— К-как... Ирташ? — немеющими губами переспросил Маликон, непонимающе глядя на самых что ни на есть хмер. У них с Каррашем лишь глаза остались прежними — желтыми, хищными, да двойной ряд зубов никуда не делся. Как пугали их в обличье гаррканцев, так и сейчас угрожающе скалились. — И Карраш... они же были... Тьма! Белик, кого ты сюда привел?!

— Свою стаю, — гордо улыбнулась Гончая. — Теперь она здесь вся, целиком. И полностью принадлежит мне. До последнего коготка.

— Так ты... вожак, что ли?!

— Я ведь уже говорил.

— Боже... — простонал Сартас. — Я думал, ты только Гончими командуешь!

— Не. Со мной, почитай, никто в пределах не рискует связываться. Хмеры за сто верст обходят, черные питоны издали раскланиваются. Верно, Траш?

Хмера согласно наклонила голову.

— Так и живем помаленьку. — Белка внимательно оглядела ошарашенных перворожденных и довольно кивнула. — Ох, как вы замечательно смотрите! Все прониклись, нас снова уважают. Линни, вы

справляетесь? Учти, дворец скоро опомнится и найдет способ увернуться от моих мечей. Так что нам срочно нужен Таррэн... или любой другой сильный маг, который сможет завершить ритуал передачи власти, иначе минут через десять нас снова попытаются достать.

Младший хранитель тяжело вздохнул.

— Прости, я не могу добраться до Таррэна. Кажется, он слишком далеко ушел. Тир, ты как?

— Плохо, — неслышно прошептал смертельно бледный юный маг. — Его нить слабеет — едва ее чувствую. А Тирриниэль вообще не знаю, как держится.

— Почему? — вдруг нахмурилась Гончая, быстро направившись в ту сторону. — У Таррэна резерва на трех владык хватит. Он не мог растратить! Тирриниэль ему не соперник.

— Но он до сих пор не вернулся, хотя от нашей общей силы там все буквально горит. Я такого огня в жизни не видел, но, кажется, даже его не хватает.

Белка стянула с руки перчатку и положила ладонь на лоб Тира — он был горячим и влажным. Сердце мальчишки билось чаще, чем надо, причем рывками, будто ему не хватало сил. А огонь в зеленых глазах то почти полностью гас, то неуверенно вспыхивал снова. Так, словно его настойчиво пытались загасить.

— Тир, выходи. Немедленно! — рыкнула Гончая, отталкивая его от неподвижного тела владыки.

Юный маг вздрогнул от мощного толчка и неловко упал на спину. А Белка провела рукой по лицу Тирриниэля. Убедилась, что он жив. Озадаченно пожевала губами, безошибочно определив, что он не просто не приходит в себя и даже с помощью сына едва держится на этом свете. А ведь Таррэн получил силу Изияра в нетронутном виде! Запас магии в нем был такой, что страшно лишний раз потревожить! Он одним движением мог уничтожить половину Проклятого леса, поэтому и настоял на том, чтобы покинуть заставу. Не хотел случайно навредить друзьям, ведь его огонь был сильнее магии Велимира и настолько страшнее магии хранителей, что Белка не сомневалась: он сегодня сумеет... до этого самого момента.

Однако сейчас, видя его напряженное лицо, сосредоточенно прикрытые веки и тревожно подрагивающую жилку на шее, она неожиданно осознала, что могучий эльф все-таки не справляется. Душу отца нашел, привязал к себе, пытается вытянуть к свету, но отчего-то теряет так много сил, что не может вернуться обратно.

— Он меня не пускает! — поднялся с земли Тир. — До деда даже дотронуться не дал! Сказал, что я не справлюсь!

— Он прав, — прошептала Белка. — Ты действительно мог погибнуть. Кажется, ему что-то мешает... но я не могу понять, что именно.

— Он тебя слышит? — вмешался Линнувиэль.

— Нет. Но я знаю способ докричаться до любого из вас. Не трогай меня, понял?

Хранитель вздрогнул, поспешно отдернув руку, а она взяла лицо своего лорда обеими ладонями, требовательно притянула к своему и, почти касаясь его плотно сомкнутых губ, прошептала:

— Та-аррэ-эн...

— Так нельзя, — всполошился Линнувиэль. — Ты заберешь его, а владыку оставишь на той стороне!

— Они связаны слишком тесно, поэтому-то ничего и не получается: Тирриниэля что-то убивает изнутри, и с тех самых пор, как Таррэн его коснулся, это «что-то» хочет убить и его.

— Но так не бывает!

— Нет, — прошептала она. — Я хорошо знаю: истинный Уход не причиняет боли, а они... думаю, им сейчас очень плохо. Сомневаюсь даже, что они помнят о нас и прежней жизни — там очень быстро стирается все: чувства, память, долг... Отойди, Линни. Не хочу, чтобы тебя снова зацепило. Во второй раз ты не выдержишь, а я не хочу твоей смерти.

Эльф послушно отстранился, во все глаза следя за тем, как ласково гладит она неподвижное лицо его кровного брата. Как мягко улыбается, будто Таррэн мог это видеть. Сидит возле него на коленях, бережно перебирает упавшие на лоб пряди, ласкает его теплым взглядом и тихо шепчет что-то на самое ухо.

Линнувиэль не слышал слов, да, собственно, и не хотел подслушивать. Он мог лишь догадываться о том, как она зовет Таррэна, — по глазам, по слегка подрагивающим от волнения губам, по легчайшим прикосновениям пальцев, порхающим по коже невесомыми бабочками. Зовет так, как только может любящая женщина звать домой своего мужчину.

— Иди ко мне, — прошептала Белка чуть громче, чем надо, а потом пристально взглянула. И Таррэн будто услышал, неуверенно качнулся навстречу. — Ты мой, остроухий. Ты поклялся. И сказал, что вернешься ко мне отовсюду. Вернись... ты мне очень нужен...

Маликон поджал губы и отвернулся, не в силах на это смотреть. А Белка прижалась лбом к лицу Таррэна и властно повторила:

— Ты мой!

— Да... — вдруг шепнул эльф, не открывая глаз.

— Да, — повторила она, слабо улыбнувшись. — А теперь дыши, мой хороший. Дыши глубоко — тебе нужны силы. Иди на голос и помни: я всегда тебя жду.

Таррэн бездумно качнулся вперед и жадно зарылся лицом в ее волосы, с которых тут же посыпались голубые искры. Он часто задышал, всем существом вбирая в себя ее потрясающую магию, едва не застонал от наслаждения, потому что ее запах даже сейчас сводил его с ума, заставлял бездумно мчаться навстречу и страстно желать ее коснуться, прижаться, обнять... Эльф с рыком дернулся назад, вырывая себя из невидимого плена. Забился в паутине бессилия, безжалостно оборвал невесомые нити, мешающие вернуться к ней. Уже почти коснулся ее, протянул руку и... едва все не испортил. Но Гончая хорошо знала, когда надо остановиться: едва на его груди затлела рубаха, а ноздри возбужденно затрепетали, она отшатнулась, вынудив его тянуться следом как телом, как и душой. Вернулась, маня и дразня, снова почти коснулась его губ, вызвав еще один жаркий вздох, а потом с размаху залепила крепкую пощечину.

Таррэн охнул, моментально придя в себя, потер горящую щеку и изумленно уставился на свою необычную пару.

— Бел!

— С возвращением, ушастик, — нежно улыбнулась она, молча прося у него прощения за эту боль. — Тебя так долго не было, что мы начали волноваться. Сидишь, молчишь, не шевелишься, на вопросы не реагируешь. Линни запаниковал, когда ты не откликнулся. Пришлось звать мне... ну, как умею. Так что не обессудь: немного пожжет, но к завтрашнему вечеру успокоится.

— Почему только к вечеру? — растерялся эльф, осторожно трогая покрасневшую скулу.

— Потому, мой хороший... что я еще и по второй могу врезать, если ты немедленно не объяснишь, что произошло!

— Это не его вина, — прошелестел Тирриниэль, открывая глаза. Среди эльфов послышались облегченные вздохи. — Не надо. Мне тоже больно — он слишком сильно привязал нас друг к другу, вот и... попался.

— Больно?! — рыкнула Белка. — А тебе я врежу отдельно, предатель! За то, что удрал на тот свет, дела свои не закончив! Нет чтобы сперва разобраться с наследством! Так ты, лебедь подгорелый, как специально в обморок хлопнулся и оставил нас в одиночку воевать против твоего дурацкого дворца!

Первороджденные ахнули от такого святотатства, но она на

возмущенный ропот только огрызнулась.

— Не мог раньше подумать, во что мы вляпаемся по твоей милости? Вот, ей-богу, закончим с делами, и я лично отправлю тебя обратно, чтобы впредь головой думал, а не тем местом, каким обычно!

— Малыш, что у вас тут?.. — Таррэн осекся.

Тронный зал всего за несколько минут поменялся кардинальным образом. Стены оголились, опавшая листва устилала пол, вместо звездного неба над головами зловеще скрипели голые ветки. Вокруг стояло несколько десятков уставших, израненных и откровенно растерянных эльфов, чья численность за это время заметно уменьшилась. Совет старейшин уставился на Таррэна, как на ожившего мертвеца, а на владыку — и вовсе как на призрак ушедших эпох, вздумавший вдруг уничтожить мир своим появлением. У Тира в глазах стояло недоверие, смешанное с неподдельной радостью. Мелисса едва сдерживала слезы. Элиар рядом с ней все еще был напряжен, как струна. Шранк даже меч в ножны не убрал.

В тронном зале царила разруха: стены порублены, ветви разломаны, земля нещадно вытоптана, от цветов не осталось даже воспоминаний. А над всем этим безобразием скалились четыре громадные хмеры, весьма заинтересованно поглядывая на сгрудившихся возле трона эльфов.

Таррэн ошарашенно обернулся к Белке.

— Вы что натворили?

— Мы натворили?! — неподдельно возмутилась она. — Это у отца своего спроси, какого Торка он не оборвал связь с чертогами, когда решил помереть нам на радость! Для чего он утянул тебя за собой, хотя даже мне понятно, что ему жить осталось всего-то... Скучно тебе там стало, ушастый?! Компания понадобилась?!

Белка хищно зашипела, вынудив стаю припасть на передние лапы и звонко щелкнуть гибкими хвостами. Звук получился такой, что перворожденные аж подпрыгнули, а Таррэн ненадолго задумался.

— У меня резерв почти пуст, — озадаченно сообщил он через пару мгновений.

— Конечно! Его же выкачали до дна! Если бы я тебя не дернул, вы бы все там оставили и рухнули прямиком к Торку на рога! Хорошо, что у меня получилось до тебя докричаться! А если бы не вышло?

Молодой лорд помрачнел и отстранился от озирающегося отца.

Да, он помнил, что силы все время не хватало, будто ее действительно кто-то вытягивал из эльфа, забирая у него не только магию, но и жизнь. Кто-то умелый и опытный, кто не понаслышке знал, как управляться с «Огнем жизни». Например, сильнейший маг Темного леса? А что?

Нетрудно дотронуться до сына, переполненного жизненно необходимой силой, и взять у него займы. Сначала чуть-чуть, потом побольше, а когда связи упрочились и притянули их один к другому, и вовсе забрать все, до чего смог добраться. Жить-то всем хочется!

Неужели ради этого они так сюда спешили? Ради фальшивых заверений в искренности и неубедительной просьбы заниматься каким-то глупостями? Ради его амбиций, планов, великих замыслов о возрождении леса? Как же... двести лет назад он на это уже замахивался. Выходит, с тех пор его планы не поменялись? Не зря показалось, что владыка сегодня совсем на себя не похож. Значит, вот что он задумал? Одним ударом убить сразу двух зайцев? И трон сохранить, и жизнь, и от непутевого отпрыска избавиться? Для тысячелетнего потомка сумасшедшего мага это было в порядке вещей. Сплести интригу, как он всегда умел, что-то утаить, что-то переиначить. О чем-то умолчать, запутать паутиной слов и долгие годы старательно выгадывать время. В этом он весь — настоящий владыка. И Таррэн отлично помнил, как ловко отец умел добиваться желаемого.

— Ах ты, мерзавец! — прошипела Гончая, заноса для удара руку. — Ты что, думал, я не узнаю? Думал, Тира легче возложить на алтарь, чем кого-то из твоих хранителей? Да? Посчитал, что они на блюдечке принесут тебе свои жизни, чтобы ты и дальше мог влачить свое жалкое существование?

У Таррэна от гнева потемнело в глазах.

— Отец...

— Нет, — качнул головой Тирриниэль. — Я не стал бы разменивать свою жизнь на твое счастье. Больше — нет. Да, я хочу жить, не отрицаю, но не такой ценой. Я уже достаточно пережил, чтобы больше не повторять такой ошибки.

Белка рывком вздернула его с земли.

— Тогда как ты объяснишь, что эти двое едва не кувырнулись следом за тобой, а? Как прикажешь понимать тот факт, что из-за тебя они чуть не... — Она неожиданно замолчала, не договорив, и забавно наклонила голову, рассматривая ошеломленного обвинением эльфа, как неприятную, противную, но пока еще нужную вещь. А потом впиалась железными пальцами в длинное ухо.

Владыка эльфов охнул от боли.

— Так и быть, живи! — с отвращением выплюнула Гончая. — Ради Таррэна я оставлю целой твою паленую шкуру! Заканчивай ритуал и проваливай к Торковой матери! Хочешь — седи на троне дальше, хочешь — помирай, только не смей больше касаться моей стаи!

— Это не я, клянусь...

— Лжешь! — рыкнула она и с силой рванула, с мясом выдирая из длинного уха амулет-накопитель. На землю брызнула кровь, разорванное ухо некрасиво повисло, а раздавленный эльф смог лишь измученно прикрыть глаза. — А это на память возьму! Сувенир в дорогу! Чтобы помнить, кому обязан этой безделушкой! Что, подружка осчастливила?

— Нет. Иттираэль.

— О-о-о! — выразительно протянула Белка, резким движением поднявшись. — Какие интересные у вас отношения! Значит, это его подарочек?

— Да, — равнодушно кивнул Тирриниэль. — Без этого амулета мне не выжить.

— Чудненько. Тогда мне тем более надо тебя ограбить.

Владыка лишь горько усмехнулся. В этот момент в нем словно сломалось что-то. Какой-то стержень, который помогал так долго держаться. И теперь Тирриниэль не имел сил не то что подняться — даже сказать что-то в свое оправдание и заверить сына, что тот совершает ошибку, не мог. На него внезапно навалилась апатия, какое-то необъяснимое безволие, которое невозможно было пересилить. Просто взялось ниоткуда, на корню загасив желание сопротивляться, и оставило лишь способность отстраненно наблюдать за происходящим, не вмешиваясь и не пытаясь что-то исправить. Ну и возможность отсчитывать про себя последние минуты своей жизни, конечно. Снова, как несколько мгновений назад. Только сейчас на душе темного владыки больше не было ни тоски, ни горечи, ни сомнений. Вообще ничего, кроме пустоты, которую оказалось нечем заполнить.

— Готов, — удовлетворенно кивнула Гончая, сминая в кулаке кроваво-красную капельку амулета.

— Ты что наделал?! — одновременно вскрикнули Сартас, Корвин и Маликон.

— Я, знаете ли, не люблю темных. А этот конкретный эльф меня сильно огорчил.

— Белик! — простонал Линнувиэль, схватившись за голову.

— А как я должен был поступить? Стоять и смотреть, как он восстанавливается за наш счет?!

— Он не делал этого! Он поклялся!

— Ну и что? — пожала плечами Гончая, брезгливо отбрасывая искореженный амулет. — Сейчас такое время, что даже эльфы врут направо и налево, — эффект социальной адаптации. Вот скажи мне, Иттираэль, я

прав? Интересно, сколько лет ты помогал этому интригану спокойно жить, а?

— Двадцать, — благоразумно отступил от нее старший хранитель.

— Как трогательно. Неужели даже ты не был в курсе его грандиозных планов?

— Нет, — покачал головой эльф. — Он меня во многое не посвящал.

— Вот видишь, Линни! Я ж говорил, что даже эльфы безбожно врут! — торжествуя кивнула Белка. — Теперь и самые благородные научились заговаривать зубы. Только не вышло у него, не получилось истребить всех наследников Изиара себе на благо. А знаешь, почему это произошло, мой ушастый друг?

Линнувиэль обескураженно покачал головой, не в силах поверить, что владыка Тирриниэль мог поступиться законами чести. Что он мог предать свой народ, свой дом, даже сына и внука. И ради чего?!

— Потому, растерянный ты мой, — тонко улыбнулась Гончая, — что меня очень трудно обмануть. Помнишь? Вижу, что да. Тогда, наверное, ты помнишь и вопрос, который я задал тебе накануне?

Линнувиэль отвернулся от безучастного лица владыки Тирриниэля. Из могущественного мага и правителя будто душу вынули. И только тусклый блеск глаз доказывал, что царственный эльф еще жив. Хотя нет, для присутствующих здесь темных он больше не был правителем. Предатель, вот как вернее. Сын, внук, разочарованно вздохнувшая Милле... От него отвернулись абсолютно все. И это было гораздо страшнее обычной смерти.

— Так что ты решил, Линнувиэль? — необычайно серьезно спросила Белка, пристально глядя в его глаза. — Что ты выбрал, эльф? На чью сторону встанешь?

— На твою, конечно, — невесело усмехнулся остроухий маг. — Или у меня есть выбор?

— Выбор есть всегда, — прошептала она, незаметно подбравшись. — Особенно когда мы разрываем кровные узы. Это нелегко, но постарайся вспомнить все, что с тобой было. Кто и зачем отправлял тебя в Серые пределы. Что было сказано в этом зале двадцать лет назад, когда собрали первый за девять тысяч лет большой совет, а ты неожиданно получал новый титул. Вспомни, по какой причине с нами была Мирена. Как мы шли вместе этот путь. Как умирал в первый раз твой владыка, напрочь позабыв о своем народе, о своем долге и о том, что его Уход неизменно уничтожит нас. Подумай, мог ли он сделать это по своей воле... И еще подумай о том, по какой причине Таррэн остался без сил, — магия, как известно, не исчезает бесследно. Если она ушла от него, значит, кто-то другой ее

непрерывно заберет. Ты понимаешь меня, хранитель?

Линнувиэль вздрогнул одновременно с Таррэнном и Аттарисом. Замедленно поднял взгляд. Нашел в толпе старшего брата. Затем обернулся на бледного до синевы повелителя и... снял с его левой руки родовой перстень. На всякий случай, чтобы никто не причинил владыке вред.

— Да, — безжизненно уронил он в пустоту. — Думаю, я тебя понял.

Белка, знаком отогнав своих кошек подальше, с легкой усмешкой взглянула на Иттираэля.

— А ты?

— Что? — насторожился маг.

— Ты-то хоть чему-то научился за свои девятьсот лет?

— Например?

— Например... — она плавно сдвинулась в сторону, исподлобья изучая его лицо, — тому, что не стоит недооценивать противника, даже если он мал ростом или не достиг совершеннолетия. Тому, что планы не всегда реализуются так, как мы того хотим, и даже самые близкие люди порой не оправдывают наших ожиданий. Ты ведь маг, политик и стратег. Старший хранитель... как звучит, да? А ведь тебя хорошо знают и за пределами леса. У светлых, например. У тех же гномов. Причем о-о-очень давно.

— К чему ты клонишь?

— Просто хочу сказать, что даже лучшие из лучших порой совершают ошибки. Ты со мной согласен, эльф?

— Да. Идеальных планов не бывает, — настороженно отозвался Иттираэль, все еще не понимая, что от него хочет этот смертный.

— Зато все мы стремимся к совершенству, желаем достичь гораздо большего, чем имеем на данный момент. Одному хочется денег, другому нравится жена соседа, а кому-то нужна самая малость — всего лишь наш славный, чистый и почти беззащитный мир. Верно, Иттираэль?

Хранитель отступил к противоположной стене.

— Зачем мне весь мир?

— А сам как думаешь? — вкрадчиво спросила она, медленно обходя его по дуге. — Неужели не надоело все время быть на вторых ролях? Никогда не хотелось чего-то большего? Власти? Крови? Не хотелось испытать экстаза от чувства абсолютной вседозволенности? Неужто никогда не думал, что должность хранителя — не твой потолок?

У Иттираэля опасно похолодели глаза.

— О чем ты говоришь, человек?

— О тебе, эльф. А еще о том, что имеет смысл повнимательнее

почитать хроники... особенно если замыслишь предательство.

ГЛАВА 22

В тронном зале на несколько томительно долгих мгновений стало оглушительно тихо. Казалось, пролети мимо какая-нибудь мошка, дрожание ее крылышек оглушило бы всех, кто сейчас вслушивался в воцарившуюся весьма недобрую тишину.

— Не понимаю, о чем ты, — наконец сухо уронил Иттираэль.

Вместо ответа четыре хмеры зашипели, неуловимо быстро скользнув к хозяйке, но Белка знаком велела им отойти — не для того она звала сюда стаю, чтобы тратить их силы на такую глупость, как собственная защита.

Карраш глухо заворчал, но послушно отошел к Таррэну, который без магии стал слишком уязвим. Следом за мимикром вокруг трона собрались остальные звери и, прикрыв бессмертных своими телами, бесшумно оскалились.

— Видишь ли, ушастый... — Белка задумчиво качнулась на носках. — Мне в последние годы не давал покоя один вопрос: откуда твой любимый ученичок смог узнать об изменении? Ведь ваши хроники неполны. В них нет детального описания кругов жизни, полного подчинения и Ухода, потому что кто-то давно подправил эти записи, дабы никто и никогда не узнал, над чем в свое время так старательно работал Изиар. Создается впечатление, что ваш ненормальный предок заранее позаботился о том, чтобы никто, кроме него, этих заклятий не понял. А он ведь планировал вернуться. Продумал все до мелочей. И лишь после того, как убедился, что сумел всех обмануть, ушел...

Иттираэль подобрался.

— Но знаешь, что самое любопытное? — так же спокойно продолжила Гончая, не делая попыток к нему приблизиться. — Изиар уже тогда понимал, что не сумеет вернуться без посторонней помощи. Поэтому придумал, как заставить вас приблизить его возвращение. Сделал так, чтобы и светлые, и темные, и даже гномы изо всех своих сил старались ради исполнения его планов. Столетиями забирал жизни своих потомков, почти девять эпох впитывал их магию. И планировал, набравшись сил, закончить то, что начал во время расовых войн...

— Он хотел стать богом, — неслышно уронил Линнувиэль, неверяще глядя на старшего брата.

— Хотел, — кивнула Гончая. — Но проблема в том, что в пределах Лиары это неосуществимо — в нашем мире слишком много магов,

способных остановить одного спятившего темного. А идея Изиара была проста до безумия — вскрыть проходы между мирами и, пока мы возимся с потусторонними исчадиями, хватануть столько сил, сколько получится. Ведь максимум энергии выходит из тела лишь в момент смерти, а в то время эльфы гибли тысячами. Где, как не на поле битвы, искать абсолютную власть? Другой вопрос: каким именно Изиар планировал воплотиться, Тело-то за девять тысяч лет испарилось, а душонка в зеркале не больно-то способна повелевать. Да и не справиться ему было одному. Верно, Иттираэль?

Эльф угрюмо промолчал, поэтому Белка бодро закончила сама:

— Кому, как не старшему хранителю, было не знать об этом? Изиар, кстати, не дурак, потому что не один век ломал голову над этим вопросом. И нашел, между прочим, ответ!

— Изменение... — судорожно сглотнул Линнувиэль, чуть ли не с ужасом глядя на разглагольствующую Гончую.

— Точно, Линни. Изиару нужно было новое тело. Сильное, мощное, хорошо подготовленное к его возможностям. А где его взять? Правильно, найти подходящего младенца и потихоньку вселиться, как это делают самые обычные призраки. Проблема лишь в том, что у вас, любезные, рождается очень мало детей. И Изиар решил не полагаться на волю случая, а позаботиться о своем драгоценном теле. Он надумал создать его из подручного материала, изменив кого-нибудь из ваших женщин так, чтобы получить то, что нужно.

Белка грозно оглядела столпившихся эльфов, среди которых находилась Мирена, и выразительно оскалилась.

— Поначалу он думал использовать одну из ваших красавиц. Взять, как обычную заготовку, кое-что поправить — и готово: рожденный ею малыш стал бы идеальным вместилищем для извращенных изиаровских мозгов. Но увы, эльфийки оказались слишком хрупки для придуманных им рун и слишком редко рожали детей, чтобы Изиар продолжал и дальше свои эксперименты. Поэтому после серии сокрушительных неудач, из-за которых в роду Л'аэртэ перестали рождаться женщины, ему пришлось поумерить аппетиты. Ровно до тех пор, пока в его больную голову не пришла мысль о том, что матерью могла стать женщина не только его народа...

Тир с болью посмотрел на маленькую Гончую, и Белка, словно почувствовав, обернулась.

— Ты прав, мальчик: именно тогда были придуманы руны изменения. Потом они лишь шлифовались и подгонялись в надежде, что когда-нибудь в

этом мире появится существо, способное их выдержать. Прости, малыш. На самом деле именно ты должен был стать тем, кого так сильно ждали Изиар и его потомок — Талларен илле Л'эртэ. И те руны... боюсь, они были предназначены для того, чтобы Темный лес однажды заполучил тебя.

— Я...

— Да, — невесело кивнула Белка. — Однако после ухода Изиара о них забыли, ими долго не решались воспользоваться. Но на исходе девятой эпохи, когда восемь кругов из девяти были пройдены, а восемь жизней из девяти необходимых были отданы на откуп... Линни, не смотри так — твои предки отлично знали, для чего в правящем доме рождался младший сын... вот тогда и настало время для нового изменения. И именно тогда хранители вспомнили о той части хроник, которую никто, кроме них, не видел. Правда, Иттираэль? Ведь даже твой владыка не читал этих строк и не знал истинной причины того, зачем Талларен решился на эксперименты.

Древний маг быстро покосился на молодого лорда, который тоже стал понимать, что произошло. Все то, о чем Белка даже недоговорила. То, о чем он раньше не догадывался сам. Еще больше Таррэн вспомнил, воспользовавшись дремлющей памятью Лабиринта, и наконец с досадой посмотрел на прикусившего губу Тира. Кажется, мальчик знал об этом не меньше.

— Торково копыто! — пробормотал хозяин Серых пределов. — Как же я тебя упустил?

Тир болезненно дернул щекой.

— Проклятье... Малыш, я этого не хотел. По крайней мере, не так. Не здесь.

— Я знаю, — неслышно обронил юный маг. — И не в чем тебя не виню. Прости, что я не сказал.

Мелисса, незаметно подкравшись, уцепилась за руку Тирриниэля, но этого никто не заметил, кроме встрепенувшегося владыки. А она, увидев проблеск понимания в его глазах, выразительным жестом приложила пальчик к губам.

— Скажи-ка, Иттираэль, — тем временем улыбнулась Белка, — откуда об изменении узнал Талларен? Как он мог вычертить эти треклятые руны, если о них знали лишь вы, старшие? Он был твоим лучшим учеником. Он больше трехсот лет изучал вместе с тобой тексты хроник. Именно он заметил в них несоответствия, а потом пришел к тебе, чтобы разобраться. Может, ты подскажешь, каким образом он сумел найти полное описание ритуала? Откуда взял точный перечень нужных для этого рун? Как, наконец, сумел вынести из сокровищницы вашу копию хроник с тем, чтобы

сравнить ее с копиями светлых и даже гномов? Наконец, как он мог это сделать без твоего ведома?! Может, у тебя есть ответы на мои вопросы? Или ты подскажешь нам, какого Торка твой ученик делал в Малой стороже в то время, когда должен был заниматься твоими любимыми текстами?!

Иттираэль едва заметно вздрогнул.

— Где?

— В стороже. В королевстве людей, куда он пришел непрошеным гостем и где мог быть уверенным, что даже твои ищейки его не выследят. Что вы не поделили с наследником престола? Когда он решил, что сумеет обойтись без тебя? Уж не добычу ли вы делили, предусмотрительный ты наш? И не для того ли первоначальный рисунок был слегка изменен, чтобы новые игрушки обрели другого хозяина?

— Откуда ты знаешь? — прошептал пораженный в самое сердце эльф.

— Может, тебе еще раз напомнить, что случилось сорок один год назад? Рассказать, кто убил наследника темного трона? Или, может, мечи его показать, чтобы получше дошло?

Иттираэль оторопело перевел взгляд на парные мечи, которые до сих пор торчали из стены. Неожиданно вспомнил, как умело она ими орудовала, и лоб его вдруг покрылся испариной. Эти клинки нельзя было не узнать — они специально ковались для будущего владыки. Закаленные в его крови и начиненные магией по самые рукояти. Той самой магией, которой он сам когда-то обучал наследника престола!

— Ты...

— Я, — прошептала Белка, возбужденно раздувая ноздри.

— Ты убил Талларена илле Л'аэртэ!..

— Да. Потому что он когда-то убил меня, глупый эльф. Но это был честный обмен: жизнь за жизнь, так что мы квиты.

— Белик! — пораженно вскрикнул Сартас, пытаясь протолкнуться вперед. — Но Талларен погиб много лет назад!

Гончая оскалилась.

— Считаешь, я не поспорил бы с ним на равных? К твоему сведению, в моем роду вот уже семь поколений рождаются исключительно Стражи. А мне, чтоб ты знал, и много лет назад были отлично известны все ваши уязвимые места. Особенно то, что эльфийского мага можно убить, лишь всадив нож ему в сердце и разбив родовой перстень. Собственно, так я и сделал. Что же касается посмертного проклятия, от которого погибла сторожа, то Талларен сам позаботился о том, чтобы я его избежал. Он, знаешь ли, был весьма дальновиден.

— Но полукровкам не дано такой силы!

— Кто тебе сказал, что я полукровка? — насмешливо хмыкнула она. — Разумеется, ваша кровь во мне есть, иначе вон те мечи мигом оборвали бы мне руки. Просто... видишь ли, Сартас, я, скажем так, не совсем человек. Точнее, перестал им быть примерно сорок лет назад, когда так недолго, но весьма плодотворно пообщался с одним нашим общим знакомым. Он, как ты уже знаешь, этой встречи не пережил, а я... Признаться, Талларен успел меня слегка изменить.

— Тебя? — неверяще прошептал Иттираэль, шаря полубезумным взглядом по ее красивому лицу. — Тебя?!

— Что, не похоже на сокровище, которое ты так мечтал заполучить? — хмыкнула Гончая. — Не зря Талларен предполагал, что у тебя на изменение есть собственные планы. Это ведь твоя волосатая лапа торчит за теми изменениями в чертогах, что я успел почувствовать? И это ты собирался завершить девять кругов жизни, за которые столько веков боролась твоя ветвь? Талларен был лишь орудием в твоих руках, помощником, которого ты не во все посвятил, но который оказался слишком умен, чтобы направить твои знания на собственные нужды... так ведь, Иттираэль? За изменением с самого начала стоял именно ты? Ты, а не твой владыка.

Темный эльф встретил ее горящий взгляд и судорожно вздохнул. Неужели Талларен все-таки добился успеха и создал то, на что были потрачены тысячелетия ожидания, сотни лет работы с хрониками, десятки неудачных опытов? То, ради чего им с Таллареном пришлось рискнуть своим положением, силой и самой сутью, пытаясь убедить владыку в необходимости эксперимента? Бездна... ну почему молодежь всегда нетерпелива?! Ведь еще несколько лет — и все бы получилось. Но нет, этот выскочка в самый ответственный момент сорвался, уничтожил исходный материал, забрал самые важные части хроник и исчез, оставив учителя ни с чем. Не понимая истинного смысла изменения, хотел урвать кусочек лично для себя! Безумец! Хотя и гениальный, потому что все-таки добился своего. Сумел собрать воедино отрывочные сведения. Смог воплотить в жизнь давнюю мечту всей своей ветви.

Талларен илле Л'эртэ совершил всего одну ошибку: он бросил на алтарь не того. Передал своему созданию слишком много воли, поделился самым сокровенным и упустил из виду, что на краю гибели даже смертные способны на подвиги. Что они, короткоживущие, умеют мстить почти так же страшно, как многоопытные в этом вопросе эльфы.

Белка, правильно расценив выражение его лица, нехорошо улыбнулась.

— Вы же из-за этого разругались, Иттираэль? Из-за того, что Талларен

хотел получить красивую игрушку для себя одного, тогда как ты готовил ее для другого? Ведь это твоя ветвь так истово жаждала возвращения Изиара? И это для него ты готовил измененную девочку, верно?

Хмеры грозно заворчали.

— Вам было известно, что Изиару для нового воплощения понадобится тело, и именно вы... да-да, не отводи глаза... решили заняться его созданием. Через дурацкие руны, через вашу кровь, в которой так много нужного для полноценного ритуала! А еще ты, как и все твои предшественники, прекрасно знал, почему у владыки всегда должно рождаться только два сына. Один из них предназначался в жертву, а второй, едва войдя в силу, должен был заменить отца. Собственно, меня давно настораживал тот факт, что к этому моменту владыка чудесным образом утрачивал свою магию. Но теперь мне кажется, что и это происходило не без вашего участия. Тебя лично и всех тех, кто был на месте старшего хранителя до тебя.

Еще до того, как Белка замолчала, Тир осторожно потянулся к мечам. Элиар, переглянувшись с побратимом, тоже подобрался, ненавязчиво сплетая вокруг друзей невидимую простому глазу защиту. Мирена до крови прикусила губу, все еще не решаясь выйти из-за спины отца. Старейшины непонимающе вертели головами, искренне не желая понимать, что к чему. Корвин и Маликон, не сговариваясь, загородили собой повелителя, их эльтары не замедлили прикрыть его с другой стороны. Сартас сделал знак уцелевшим воинам личной стражи владыки приглядывать за магами, двое или трое из которых с каким-то нехорошим ожиданием посматривали в сторону Иттираэля. Мелисса прижалась к Тирриниэлю. А затем посвежевший, помолодевший, заметно набравшийся сил владыка неожиданно встал и расправил плечи.

— Я... уничтожу тебя! — вдруг прошипел Иттираэль, неуловимо быстро вскидывая руки. — Пусть тебя и создал Талларен, но я исправлю его ошибку!

— Бел! — гаркнул Шранк и метнулся вперед, но был немедленно отброшен когтистой лапой и с рыком отлетел назад. — Карраш! Ты что делаешь?!

Громадный мимикр поднялся во весь немаленький рост и глухо заворчал, собираясь высказать все, что думает по поводу дурных смертных, лезущих в то, что их совершенно не касается. Но не успел: чертоги в третий раз за эту долгую ночь содрогнулись до основания и вдруг окутались бешено ревущим пламенем. А Иттираэль... один из наследников Изиара... второй по силе маг Темного леса и единственный, кто мог

претендовать на место повелителя, когда того не станет... неожиданно рассмеялся.

Он так долго ждал подходящего момента. Все предусмотрел, выбрал из возможных путей наиболее вероятные и только сейчас, когда шансы на победу стали так очевидны, неожиданно ударил. Чем он рисковал? Да ничем! Владыка Л'аэртэ обессилен. Его единственный сын, спасая Тирриниэля, истощил весь свой резерв, который мог бы использовать для защиты. Сопляк слишком молод, чтобы побороться с Иттираэлем на равных. А Линнувиэль... жаль, конечно, его потерять. Но в Тире наверняка вскоре проснется кровь Талларена, значит, Линнувиэля будет кем заменить, если он сегодня совершит ошибку. Достаточно надавить на мальчишку — ради друзей он на все согласится.

Иттираэль горящими глазами оглядел потрясенных эльфов и заметил, что владыка, кажется, начал наконец-то понимать, куда подевалась его знаменитая сила. На протяжении десятилетий она по каплям утекала от него, постепенно переходя в чужие руки. Кажется, гордый повелитель даже начал догадываться, отчего так долго был немощен и слаб, почему стал утрачивать способность творить простейшие заклинания. Точно так же, как начал неожиданно осознавать, откуда у его хранителя взялась такая невероятная мощь.

Иттираэль, поймав на себе сразу три ненавидящих взгляда, улыбнулся еще шире: о да, ему очень пригодятся украденные силы. Это щедрый подарок от владыки, от его глупого внука и, что самое приятное, от Торриэля. Жаль, что Гончая сломала амулет. Столько времени было потрачено, чтобы из полезного накопителя превратить его в вампира, способного незаметно высасывать чужую жизнь. Ну да ладно. В конце концов, его всегда можно создать заново. Или придать парочку других полезных свойств, как, например, умение подавлять волю носителя или заменять его память по своему усмотрению. Говорят, владыка Изараэль когда-то любил так развлекаться с подданными. Может, оно и к лучшему, что его не удалось вернуть? Зачем Лиаре сразу два бога?

Иттираэль довольно зарычал, чувствуя, как бушуют в нем силы сразу трех могущественных магов. С его ладоней слетело сразу два сгустка ядовито-зеленого огня. На долгое мгновение замерли в воздухе, сочась нерастраченной мощью, задрожали, а потом с торжествующим ревом сорвались вперед. Один — в сторону хмер и неверяще замерших эльфов, а второй...

— Белка! — в ужасе выдохнул Шранк, прекрасно видя, кого так стремился уничтожить сумасшедший эльф.

И именно в этот момент волна неистового жара накрыла их с головой.

ГЛАВА 23

Первороденным потребовался всего лишь миг на осознание, единственный удар сердца. Но этого мига оказалось мало, чтобы закрыть собой маленькую Гончую. Единственное, что успели сделать оставшиеся верными владыке хранители, — это торопливо выставить между собой и «Огнем жизни» сразу несколько магических щитов.

Похоже, Иттираэль не разменивался на мелочи и решил не просто напугать сородичей мощью, а просто-напросто уничтожить. Кажется, ему не нужны лишние свидетели. Как не нужны возможные соперники и любые, даже самые слабые протесты. Похоже, он действительно сошел с ума!

Щелк, щелк... Первые два щита с треском развалились, едва их коснулась стена огня. Щелк, щелк... И равные опустили руки: не им тягаться с магом, сумевшем обрести такую страшную силу. Если бы не хмеры, присутствие которых хоть как-то ослабляло ее напор, быть бы всем им уже огромными головешками.

Карраш глухо рыкнул и пригнулся, пряча уязвимые глаза, чтобы их не выжгло за то время, пока остроухие соизволят опомниться. Приказ вожака он понял хорошо: защитить ушастых во что бы то ни стало. Вобрать в себя магии столько, сколько получится, и дать им возможность выиграть время. Мимикр скрипнул зубами и постарался закрыть собой как можно большее пространство, чтобы за ним, как за живой стеной, укрылись дурные типы, что таращатся сейчас сзади и не могут понять, отчего все еще живы.

Секунда, две, три...

Траш, отпихнув кого-то за спину, раздраженно рыкнула. Ну, скоро они там? Хмеры, между прочим, небессмертные! Сами скоро расплавятся!

— Я готов, — напряженно бросил Элиар, закончив наконец плести свой мудреный щит. — Таррэн?

— У меня мало сил, — прикусив губу, отозвался тот, заставив присутствующих обернуться.

— Возьми мои, — тут же предложил Тир.

— И мои, — робко улыбнулась Милле, беря молодого лорда за руку.

Линнувиэль со смешанным чувством посмотрел на юную красавицу и решительно встал рядом, протягивая ладонь своему повелителю.

— У меня тоже немного есть. Может, не столько, сколько хотелось бы...

Таррэн знаком велел ему замолчать. Он прикрыл глаза, всем существом чувствуя поддержку друзей и родных. Мысленно потянулся к стае, вокруг которой все еще метался «Огонь жизни». Не заметил, когда его руки коснулись чужие пальцы, а затем чья-то крепкая ладонь настойчиво дотронулась до груди.

— Я выбрал, мой лорд, — прошептал Линнувиэль. — Я верю вам и останусь до конца, что бы ни случилось. Вернее, с тобой останусь... брат.

Таррэн улыбнулся краешками губ и уже без колебаний принял предложенную помощь. На что молодой хранитель с невыразимым облегчением вздохнул и открыл для него свои резервы, отдавая все, что имел.

«Рисковый ты парень, Линни, — неожиданно коснулась его разума легкая мысль. — Постарайся там выжить, что ли, а то без тебя нам станет скучно».

Эльф изумленно распахнул глаза, но тут Элиар активировал свою защитную сеть, и Линнувиэлю разом стало не до чего. Как оказалось, побратим Таррэна сотворил нечто невероятное — без участия молодого лорда переплел исконно светлое заклинание с таким же исконно темным. Причем быстро, умело, явно делал такое не в первый раз. А Таррэн наполнил его необычное плетение остатками собственных сил, сотворив нечто и вовсе невообразимое. Нечто, при виде чего Линнувиэль неожиданно поверил в чудо.

— Куда столько валишь? — вдруг прошипел Элиар, делая с заклинанием что-то непонятное. — Сколько раз тебе говорить, что защита — дело тонкое! Это тебе не по ушам давать и не шары ваши дурацкие творить!

— Не мешай, — процедил в ответ Таррэн. — А то поджарю и тебя заодно, и будешь потом во второй раз позориться перед девочками.

— Я тогда скажу Белке, для чего ты весь последний месяц собирал орехи, да еще и Шранку велел молчать о прибывшем на заставу грузе! Ты мне сам рассказал!

— Только попробуй вякни!

— Заткнись и делай, что говорят! Легче! Легче, я сказал... Так, темные! Ну-ка, марш оттуда! За спины, за спины наши заходите и владыку своего не растопчите по пути. Траш, подхвати левую сторону, я немного вектор смещу! Отлично, а теперь забирай Ракшу и Ирташа, бегите сюда, пока откат не дошел!

Хмеры мурлыкнули и послушно прижались к ногам обоих магов, старательно оберегая их от отката. Линнувиэль осторожно скосил глаза,

когда его затылка коснулась чья-то жесткая холка, встретился взглядом с Траш и искренне понадеялся, что эта свирепая хищница не откусит ему что-нибудь важное.

Хмера хмыкнула и обнадеживающе дунула на его макушку.

«Чего дергаешься, ушастый? Невкусный ты. Даром, что маг. Так что не вертись и делай свое дело, пока в зуб не получил».

Линнувиэль с удивительным хладнокровием отметил, что начал сходиться с ума. Но Торк всех задери, он знал этот ехидный голос! Эльф даже язык прикусил, чтобы не заорать. Но поймал еще один насмешливый взгляд, только теперь от Таррэна, и окончательно растерялся. Это что, его читают?

«Именно, — промурлыкал в голове тот же голос. — Так что следи за мыслями, друг мой. Они порой бывают оч-чень опасными. И за резервом посматривай, а то до дна немного осталось».

— Белка! — неверяще ахнул он, неожиданно прозрев. — Когда ты успела?

«Нечего было гиенам подставляться, дурачок».

Линнувиэль едва не взвыл, запоздало поняв причину ее откровенности и тех долгих многозначительных взглядов, которые начал в последнее время замечать. Обманщица! Двуликая наглая кошка!

«Тише, ушастик. Ты мешаешь мне сосредоточиться».

— Тьфу! — окончательно расстроился хранитель, и Таррэн с Элиаром понимающе переглянулись. — Ну, Белка... дай только шанс, я тебе так всыплю!..

«Обещаешь?!» — ненормально оживилась она.

— Да! Торк тебя возьми!

«Отлично! Таррэн, передай Крикуну, что он проиграл наш маленький спор, — гляди, мы уже в Темном лесу, а этот остроухий все еще искренне меня ненавидит! У-у-ух, как же это здорово... Все, мне пора: Иттираэль, кажется, выдохся», — неожиданно посерьезнела Гончая и, прежде чем ей успели что-то возразить, пропала из виду. А до Линнувиэля вдруг дошло, что все то время она оставалась снаружи.

Господи... да как же ее не спалило? Куда спряталась? На потолок залезла?!

Молодой хранитель окончательно растерялся и напряженно всмотрелся в уже потускневшее, заметно опавшее пламя. И только поэтому успел заметить объятый зеленовато-рыжими всполохами силуэт — разбежавшись с места, Белка, наплевав на огонь, свирепой кошкой прыгнула на замешкавшегося мага.

У Иттираэля при виде Гончей расширились глаза. Но поздно: она уже летела к нему в громадном, невероятно быстром прыжке — подобравшаяся, как настоящая хмера, в горящей одежде, от которой сплошной полосой тянулся такой шлейф огненных искр, что у перворожденных невольно вырвался горестный стон.

Обреченный маг инстинктивно шарахнулся прочь, потому что объятые пламенем с ног до головы чудовище даже сейчас, наполовину обгорев, не собиралось умирать! Белка летела, выхватив в прыжке сразу оба метательных ножах, намереваясь решить этот вопрос раз и навсегда. Без оглядки, без сомнений и без всякого сожаления.

— Таррэн, да Бел же горит! — выдохнул Шранк, остановившимся взглядом следя за своим великолепным вожаком.

Таррэн чуть приоткрыл веки: да, Белка действительно горела. Не в первый и, наверное, далеко не в последний раз. Огонь игриво плясал в ее волосах, струился по обнажившейся коже, льнул к ней, как к родной, одновременно укрывая от жадных мужских взглядов. Она была создана для его заботливых рук, давно не боялась пламени и вот уже двадцать лет без всякого страха купалась в нем, как в купели. Доверяла. Верила. Любила и искренне удивлялась, когда кто-то этого не понимал.

Да и как его можно было не любить? Такой теплый, ласковый... это ведь был его огонь. Таррэна. Тот самый, что не мог причинить ей боль. Тот, что был беззаветно предан своему создателю и никогда не посмел бы обжечь дорогое ему существо. Даже в чужих руках. Талларен хорошо потрудился, создавая свою лучшую игрушку. Он дал ей силу, защитил от всего, от чего только мог, хоть и едва не убил при этом. Однако Таррэн вернул ее к жизни, окружил невероятной нежностью и заботой, поэтому Белка бесконечно любила все, что с ним связано. Поэтому же бесстрашно окунулась в пламя, легко прошла его насквозь и довершила наконец свой потрясающе грациозный прыжок.

— Вот и все! — выдохнула она, с силой сминая коленями грудь Иттираэля и отшвыривая его на десяток шагов. — Теперь ты мой!

От удара у эльфа перехватило дыхание. Он захрипел, задергался, сиюсь подняться, но второй удар вмял его в землю еще сильнее. Эльф закашлялся, невероятным усилием приподнял тяжелые веки. Увидел, как гаснет призванный им огонь. А потом ощутил, как что-то жестоко выламывает ему пальцы, сдирая родовой перстень, и в панике распахнул глаза.

— Как ты?..

— Вот так, — облегченно выдохнула Белка, сжав драгоценное

кольцо. — Всегда знала, что магам нельзя доверять. Одно хорошо: мало вас осталось. А теперь будет еще меньше.

Она хладнокровно кивнула на два длинных ножа, которые торчали из его груди, и деловито подбросила на ладони добычу. После чего жестоко усмехнулась, перехватила проклятого дракона поудобнее и, коротко замахнувшись, ударила о навершие одного из кинжалов. Раздался оглушительный хруст, на израненную землю пролился настоящий дождь из зеленых осколков, а Гончая, смяв в кулаке золотой ободок, удовлетворенно кивнула.

— Кажется, это уже входит в привычку...

Иттираэль тихо вздохнул и умер. А Белка выдернула из его груди свои ножи, брезгливо отерла о его одежду, спрыгнула на землю и, оглядев оцепеневших эльфов, хмуро поинтересовалась:

— Чего вылупились?

Шранк, отодвинув с пути какого-то ушастика, оглядел жоака с ног до головы и деликатно кашлянул.

— Бел, ты горишь.

— Да? — удивилась Гончая, но опустила глаза и поняла — правда. Причем, что самое обидное, изменить и исправить было ничего нельзя: от одежды остались жалкие обгорелые лохмотья. — К'саш! Опять новую куртку покупать!

Белка сокрушенно покачала головой, отчего остатки ее вязаной шапочки рассыпались в пыль. Брезгливо отряхнулась, пробурчала что-то нелестное в адрес остроухих, которые только и знают, что огнем швыряться куда ни лень. Освободилась от остатков сапог и наконец выпрямилась, показавшись присутствующим во весь рост.

Линнувиэль поспешно отвел нескромно загоревшийся взгляд, потому что сейчас, лишенная мешковатых штанов и просторной рубахи, она действительно была хороша. Сартас неприлично разинул рот. Корвин и Маликон глухо застонали. Аззар порозовел. Выглянувший из-за его плеча Атталис тяжело вздохнул, а остальные просто застыли, пытаясь осознать увиденное.

— Ну вот, — расстроилась Белка при виде впавших в ступор эльфов. — Что за день такой паршивый? Один помирает не вовремя, другой предает и одежду портит почему зря... А моя шапочка? Таррэн, этот гад спалил Вейнин подарок!

— Мы тебе новую купим, — с улыбкой ответил молодой лорд, гася последние искры огня. — Хоть с бриллиантами, хоть с изумрудами, а хоть из простой травы.

— Зачем мне с бриллиантами? Не-э-эт, ты мне такую же найди.

— И что, тогда ты будешь счастлива?

— Ну-у-у, — задумалась Гончая. — По крайней мере, сердиться точно перестану.

— Я могу попробовать достать, если хочешь, — сдавленно закашлялся Линнувиэль. — В наших хранилищах какого только барахла нет. Не думаю, что владыка Тирриниэль не пожертвует одну симпатичную шапочку, чтобы ты не разнесла нам дворец окончательно.

— Фу, Линни. Как ты можешь обо мне так плохо думать?

— Я не плохо думаю, — с улыбкой возразил эльф. — А просто реально смотрю на вещи.

— А то, что я прибила твоего брата, тебя не смущает?

— Почему это должно меня смущать? Между прочим, у Таррэна ты тоже брата прибила, а он вовсе не выглядит расстроенным. К тому же предателей я не уважаю.

— Похвально, — рассеянно отозвалась Гончая, грациозной походкой подходя к попятившимся эльфам.

Карраш счастливо заурчал и, потершись о ее плечо страшноватой мордой, что-то быстро-быстро пролопотал на своем зверином языке. Белка так же рассеянно кивнула, потрепала подошедшего за порцией ласки Ирташа, погладила Ракшу, позволила Траш потереться щекой. Наконец, приблизилась к качающемуся от слабости Тирриниэлю, отобрала его перстень у Линнувиэля и, нацепив его на положенное место, придирчиво оглядела владыку эльфов.

— Ну, живой? Гляжу, резервы совсем на нуле, как у Таррэна и этого хитрого мальчишки?

— Я не мальчишка! — запротестовал Тир.

— Мальчишка... думаешь, твоих неполных двадцати лет достаточно, чтобы со мной препираться?

— Сколько? — заметно вздрогнул Тирриниэль.

— Я не препираюсь! — насупился Тир.

— Тогда что же ты сейчас делаешь?

— Спорю. А это совершенно разные вещи. И вообще...

— Тирраэль илле Л'эртэ! — внезапно посуровел ее голос, и юноша обреченно опустил плечи. — Я смотрю, пребывание в Темном лесу плохо на тебя повлияло. Мне что, напомнить о твоём обещании беречь Милле и держаться подальше от темных?

Тир поспешно мотнул головой.

— Не надо! Я больше не буду.

— Так-то, — кивнула она. — А теперь иди сюда. Я на тебя наконец посмотрю.

Юный гений смущенно потупился и безропотно дал себя обнять.

— Ну чего ты? Со мной все хорошо, даже не задели...

— Знаю я твое «хорошо»: от вас, торопыг, только отвернись, как тут же синяков понаставите, где можно и нельзя. Прямо как специально за ними охотитесь. Не задело тебя, малыш?

— Мама!

Белка тепло улыбнулась.

— Как же быстро ты повзрослел, мой мальчик... А давно ли мечи впервые в руки взял?

— Что-о-о?! — взвился под самый потолок вопль. — Как он сказал: мама?

Линнувиэль неприлично разинул рот и уставился на Гончую, словно в первый раз увидел.

Значит, она... и Таррэн... и эти дети... Мать честная! Да ведь мальчишка — копия молодого лорда! Да и откуда же ему еще взяться, если у владыки Л'эртэ было всего два сына, и лишь один из них остался в живых? Святые небеса!

Владыка Л'эртэ спал с лица, когда услышал полное имя внука: Тирраэль илле Л'эртэ... У мальчика оказалось правильное имя! Достойное наследника правящего рода. Тирриниэль с неподдельным восхищением оглядел маленькую Гончую и уважительно ей поклонился. А Белка ласково провела ладонью по щеке Тира, заодно пополнила его истраченный резерв и взъерошила непослушную челку.

— И когда ты успел стать таким колючим? Всего на пару месяцев вас отпустили, а вы... ответь мне, пожалуйста, когда ты коснулся огня, мой мальчик?

— Когда ранили Вала, — понурился юноша. — Но я случайно, честное слово!

— Это моя вина, — шмыгнула носом Милле. — Вал не виноват, не обижай его — он хороший! Да, он допустил ошибку, но их было слишком много! Ракша, скажи, что так и было! Ты ведь можешь посмотреть через меня!

Молодая самочка с урчанием скользнула к своей младшей сестренке и согласно рыкнула.

— Да не надо, я и без вас знаю, как все было, — отмахнулась Белка. — Ирташ уже подсмотрел у Тира. Так что Вала, пожалуй, не буду пинать... слишком сильно. Просто хотела убедиться, что вы оба отдадите отчет в том,

что натворили, и готовы отвечать за последствия. Ведь так?

— Да, мама, — дружно вздохнули дети.

— Отлично. Мелисса, иди сюда, я тебя наконец обниму. Ты ведь уже научилась делать то, что я тебе показала?

— Да, мама, — совсем тихо шмыгнула носом Милле и порывисто прижалась, спрятав горящее лицо на груди у покачавшей головой Гончей.

Та ласково погладила пепельно-серую макушку и бережно коснулась губами мягких волос дочери.

— Ах ты, чудная, славная моя девочка... совсем большая стала.

— Она младше меня, между прочим, — пробурчал Тир, сердито посверкивая глазами. — На целых четыре года.

— Не ворчи на сестру, — одернул его Таррэн. — Как вернемся, займусь тобой вплотную. Кстати, Литура я предупрежу о твоих новых способностях, так что удрать на пару в лес у вас больше не получится. До тех пор, пока полностью не разберешься с магией, за кордон ни ногой. И у Крикуна больше засиживаться не дам. Если спалишь ему кузню, знаешь, сколько воплей будет?

— Отец, за что?! — взмолился юный маг. — Да Крикуну мой огонь, что Траш — укол остролиста! Можно мы хоть вдвоем по горам полазаем? Он так мало успел мне показать!

— Когда выясним, на что ты способен, тогда и решим. Мелисса, иди ко мне.

Тир вздохнул так, словно тащил на плечах целую гору, но спорить и настаивать не стал: в некоторых вопросах отец был очень строг и, как назло, всегда выполнял свои обещания. Раз сказал, что сперва проверит сам, значит, раньше времени из дома вообще никуда не выпустит. Ни на заставу, ни в горы, ни даже во впадину, где было так здорово бегать наперегонки с дикими хмерами. И Лабиринту запретит открывать внутренний кордон, пока лично не убедится, что рано повзрослевший сын не натворит по неопытности бед.

Милле тихонько взвизгнула и с восторгом повисла у Таррэна на шее.

— Ох, Милле! Интересно, владыка знает, что ты уже нашла общий язык с его ясенем?

Милле неожиданно порозовела.

— Нет. Я не была уверена, поэтому даже Тиру не сказала.

— Чего-чего? — повернулся Тирраэль, думая, что ослышался. — Ты что сделала?!

Владыка Тирриниэль только молча закатил глаза. Просто потому, что больше уже не мог удивляться. Вообще.

Милле... маленькая Милле... Первая девочка, родившаяся у Л'эртэ за девять долгих эпох! Поэтому Тир так трепетно ее оберегал! Поэтому же и не позволял себе ничего большего, чем родственный поцелуй в щечку. И поэтому же так пристально смотрит сейчас на нее, всем видом выражая неодобрение.

— Вот вредина! Я-то считал, что ты мне доверяешь! Выходит, это из-за тебя нас сегодня не коснулся ни один корень?

— Ага, — покаянно вздохнула она. — Я давно с его корешком разговариваю, а он иногда мне показывает, что творится вокруг: в лесу, в роще, в чертогах...

Белка странно кашлянула.

— Я-то думала, он тебя даже не признает!

— Не сразу, конечно, но признал — во мне же кровь сразу двух Л'эртэ. Папы и...

— И моя, — совершенно спокойно закончила Белка. — Кто же тебя просветил относительно прошлого, красавица? Каррашик не стал бы, иначе я бы ему хвост оторвала. Ирташ у нас очень послушный. Ракша — девочка умная и не станет портить кровной сестре настроение. Траш — тем более. Тогда у кого хватило ума показать вам то, что случилось много лет назад?

— Лабиринт, — с досадой поджал губы Таррэн. — Кроме него некому. Если Милле даже с ясенем нашла общий язык, то наш дом точно ей ни в чем не откажет. Я об этом и не подумал!

— Я тоже. Но теперь чего уж сожалеть? Тир, но как ты рискнул остаться?!

— Из-за Вала, — тяжело вздохнул юный маг, нервно теребя полу короткой куртки. — Решил: если он умрет, похороню. Если выживет, прикрою и потом вытащу. Вместе с Милле.

— Кстати, а где этот мерзавец? — кровожадно огляделся Шранк. — Что-то я нигде не заметил его наглуую морду, пока мы тут с деревяшками махались!

Владыка Тирриниэль устало присел на поспешно выросший из земли пенек.

— Без сознания он. Ранен был тяжело и до последнего времени не приходил в себя.

— Ни разу?

— Атарис истратил на него весь резерв, но ничего не добился. Рана от копья поджила, но не полностью; ожог тоже до вчерашнего дня держался... даже не знаю, радоваться вам, что он жив, или нет.

— Гм, — озадаченно пожевал губами воевода, покосившись на

молчаливого Аттариса, который, как и остальные равные, старательно пытался не привлекать внимания. — Одно из двух: или я плохо знаю рыжего и он вдруг утратил способность к регенерации, которая даже нашего Велимира заставляет иногда удивляться... или же кто-то кого-то надул! Причем я даже не знаю, что из этого лучше.

Тирриниэль непонимающе на него посмотрел.

— Да кому ты нужен? — фыркнула Белка ему в лицо. — Скажи спасибо, что амулет из тебя вынули, не то летать бы тебе сейчас по небу с крылышками и орать осанны небесному царю! За то, что грязью облила и дураком назвала, извини — не хотела, чтобы Иттираэль всполошился. Да и, если честно, должок за тобой, остроухий.

Тирриниэль взглянул на Тира и Милле, покосился на сына, а потом вдруг улыбнулся.

— И, я полагаю, не один?

— Точно. Шапка с тебя новая. И сапоги! Только хорошие, кожаные, крепкие! И куртка добротная в придачу. Тогда и будем квиты.

— Бери все, что захочешь, — устало улыбнулся владыка, наконец-то позволив себе расслабиться. — Я даже не знаю, как отблагодарить тебя за сына. И за детей. Никогда бы не подумал, что вживую увижу женщину Л'аэртэ... Спасибо, Белка. Ты действительно бесподобна, а Таррэн... Что ж, сын, мои поздравления: у тебя превосходный вкус.

Таррэн настороженно кивнул. Отпустил Мелиссу и вопросительно посмотрел на отца, не очень понимая, как теперь себя с ним вести. Ослабленный, измученный, но в данный момент именно он являлся повелителем Темного леса. Теперь опасаться за жизнь ему не надо, Иттираэль мертв, хмеры ведут себя спокойно... как бы не надумал Тирриниэль задержать нерадивого сына насильно.

Таррэн даже подобрался от последней мысли, потому что в свое время отец действительно не терпел отказов. Но потом подметил стремительно заливающую его лицо бледность и подозрительную вялость, которую владыка больше не мог скрывать, и нахмурился.

— Отец? Тебе плохо?

— Нет, мой мальчик. Мне как раз хорошо, — побелевшими губами улыбнулся эльф. — Я так давно перестал надеяться, что когда-нибудь увижу нашу семью... здесь... вместе...

— Что с тобой? Отец?! — вконец встревожился Таррэн, опускаясь перед ним на корточки и беспокойно заглядывая в глаза.

Белка немедленно оказалась рядом, мгновенно все поняла и возмутилась:

— Как, опять?

Она не успела закончить: царственный эльф виновато улыбнулся и под испуганный вздох своих подданных потерял сознание.

ГЛАВА 24

Чертоги взволнованно зашумели и без промедления распахнули двери, позволив внести впавшего в беспамятство хозяина в спальню.

— Как он? — испуганно спросила Мелисса, настойчиво теребя Таррэна за рукав. — Он будет жить?!

— Конечно. Кажется, он просто устал.

— Эльф? И вдруг устал?! — не поверил Шранк, словно невзначай загородив собой единственный выход.

Аттариса Белка потребовала впустить да Линнувиэлю разрешила приблизиться к владыке, но первый был настолько растерян, что не мог ничего объяснить, а второй попросту выдохся во время схватки. Вот и вышло, что заниматься владыкой пришлось именно Таррэну.

— У него резервы на нуле, — ответил он на вопрос воеводы. — Отец истощен и физически, и магически. Не уверен даже, что ему хватит целого века, чтобы вернуть прежнюю форму, — Иттираэль долго тянул из него силу. Может, я бы попробовал ее вернуть, но у меня самого запасов почти не осталось, а если мы упустим время... есть шанс, что он больше не сможет коснуться огня.

Дети тревожно переглянулись.

— Он что, может таким остаться навсегда?!

— Не исключено, — огорченно кивнул эльф. — Из нас только Эл сейчас более или менее в форме, но его сила тут не поможет: мы слишком разные.

— Вы же побратимы, — непонимающе обернулся Линнувиэль. — В нем есть твоя кровь, Таррэн.

Элиар тоже склонился над кроватью и через пару секунд покачал головой.

— Наша магия умеет исцелять, но одновременно с этим она будет ему мешать, а Тирриниэль слишком слаб, чтобы бороться еще и с этим. Если хранители не помогут, тут никто ничего не сделает.

— Да кто поможет? Аттарис пуст, как твоя кладовка, я лишь немногим лучше. Таррэн тоже все уже... сказал.

— А я? — робко предложила Мелисса. — Мама, может, мне попробовать?

— Тогда уж лучше мне, — вздохнула Белка. — Ты еще маленькая для таких вещей. Да и слабенькая, если честно.

— Но я ему уже помогала!

— Милле, девочка моя, речь не о том, чтобы временно пополнить его резерв, а о том, чтобы восстановить ауру! Таррэн, ты ведь это имеешь в виду?

— Да. Но это будет опасно.

— Знаю, — спокойно кивнула Белка. — Собственно, поэтому и молчу. Но раз уж ты первый об этом заговорил... пожалуй, моих сил сейчас хватит на вас обоих, только вот...

— Иттираэль...

— Точно. Я слишком много от него хватанула. Могу и вспыхнуть ненароком или спалить твоего родителя к Торку. Знаешь, я ведь на него все еще злюсь. И не только за то, что этот дурацкий Уход всегда был искусственно наведенной смертью. Меня беспокоит, что Иттираэль не стал выдерживать сроки и приблизил Уход для Тирриниэля аж на тысячу лет. Но почему?

— Просто двадцать лет назад, как ты помнишь, я достиг второго совершеннолетия и отказался от трона, — отозвался Таррэн. — Да еще рискнул заявить об этом во всеуслышание.

— Ну и что? Во-первых, я это уже тогда изменила, а во-вторых, Иттираэль сам давно бесплоден! Чего дергаться, если у него все равно не было шансов?

— Со смертью старого владыки у него появилась бы возможность начать изменение.

— А что ему помешало сделать это раньше? — скептически приподняла брови Белка.

— Чужую силу не заберешь в одночасье. Отец не должен был почувствовать подвоха, пока оставался силен. Это было слишком опасно. Если бы Тир не помог, он умер бы на неделю раньше. Так что нам повезло с Элиаром и его порталом — опоздай мы всего на пару дней, к нашему приезду чертоги обрели бы нового хозяина.

Тир смущенно шевельнул кончиками длинных ушей.

— Я хотел, чтобы он с тобой поговорил. Я прочитал его мысли, и мне показалось, что он не так плох, как мы считали.

— Хороший урок для тебя, — одобрительно кивнул Таррэн. — И отличный ход для того, кто с малых лет практиковал единение. Ирташ уже все тебе рассказал?

— В общих чертах.

— Так и знал, что вы друг без друга долго не сможете. Небось уже решили, когда сбежите проведать рошу? Ладно, не сверкай глазищами: я не

возражаю. Только не разнесите ее окончательно, потому что отец, когда придет в себя, будет расстроен. Кстати, Линнувиэль, возьми-ка своего ушастого соседа и оттащи в угол. Мне бы не хотелось потом лечить ваши ожоги.

— А чего сразу я-то? — возмутился Аттарис. — Чего сразу обзывать?

— Какую морду отрастил, по такой и кличем. Был бы троллем, звали бы толстым и пупырчатым, а раз нацепил по дурости длинные уши, то и терпи теперь. Или личину свою снимай, пока не помогли.

Остроухий целитель неожиданно замаялся, зыркнул по сторонам, отступив от изумленно вздернувшего брови воеводы, чтобы не зашиб сгоряча, а потом неуверенно кашлянул.

— Так я... это... в первый раз вообще-то... эльфом. Не уверен даже, что получится.

— А ты постарайся, — ядовито посоветовала Белка. — Или будут у нас на заставе три темных эльфа, а не два. Только тебя, если вздумаешь сунуться домой в таком виде, парни начнут звать не рыжим, а ушастым. Вовек потом не отмоешься. Тебе оно надо?

— Рыжий? — ахнул Шранк, наконец-то сообразив, в чем дело.

— Валлин? — разинули рты дети.

— Кто? — округлил глаза Линнувиэль.

Аттарис сердито засопел.

— Сами же дали мне амулет с кровью Карраша! Я не виноват, что он разбился, когда этот гвардейский гад копьем в меня ткнул! Оболочка-то хрупкая оказалась! Даром что под кожу вшита! Но кто ж знал, что меня будут пытаться насадить на копье, как свинью на вертел?! Вот он и хрустнул, а начинка, значит, в кровь попала...

Шранк оторопело оглядел «эльфа» с ног до головы. Торк! Да он самый настоящий! И глаза, и уши, даже морда смазливая! Особенно голос — мягкий, мелодичный, чарующий... вот только говорил он точь-в-точь, как один хорошо известный ему тип — быстро, торопливо оправдываясь и глотая от волнения окончания слов.

— Да чтоб тебя! — со злым восхищением сплюнул воевода, по кругу обходя настороженно следящего за ним «эльфа». — Это что, Каррашева кровушка так на него повлияла? Неужто до конца дней таким останется? Рыжий, действительно ты?

— Я, — несчастным голосом отозвался «Аттарис». — Представляешь, лежу себе, никого не трогаю, раны потихоньку заживляю, как нормальная Гончая. Строю планы мести, подслушиваю, подглядываю, делаю вид, что

прямо сейчас помру... меня никто даже не заподозрил! Придут, руками сверху поведут, потреплются о том о сем. Только уши подставляй! Пару раз Иттираэль заглядывал, пока настоящего Аттариса не было рядом, зато я такого наслушался... короче говоря, решил пока не воскресать, а посмотреть, чем дело кончится. О Тире, как я понял, владыка позаботился. Мелисса тоже была в безопасности. Правда, она меня чуть не раскусила, потому что сдерживаться рядом с ней дьявольски трудно! Но я справился. Полежал, посмотрел, в рощу пару раз заглянул, чтобы убедиться, что с малышом все в порядке...

— Так это был ты? — охнул Тир, неожиданно припомнив пригрезившееся ему видение.

Вал смущенно кашлянул.

— Ну... там тебе показалось... от слабости, что ли? Да, каюсь, не сдержался, когда увидел, как ты поплыл после единения. Высунулся разок, чтобы помочь, а тебе как раз в этот момент приспичило повернуться!

— Но я же маму видел!

— Кхе. Маму, не маму, но меня точно видел. Я даже испугался, что крикнешь во все горло и всю малину мне испортишь. А ты меня сразу «мамой» назвал. Я так удивился, что даже растерялся! Некстати подумал о Белке, вспомнил ее лицо и... Короче, когда осознал, на кого с перепугу стал похож, то едва сам не заорал!

Таррэн отвернулся, пряча улыбку. Дети, представив сурового опекуна в таком виде, хихикнули. Белка неожиданно покачала головой, а Шранк злорадно потер ладони, всем своим видом говоря: «Вот как? Ну ты и попал, напарничек!»

Валлин, к счастью, не заметил зверского выражения его лица. Только вздохнул еще тяжелее и сконфуженно развел руками.

— Не смешно, между прочим. Я, как себя в озере увидел, улепетывал оттуда с такой скоростью, что только пятки сверкали. По дороге наткнулся на какого-то эльфа... и вот тогда меня осенило, в чем фокус и каким образом можно стать похожим на кого-то другого. Не силен я в магии, но, думаю, кровь мимикра что-то со мной сотворила. Амулет Робсила позволял наводить только одну личину — рыжую, но, когда он сломался, а наша кровь смешалась, эта особенность стала значительно интереснее.

— Да-а, — присвистнула Белка. — Получается, ты у нас почище Карраша теперь будешь личины менять? Крови тебе, похоже, не надо. Только взглянуть разок или коснуться... скажи кто, не поверила бы! Когда я в твои зенки заглянула и увидела там знакомое выражение... подумала, брежу. Но запах, к счастью, не подделаешь. А пахнет от тебя и сейчас...

— Не продолжай, — подозрительно серьезно попросил Шранк. — Не стоит травмировать нежные детские разумы такими жуткими подробностями.

Вал зло на него покосился.

— С кем поведешься, так тебе и надо, — невозмутимо выдал воевода, и бывший ланниец сердито сплюнул.

— Сволочь. Я, между прочим, за последнюю неделю в кого только не перевоплощался. Но, как выяснилось, личина Аттариса самая удачная — хранителей пускают везде и без всяких вопросов. Так что вчера я нашел нашего общего знакомого, огрел кулаком по затылку, связал получше и упрятал в ближайший шкаф, чтобы не вылез, когда не надо. А потом пришел в тронный зал, полагая, что именно там все и решится. — Вал нехорошо покосился в сторону напарника и мстительно добавил: — Как оказалось, правильно пришел — Шранку вечно приходится спину прикрывать, чтобы не пырнули ненароком.

Воевода едва не упал от такой наглости, но дружный хохот вынудил его ненадолго отложить кровожадные планы в отношении дурного напарника.

— Ладно, Вал, а в чем проблема-то? — отсмеявшись, спросила Белка. — Чего ты такой несчастный?

— А в том, что я могу перекинуться только в того, кого вижу и кого успел когда-нибудь коснуться. Но обратно... обратно-то не получается! Представляешь, какое гадство! Каррашу что — он привычный, а я совсем с ума схожу! Что мне делать?! Как теперь свою любимую морду вернуть?!

Шранк неприлично хохотнул:

— Ну все, рыжий: быть тебе до гроба с длинными ушами!

— Хватит ржать! Мне ж на самом деле в себя не перекинуться! Что я отцу скажу? Кто мне поверит?

— Вал, — подозрительно серьезно спросил Таррэн, — а ты в зеркало не пробовал смотреться?

— Чего? — застыл рыжий, когда по комнате прошла вторая волна восторженного смеха.

— В зеркало, говорю, не додумался посмотреть? Забыл, как Карраш меняет облик, лишь взглянув на отражение в озере? Никогда не думал, что иногда достаточно лишь представить, кем ты хочешь стать, чтобы по-настоящему измениться?

«Эльф» неуверенно улыбнулся.

— Правда?

— Правда, Вал, — все так же серьезно кивнул Таррэн. — Надеюсь, это

была твоя единственная проблема? У меня, знаешь ли, отец еще в обмороке — пора бы помочь.

— Ага, — растерянно отозвался Страж. — А можно мне куда-нибудь посмотреться? До того эти уши надоели!

— Ничего. Мы всю жизнь мучаемся, так что утешься осознанием того, что у тебя это не навсегда.

«Аттарис» торопливо закивал и выбежал из комнаты, по пути бросив настороженный взгляд на радостно скалящегося напарника. Чужло его сердце, этот гад задумал какую-то пакость. Зря в народе говорят: «рыжий — бесстыжий», — а как взглянешь на воеводину морду, так сразу и понимаешь, кто настоящий пакостник среди добрых, послушных, отзывчивых и очень смиренных Стражей.

Шранк проводил напарника злорадной усмешкой и бесшумно прикрыл дверь.

— Ладно, хватит оттягивать, — нервно сцепила ладони Белка. — Все равно ничего умнее не придумаем.

— Целовать будешь? — со знанием дела поинтересовался Элиар.

— Зачем мне тут два трупа?

— А почему два?

— Потому что один из трупов будет твой, если не прекратишь язвить! А второй... Можно подумать, ты не знаешь, что случится, если я его коснусь!

— Знаю, конечно, — поежился светлый. — А сегодня ты еще и от Иттираэля набралась всякой гадости. Как же ты собралась помогать Тирриниэлю?

— А вот так, — прошептала Белка и, качнувшись вперед, вдруг обвила руками шею Таррэна, развернула к себе и голодным пересмешником впиалась в его губы.

Эльф вздрогнул от неожиданности, потому что прежде она не позволяла себе такого в присутствии посторонних, и едва успел приложить ладонь к груди ослабленного отца, когда внутрь хлынула накопленная ею магия.

Таррэн судорожно вздохнул, напрягся, краешком сознания отметив, что его собственный резерв восстанавливается с невероятной скоростью. Поспешно выпустил лишнее в тело владыки. С облегчением осознал, что сделал это вовремя, потому как суматошное сердце уже заколотилось и требовательно рванулось к Гончей. А потом успокоено прикрыл глаза: все хорошо, отец поправится. Конечно, если бы она коснулась его сама, Тирриниэль мог бы и не выдержать. Но сейчас ее дар просачивался сквозь

его собственное тело, через неистово грохочущее сердце, через грудь, плечи, руки... и лишь после этого вливался в изможденного повелителя, постепенно наполняя его ауру жизнью, исцеляя, насыщая резервы.

Таррэн жадно вдохнул еще раз.

Белка... как, наверное, сейчас горит ее кожа... как полыхают вычерченные на спине руны: арда, иллара, аттава и конечно же уррда. Смертельно опасные руны подчинения, которыми он так любил любоваться. Особенно в темноте, когда ее тело растворялось во мраке, а единственным, что можно было рассмотреть, оставался лишь рисунок на ее мягкой коже. Дивный, неповторимый, горящий потусторонним светом брачный покров, который никто и никогда, кроме него, в здравом уме не видел. Тот, который она открывала лишь для него, позволяя наслаждаться собой так, как он захочет. И так долго, на сколько у них обоих хватало сил.

Таррэн и сам не заметил, в какой момент перестал замечать усмешки на лицах друзей и отнял руку от груди полностью восстановившего резерв отца. Когда обвил ее талию и требовательно притянул, позабыв обо всем на свете. Он совсем потерял счет времени, как всегда бывало рядом с его удивительной парой. Забылся, почти растворился в ней без остатка. Потому что сейчас в его мире была лишь она. Ее волосы. Ее руки. Аромат меда стал вдруг таким сильным, что у него перехватило дыхание, а рубаха на груди снова начала опасно тлеть...

— Уф! — с некоторым трудом отстранилась Белка. — Таррэн, очнись! Знаю, что трудно. Знаю, что не хочется... подожди... Мм, хотя бы до вечера подожди! Таррэн!

В последний раз притянув ее и сорвав самый сладкий поцелуй, эльф неохотно отстранился. Жадно втянул ноздрями аромат ее волос, помотал головой, избавляясь от наваждения. И, наконец, поднял смущенный взгляд: дети с озорными улыбками шушукались в сторонке, Элиар безмятежно посвистывал, Линнувиэль старательно изучал пол. Шранк вообще делал вид, что ни при чем. Зато владыка Л'эртэ не просто пришел в себя, а весьма уверенно сидел в соседнем кресле и с нескрываемым интересом изучал пылающие глаза сына.

Тирриниэль выглядел удивительно свежим, бодрым, полным сил. Он снова помолодел и встряхнулся. Венец силы на его лбу полыхал всеми оттенками зеленого, красноречиво доказывая, что полностью заряжен. Лицо посветлело, разгладилось, прищуренные глаза озорно посверкивали... вот только волосы остались белыми. Длинные, красивыми волнами ниспадающие на плечи, но абсолютно седые. Будто пережитое по ту сторону и мимолетная встреча с Ледяной богиней навсегда оставили

свой след.

— Кхм... — неловко кашлянул Таррэн, поняв, что увлекся.

Тирриниэль в ответ широко улыбнулся.

— Да нет, все в порядке. Поразительно, как много в вас хранится энергии. Хотя, конечно, я рад, что к своей паре ты все еще не остыл.

— Ко мне невозможно остыть, — пробурчала Гончая, осторожно высвобождаясь. — Если захочу, весь твой лес опустошу и буду продавать остроухих недоумков целыми пачками. Неплохо заработаю, кстати, потому что они будут послушны и тупы, как и положено дуракам.

— Верю, — посерьезнел владыка. — И очень благодарен, что ты никого не трогаешь.

— Нужны вы мне. И вообще, не люблю темных!

— Но одного отдельно взятого темного тебе ничто не мешает обнимать и всячески демонстрировать свое благоволение, — тут же поддел ее Элиар.

— Как ничто не мешает мне от всей души надрать длинные уши одному отдельно взятому светлому.

— Да ладно, не рычи. Я пошутил.

— Я тоже.

— Гм... это, конечно, хорошо. Но я в последнее время не всегда понимаю, когда ты шутишь, а когда говоришь всерьез.

Линнувиэль согласно кивнул.

— У меня, между прочим, та же проблема.

Таррэн деликатно кашлянул в кулак, а остроухие, не сговариваясь, рассмеялись.

— Спелись, да? — недобро покосилась на шутников Белка, но встретила лишь два кристально честных взгляда, полных искреннего веселья. — Ладно. Будет время, разберусь с обоими, а то совсем от рук отбились. Тирриниэль, ты в порядке?

— Да, спасибо, — вежливо поднялся эльф.

— Значит, нам больше не о чем беспокоиться. Владыка снова готов сесть на трон, ясеня на месте, к Таррэну нет никаких претензий. Про Талларена умолчим, чтобы не портить настроение. Об Уходе и прочей чепухе можешь забыть навсегда. Так что все довольны и счастливы. Иными словами, нам пора домой.

— Что, сейчас? — неожиданно заволновался владыка эльфов.

— А чего тянуть?

— Я думал, вы хоть немного задержитесь, — с досадой поджал губы Тирриниэль. — Отдохнете, восстановитесь. Нет-нет, задерживать никого не

собираюсь, но мне бы не хотелось, чтобы вы покидали лес так скоро. Таррэн, нам с тобой стоит о многом поговорить. Да и детей, если честно, я был бы рад увидеть подольше. Почему бы вам не побыть здесь еще пару дней?

Таррэн удивленно обернулся.

— Ты хочешь, чтобы я остался?

— Тир, Милле... я мог бы показать вам лес, сводить в подземелья, познакомить с хрониками...

— Не стыдно тебе, а? — неожиданно укорила повелителя Белка. — Вроде взрослый эльф, а шантажом занимаешься, как простой вымогатель. Ишь чего удумал! Детьми прикрыться!

— Я не прошу многого — всего несколько дней, — тихо сказал владыка, настойчиво заглядывая в лица сына и его верной пары. — Даже один, если вам так не хочется быть здесь. Но Тир и Мелисса... хотя бы пообещайте, что ненадолго отпустите их снова. Сюда, ко мне, чтобы я мог хоть изредка их видеть.

— Мам, а может, и правда побудем пару деньков? — неуверенно предложил Тир. — Я еще не все оружие посмотрел. Тартиса надо щелкнуть по носу, а то он после одной-единственной победы возомнил себя мастером.

— Папа, пожалуйста! — присоединилась к брату Мелисса, с надеждой посматривая на родителей. — Он неплохой, я знаю. Ну, давайте немного задержимся! Я с ясенем могу поговорить, чтобы он тебя снова принял! И маму! И Тира тоже!

— Я пока не хочу, — быстро отозвался юноша, кивнув на деда быстрый взгляд.

— Я тоже. Но надо же мне было что-то придумать, чтобы они согласились!

— Милле! Вот только последнюю фразу не надо было произносить вслух!

— Да? — обиделась девушка. — Какая разница, если мама все равно слышит наши мысли? А папа всегда слышит ее?

— Вы что, действительно хотите остаться? — удивленно спросила у детей Белка.

Тир и Милле дружно кивнули.

— Хотим! Дедушка хороший! И добрый!

— Вот так номер, — потер затылок молодой лорд. — Я-то думал, вы первыми сбежите, едва появится возможность.

— Нет. Нам тут нравится!

— Поначалу собирались, конечно, — ради справедливости добавил Тир. — Но теперь я и правда хочу побродить по округе. Если дед разрешит, конечно.

— В любое время, — поспешно согласился Тирриниэль, благодарно взглянув на юного хитреца.

— Обалдеть, — пробормотал Шранк, подпирая могучим плечом косяк. — Мы сюда пришли, твердо намереваясь порушить тут все к демонам. Насорили. Наследили. Разломали-таки полдворца. А нас еще и остаются приглашают! Вот бы в тавернах так уговаривали вернуться — век бы оттуда не вылезал!

— Ну, раз вы не против... — пожал плечами Таррэн. — Малыш, что скажешь?

— Ладно, — удивительно спокойно кивнула Белка. — Только кошек наших пусть кормят как положено. Думаю, одного остроухого в день на нос будет вполне достаточно.

Шранк аж поперхнулся от такого «условия», а дети изумленно округлили глаза, потому что их хмеры на дух не переносили всяких там нелюдей в своем тщательно подобранном рационе. Тирриниэль откровенно задумался, словно подсчитывал, на сколько дней сможет обеспечить голодным кошкам бесперебойное питание.

— Тьфу на тебя! Забудь! — поспешила исправиться Белка. — Косуль им настреляйте побольше или выделите место для охоты, куда временно запретите заходить своим. А ушастых не надо — от них у Карраша несварение.

Владыка облегченно перевел дух.

— Это будет нетрудно.

— Ну и шутки у тебя, — сердито покосился на Гончую Элиар. — Даже у меня сердце екнуло, не то что у этих... Линнувиэль, кажется, вообще сейчас в астрал уйдет.

— Ничего, потом выйдет. Что он, от повышения откажется?

— Какого еще повышения? — машинально отреагировал хранитель.

— Что значит какого? — искренне удивилась Гончая. — У тебя правитель остался без старшего хранителя. Кому, как не тебе, претендовать на это место?

— А...

— Бэ, — передразнила Белка. — Тирриниэль, если будешь его назначать, учти — иногда он понимает только со второго раза. Наследственность, видимо, плохая.

Владыка Л'аэртэ только вздохнул, уже понимая, что угнаться за ней не

сможет. Но был готов терпеть даже ее переменчивый нрав, если это позволило бы ему и дальше быть рядом с детьми.

— Эй! — вдруг раздался от дверей жизнерадостный голос Вала. — А я зеркало нашел!

— Поздравляю, — язвительно отозвался Шранк. — Теперь, надеюсь, на тебе твоя морда?

— Ага, — зашел в спальню сияющий рыжий, на которого все присутствующие уставились с жадным нетерпением. Его оглядели, оценили, заметили. Но спустя долгое мгновение на изрядно удивленных лицах появилось до того странное выражение, что Вал слегка обеспокоился. — Эй, а чего это вы на меня так смотрите?

Страж недоуменно остановился на пороге комнаты, переводя непонимающий взгляд с одного лица на другое и силясь сообразить, что не так. Даже руки свои оглядел, нос осторожно потрогал, губы потеревил. Но нет, все было нормально — пальцы как пальцы, нос вполне человеческий, голос тоже нормальный, свой. Волосы снова рыжие, патлатые и торчат во все стороны. Одежка, конечно, осталась прежняя, но неужто это она настолько развеселила Линнувиэля, что тот аж подавился? А владыка эльфов того и гляди рассмеется в голос?

— Ребят, вы чего, а?

Белка, не выдержав, прыснула.

— Не, да в чем дело-то?!

— А что не так? — озадаченно поинтересовался Шранк, оглядывая напарника со спины. — Ноги как ноги. Спина без горба, шипов нет. Крылья не выросли, копыт не намечается. Волосы рыжие, длинные. Голова тоже одна и дурная. Вроде бы все в порядке? Рыжий, повернись-ка.

Вал послушно показал лицо, на котором задорно горели веснушки, вопросительно посмотрел на напарника, ожидая незаслуженной насмешки, но на физиономии сурового воеводы не дрогнул ни один мускул. Только чуть расширились глаза да кожа приобрела легкий багровый оттенок. Тогда как голос, которым он коротко прокомментировал увиденное, был издевательски серьезен.

— Да-а-а... знаешь что, рыжий? Я с тобой больше в дозор не пойду.

— Да в чем дело-то?! — наконец взорвался Вал, устав от намеков и сдавленных смешков, которые тут же стихали, едва он поворачивался к шутникам. — Чего вы ржете? Что я сделал не так?

— Ты в какое зеркало смотрелся, дурень, когда личину возвращал? — ласково поинтересовался Шранк.

— Ну, какое нашел. Эльфийка какая-то дала. Красивая такая, высокая,

чернявая... Тебя, кстати, искала, ушастый.

— Мирена! — Линнувиэль, торопливо поклонившись владыке, с огромной скоростью выскочил за дверь.

— Да какая разница? — не понял Вал. — У нее с собой было карманное зеркальце, вот я и позаимствовал в обмен на информацию об этом чудике. Туда и посмотрел, все проверил, изменил...

— Все изменил? — со смешком уточнил Таррэн. — А ты уверен?

— Да. Ну что такое? — окончательно обиделся Вал, отчаявшись понять причину хихиканья, которое уже приобретало угрожающий размах.

Но ответа и в этот раз ни от кого не дождался. Чересчур резко развернулся, с досадой пнул какую-то подушку и по давней привычке схватился за уши...

Смех за спиной стал гораздо отчетливее, но Стражу внезапно стало не до шуток. Совсем-совсем не до них, потому что его пальцы неожиданно наткнулись на нечто оч-чень странное. Он торопливо ощупал ушные раковины. Затем еще и еще раз, а потом вдруг горестно застонал — уши! Как раз их-то он в маленьком зеркале не увидел! И теперь под яркими волосами у него красовались...

— Хи-хи-хи! — не выдержала Белка. — Такие длинненькие, славные... Таррэн, поверь, просто обзавидовался!

— Чудные ушки, — согласился Шранк. — Я уже даже представляю, как громко и долго будет ржать наш народ, когда о них узнает.

— И мне нравится, — улыбнулась Мелисса.

Тир согласно кивнул.

— Теперь у нас будет трое остроухих на заставе. Забавно, да? Я, папа и Валлин.

— У меня на заставе, — поддакнул воевода. — Правда, Крикун ужасно расстроится, что опять остался в меньшинстве. Только выгнал Таррэна на улицу, как появился Тир. Потом малыш повзрослел и ушел, а наш горлопан остался в одиночестве — праздновать заслуженное звание единственного постоянного проживающего там нелюдя...

— Крикун — еще ладно, — философски пожал плечами Таррэн. — Но вот что скажет Литур?

— Га-а-ады! — Вал тихо взвыл, понимая, что пропал.

Он лихорадочно заметался по комнате, с досады рванул на себе волосы, потому что никто, ни одна сволочь даже не попыталась войти в его бедственное положение. И наконец опрометью бросился вон. На поиски какой-нибудь блестящей поверхности, чтобы избавиться наконец от этого позора, о котором, судя по всему, по всем человеческим заставам еще долго

будут гулять самые невероятные байки.

Уж Шранк постарается. Но это еще полбеды. Потому что если за дело возьмется вдохновленная его примером Белка... а она непременно возьмется, так как все еще не простила ему оплошности в Аккмале... И к ней, как всегда, с охотой присоединится Литур, который за последние годы научился язвить и насмешничать чуть ли не лучше самого Валлина... Боже! Тогда в пределы можно вообще не возвращаться!

Валлин Арте Кирдаис, младший сын короля Мирдаиса и его единственный наследник, в отчаянии закрыл кривящееся лицо руками и горестно застонал.

ГЛАВА 25

На Темный лес незаметно опустилась ночь. С наступлением сумерек в кронах величественных ясеней зажглись магические светильники. Небо расцветилось крохотными точками звезд. Чертоги, уже успевшие убрать следы недавних потрясений, преобразились. Темный лес словно просыпался от долгого забвения. Счастливо потягивался, жмурился, урчал от удовольствия и с нетерпением ждал каждого нового дня, чтобы узнать о себе то, о чем успел за эти годы позабыть и что уже очень давно разучился испытывать.

Конечно, не исчезло в нем и некоторое напряжение, появившееся с известием о неожиданных гостях. Темные эльфы с опаской восприняли предупреждение, что почти вся восточная часть их владений оказалась на время отдана в пользование стае хмер. В чертогах они, кстати, тоже нередко бывали. Убить, правда, никого не убили, но дворцовая стража повелителя не раз вздрагивала от неожиданности, когда из ниоткуда вдруг возникала страшная морда и насмешливо щурила желтые или зеленые глаза.

К Шранку отношение эльфов было ровным — его старательно обходили стороной. Валлина предпочитали не замечать — острый на язык рыжий всего за два дня успел довести до бешенства почти половину личной сотни владыки. А после того, как из тайника был извлечен немного помятый Аттарис, от рыжего начали самым неприличным образом шархаться. Особенно в свете его новых способностей, которые он уже успел опробовать на многострадальных эльфах. Достаточно лишь сказать, что этот болтун умудрился однажды заявиться в чей-то дом в личине светлого владыки, лицо которого скопировал с Элиара, и устроил там показательное выступление с продолжительным монологом одного актера.

Что касается Тира и Милле, то их даже спустя неделю не переставали встречать удивленными взглядами. Особого внимания удостоивалась Мелисса, потому что, во-первых, она была единственной женщиной из древнего Л'аэртэ, во-вторых, являлась сестрой Тира и унаследовала от матери поразительную способность растапливать даже самые черствые сердца.

Линнувиэль все-таки получил звание старшего хранителя. Однако, к удивлению своего повелителя, особой радости это ему не доставило. И, что самое интересное, в последние дни его все чаще замечали рядом с леди

Миреной-ис, чья роль в этой запутанной истории до сих пор окончательно не определилась. Порой эти двое просто разговаривали и подолгу гуляли вблизи священной рощи. Однажды крепко поссорились, однако рассерженную девушку быстро перехватила Белка, а подавленного хранителя увел с собой Таррэн, поэтому о последствиях ссоры никто и ничего не знал.

Сам молодой лорд оказался удивительно неприхотливым, поражая сородичей незамысловатой одеждой, простыми манерами, удивительным спокойствием и трепетным отношением к своей разномастной, но большой семье. Каждое утро и вечер он обязательно посвящал несколько часов сыну, проводя утомительные тренировки иногда вдвоем с Тиром, иногда — вместе со Стражами. Порой к ним присоединялась Белка, и вот тогда возле полянки у лесного озера собирались все, кто мог оторваться от дел, включая самого владыку, хранителей, старейшин и даже простых воинов. То, что она творила вместе со своими хмерами, вообще описанию не поддавалось.

Таррэн наблюдал за этими безумствами с улыбкой опытного ценителя. И те, кто мог видеть выражение его лица в тот момент, когда Гончая в очередной раз сбивала с ног Карраша, с удивлением понимали, что молодой лорд не только не тревожился за свою пару, но и полностью ее одобрял. На ее левой руке вызывающе сиял его родовой перстень, и чересчур яркие, почти живые глаза дракона наглядно доказывали: молодому лорду еще очень далеко до второго совершеннолетия.

Единственным, кто оказался лишен всеобщего внимания, как ни странно, был Элиар. Он упорно держался в тени своих друзей. Избегал разговоров. Сторонился каких бы то ни было знакомств. И это при том, что желающих с ним пообщаться нашлось немало, особенно среди много поживших, опытных эльфиек, причем от некоторых светлomu даже отбиваться пришлось.

Вот и сейчас Элиар бесшумно вышел на тенистую аллею, резко свернул с тропинки и быстро огляделся. Кажется, никого? Его больше не преследуют? Эльф облегченно вздохнул и уже спокойно направился вглубь дворцового сада, ориентируясь больше на чутье, чем на зрение. А еще — на смутно витающий в воздухе аромат эльфийского меда, который вот уже много лет сводил его с ума.

— Ну? И зачем ты меня искал? — вдруг раздался откуда-то сбоку знакомый голос.

Элиар вздрогнул от неожиданности, стремительно обернулся, но почти сразу наткнулся на знакомые голубые глаза и перевел дух.

— С чего ты решила, что я искал именно тебя?

Гончая насмешливо хмыкнула.

— Хочешь сказать, ты от нечего делать за мной всю неделю таскаешься, как привязанный? В чем дело, Эл? Глупостями опять решил заняться? Или я где-то ошиблась и случайно тебя коснулась, раз ты стал сам не свой?

— Ты, как всегда, не ошиблась, — с усилием отвел взгляд Элиар, чтобы не попасть под ее чары. А потом тяжело вздохнул. — Неужели это так заметно?

— Чего ты мечешься, как перепуганный заяц? Что случилось?

Он снова вздрогнул. Да, это правда: уже устал выискивать предлоги, чтобы поговорить с ней без свидетелей. Белка не любила шумных сборищ. Она редко показывалась на глаза и двадцать лет назад, и особенно теперь, когда вокруг было столько любопытных. Старалась больше времени проводить со своими кошками или с Таррэнном. Иногда с детьми, но у них было слишком много дел в Темном лесу, чтобы она настаивала на их присутствии. И только вечером выходила в этот сад, чтобы развеяться.

Элиар тяжело вздохнул.

— Я за помощью пришел.

— Ко мне? — несказанно удивилась Гончая. — А почему ты к Таррэнну не обратился? Неужто поссорились?

— Просто я не хочу, чтобы он знал.

— У меня нет от него секретов, — похолодел голос Белки. — Хочешь о чем-то спросить — спрашивай. Но скрывать я от него ничего не буду. Идем.

Элиар послушно шагнул в темноту, следуя за маленькой Гончей в сторону видневшейся неподалеку беседки, и невесело улыбнулся.

— Да я хотел сперва с тобой поговорить, а дальше ты уж сама решай. Сочтешь нужным — скажешь. Нет — значит, нет. В конце концов, он все равно узнает. Не от тебя, так от кого-нибудь другого.

— Что-то мне не нравится твой тон. Признавайся, что натворил? Прятать тебя от разгневанного владыки или лучше самой прибить, чтобы не мучился?

Эльф вместо ответа заметался взглядом по кустам. С тяжелым сердцем шагнул следом за Гончей в беседку, но, не дойдя до нее всего нескольких шагов, вдруг опустился на колени.

— Прости, — тоскливо прошептал он, уставившись потускневшим взглядом в землю. — Прости меня, Белка.

— Да что с тобой?! — вконец испугалась она. — Элиар! Тебе плохо?

— Нет, малыш... просто мне кажется, я чем-то обидел Мелиссу. Белка чуть вздрогнула и отступила на шаг.

— Я не хотел ее задеть, — торопливо заговорил Элиар. — Ты же знаешь, они с Тиром мне как родные. Она чудная, милая, нежная и такая ранимая... Я не знаю, в чем дело! Почему она перестала со мной разговаривать? Что я сделал не так?

— Тебе на пальцах объяснить? — сухо спросила Гончая, отходя от него подальше. — Когда ты в последний раз от нас уезжал, помнишь, что обещал вернуться, как только будет возможность? Забыл, как они всегда тебя ждут? Не подумал, что они будут беспокоиться, если ты не появишься в срок?

— Я не мог приехать, — сглотнул Элиар.

— Ты бросил их без предупреждения, — ровно отчеканила Белка. — Ты не послал им ни единой весточки. Ни письма, ни гонца, ни знака, что живой и невредимый. И не надо говорить про тех несчастных голубей! Даже мы с Таррэном забеспокоились, когда ты на три года просто исчез! Интересно, что они должны были подумать, когда ты объявился в Темном лесу, где они, между прочим, три недели прожили, думая, что не выберутся? Рыжего я еще накажу за эти выкрутасы, а ты... даже не знаю, что и сказать.

— Скажи ей, что я не хотел ее обидеть! Скажи, что мне очень жаль!

— Жаль? — горько усмехнулся Белка. — А ты знаешь, что эти хитрецы лишь ради тебя отпросились в эту поездку? Милле упросила рыжего со мной поговорить... знала, что я к этому подлецу равнодушна... и они втроем сговорились, представив это дело так, словно хотят на Аккмал посмотреть.

Элиар вздрогнул.

— Что?

— Дурак, — вздохнула Гончая, отворачиваясь. — С Тиром, я так поняла, ты уже поговорил?

— Да. Он не сердится, но Мелисса...

— Вот сам к ней и иди.

— Я не могу!

— Это еще почему? И с каких это пор ты перестал отвечать за свои слова, Эл?

Элиар обессиленно опустил плечи, но, понимая, что правда все равно когда-нибудь вылезет, глубоко вдохнул и глухо прошептал:

— С тех пор, как она обрела твою силу. Я просто не могу... Прости, но это правда.

На несколько долгих мгновений в беседке воцарилась изумленная тишина, в которой Белка домысливала про себя все остальное, а эльф с тревогой ждал приговора. Зловещее молчание откровенно затянулось, потому как Гончая не просто переменялась в лице, а содрогнулась, запоздало понимая, что именно он имел в виду. После этого что-то с глухим стуком упало на деревянный пол, в непроглядной темноте сверкнули два остро отточенных лезвия, а следовавший за этим мощный удар отшвырнул незадачливого остроухого на землю.

— Ах ты, белобрысый мерзавец! — зарычала она, прыгнув следом и надежно придавив светлого коленом. — Она на тебя смотрела? Когда?

— Три года назад, — убито прошептал Элиар, не делая даже попыток сопротивляться. — В тот день, когда я от вас уходил. Наверное, мне не надо было оглядываться? Но я же не знал, что она так быстро повзрослеет! Что уже в тринадцать сумеет... боги, у нее же *твоя* сила! Что я мог ей противопоставить?

— Конечно, — процедила рассвирепевшая Белка, держа острые ножи у его горла. — Ты ее на руках качал, с самого рождения рядом был! Это твою смазливую морду она видела каждый день, когда просыпалась! С тобой училась владеть ножами! Ты с ней играл, когда мы были слишком заняты!

— Да. Тогда это была просто игра...

— А сейчас?

Эльф поднял полные муки глаза, и Белка, поняв все остальное, отшатнулась.

— Господи...

— Прости. Я только поэтому не вернулся, — снова сглотнул Элиар. — Мне показалось, Милле... в ней что-то изменилось, и она уже совсем не играет. И когда смотрела на меня тогда... твоими глазами смотрела... мне показалось, что это нечто совсем иное. А я даже не заметил, когда она выросла. Я всегда знал, что у нее твои глаза. Но пока она была мала, еще мог надеяться, что это не страшно, а потом... Прости. Я слишком поздно понял, насколько глубоко увяз.

— С-сволочь ушастая... трус несчастный!

— Пусть так, — безнадежно отвернулся эльф, чтобы не видеть ее пылающих глаз. — Но я решил не мешать. Вокруг так много хороших парней — красивых и не очень, сильных, смелых... те же парни — Прыгун, Кузнечик, Бегунок... она всегда им нравилась. Я подумал, что вдали от нее смогу оставаться спокойным, не подвергну ее опасности, не заставлю страдать.

— Поэтому ты удрал! — зло закончила Белка.

— Я решил держаться на расстоянии, — возразил Элиар. — Так, чтобы вы знали, что я ничего не забыл и по-прежнему считаю вас своей семьей, но чтобы Милле росла, как самая обычная девоч... девушка. Я просто не знал, что она окажется в чертогах. А когда ее увидел...

Эльф тяжело вздохнул, а Гончая поджала губы.

М-да, крепко он влип, если только сейчас решился сказать правду. Хотя, может, ему нужно что-то еще? Что-то более конкретное? Он попросил о помощи. Но какой? Посчитал, что ему позволят остаться рядом? Хранить и оберегать Милле, как раньше? Как неделю назад, когда он закрыл ее собой и ни одну ветку, ни один ядовитый шип даже близко не подпустил? А ведь мог и промолчать сегодня. Мог просто скрыть свою оплошность, сделать вид, что ничего не случилось...

Белка еще раз взглянула на его усталое лицо и поняла: три года вдали от растопившей его сердце девочки его подкосили. Она слишком хорошо знала этот неподвижный, потухший взгляд. Такой же взгляд был у одного неразумного мальчишки, что однажды бросился с крыши.

— Что ты хочешь от меня, ушастый?

— Ничего, — прошептал Элиар. — Я знаю, что от вашей силы нет противоядия. Знаю, что это останется со мной навсегда. Мне даже время не сумело помочь, хотя я очень надеялся. Ты просто скажи ей, что я по-прежнему ее люблю. Шестнадцать лет уже люблю, просто сейчас... немного иначе. Она славная, чудесная. Она поразила меня в самое сердце... еще тогда, наверное? А теперь я просто это понял и больше не хочу сделать ей больно!

Белка прикрыла глаза, чтобы не видеть его мечущегося в сомнениях взгляда. Ее сила... да, от этой магии нет спасения. Ни время, ни расстояние, ни привязанности больше не сумеют ее ослабить. Однажды Элиар уже был под ударом, но тогда он справился, сумел себя переломить, забыл. Но теперь... Кажется, он слишком долго пробыл рядом с ее маленькой девочкой. Слишком долго смотрел в ее глаза. С самого рождения не мог от них оторваться. Да только плохо понимал даже сейчас, что Мелисса не такая, как ее мать. Что она уже тогда сумела привязать его к себе. И сама привязалась, хотя Таррэн пристально следил за побратимом, опасаясь ненужных проблем.

А известно все стало только теперь. Сегодня, сейчас, когда расплакавшаяся Мелисса решилась-таки рассказать про свою оплошность и с непередаваемым отчаянием молча кричала: «Мама, помоги!»

— Пожалуйста, не говори Таррэну, — со вздохом повторил эльф,

неловко поднимаясь на ноги. — Не хочу, чтобы он знал, что я его предал.

— А что, если он уже это знает? — ровно спросили рядом, и Таррэн бесшумно выступил из темноты, заставив побратима побледнеть, а Белку — укоризненно покачать головой.

— Прости меня, брат, — хрипло сказал Элиар. — Кажется, я подвел тебя.

— Еще как подвел... — вздохнула Белка. — Что ж нам с тобой теперь делать-то, а?

— Если хотите, я уйду. Сейчас же, немедленно. Я больше не вернусь в пределы и никогда вас не потревожу. Милле вырастет, повзрослеет, научится пользоваться даром. У нее будет семья, дети, хороший дом... или комната в Лабиринте, который ее тоже обожает. Я не стану никому мешать. Достаточно и того, что буду знать: она жива и с нею в порядке. Я на все готов, лишь бы ей не было больно.

Таррэн сжал ладонь Белки и, глядя на удрученного светлого, медленно покачал головой.

— Ты прав: ты должен уйти.

Элиар протестовал не стал. Просто молча поклонился и быстро поспешил прочь.

— Да не туда! — с досадой крикнула ему Белка. — В другую сторону, дурень!

— Выход из чертогов находится на востоке, — бесстрастно пояснил светлый.

— А Милле сейчас в другом конце сада! И если ты, мерзавец белобрысый, не сумеешь ее привести на бал с улыбкой, я тебе все уши оборву!

— Что? — неподдельно растерялся Элиар и медленно-медленно повернулся.

— Ты совершаешь двойную ошибку, ушастый, — рыкнула на него Белка. — Нет, даже тройную! Первая была в том, что ты умудрился влюбиться в нашу дочь. Вторая — что сказал об этом сначала мне, а не ей. Наконец, третья — в том, что ты стоишь сейчас тут, как истукан, а не бежишь ее догонять, пока еще есть время!

— Б-бел...

— Да что ж ты за дурак-то? Думаешь, я не пойму, что происходит с моей девочкой? Не соображу, почему она при виде тебя не знает, куда глаза девать? И как кусает губы до крови, когда какая-нибудь из красоток предлагает тебе незабываемый вечер?! Она ж тебя с колыбели знает! С детства обожает, да так, что мы уже беспокоиться начали! Все глаза

проглядела, когда ты вовремя не явился, ночами в подушку плакала! Даже не сердится на тебя, гад ты этакый! А если и боится, то лишь того, что оказалась недостаточно для тебя хороша! И думает, что ты ищешь встречи лишь для того, чтобы сообщить о том, что снова ее бросаешь!

Элиар растерянно оглянулся на Таррэна, но тот только кивнул: от стаи нельзя ничего скрыть. Особенно такие чувства, которые совершенно неожиданно всколыхнули душу его шестнадцатилетней дочери.

— Иди, — с тяжелым сердцем велел Таррэн. — И знай: Милле посмотрела на тебя в тот день не случайно. Она умная девочка и знает, как добиться своего. Просто она еще очень молода и не всегда умеет рассчитать силу. Но уж если приняла решение, то больше не отступит.

— Так что иди к ней и все объясни, — сурово велела Белка. — Может, и стоило бы сейчас тебя прибить. Может, не получится из этого ничего хорошего, но я не готова рискнуть чувствами дочери, чтобы принять эту мысль, предварительно не проверив. Малышка редко ошибается, Элиар. Она не зря с самого рождения глаз с тебя не сводит. А три года назад поняла, что не может тебя отпустить просто так, не доказав, что больше не ребенок. Она только это хотела сказать тебе в тот день, но сама не заметила, как натворила нечто гораздо большее.

Элиар опасно покачнулся. Что? Специально смотрела? Отпустить побоялась, потому что предчувствовала, что потом они еще долго не увидятся?

— Да беги же, дуралей, — легонько подтолкнула его в спину Гончая.

Элиар вздрогнул в третий раз, но затем вдруг посветлел лицом и стремглав сорвался с места.

Таррэн убедился, что он ринулся в правильном направлении, и со вздохом повернулся к Белке.

— Знаешь, я сперва решил, что ты его убьешь.

— После того как Мелисса сказала, что жить без него не может? Нет, родной. Я не собираюсь так рисковать. Тем более Милле действительно уже не ребенок.

— Полагаешь, надо дать им шанс?

— Нам все равно когда-то пришлось бы с этим столкнуться. Годом раньше, годом позже... а Элиар — действительно неплохой выбор.

— Светлый? — скептически изогнул красивую бровь эльф.

— А что, темный был бы лучше? — хмыкнула Гончая. — По крайней мере, мы его знаем. Он отлично приживется в Проклятом лесу. Не испугается стаи. Не наделает глупостей, потому что уже давно, слава богу, не мальчик. К тому же его знает и любит Тир. Не думаю, что он будет

возражать против такого положения дел.

— Но Элиар гораздо старше ее.

— А ты — старше меня. Для тебя это важно?

— Нет, но...

— Брось. Лет через сто это вообще перестанет иметь какое-либо значение, — весело добавила Белка. — Может, я и ошибаюсь, но мы дадим им хотя бы шанс попробовать. Если не получится, Милле сама это поймет. А если все будет хорошо... что ж, значит, мы обе были правы.

Таррэн задумчиво посмотрел на свою пару.

— А ты изменилась. Лет десять назад и разговаривать бы с Элом не стала.

— С годами приходится меняться, — вздохнула Белка. — Особенно когда есть дети. И особенно когда они становятся взрослыми. Да, мне тоже не нравится, что это случилось так рано. Мне нелегко отпустить Милле и с трепетом ожидать того дня, когда окончательно возмужает Тир... Тебе не бывает грустно от мысли, что скоро они перестанут в нас нуждаться?

— Нет.

— А я вот иногда...

— Раз уж об этом зашла речь... — Эльф осторожно притянул ее к себе, обвивая руками талию и зарываясь лицом в густые каштановые локоны. — Ты не думала, что не надо останавливаться на достигнутом? Время придет, и Тир тоже найдет себе пару. Элиар может уехать к своим. Милле, если я правильно понял, не откажется от него ни за какие коврижки... А дома опять станет скучно и тихо... Может, нам с тобой...

Неожиданно на аллее послышались чьи-то торопливые шаги.

— Мой лорд! — слегка запыхавшись, сообщил незнакомый эльф, одетый в форму дворцового стража, и поспешно поклонился. — Владыка Тирриниэль просит вас подойти!

— Что, сейчас?

— Простите, мой лорд. Но он просил передать, что вы нужны ему. И как можно раньше — летний бал скоро начнется, а он хотел переговорить с вами до его открытия.

— Торк! Как же не вовремя! — вполголоса ругнулся эльф, неохотно отпуская о чем-то задумавшуюся Гончую. — Он же знает, что мы завтра уезжаем! Ладно, я сейчас буду. Малыш, ты идешь или встретимся в тронном зале?

— Да, — невпопад откликнулась она. — Надо переодеться...

ГЛАВА 26

Летние балы всегда были достоянием перворожденных. Никто не умел отмечать обычный, в сущности, день так, словно он был последним днем жизни, а не всего лишь завершением очередного годовичного цикла. И светлые, и темные эльфы свято чтит традиции, поэтому один раз в год во время летнего солнцестояния обязательно проводили ночью пышную церемонию, полную танцев, песен и всяческого веселья. Забывались распри, прощались обиды, назначались свидания, появлялись новые пары, соединялись сердца и души. Чертоги покрывались не зеленой, а нежно-серебристой листвой, что тихонько покачивалась в такт неслышной музыке.

Сегодняшняя ночь не стала исключением, и тронный зал гудел от сдержанного волнения, потому что впервые за многие тысячи лет владыка присутствовал здесь не формально, а с видимым удовольствием окунулся во всеобщую суету. Странно было видеть его улыбающимся. Еще более странным казалось подмечать на его лице выражение искренней радости. Но совсем уж невероятно было встретить его танцующим, рядом с одной из ослепительных красавиц своего народа. Разумеется, после того как первый танец нового года он подарил раскрасневшейся от волнения Милле.

Таррэн с облегчением проследил, как дочь упорхнула в сторонку и робко улыбнулась подхватившему ее под руку Элиару. А когда на ее лице появилось выражение безграничного счастья, молодой лорд успокоенно отвернулся: кажется, его чудесные женщины не ошиблись в светлом. Эл впервые за долгое время чувствовал себя по-настоящему живым и с немым обожанием следил за каждым ее движением, впитывал каждую ее улыбку, каждый взмах ресниц, каждый вздох и каждое легкое прикосновение, которое она успела ему подарить. И дело было не только в ее силе. Совсем-совсем не в ней. Кажется, это просто любовь...

Конечно, Милле была слишком юна и многого не понимала в жизни. Но Элиар умел ждать. И был готов ждать ее столько, сколько потребуется, трепетно оберегая каждый день, каждый миг.

Тирриниэль подошел к сыну и, проследив за его взглядом, негромко хмыкнул:

— И ты позволишь им быть вместе?

— А ты смог бы ей запретить? — вместо ответа спросил Таррэн.

— Не знаю. Но она выглядит счастливой. Насколько ты в нем уверен?

— Как в себе самом.

— Все-таки светлый... Считаешь, он не переступит границ?

Таррэн усмехнулся: о нет, на это Элиар как раз не решится. По крайней мере, до совершеннолетия Мелиссы, потому что слишком хорошо знает, что с ним после этого будет: Белка могла быть очень красноречивой и обычно предпочитала не оставлять от своих врагов частей крупнее собственного ногтя.

— Ты почему один? — словно подслушал его мысли владыка. — Белка не любит развлечений?

— Таких — нет. Но раз уж сегодня мы здесь последний день, пообещала прийти.

— А почему... — хотел было спросить Тирриниэль, но в этот момент двери в тронный зал распахнулись, и внутрь невесомо вплыли две необычные гости.

Таррэн улыбнулся, признав в очаровательной красавице леди Мирену-ис, которая неизменно блистала в каждом своем наряде. Сегодня она была не просто хороша, а по-настоящему прекрасна, что и не замедлил продемонстрировать всем желающим Линнувиэль, который судорожно пытался сейчас вдохнуть, глядя на ослепительно красивую эльфийку.

Мирена торжествующе улыбнулась и взяла его под руку, после чего невежливо толкнула локтем и громко прошептала:

— Закрой рот. Это неприлично.

Линнувиэль только кивнул и с трудом оторвал взгляд от вошедшей следом Белки, при виде которой Тирриниэль странно закашлялся, Шранк на пару с Валлином ошарашенно моргнули, дети восторженно взвизгнули, а Таррэн опасно покачнулся и следом за Линнувиэлем почувствовал, как земля уплывает у него из-под ног. Гончая поймала его ошеломленный взгляд и гордо выпрямилась.

Она была по-прежнему прекрасна, его удивительная пара. Гибкая, как лоза, грациозная, словно кошка. За долгие годы он видел ее всякой — полной сил и умирающей, слабой и израненной, радостной и сердитой, грозной и незабываемо нежной. Он видел ее обнаженной. Наблюдал в личине озорного мальчишки. Видел с оружием в руках и с требовательно пищащим младенцем у груди. Видел, как сходят с ума от одного ее взгляда, но видел и то, как милосердно закрывает она глаза, просто проходя мимо. Он знал, как она умеет убивать. И то, как она умеет дарить жизнь. Он помнил ее звериную ипостась и отлично понимал, какой опасной она могла быть противницей. Он знал ее и другой, такой, какой никто и никогда больше не сможет познать. Он видел ее всю и досконально изучил каждый

изгиб ее сильного тела...

Но такой, как сейчас, Таррэн не видел ее никогда. Потому что сегодня, в день летнего солнцестояния, в самом сердце величественных чертогов стояла не просто его пара и суровая Гончая, неожиданно решившаяся на небывалое. Нет. Сейчас перед ним стояла его женщина, его страсть и настоящая владычица его сердца.

Белка торжественно улынулась и сделала шаг навстречу.

Таррэн не знал, сколько усилий приложила Мирена, чтобы уговорить ее надеть это дивное платье из серебристого шелка. Не догадывался, сколько времени умелые швеи потратили, чтобы искусно спрятать те участки кожи, на которых огнем горели страшные руны, но при этом оставить свободным то, что Белка с гордостью сейчас демонстрировала обомлевшим от изумления эльфам. Он даже не предполагал, что она сумеет воплотить этот трепетный и удивительно чувственный образ, когда летящая длинная юбка при каждом шаге нескромно обнажала стройные бедра, а волосы тяжелой волной укрывали обнаженные плечи. Но она не просто вжилась в этот образ. Она держалась так, будто родилась именно такой — величественной, неотразимой и абсолютно неприступной. И Таррэн замер от восторга, бессовестно пожирая свою пару глазами. А когда она наконец приблизилась, негромко цокая острыми каблучками, только и смог, что благоговейно опуститься перед ней на одно колено и трепетно коснуться губами изящных пальчиков.

— Мрр, — неслышно мурлыкнула Белка, когда ее окатило волной искреннего восхищения. — Пожалуй, я выпрошу у Мирены это платье для дома. И если вдруг пожелаю устроить себе маленький праздник, буду изредка надевать. Не возражаешь?

Эльф мотнул головой, все еще пытаясь обрести дар речи, а Гончая победно расхохоталась.

— Дорогая, ты слышала? Ему нравится! Думаю, у нас получился неплохой сюрприз. Правда, рыжий?

Вал восторженно закивал.

— Ты чудесно выглядишь, Бел, — галантно поклонился Элиар. — Честное слово, я сражен. Никогда не думал, что хоть раз в жизни увижу тебя такой.

— Мм, — улынулась Белка, кокетливо пожав плечиком. — Не очень это удобно при моей работе, но если вот он...

Таррэн, поднявшись, незаметно обвил рукой ее талию.

— Будет каждый раз смотреть на меня такими глазами, я, пожалуй, постараюсь надевать платья почаще. Кстати, Мирена, ты не передумала?

Эльфийка прикусила губу и, покосившись на Линнувиэля, покачала головой.

— Ну смотри. Руны — дело такое: чуть промажешь или ошибешься с линией, и привет. Да и татуировка тебе предстоит хлопотная — подробная, что самое противное, и большая.

— Нет, — твердо повторила эльфийка. — Если единственная причина, по которой я должна отказаться от мужчины, которого люблю, это его «Огонь жизни», то я сделаю все, чтобы через это перешагнуть. Вот только... можно я тебя еще кое о чем попрошу?

Мирена неожиданно смущенно порозовела и, нагнувшись к самому уху Гончей, что-то неслышно шепнула.

— Что? — расхохоталась Белка. — Ты серьезно?

Эльфийка покосилась на хранителя и быстро кивнула.

— А ему ты об этом сказала? Нет? Ну ты даешь! — искренне рассмеялась Гончая, а подметив нахмуренные брови мага, вдруг погрозила пальчиком. — Э нет. Тебе мы пока ничего не скажем. Одно могу пообещать — после того как мы закончим, твой огонь не причинит ей вреда. Конечно, если бы ты сразу объяснил, почему посмел обидеть леди отказом, все было бы проще, потому что, к счастью, нам с Таррэнном известен способ избавления от проклятия рода Л'аэртэ. Более того, вы не просто сможете быть вместе и никогда не пораните друг друга, но и с наследниками проблем не испытаете. А вот то, что я пообещала ей в обмен на это платье... пусть останется между нами, девочками.

Эльфийка порозовела еще больше.

— Да брось, Линни, не дуйся, — загадочно улыбнулась Гончая. — Могу поклясться, что ты будешь в восторге. Но пока придется помучиться — я не собираюсь портить подруге сюрприз.

— Хорошо, — покорно вздохнул Линнувиэль, сжимая руку своей избранницы. — Раз ты обещаешь нам помочь, то я на все согласен. Даже на сюрпризы. Надеюсь, речь не идет о том, чтобы сделать меня евнухом?

— Нет, конечно! Иначе какая с вас потом свадьба?

— Тогда я спокоен.

— Боюсь, это ненадолго, — хихикнула в кулачок Белка и вдруг обернулась. — Вал? Тебе уже сказали про Аккмал?

— Да, — помрачнел Валлин, пригладив вихрастую макушку. — Похоже, придется мне немного задержаться. Отцу вряд ли понравится новость, что по моей вине случился тот пожар.

— Вина была моя, — поправил его Тир. — Не специально, конечно, но все-таки. Я только не понял, чего ты киснешь? Тебе же трон предлагают!

— То-то ты так рьяно отказывался!

— Я — другое дело.

— Я тоже, — страдальчески поморщился рыжий. — Для этого знания нужны, желание, помощников целая куча. Я слишком давно этим не занимался!

— Ну и что? Вспомнишь, — пожал плечами Тир. — В конце концов, у твоего отца наверняка найдется человек, который в этом хорошо разбирается. Вот у него и поучись.

— Разбирается, говоришь? — откровенно задумался Вал. — А что? Это идея... есть там один такой тип, который на меня похож. Если подправить кое-что, Робсила к этому привлечь, амулет нужный нацепить, подучить и поднатаскать в политике... Старик же знает, что я и трон несовместимы. Отец никогда дураком не был. Ну подумаешь, на коронации покажусь. Пару неделек покручусь как-нибудь, а потом...

— Ты неисправим, — покачал головой Таррэн. — Хотя в чем-то, может, и прав. Я бы на месте Мирдаиса тебя и на пушечный выстрел не подпустил к дворцу.

— А мне многого не надо. Мне и в пределах хорошо.

— Значит, домой с нами не вернешься? — уточнила Белка.

— Вернусь. Только сначала в Аккмал загляну, чтобы отец знал, что я жив. Кое-какие дела улажу, а потом сразу домой. Надо же Шранка кому-то развлекать? Литуру компанию в кости составить, Кузнечика, опять же, попинать, с Мухой поспорить... так что вернусь. Куда ж я денусь?

— Жаль, — лицемерно вздохнул Таррэн. — Я уж думал, мы от тебя хоть на время избавимся.

— Не дождетесь! Все равно вернусь, чтобы испортить кому-нибудь настроение! — гордо подбоченился рыжий.

— Сын мой... — приблизился к спорщикам владыка Тирриниэль.

Таррэн удивленно обернулся, потому что совсем не заметил, когда отец успел к ним подкрасться. За последние дни он полностью восстановился как физически, так и магически. Ну, только волосы седыми остались. Охотно брался за меч, тренируясь с настойчивостью, которой давно в себе не замечал. С радостью возился с внуками. Но, узнав о том, что сын все-таки скоро уезжает, неожиданно стал задумчивым и тихим.

При виде владыки Таррэн церемонно поклонился.

— Отец?

— Не хотел вам мешать, но скоро наступит полночь, поэтому я должен спросить... — Тирриниэль испытующе посмотрел на сына и его пару, на заинтересованно придвинувшихся Тира и Милле. — Не желал бы ты

прервать отречение? Не хотел бы вернуться в род вместе с детьми и супругой? Сейчас подходящее время — день летнего солнцестояния, полночь, когда наша магия наиболее сильна, а родовой ясень наиболее благосклонен. Вы скоро покинете лес, и я не знаю, вернетесь ли когда-либо вообще. Я даже не буду знать, где вы и что с детьми. Живы ли? В порядке? Здоровы ли или вам понадобится помощь? Поэтому и предлагаю попробовать. Всем вместе, сегодня, сейчас. Если, конечно, вы мне верите.

— Вернуться в род? — озадаченно кашлянула Белка. — Ну, знаешь... я не уверена, что твой ясень меня примет. Талларен, конечно, был очень щедр, но по рождению я все-таки человек.

— Наши мечи тоже не терпят смешанной крови, — возразил владыка. — Однако ты не просто ими пользуешься — они признают тебя полноценной хозяйкой. В тебе осталось слишком мало от смертной, да и близость к амулету Изияра сказалась... не думаю, что ясень от тебя откажется. А уж Тира и Милле он должен принять без оговорок.

Таррэн нахмурился.

— Отец, возвращение — долгий ритуал. Даже если мы согласимся, нам придется задержаться на несколько дней.

— Я почти закончил обряд. Вам осталось только отдать по капле вашей крови, и он будет завершен. Это не потребует много времени.

— Дед, когда ты успел?! — удивленно округлил глаза Тир.

— Ночами, — улыбнулся Тирриниэль. — Раз уж я тебя долго не увижу, хочу хотя бы на ветку твою иногда смотреть. Я буду скучать по вам и хочу видеть хоть что-то, что станет напоминать о том, что вы здесь действительно были.

Белка снова хмыкнула.

— Вот чуяло мое сердце, что ты что-то задумал!

— Ты против? — мягко спросил владыка.

— В общем-то... нет. Дети?

— Да! — хором воскликнули Тир и Мелисса. — Мы согласны!

— Таррэн?

— А ты уверена, что это — хорошая идея? — с сомнением покосился на свою пару молодой лорд. — Все-таки два века прошло.

Белка пожала плечами.

— Что двести лет, что тысяча. Не думаю, что волшебную деревяшку заботят такие мелочи. Главное — твое желание и твоя кровь. С кровью проблем не возникнет, потому что из всех потомков Изияра ты к нему наиболее близок. А что касается остального... ты ведь планируешь вернуться? С отцом вы разногласия, как я понимаю, если не уладили, то

почти уладили. Поспорить ты тоже любишь, а он как нельзя лучше для этого подходит. Мелиссе надо будет кое-какие вещи освоить у коренных эльфиек, раз уж ее угораздило влюбиться в Эла. Да и Тиру некоторые заклинания использовать лучше не дома, где мне еще дороги наши стены, а в священной роще, где магией пропитан каждый листок и где можно не бояться уничтожить половину Лиары. Ведь так?

Тирриниэль радостно вздрогнул.

— Мама, мы правда вернемся? — неверяще распахнула глаза Мелисса.

— Ну, если не хотите, можем и дома все оставшуюся жизнь провести.

— Белка! — пораженно замер Таррэн. — Ты что, собираешься?..

— Тирриниэль, как насчет следующей весны? — спокойно поинтересовалась Белка, на что владыка эльфов торопливо кивнул. — Значит, так и сделаем. Только вот этот белобрысый тип наверняка придет с нами, да и кошки не согласятся скучать в одиночестве, так что заранее готовь большой дом, чистое озеро, целую кучу угощения и праздничный фейерверк. И свадьбу нового хранителя заодно!

Мирена смущенно зарделась и крепче прижалась к своему избраннику.

— Что ты ей наобещала? — неслышно шепнул Таррэн, подметив победную улыбку на губах эльфийки.

— Ничего особенного. Просто мы нарисуем на ней не только защиту от огня, но и еще пару славных черточек, которые не позволят Линнувиэлю о ней забыть. Никогда не позволят, если ты меня понимаешь, и сделают его слегка... неадекватным в ее присутствии.

— Что? И она согласилась?

— Конечно, дурачок, — промурлыкала Гончая. — Думаешь, нам не нравится, когда от нас сходят с ума? Думаешь, нам не льстит, что любимый мужчина буквально сгорает от одного-единственного взгляда? Конечно, так на нее будет реагировать только Линни — второй измененной я не допущу. Зато они смогут пробыть вместе гораздо дольше, чем у вас обычно получается, и все это время будут желать друг друга так же, как и в первый день. А чтобы Мирена не зазнавалась, я ей оставлю одну уязвимую точку. И по секрету намекну об этом нашему хранителю, чтобы он всегда знал, как ее остановить. Или не останавливать, если пожелает.

— Чудовище... — простонал эльф, прижимая к себе эту коварную кошку. — Какое же ты у меня чудовище!

— Ужасное, — согласилась Белка, счастливо жмурясь. — Но ты все равно меня любишь.

— Больше жизни. Надеюсь, ты уже освободила его от уз?

— На Торка мне сдался еще один темный? Мне и твоего темперамента

хватает, хотя меня специально меняли под твои безграничные возможности и о-о-чень высокие аппетиты.

— Тогда... если ты не передумала, конечно...

— Не имею привычки отказываться от своего слова. Только если меня тут обидят, имей в виду: развалю все чертоги по веточке.

— Я знаю, — ласково поцеловал ее эльф. — Сам их развалю, если они тебя поранят. Отец, у тебя все готово?

— Давно, — немедленно кивнул Тирриниэль.

— Ладно, давай попробуем, — вздохнул Таррэн, подходя к деревянному трону и задумчиво глядя на повисшую над ним ясеневую ветку. — Все как прежде — девять кругов, девять жизней...

Он осторожно коснулся одной из веток, что оказалась начисто срезана эльфийским клинком. Сейчас на этом месте красовалась поджившая рана — старая, чистая, с капельками смолы на ровном срезе.

— Вот это была моей... Она еще теплая. А это осталось от Талларена.

— Погодите-ка, Таррэн... так это и есть ваш ясень?! — неожиданно громко уточнил Вал. — Такой маленький? Я думал, он в роще стоит, за семью замками! Громадный и вообще... а оно... Таррэн, это не смешно!

— Я и не смеюсь, — рассеянно отозвался эльф, медленно поглаживая дерево, которое сам когда-то ранил. — Мы никогда не показывали этого смертным. На самом деле родовой ясень — это не дерево. Вернее, не просто дерево, а все вокруг: наш лес, чертоги, стены и листья... он везде, в каждом корне. Он — это мы, Вал. Именно поэтому ни один эльф не срубит живую ветку и не сорвет красивый цветок. Мы едины с ним, а он чувствует и понимает нас. Просто у магов общаться с ним получает гораздо легче, чем у остальных. Для этого, собственно, и нужны хранители: они черпают в ясене силу и возвращают ее обратно всякий раз, когда отпускают свой огонь на свободу.

— А это? — ошарашенно моргнул Вал, глядя на скромную, но величественную ветвь, осеняющую деревянный трон, будто роскошной короной.

— Это всего лишь наш род, — коротко отозвался Таррэн. — Все мужчины, что рождались на свет после смерти Изиара. Древо жизни, если хочешь. Силы в нем особой нет, но по нему можно проследить всю нашу династию. Вот тот участок, что обгорел, принадлежал моему брату, а этот... его я срезал сам, когда отрекся.

Неожиданно решившись, эльф закатал рукав и полоснул по запястью ножом. Там немедленно выступило несколько капелек крови, которые он осторожно подхватил и бережно втер в обрезанную под самый корень

ветвь.

Некоторое время ничего не происходило. Однако через бесконечно долгую минуту, в течение которой присутствующие с замиранием сердца следили за неподвижной веткой, но чертогам прошел взволнованный гул, сперва неуверенный. Его бы и не заметили, если бы в зале не царило напряженное молчание и если бы все без исключения уши не были повернуты в сторону трона. Но гул постепенно нарастал, становился явственнее, сильнее. Потом ощутимо задрожал пол, трава прижалась к земле, как от порыва ветра. Волосы собравшихся в зале эльфов взъерошил невесть откуда взявшийся вихрь, а потом, наконец, деревянный трон дрогнул.

Таррэн удивленно отступил, когда на безупречно ровном спиле, сделанном им более двухсот лет назад, неожиданно появился крохотный зеленый росток. Поначалу маленький, неуверенный, но с каждой секундой он набирал силу и быстро вытягивался в сторону вернувшегo хозяина. Затем он покрылся корой, удлинился до размеров эльфийского клинка, на короткое мгновение замер. А потом вдруг выпустил наружу изумрудные листочки.

— Он тебя принял, — улыбнулся владыка Л'аэртэ. — Ты снова дома, сын мой.

Таррэн бережно коснулся своей ветви и благодарно прикрыл глаза, всем существом чувствуя, что его действительно простили, обласкали, как блудного, но любимого сына. И это принесло в его душу долгожданный покой, которого, как оказалось, там так не хватало.

— Можно я тоже попробую? — шепотом спросил Тир, выжидательно глядя на отца и деда.

Тирриниэль с улыбкой кивнул и с нескрываемой гордостью осмотрел вторую ветвь, отросшую на ясене у основания той, что была заново дарована его сыну. У ветки Тира оказалась более тонкая основа, чем у ветки блаженно жмурающегося Таррэна, но владыка знал, что с каждым прожитым годом она будет становиться все сильнее и толще. До тех пор, пока мальчик в конце концов не достигнет пика и не станет совершеннолетним дважды. Но и потом она будет украшать древо жизни рода, красноречиво демонстрируя, что дом Л'аэртэ снова жив и могуч и что у него теперь есть надежда на будущее.

Мелисса подошла к брату совсем неслышно и собралась попросить у него нож, но крови не потребовалось: едва ее пальчики коснулись коры, как крона ясеня снова заволновалась. Причем если в первый раз это выглядело пугающе, то сейчас все с нетерпением замерли, откуда-то зная, что

случится нечто необычное, непредвиденное. То, чего еще никогда раньше не было.

И ясень не обманул ожиданий: под дружный вздох рядом с веткой Тира появился еще один росток, такой же тонкий и трепетный. Вытянулся струной, задрожал, прильнул доверчиво к отцовской ветви. А затем вся остальная крона, странно зашелестев, вдруг расцвела крупными, яркими, поразительной красоты цветами. Такими же белыми, как ее длинное платье. И такими же нежными, как ее чистая душа.

— Боже... — судорожно вздохнул Линнувиэль.

— Она наша. — Тирриниэль горящим взглядом посмотрел на ясень. — Первая за девять эпох... *наша!*

Мелисса смущенно потупилась и юркнула за спину отца. После чего стрельнула глазами по сторонам, но ощутила ласковое прикосновение к щеке и порывисто прижалась к Элиару.

— Ты не против?

— Нет, конечно, — с улыбкой шепнул светлый эльф, осторожно касаясь губами ее макушки. — Если тебе нравится быть частью рода, значит, и я не возражаю.

Она благодарно сжала его руку и лукаво покосилась на Белку.

— Мама, твоя очередь. Осталась только ты.

Таррэн и Тирриниэль вопросительно обернулись, Тир гордо выпрямился, ни капли не сомневаясь, что ее примут. Элиар вообще перестал что-либо замечать — близость Мелиссы сделала его не только счастливым, но и на редкость невнимательным. И только Шранк насторожился, решив про себя, что для вожака этот вызов может стать гораздо серьезнее, чем все прожитые годы. И, как ни странно, оказался прав, потому что суровая и непримиримая Гончая неожиданно заколебалась.

— Если не хочешь, не делай, — немедленно понял ее сомнения Таррэн, но Белка медленно покачала головой.

Она и так слишком долго сомневалась. Сравнивала себя с перворожденными. Раздумывала и размышляла, старательно гоня от себя подленькую мысль, что если бы не руны, если бы не проклятая магия...

— Я люблю тебя, мой бельчонок, — тихо шепнул эльф, коснувшись губами ее затылка. — Ты принадлежишь мне так же, как я принадлежу тебе. До самой смерти. Забудь о рунах, забудь о магии, забудь о том, кем ты была. Помни лишь то, что я люблю тебя и отдал тебе свою душу задолго до того, как подарил родовой перстень. Ты моя. Никогда не забывай об этом. Всегда только моя.

Белка отстранилась, ласково провела пальцами по гладкой щеке мужа и быстро шагнула вперед, на ходу доставая из складок платья прятанный там клинок. Капли ее крови легким узором легли поверх зеленой листвы родового ясеня Л'аэртэ. Медленно соскользнули по ветви Таррэна, отчего-то окрашивая ее в рыжеватый оттенок. Затем по деревянному трону пробежала новая дрожь. Вокруг среза, оставленного им более двух веков назад, взбугрилась кора, а затем оттуда стремительно выскользнул тонкий, гибкий, как лоза, удивительно изящный росток, который мгновенно обвил основной ствол, как руки любимой женщины. С нежностью обогнул веточки Тира и Милле, обнял и их, после чего распустился нежно-салатовыми лепестками и счастливо застыл, невесомо покачивая всеми своими изящными кончиками.

— Наша, — с гордостью повторил владыка Л'аэртэ, когда все немного успокоилось, а удивленная таким исходом Гончая расслабила напряженные плечи. — Я даже не сомневался.

Таррэн с чувством обнял свою чудесную пару и невесомо коснулся губами ее щеки.

— Моя, — тихо шепнул возле самого уха, и Белка слабо улыбнулась: конечно, его.

Теперь наконец и у нее есть свой собственный род. Может, не самый лучший, но здесь, в чертогах, отныне ее всегда будут ждать. И если случится беда, если потребуются помощь, то здесь, в средоточии мощи темного владыки, в этом зале и всюду, куда только смогут достать ветви родового ясеня... ее всегда будет ждать такой же теплый прием, как сейчас.

— Эй, а это еще не все! — с каким-то ненормальным азартом воскликнул вдруг рыжий, заставив присутствующих удивленно обернуться. — Смотрите, там еще что-то растет!

— Где? — встрепнулся Тирриниэль.

— Да вон же! Рядом с Белкиной веткой!

— Не вижу, — нахмурился Линнувиэль.

— Да вон же! Никак... еще один? Эй, что за дела?!

Белка подняла глаза и обомлела. Рыжий был прав, потому что возле ростка ее сына в самом деле творилось что-то непонятное. Кора в том месте все еще шевелилась, беспокоилась. Неуверенно тужилась и тихонько скрипела, словно пыталась не выпустить наружу что-то новое. Но это «что-то» все равно оказалось сильнее и спустя пару томительных минут ожидания, поднабравшись сил, все-таки справилось. Пробилось еще одним тоненьким, крохотным, но уже очень упрямым росточком. Таким же, как все мужчины в древнем роде Л'аэртэ.

Гончая тихо ахнула и прижала руку к животу.

— Белка! — охнул Таррэн, с внезапным пониманием обернувшись к супруге. — Белка, ты что?..

— Оп-па. — Она растерянно подняла глаза на мужа. — Кажется, ты не зря спалил тот лесок... И твой яшень каким-то образом это почувствовал. Потому что, если верить ему, у Тира скоро появится еще один братик. И мы не нарушим старую традицию твоего рода, в котором у каждого мужчины Л'аэртэ всегда рождалось двое сыновей. Мама дорогая... что ж я с вами делать-то буду со всеми?

— Белка!

— Мама!

Таррэн порывисто обнял супругу, прервав на полуслове, потому что такого чудесного подарка сегодня не ждал. Не думал, не гадал, не надеялся даже, что это вскоре случится. Особенно после того, как завертелась вся эта неприятная история с Уходом.

Владыка эльфов в немом изумлении уставился на смущенно потупившуюся Белку, которая совершенно неожиданно залилась румянцем. После стольких лет, после Тира и Милле она все равно порозовела, словно в первый раз. А Таррэн... Тирриниэль не знал, что когда-нибудь увидит на его лице выражение такого счастья. Немного сумасшедшего, диковатого, но настолько искреннего, что мудрый маг ни на миг не усомнился: в этой семье всегда будут рады каждому родившемуся малышу. А потом увидел восторженно рычащих хмер, что со всех ног кинулись к своей обожаемой хозяйке, проследил за тем, как выются они вокруг его сына и Белки, как счастливо переглянулись Тир и Милле, и понял, что они действительно будут безумно рады. И розовощекому карапузу, и клыкастому монстрику с ядовитыми зубками в пасти. Потому что в большой стае только так и может быть: они — одно целое, они едины. И так будет до тех пор, пока они живы.

Тирриниэль улыбнулся, когда от избытка чувств получил когтистой лапой по спине, и искренне понадеялся, что когда-нибудь тоже сможет войти в этот узкий круг. В семью, если точнее. В свою семью, потому что никогда прежде не знал, что она может принести столько счастья. И лишь теперь осознал, что настоящая семья не сделает его уязвимым. Не предаст. Не обманет. Не бросит и не оставит в беде. Лишь станет год за годом наполнять его новыми силами, уверенностью, безудержной радостью и сознанием того, что он не одинок. Странно, но сейчас это показалось ему невероятно важным.

Тирриниэль собирался еще поразмыслить на эту тему. Пусть не

сегодня, когда радость так велика, а немного позже. Когда все успокоится, народ уgomонится, Таррэн все-таки покинет чертоги, а потрепанные нервы взбудораженного последними событиями эльфийского народа больше не будут страдать от близости его четвероногой стаи.

Владыка с улыбкой проводил глазами резвящуюся и смеющуюся молодежь. Вежливо посторонился, пропуская игриво настроенных кошек, ободряюще кивнул Элиару и уже развернулся, чтобы уйти... как вдруг неподалеку раздался негромкий, хрипловатый и весьма глубокомысленный голос, в котором звучало торжество кладоискателя, долго бившегося над загадкой пропавших сокровищ, но нашедшего наконец ответ на свой самый главный вопрос.

Шранк довольно хмыкнул и, радостно потерев ладони, пробормотал:

— Вот ведь ушастый мерзавец! Своего, мол, расти... не мог сразу сказать, что уже давно подумывал о прибавлении! Тайны тут развел, понимаешь! Но теперь врешь — не получится больше молчать, потому что я понял наконец, зачем ты отправил домой столько орехов!

---

notes

Примечания

1

Стихи Александры Лисиной.

Певчая птица. — *Здесь и далее примеч. авт.*

3

Хищная птица, коренной обитатель Проклятого леса.

4

Заклинание, помогающее избавиться от нежелательных воспоминаний.

Селърил — один из воинских чинов в Светлом лесу.

Свила — лесное убежище, в котором можно укрыться на ночь.

«*Зеленый лист*» — боевое заклинание из арсенала светлых эльфов.

Наследник.